

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ЧитГУ)

ВЕСТНИК

**ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 3 (54)**

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

ЧИТА 2009

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер:
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском
индексе научного цитирования
(РИНЦ)

Периодичность издания: 6 раз в год

Научные направления журнала,
рекомендованные ВАК РФ для пуб-
ликации результатов исследований
на соискание ученой степени канди-
дата и доктора наук: *искусствоведе-
ние, культурология, науки о земле,
педагогика, политология, право,
психология, филология, философия*

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом
отделении. Подписной индекс по
федеральному почтовому Объеди-
ненному каталогу Пресса России и
интернет-каталогу «Российская пе-
риодика» www.palt.ru: 82102.

Подписка осуществляется и через
редакцию. Также журнал можно при-
обрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-69-06
E-mail: rik@chitgu.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в
научном журнале «Вестник ЧитГУ»
являются авторскими и защищены
соответствующими правами. Пере-
вод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную,
возможны только с письменного раз-
решения Редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте к
главному редактору по электронной
почте, либо по почтовому адресу:
672039, г. Чита, ул. Александро-За-
водская, 30, «Вестник ЧитГУ»

*Мнение редакции не всегда совпада-
ет с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответ-
ствует качеству представленных
оригиналов*

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю. Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор,
ректор ЧитГУ;
- Мальшев Е. А.** – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент,
проректор по научной и инновационной
работе ЧитГУ;
- Романова Н. П.** – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
- Эпова Т. А.** – литературный редактор;
- Витовская М. А.** – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю. Н. Резник, д-р. техн. на-
ук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского
государственного университета.

Члены редакционного совета: *Н.А. Абрамова, д-р филос. наук,
профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита),
И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-
р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита),
И.П. Глазырина, д-р эконо. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов,
канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, канд. техн.
наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор
(Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный
работник высшей школы РФ (Чита), В.И. Летунов, канд. техн.
наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, про-
фессор (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н.
Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новоси-
бирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), А.Б.
Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р со-
циол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Акаде-
мии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук,
профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент
(Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Ту-
таренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н.
Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, к. физ-
мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор
(Чита).*

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

**Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-
издательского совета ЧитГУ.**

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 3 (54). – Чита: ЧитГУ, 2009. – 233 с.
Chita State University Journal. № 3 (54). – Chita St. Univ. Pr. 2009.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели! Очередной номер продолжает вас радовать наличием большого количества статей по различным научным направлениям. Мы, как всегда, постарались скомпоновать номер так, чтобы он представлял интерес для молодых, начинающих ученых и для известных в своей области исследователей.

Критерием оценки вклада соискателя ученой степени в науку являются его публикации в реферируемых журналах. Другой важный критерий в оценке качества деятельности соискателя, да и вообще члена научного сообщества, – цитирование его статей. Поскольку публикацию относят к общественной форме отчета о проделанной работе, форма, которая в век Интернета становится максимально доступной, степень полезности публикации и ее признания научным сообществом и определяют по цитированию журнальной статьи.

Научный журнал «Вестник Читинского государственного университета» стремится получить и укрепить признание научного сообщества не только в нашей стране, но и за рубежом. Для этого идет систематическая работа над повышением качества публикаций, которое, в свою очередь, зависит от уровня выполнения эксперимента, актуальности тематики исследования и т.д. Эти критерии являются базовыми при включении журнала в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук».

В такой ситуации роль эксперта-рецензента статьи особенно важна. Строгая система рецензирования, при которой аргументированно отклоняется определенная доля поступающих рукописей, становится нормой. И, вместе с тем, это позволяет обеспечить пополнение редакционного портфеля публикациями высокого уровня. Редакция и научные сотрудники журнала «Вестник Читинского государственного университета» стремятся сделать ваш труд максимально востребованным, а содержание каждого номера разноплановым.

Желаю вам приятного чтения!

Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор,
ректор ЧитГУ, заслуженный деятель науки

Юбилейные даты

К 60-летию

Министра образования, науки и молодежной политики Забайкальского края, Президента Забайкальского отделения Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ), доктора технических наук, профессора Константина Ивановича Карасева

16 апреля 2009 г. исполнилось 60 лет со дня рождения Министра образования, науки и молодежной политики Забайкальского края, Президента Забайкальского отделения Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности (МАНЭБ), доктора технических наук, профессора Константина Ивановича Карасева.

Константин Иванович – коренной забайкалец. Он родился в поселке Яблоново Читинского района Читинской области. После окончания в 1971 г. Иркутского политехнического института и службы в армии Константин Иванович начал свою трудовую деятельность в Читинском политехническом институте, где прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой химии и проректора по учебной работе.

Научная деятельность К.И. Карасева направлена на решение актуальных проблем экологии горного производства и природопользования на базе разработки и внедрения прогрессивных коллоидно-химических технологий при добыче и переработке минерального сырья. В 1980 г. К.И. Карасев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, в 1993 г. – доктора технических наук.

При его непосредственном участии и руководстве выполнено 12 научно-исследовательских работ, подготовлено и издано три отраслевых методических рекомендации и около 100 статей по проблемам технологии золотодобычи, устойчивости дисперсных систем при обогащении руд и оптимизации учебного процесса в технических вузах. Им получено 20 авторских свидетельств на изобретения.

За время работы К.И. Карасева проректором по учебной работе Читинского политехнического института вуз был аттестован, получил статус технического университета, перешел на прогрессивную трехуровневую систему подготовки кадров (бакалавр-инженер-магистр), установил международные контакты в области высшего образования.

В 1997 г. Константин Иванович был назначен заместителем Главы администрации Читинской области по общему, профессиональному образованию, науке и молодежной политике. За время работы в Администрации Читинской области он показал себя умелым, инициативным руководителем, хорошим администратором, реализующим основную задачу – формирование единой образовательной политики, соответствующей социальному и эконо-

мическому развитию области. Под его непосредственным руководством произошло усиление правового регулирования образовательного и научного процессов. Он явился разработчиком ряда законопроектов области в сфере образования, направленных на реформирование и модернизацию образования. Были приняты законы Читинской области «Об образовании», «О науке и научно-технической политике», разработаны и утверждены программы «Молодежь Забайкалья» и «Дети Забайкалья», а также ряд важнейших постановлений, позволяющих сохранять и развивать образовательную систему области. Под его руководством заметно активизировалось молодежное общественное движение, создана Ассоциация студенческих организаций.

В 2008 г. Константин Иванович был назначен Министром образования, науки и молодежной политики Забайкальского края.

В связи с тем, что в Забайкальском регионе все острее ощущается дефицит квалифицированных кадров рабочих специальностей, особое внимание в своей работе Константин Иванович уделяет совершенствованию системы профессионально-технического образования, расширению сети учреждений среднего и среднего специального образования, внедрению новых альтернативных форм обучения, где молодые люди могли бы полу-

чить квалификацию и соответствующую адаптацию к условиям рынка.

К.И. Карасев принимает активное участие в деятельности научных и общественных организаций: является заведующим кафедрой химии Читинского государственного университета, Президентом Забайкальского отделения Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, членом-корреспондентом Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук, членом ученого совета ЧитГУ и двух советов по защите докторских диссертаций. Он возглавляет краевые советы по науке, региональной образовательной политике, по делам молодежи.

За плодотворную научную и общественную деятельность К.И. Карасев награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего образования России», орденом МАНЭБ «Звезда Ученого» и медалью им. М.В. Ломоносова «За вклад в экологию и безопасность».

Научно-образовательная общественность Забайкальского края и Президиум Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности поздравляют Константина Ивановича Карасева с юбилеем, желают ему крепкого здоровья, творческих успехов, счастья и благополучия!

И.А. Бондарь, *помощник ректора*

Культурология

УДК 130.1

Зенкова Татьяна Леонидовна
Zenkova Tatyana

ЦЕННОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЛИГИОЗНОЙ И НРАВСТВЕННОЙ КАРТИН МИРА В АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

VALUE CHARACTERISTICS OF RELIGIOUS AND MORAL PICTURE OF THE WORLD IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL CULTURE STUDY

Рассматриваются пути изучения духовной культуры, анализируются ее составляющие: нравственная и религиозная картины мира, осмысливаются образующие их категории

The ways of spiritual culture study are considered in this article. There is also an analysis of its constituents: moral and religious picture of the world, and categories which comprise them

Ключевые слова: духовная культура, религия, нравственность, картина мира, ценность

Key words: spiritual culture, religion, morality, picture of the world, value

Проблемы человечества и отдельно взятой личности всегда были в центре внимания гуманитарного знания. На разных этапах своего развития освещались различные грани обозначенной проблемы. В условиях современного глобализирующегося мира можно наблюдать падение духовности, которое выражается в отчуждении человека от традиционных установок, духовных ценностей и нравственных ориентиров. Современный философ М. Блюменкранц справедливо заметил, что «культура, как духовное самостроительство человека, творчество как метафизическая миссия и задача, сменяются культурой как эффективным средством бегства от себя и от мира, культурой, как общедоступными радостями фантомного бытия» (1; С. 162). В связи со сложившейся ситуацией появляется все больше работ по исследованию и изучению духовной культуры в различных областях знаний.

Основой духовной культуры является социальное бытие человека, а воплощается она в философских взглядах, религиозных представлениях, эстетических идеалах, нравственных ценностях и нормах. Исследователи в области лингвокультурологии В.П. Даниленко и Л.В. Даниленко в своей книге «Основы духовной культуры в картинах мира» среди компонентов духовной культуры различают религию, науку, искусство, нравственность, политику и язык, которые, по их мнению, изучаются соответствующими науками и отображаются в разных картинах мира: религиозной, научной, художественной, нравственной, политической и языковой (2; С. 6).

В данной статье рассматриваются различные подходы к изучению духовной культуры в сфере гуманитарного знания, а именно, через ценностные категории религиозной и нравственной картин мира, а также различные

точки зрения по данной проблематике в разные исторические временные отрезки.

Многочисленны и многообразны подходы к пониманию духовной культуры. Так, знаменитые философы XVIII в. Н. Гельвеций и П. Гольбах отмечали, что духовная культура – это продукт духовной деятельности человека, закреплённый через язык.

Великий русский философ И.А. Ильин полагал, что «в основе подлинной духовной культуры лежит личная, искренняя религиозность культуросотворяющего человека» (4; С. 78). Социальный культуролог Б.С. Ерасов утверждает, что «духовная культура – это процесс и продукт духовного производства как системы по созданию, хранению, распространению и потреблению духовных ценностей, норм, знаний, представлений, значений, символов» (3; С. 88). Преодолено одностороннее представление о духовной культуре только как совокупности духовных ценностей. Она стала рассматриваться как активная творческая деятельность людей по освоению мира, как производство, хранение, распространение и потребление духовных ценностей.

В связи с разнообразием трактовок духовной культуры различны и подходы к ее изучению. Для философа источником ее изучения выступают теоретические аспекты осмысления мировоззрения. Сущность философии в том, что она позволяет теоретически осмыслить бытие, дает знания о всеобщих началах, связях, отношениях целостного и противоречивого мира. Она оперирует предельно общими, всеобщими понятиями, называемыми категориями, и осмысливает общечеловеческие духовные ценности, а потому и является всеобщей методологией научного познания и духовной культуры. Культуролог А.С. Кармин полагает, что «философия призвана и может осмыслить культуру в ее реальной целостности и полноте конкретных форм существования, в ее строении, функционировании и развитии» (5; С. 22). Для И.А. Ильина источником изучения духовной культуры послужила душа человека. Он напряженно размышлял о спасении не только

личной души, но и души русского народа (4; С. 282). Путь познания духовной культуры *культуролога* проходит через осмысление эмпирического материала.

Культурология обращается к изучению конкретных феноменов и артефактов, созданных человечеством на протяжении его истории. В познании данного материала ей помогают исторические, прикладные, вспомогательные и культурологические дисциплины. Источниками познания духовной культуры в данном контексте являются мифология, религия, искусство, художественное творчество. Культурология, как всеобъемлющая интегрирующая область знания, вбирает в себя довольно широкий диапазон материала для исследования духовной культуры и использует для этого приемы и методы граничащих с ней дисциплин.

Взгляд *социолога* на духовную культуру проходит сквозь призму общества и его структурных элементов. Социология изучает такие основные части единого человечества, как государства, классы, слои, сословия и более мелкие общественные группы по месту и роли в современном обществе. Эта наука помогает понять всю гамму духовных проявлений с учетом социальной неоднородности общества. С позиций социологии, духовная культура предстает как явление, сопутствующее развитию общественных отношений, которое коренится глубоко в самом человеке.

Психология связывает духовную культуру с душой человека и склонна видеть ее проявление как душевные порывы, переживания, обусловленные психологическими особенностями личности. Для *психолога* важна именно психическая составляющая как одна из неотъемлемых компонентов проявления духовной культуры.

Филологи изучают культуру в описательном плане, исследуя явления духовной культуры через конкретные тексты. Внимание филологии ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находится слово. Однако слово здесь рассматривается

не как носитель культуры и времени, а как структурный элемент, кирпичик текста. В XXI в. ученые-лингвисты начали изучать язык как отражение национальной духовной культуры с целью познания человека как творца культуры.

Человек как субъект познания является носителем определенной системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Эта система в разных науках имеет свое название (картина мира, концептуальная система мира, модель мира, образ мира) и рассматривается в разных аспектах.

Понятие «картина мира» выражает специфику человека и его бытие, характеризует взаимоотношения его с миром, описывает важнейшие условия его существования в мире. Для лингвокультуролога В.А. Масловой картина мира понимается как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека (8; С. 50). Для культуролога термин «картина мира» включает определенное отношение к явлениям и событиям действительности, определяемое в культуре ценностными ориентациями. Понятие «картина мира» основывается на изучении представлений человека о мире. Мир – это человек и среда в их взаимодействии; картина мира – результат переработки информации о среде и человеке.

В общей картине мира среди прочих выделяют нравственную и религиозную картины мира. Нравственная картина мира – это видение мира сквозь призму характеристик моральных и этических норм и правил. Именно в нравственной картине осуществляется отражение неосознанных духовных сущностей. Нравственная картина мира помогает человеку сформировать систему представлений об основных ценностях мироздания.

Сократ был первым среди европейских мыслителей, кто стал рассматривать культуру с нравоцентрической точки зрения, т.е. считать, что нравственный прогресс определяет развитие культуры в целом. Анализируя идеи

Сократа, подчеркнем, что главный смысл человеческой жизни он видел в нравственном самоусовершенствовании. Главный вопрос, занимавший Сократа, заключался в том, как должно жить. Превыше всего Сократ ставил следующие добродетели: *истину, справедливость, свободу, мужество и воздержанность* (2; С. 351).

Августин, величайший религиозный мыслитель всех времен и народов, усматривает высшее благо в приобщении и в служении Богу, а также в искуплении первородного греха Адама и Евы. Августин провозгласил семь добродетелей: *веру, надежду, милосердие (любовь), справедливость, мужество, умеренность и благоразумие*. Три первых из них, с его точки зрения, даются человеку Богом, а четыре остальных являются приобретенными (2; С. 355).

Особое место в осмыслении нравственной картины мира занимает эпоха Средних веков. Гуманисты Возрождения на место всемогущего Бога ставят человека. Они порывают со средневековым теоцентризмом и утверждают антропоцентризм. Высшим достижением этической мысли в эпоху Возрождения стало нравственное учение Джордано Бруно. Главный герой нравственного учения Д. Бруно – это человек-творец. Именно его он расценивал в качестве нравственного идеала. Он приписывает ему такие черты, как *любовь, гармоничность, внутренняя сосредоточенность и действенность* (2; С. 363).

Знаменитый немецкий философ Нового времени Иммануил Кант полагал, что религия служит морали. Выводимость религии из морали не снимала у него авторитет Бога, не принижала веру в него, а напротив, возвышала нравственность, поскольку он считал, что до веры в Бога может подняться только нравственный человек. Заслуга Канта состоит в выделении нравственности в особую область, в выяснении своеобразия нравственных феноменов.

В современной России сложилась непростая нравственная картина мира. Довольно интересна точка зрения культуролога и фило-

софа Е.Н. Ярковой, которая утверждает, что для современной нравственной картины мира характерна актуализация утилитарных нравственных установок. Она рассматривает утилитаризм, распространенный в современном обществе, как тип нравственности в двух аспектах – ценностном и деятельностном. В ценностном аспекте утилитаризм предстает как система ценностей и смыслов, высшей ценностью или метасмыслом которой является непосредственно ощущаемое благо человека и общества. В деятельностном подходе утилитаризм являет собой тип программ, мотиваций человеческой деятельности, в основании которых лежит специфически утилитарное отношение к миру как к средству – источнику утилитарных благ. В ценностно-смысловом пространстве утилитаризма условно можно выделить два уровня. Первый включает собственно утилитарные фиксированные ценности: *удовольствие, счастье, успех, любовь, благосостояние* и т.п. Второй уровень не включает фиксированных ценностей, а представляет собой изменяющееся в зависимости от ситуационной конъюнктуры образование: ценностно-значимым представляется все, что приносит максимальную пользу человеку и обществу (12; С. 55).

Одной из составляющих религиозной картины мира является совокупность наиболее общих религиозных представлений о мире, его происхождении, строении и будущем. Главный признак религиозной картины мира – это разделение мира на сверхъестественный и естественный, при абсолютном господстве первого над вторым (13; С. 342). Религиозное отношение к действительности позволяет людям увидеть в своей душе ее духовную основу, которая одновременно является основой мира в целом и пережить свое отношение к ней как высшую ценность, освещающую и освящающую наше бытие в нем. Древние мыслители по-разному оценивали роль религии. Эпикур видел в ней причину человеческой глупости и несчастий. Согласно Лукрецию, она оказывает пагубное воздействие на психику людей, управляя душу страхом. Платону религия каза-

лась укрепляющей государство и нравственность. Вся Средневековая этика в христианстве видела основное назначение человека в спасении его души, в вознесении ее к Богу. Причина религии, с точки зрения мыслителя О. Шпенглера, коренится в интуитивном переживании душой процесса жизни, судьбы, времени и временности бытия. Религия выступает как духовная сила, обеспечивающая целостность культуры. Она является общедоступной формой духовного развития людей и духовной силой, способствующей организации общественного порядка. Религиозные заповеди являются основой формирования нравственности в самом человеке. Их соблюдение дает возможность обретения главных человеческих чувств – *веры, надежды и любви*. В Нагорной проповеди Господь Иисус Христос называет другие духовно-этические ценности, которые являются основополагающими для христианства: *смирение, покаяние, кротость, терпение, милосердие* и др. Одной из сокровенных ценностей является *жизнь* как величайший дар Божий (9; С. 39). Таким образом, рассматривая религиозную картину мира, невозможно исключить ее нравственную составляющую. По мнению современного мыслителя С.Б. Токаревой, «духовная сила есть возникшая в результате обращенности к духовной реальности соразмерность человека с духом как надындивидуальной, идеальной сущностью, которая и задает меру человеческого в человеке» (10; С. 84). Ж. Келле утверждает, что «именно в формах нравственного сознания человек может осмыслить себя и свое бытие среди людей и вместе с людьми» (6; С. 43).

Религия и нравственность неотделимы друг от друга. Однако религия не является причиной существования морали, а выступает мощным нравообразующим фактором, под воздействием которого происходит новая самоорганизация морального мира. Современный философ А.А. Корольков считает, что «основа очеловечивания – это не только предметно-практическая орудийная деятельность, но и обретение нравственных понятий. Нрав-

ственность кристаллизуется в формах культуры, а христианство создало величайший тип культуры. Всякая культура имеет свою устремленность и свои следствия, которые не всегда совпадают. Устремленность христианства к истине, к любви, к прощению и милосердию, приобщенности к глубинам человеческой души проторила пути к нравственному совершенствованию, к очеловечиванию» (7; С. 211). На сегодняшний день, как полагает исследователь А.Н. Тришкина, религия сводится лишь к соблюдению от случая к случаю обрядов (11; С. 53). Духовные ценности вытесняются ценностями материальными, благами научно-технического прогресса. По мнению Е.Н. Ярко-вой, присущий утилитаризму потребительский подход к духовным ценностям ярко проявляется в отношении носителей утилитарной нравственности к религии. Утилитаризм продуцирует специфический, широко представленный в повседневной культуре тип религиозности – утилитарную религиозность, предполагающую

отношение к религии как средству достижения эмоционального комфорта, социального престижа. Сегодня в России с успехом прижилась система добродетелей Б. Франклина, которые далеки от добродетелей христианской этики – веры, надежды и любви. В качестве основных добродетелей Б. Франклин называл три: *трудолюбие, точное соблюдение денежных обязательств и бережливость*. В современном мире человек обречен стать потребителем и единственными ориентирами в его жизни становятся *материальное благополучие, комфорт, удовольствие и наслаждение* (9; С. 42).

Духовная культура – неотъемлемая часть жизни человека, которая волновала и волнует многих ученых разных времен, познать которую можно через ее главные составляющие: религиозную и нравственную картины мира. Их характеристики и категории, изменяющиеся на протяжении лет, безусловно, свидетельствуют об изменении и самой духовной сущности Человека как центра духовной культуры.

Литература

1. Блюменкранц, М. Глобальные проблемы современного культурологического процесса [Текст] / М. Блюменкранц // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 160-164.
2. Даниленко, В.П. Основы духовной культуры в картинах мира [Текст] / В.П. Даниленко, Л.В. Даниленко. – Иркутск: ИГУ, 1999. – 537 с.
3. Ерасов, Б.С. Социальная культурология [Текст] / Б.С. Ерасов. – М.: АО Аспект Пресс, 1994. – 384 с.
4. Ильин, И.А. О грядущей России: избранные статьи [Текст] / И.А. Ильин; – под ред. Н.П. Полторацкого. – М.: Изд-во Св.-Троицкого Монастыря, 1991. – 368 с.
5. Кармин, А.С. Культурология [Текст] / А.С. Кармин. – СПб.: Изд-во Лань, 2004. – 928 с.
6. Келле, В.Ж. Интеллектуальная и духовная составляющие культуры [Текст] / В.Ж. Келле // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 38-54.
7. Корольков, А.А. Духовная антропология [Текст] / А.А. Корольков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – 324 с.
8. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
9. Сорочик, Л.И. Система нравственных ценностей в православной этике и этике «нового сознания» [Текст] / Л.И. Сорочик // Историческая связь времен: духовность, нравственность, патриотизм: Девятые Иннокентьевские чтения: материалы науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 2. – Чита: Центр. гор. б-ка им. А.П. Чехова, 2006. – С. 38-45.
10. Токарева, С.Б. Методологические основания духовности [Текст] / С.Б. Токарева // Философия и общество. – 2005. – № 2. – С. 80-100.
11. Тришкина, А.Н. Универсализация культуры и проблема нравственности в современном российском обществе [Текст] / А.Н. Тришкина // Историческая связь времен: духовность, нравственность, патриотизм: Девятые Иннокентьевские чтения: материалы науч.-практ. конф. В 2 ч. Ч. 2. – Чита: Центр. гор. б-ка им. А. П. Чехова, 2006. – С. 52-56.
12. Яркова, Е.Н. Утилитаризм как тип нравственности: опыт концептуальной реконструкции [Текст] / Е.Н. Яркова // Вопросы философии. – 2005. – № 8. – С. 53-65.

Коротко об авторе

Briefly about author

Зенкова Т.Л., преподаватель английского языка кафедры иностранных языков, Читинская государственная медицинская академия (ЧГМА), соискатель, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
служ. тел: 35-37-89

Zenkova T., Professor of the English language, Department of Foreign Languages of Chita State Academy of Medicine, applicant of Theoretical and Applied Linguistics Department, ChSU

Научные интересы: философия культуры, когнитивная лингвистика, лингвокультурология

Scientific interests: philosophy of culture, cognitive linguistics, linguistic culture science

---

Науки о земле

УДК 622.2

Лизункин
Владимир Михайлович

Lizunkin Vladimir

Царев
Сергей Алексеевич

Tsaryov Sergey

Фёдоров
Юрий Олимпиаевич

Fyodorov Yury

**РЕНТГЕНРАДИОМЕТРИЧЕСКАЯ СЕПАРАЦИЯ – ПЕРСПЕКТИВНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗРАБОТКИ
МЕСТОРОЖДЕНИЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ**

**X-RAY RADIOMETRIC SEPARATION IS PERSPECTIVE
DIRECTION OF EFFECTIVENESS INCREASE OF MINING**

Представлен анализ применяемых в горной промышленности методов предварительного обогащения руды. Определено перспективное направление – рентгенорадиометрическая сепарация. Использование метода позволит повысить эффективность разработки месторождений полезных ископаемых и расширить сырьевую базу горнодобывающих предприятий

The article includes analysis of preparatory concentration methods used in mining. The perspective direction is determined, it is X-ray radiometric separation. The use of the method enables effectiveness increase of mining and allows to extend source of raw materials of mining enterprises

Ключевые слова: взрывная сортировка, грохочение, предварительное обогащение руды, порода, разработка месторождений, рентгенорадиометрическая сепарация, рудоразборка, тяжёлые среды

Key words: explosive assortment, screening, preparatory concentration, rock, mining, X-ray radiometric separation, sorting, heavy-media

Современные условия освоения месторождений полезных ископаемых характеризуются устойчивой тенденцией к снижению содержания полезных компонентов

в геологической руде и усложнению горно-геологических и горно-технических условий их разработки. Это приводит к ухудшению технико-экономических показателей действующих и

проектируемых горноперерабатывающих предприятий. При этом ряд месторождений вообще не вовлекается в отработку вследствие их низкой или отрицательной рентабельности.

Использование традиционных технологий добычи и обогащения не позволяет на многих месторождениях добывать руду в объёме и с качеством, обеспечивающим прибыльную работу предприятия.

Решить проблему вовлечения в освоение низкорентабельных месторождений, отвалов бедных и забалансовых руд, а также повысить эффективность работы предприятий на эксплуатируемых месторождениях возможно, как показывает практика, за счёт широкого внедрения предварительного обогащения.

В мировой и отечественной практике при разработке месторождений полезных ископаемых используются различные виды предварительного обогащения (предварительной концентрации) добываемой руды:

- ручная рудоразборка;
- сортировка на грохотах;
- разделение в тяжёлых средах;
- сортировка при взрывных работах;
- радиометрическая сортировка.

Применение сортировки добытой рудной массы определяется исключительно экономической целесообразностью и технологическими характеристиками руды. Предварительное обогащение используется на предприятиях различной производительности при добыче разнообразных полезных ископаемых, практически, с начала истории горных работ и до сегодняшнего дня. Широко использовалась ручная сортировка в сочетании с использованием грохотов вплоть до второй половины XX в. Рудник «Робинсон Дип», Южная Африка, производительность 1 400 тыс. т, содержание 8,23 г/т, отсортировывалось 16,6...25 % породы, что увеличивало содержание в руде, поступающей на переработку, на 21 %; рудник «Моро Вельхо», Бразилия, производительность 250 тыс. т, содержание 14,4 г/т, удаление 5 % пустой породы обеспечило повышение содержания в руде на 8,6 %; рудник «Чемпион Риф»,

Индия, производительность 150 тыс. т, содержание 15,3 г/т, рудоразборкой удаляется около 8 % примешанной при добыче породы, содержание в руде поднимается на 10 %; рудник «Аляска-Джюно», производительность 4 млн т, содержание 1,3 г/т, перед фабрикой отсортировывалось до 40 % пустой породы с повышением содержания в руде на 42 % и мн. др. [1].

В России на предприятиях, разрабатывающих месторождения рудного золота, редких металлов и других полезных ископаемых, использующих методы предварительного обогащения, отсортировывалось и отсортировывается 5...30 % пустой породы. На Качкарском руднике отсортировывается 5...25 %; в ГОКе «Балейзолото» рудоразборкой удалялось до 10...20 %; на Первомайском руднике 20 %, объединении «Мамслюда» до 80...85 % и др. [1, 2].

Ручная рудоразборка (сортировка) основана на разделении руды и породы по крупности куска и цветовым признакам. Хорошие результаты даёт сортировка руд, в которых минеральное вещество находится в виде крупных включений в жильной породе, например, при разработке рудных месторождений олова, вольфрама, молибдена, слюды и т.п.

Большое значение на качество процесса оказывает предварительная (перед сортировкой) обмывка рудной массы, поступающей в рудоразборку, водой.

При ручной рудосортировке, как правило, выданная руда подвергается грохочению. Мелочь проваливается сквозь ячейки грохота (класс -20, -50 мм) и идёт в руду на фабрику. Материал крупностью +25, +50 мм поступает на движущийся конвейер или вращающиеся круглые рудоразборные столы (диаметром 4...7 м), где и происходит ручная рудоразборка. Основное достоинство – простота как в техническом оснащении, так и в организации работ. Но сортировка по крупности решается более производительным и эффективным методом грохочения, а визуальная сортировка не всегда возможна при слабом или полном отсутствии различий цветовых признаков руды и

породы, особенно учитывая загрязнённость кусков горной массы. Малая производительность и низкая эффективность обуславливают всё меньшее применение данного способа предварительного обогащения.

Сортировка на грохотах применяется для выделения из общей горной массы кусков породы или бедной руды при отсутствии или существенном снижении содержания полезного компонента в кусках определённого размера. В основном это разделение создаётся искусственно при производстве взрывных работ при отработке маломощных рудных тел и вследствие природных различий руды и вмещающих пород.

При отработке маломощных рудных тел, когда мощность жилы меньше допустимой ширины (высоты) рабочего пространства, вместе с рудой отбиваются вмещающие породы. При производстве буровзрывных работ обеспечивают получение разных по крупности кусков руды и пустой породы. Сортировка может начинаться в забое рудника и целесообразна, если применяемые системы разработки допус-

кают возможность рудоразборки. Такими системами для крутопадающих жил являются система разработки с креплением и закладкой горизонтальными слоями или только с закладкой; система с отдельной отбойкой по жиле и пустой породе; система с распорной крепью при наличии полков или отдельных скатов для спуска породы. Однако вследствие неблагоприятных условий (плохая освещённость, загрязнённость, теснота очистного пространства) основной объём сортировки осуществляется на поверхности на грохотах.

Метод достаточно прост, но не позволяет контролировать содержание полезного ископаемого в отсортировываемой горной массе в процессе выполнения работ. Более широкое применение возможно и производится в сочетании с другими способами предварительного и основного обогащения.

Ручная сортировка и сортировка на грохотах часто технологически дополняют друг друга и используются совместно. При этом технологическая схема выглядит следующим образом (см. рисунок).

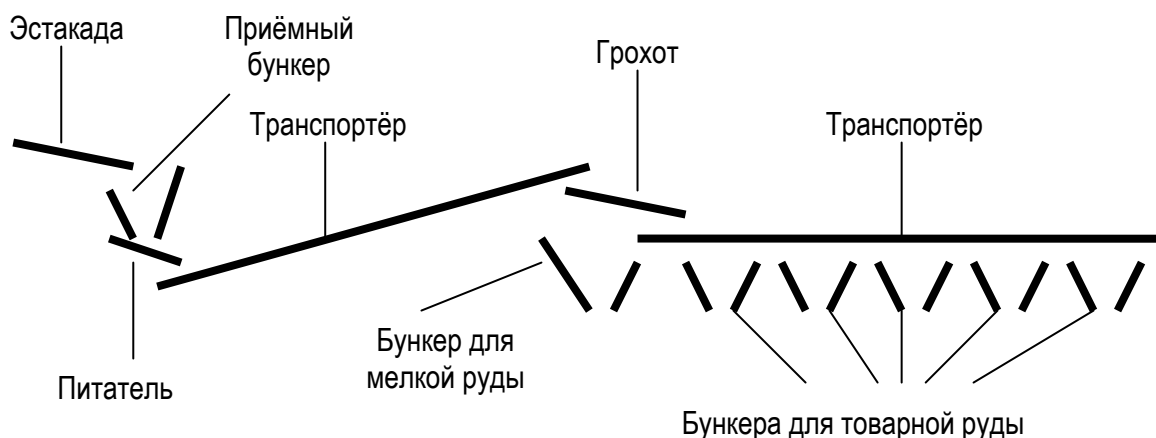

Схема рудоразборки

Доставленная на поверхность рудная масса с эстакады рудника поступает в бункер, откуда через питатель и транспортёр — на грохот (чаще вибрационный или качающийся) для отделения мелочи. Расстояние между колосниками грохота от 9 до 20...25 мм и принима-

ется в зависимости от свойств руды — сухой или мокрой, крупности, засорённости пустой породой и пр. При 20-миллиметровом грохоте и руде из маломощных сульфидных жил, вследствие хрупкости сульфидов, может отсеиваться до 40 % рудной мелочи. Содержа-

ние в ней часто на 15...20 % выше, чем в рудной массе.

Отделение примешанных в процессе добычи пустых пород от полезного ископаемого с помощью предварительного обогащения в тяжёлых средах основано на различной плотности разделяемых компонентов и тяжёлой среды. Метод может быть применён для руд чёрных и цветных металлов, фосфатных руд, строительного щебня и для всех видов твёрдых горючих ископаемых (углей, антрацитов, сланцев).

Он получил наибольшее распространение при обогащении углей. В бывшем СССР и России по объёмам уступает только процессу в отсадочных машинах, а в ряде стран является доминирующим. При разработке рудных месторождений используется как в общем обогатительном процессе на фабрике, так и для предварительной сортировки руды.

При погружении рудной массы в среду промежуточной плотности получается две фракции (осевшая и всплывшая), в одной из которых сосредотачиваются полезные минералы, а в другой – пустая порода. Сортировке подвергается материал 6...300 мм. Суспензии готовят из смеси тонкоизмельчённых твёрдых частиц и воды. Плотность суспензии регулируется концентрацией в ней утяжелителя. Для снижения вязкости и улучшения свойств суспензий используется гранулированный ферросилиций, а также вводятся специальные химические реагенты – стабилизаторы или пептизаторы [5].

Для предварительной сортировки руды метод предварительного обогащения в тяжёлых средах практически не находит применения: использование водных растворов в холодное время требует наличия отапливаемых помещений значительного объёма; относительно высокая стоимость суспензий; незначительная в большинстве случаев разница плотности руды и разубоживающих пород; повышенная экологическая опасность для окружающей среды в связи с использованием в процессе токсичных тяжёлых сред и необхо-

димость их регенерации.

Взрывосортировка производится при очистной выемке посредством применения специально разработанной технологии буро-взрывных работ. Она предусматривает максимальную концентрацию взрывчатого вещества (ВВ) в породе и минимальную в руде и последовательное их взрывание. В результате чего порода отбрасывается от забоя, а руда разрыхляется и остаётся на месте. Порода может быть оставлена в выработанном пространстве, выдана на поверхность, использована для производства закладки или в других целях. Область применения при подземной добыче та же, что и при сортировке на грохотах, описанная ранее. Вследствие необходимости постоянного контроля параметров буровзрывных работ в изменяющихся горно-геологических условиях и сложностью его использования при разработке месторождений, представленных разносортными рудами, находит весьма ограниченное применение, преимущественно при отработке пологих и наклонных жил (до 30°) [3].

Радиометрические методы сепарации основаны на использовании различных видов излучения для распознавания ценных компонентов в кусках полезных ископаемых: естественная радиоактивность, световое, рентгеновское, ядерное и электромагнитное излучения различных диапазонов. В России данное направление объединено понятием «автоматические методы покусковой сепарации руд», или «радиометрические методы обогащения» [4].

Эти методы широко распространены в урановой и алмазной промышленности. Для этого применяются радиометрические сепараторы, работающие по естественной радиоактивности и рентгенолюминесценции полезных минералов. С развитием радиометрических методов обогащения руд выделился метод *рентгенорадиометрической сепарации (PPC)*.

Метод основан на зависимости интенсивности рентгеновской флуоресценции от концентрации химического элемента в образце (в частности, в куске горной породы). При облучении исследуемого материала потоком излу-

чения рентгеновской трубки возникает характеристическое флуоресцентное излучение атомов, которое пропорционально их концентрации в образце. Излучение регистрируется детектором и с помощью счетной электроники измеряется его интенсивность. Математическая обработка спектра позволяет получать количественные и качественные данные по составу материала.

Как показали многочисленные исследования, проведенные коллективами организаций («Иргиредмет», «ВИМС», «ВНИИХТ», «Механобр», «ЦНИИолово», «ВНИИ-1», НПО «Сибцветметавтоматика», НПО «Алмаззолотоавто-

матика»), а также в последние годы ООО «РАДОС» и ООО «ТЕХНОРОС» (г. Красноярск), РРС из всех радиометрических методов предварительного обогащения оказалась наиболее высокоэффективной, самой «сухой» и применимой для разнообразных полезных ископаемых: руды цветных, редких и благородных металлов (золото и серебро, платиноиды, редкоземельные элементы, олово, уран, вольфрам, марганец, хром), боксит, кварцит, магнезит, флюорит, нефелин, силлиманит, апатит, уголь, отходы металлургических производств (шлаки, футеровка) (см. таблицу) [4].

Основные объекты внедрения технологии РРС

№ п/п	Объекты испытания и внедрения технологии РРС	Месторождение, вид руды, материала	Время внедрения, г.	Кол-во установок
1	Рудник «Холбинский», ОАО «Бурятзолото», Бурятия	Зун-Холбинское, золотосодержащие забалансовые руды	1994-1995	2
2	НГМК, (Узбекистан)	Кокпатас, золотосодержащие руды	1996-1998	4
3	ООО «Соврудник», Красноярский край	Эльдорадо, золотосодержащие руды	1999-2000, 2000-2001	2 2
4	ЗАО «Руда», Чукотка	Каральвеем, золотосодержащие руды	1999-2002	3
5	ОАО «Зун-Хада», НПО «Полиметалл», Бурятия	Барун-Холбинское, золотосодержащие руды	1999-2001	2
6	ОАО «Высочайший», Иркутская область	Верное, золотосодержащие руды	2001-2003	1
7	ОАО ТНК «Казхром», Казахстан	Туровское, марганцевые руды	2000-2001	5
8	ОАО ТНК «Казхром», Завод ферросплавов, Казахстан	Шлаки ферросплавного производства	1999-2006	7
9	ОАО «Донской ГОК», Казахстан	Хромовые руды	1999-2006	7
10	Рудник «Черемшанский», Бурятия	Черемшанское, кварциты	2001-2002	2
11	ОАО «Норильский никель», Красноярский край	Медно-никелевые руды, шлаки никелевого произ- водства	2002-2006	2
12	ОАО «СУБР», Свердловская область	Красная шапочка, бокситовые руды	2003	техноло- гия РРС

Окончание таблицы

№ п/п	Объекты испытания и внедрения технологии РРС	Месторождение, вид руды, материала	Время внедрения, г.	Кол-во установок
13	ОАО «АПРОСА», Якутия	Алмазосодержащие руды	2002	Технология РРС
14	ОАО «Гайский ГОК», Урал	Летнее, медно-цинковые руды	2003-2005	3
15	ЗАО НПК «Геотехнология»	Шануч, никелевые руды	2004-2007	4
16	ОАО «Святогор», Урал	Медно-цинковые руды	2006-2007	6
17	ООО «ППГХО», Читинская область (ныне Забайкальский край)	Стрельцовское, урановые руды	2007-2007, 2008	12
18	ООО «Хара-Шибирский сурьмяной комбинат», Читинская область (ныне Забайкальский край)	Сурьмяные руды	2007	4
19	ООО «Токурский рудник», Амурская область	Золотосодержащие руды	2007	2
20	ОАО «Гайский ГОК», Урал	Медно-цинковые руды	2007	4
21	ООО «Торгово-промышленная компания «ТЕЧЕН», Китай	Медные, молибденовые и полиметаллические руды	2007	2

Для сортировки используется в основном крупнокусковой материал, крупнее 20 мм (класс +20 мм). Для особо ценных руд и материалов нижняя граница машинных классов для сортировки может быть снижена до 3...5 мм.

Особое место в технологии РРС занимают золотосодержащие руды. Именно в этой области накоплен наибольший положительный опыт, изучено более 60 золоторудных месторождений и рудопроявлений, отработана оригинальная методология и технология.

Впервые в промышленных условиях метод рентгенорадиометрической сепарации был применён в 1994-1995 гг. на руднике «Холбинский» ОАО «Бурятзолото» и руднике «Коммунар» в Хакасии для предварительного обогащения золотосодержащих руд.

Многочисленные исследования, проведенные на различных типах золотосодержащих руд (кварцевые, сульфидные, смешанные, убогосульфидные, сланцевые и пр.), позволили установить целый ряд элементов, которые так или иначе связаны с золотом (или ассоциируются с ним).

В основном кварц и сульфидные минералы (пирит, халькопирит, сфалерит, галенит, арсенопирит, антимонит) чаще и надежней всего определяют наличие золота в куске. При этом сами эти минералы в РРС распознаются через элементы Fe, Cu, Zn, Pb, As и Sb.

Дополнительно выявлены антикоррелирующие с золотом элементы Ca, Sr, иногда Zr, Rb (элементы вмещающих пород), которые, наоборот, при наличии их в кусках сигнализи-

руют об отсутствии или малом количестве металла [4].

Таким образом, анализ известных способов предварительной сортировки показал, что для большинства руд цветных, редких и благородных металлов наиболее эффективной, экологически чистой и социально привлекательной является рентгенорадиометрическая сепарация (PPC). Данный метод позволяет при минимальных капитальных и эксплуатационных затратах отсортировать из рудной мас-

сы до 70 % пустой породы с высоким уровнем механизации и автоматизации процесса.

Однако масштабное внедрение PPC сдерживается отсутствием научно-методических основ по оценке (переоценке) разведанных запасов с учётом использования рентгенорадиометрической сепарации. Кроме того, отсутствуют рекомендации по эффективным технологиям при разработке месторождений полезных ископаемых с применением этого метода.

Литература

1. Трушков, Н.И. Разработка рудных месторождений [Текст] / Н.И. Трушков. – М.: Металлургиздат, 1947. – 546 с.

2. Ляхов, А.И. Технология разработки жильных месторождений [Текст] / А.И. Ляхов. – М.: Недра, 1984. – 240 с.

3. Панфилов, Е.И. Взрывосортировка при разработке пологих жил [Текст] / Е.И. Панфилов, С.С. Арзуманян. – М.: ИПКОН АН

СССР, 1983. – 156 с.

4. Опыт и практика рентгенорадиометрической сепарации (PPC) золотосодержащих и других типов руд: информационные материалы [Текст] / Ю.О. Фёдоров и др. – Красноярск: Радос, 2008. – 47 с.

5. Обогащение в тяжёлых средах // Горная энциклопедия в 5 т. – М., 1987. – Т. 3. – С. 530-531.

Коротко об авторах

Лизункин В.М., д-р техн. наук, профессор, зав. кафедрой «Подземная разработка месторождений полезных ископаемых», Читинский государственный университет, заведующий горным отделом Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
служ. тел.: (8-3022) 322-925

Научные интересы: геотехнология (подземная) рудных месторождений, физико-химическая геотехнология

Царев С.А., канд. техн. наук, технический директор ООО «Глобал Кредит Резерв»
служ. тел.: 89148784711

Научные интересы: геотехнология (подземная) рудных месторождений, обогащение полезных ископаемых

Фёдоров Ю.О., канд. техн. наук, технический директор ООО «РАДОС»,
служ. тел.: (83912) 581-163,

Научные интересы: обогащение полезных ископаемых

Briefly about authors

Lizunkin V., Dr. Sc. (Engineering), Professor, Head of "Underground Mining" Department, Chita State University, Head of Mining Department of Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology (SB RAS)

Scientific interests: geotechnology (underground) of ore deposits, physical-chemical geotechnology

Tsaryov S., Ph. D. (Engineering), technical manager of "Global Credit Reserve" Ltd.

Scientific interests: geotechnology (underground) of ore deposits, mineral beneficiating

Fyodorov Yu., Ph. D. (Engineering), technical manager of "RADOS" Ltd.

Scientific interests: mineral beneficiating

УДК 622.258:622.232.83

Овсейчук Василий Афанасьевич
Ovseichuk Vasily

Алексеев Олег Николаевич
Alekseyev Oleg

**ПРЕДОХРАНЕНИЕ ГОРНОРАБОЧЕГО
ОЧИСТНОГО ЗАБОЯ ОТ РАДИОАКТИВНОГО
ОБЛУЧЕНИЯ ПРИ РАЗРАБОТКЕ УРАНОВЫХ
МЕСТОРОЖДЕНИЙ**

**PROTECTION OF SLANTING FACE MINER
AGAINST RADIOACTIVE IRRADIATION DURING
URANIUM DEPOSIT EXPLORATION**

Изложен способ защиты горнорабочего очистного забоя от гамма-излучения на базе использования принципа экранирования

The article represents a method of protection of slanting face miner against gamma radiation on basis of screening

Ключевые слова: урановые месторождения, радиоактивное облучение, защита, погрузо-доставочная машина

Key words: uranium deposits, radioactive irradiation, protection, loader

При разработке урановых месторождений забойные рабочие подвергаются прямому радиоактивному воздействию, что является одним из наиболее значимых факторов негативного воздействия на организм человека. Рабочие, занимающиеся добычей урановых руд, большую часть своего рабочего времени проводят в непосредственном контакте с радиоактивными рудами: в монолите пород и в отбитой горнорудной массе.

Суммарное радиоактивное излучение урановых руд состоит из трех составляющих: альфа-излучение урана – поток электронов, бета-излучение урана – поток нейтронов и гамма-излучение радия – мощное коротковолновое излучение. Наиболее опасным является

третий вид излучения, который обладает большой проникающей способностью. Первые два вида излучения довольно легко блокировать с помощью спецодежды горнорабочего. Защита же от гамма-излучения требует специальных методов. При длительном контакте с радиоактивными рудами рабочие очистного забоя постепенно набирают значительную дозу облучения. Чтобы минимизировать отрицательное влияние этого фактора на здоровье человека на горных работах с урановыми рудами существует дозиметрический контроль. С помощью специальных приборов – портативных индивидуальных дозиметров контролируется уровень облучения работников и после достижения определенной величины накоп-

ленной энергии такие люди переводятся на работы, не связанные с непосредственным контактом с радиоактивными рудами.

Такая ротация забойных рабочих, кроме непосредственного вреда здоровью работников, имеет и другой негатив – бригады, адаптированные к условиям работы в данном эксплуатационном блоке, показывают высокие показатели производительности труда, при переводе же на работы, не связанные с процессом добычи, эти люди вынуждены осваивать другие профессии. Все это приводит к нарушению рабочего ритма, снижению производственных показателей в целом предприятия.

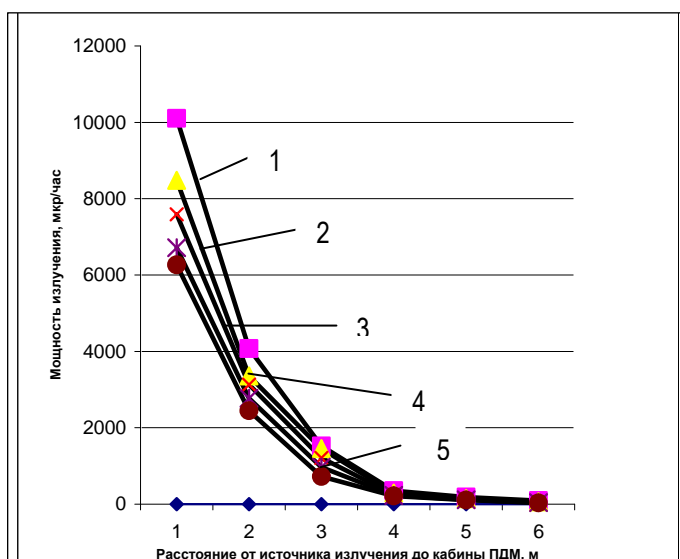
Поэтому при разработке богатых по содержанию урана руд возникает проблема защиты организма человека от негативного воздействия радиации. При создании такой защиты квалифицированные очистные бригады смогут значительно большее количество времени эффективно работать по добыче урана.

На ОАО «Приаргунское производственное горно-химическое объединение» (ППГХО) были начаты работы по созданию эффективной защиты от проникающего гамма-излучения при добыче урановых руд.

В процессе рабочего цикла: бурение, проветривание и отгрузка взорванной горнорудной массы наибольшее количество времени забойный рабочий проводит отгружая из забоя отбитую руду. Оператор современной погрузо-доставочной машины (ПДМ) типа ПД-2Э, Мискоскоор 100 находится в специальной кабине, которая защищает его от падения кусков породы с кровли выработки и теоретически должна в некоторой степени защищать и от проникающего излучения. Но так ли это? Перед исследователями была поставлена задача – проверить степень защиты оператора ПДМ собственно машиной и разработать дополнительные меры защиты от радиации.

Установлено, что наиболее уязвимыми воздействию гамма-излучения частями тела человека являются костный мозг позвоночника и гениталии (ганады). Поэтому эти части тела должны быть хорошо защищены.

В процессе работ, проведенных на урановых рудниках ППГХО, установлена зависимость интенсивности излучения от расстояния между источником и кабиной ПДМ, где располагается оператор, для различных защитных материалов (рис. 1).

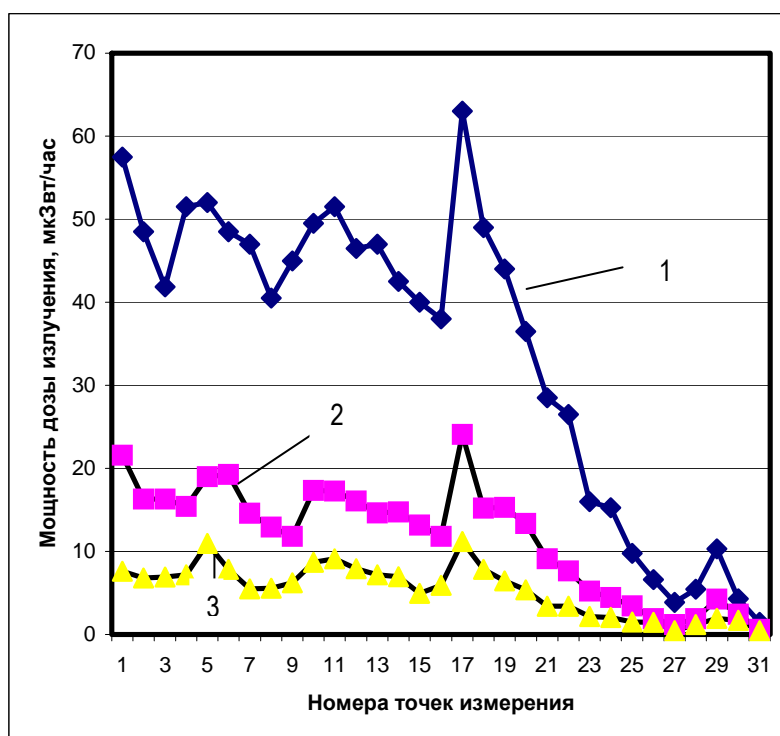

Рис. 1. Зависимость интенсивности излучения от расстояния между источником и кабиной ПДМ:

1 – без защиты, 0; 2 – сталь – 3 ГОСТ 380-88 б = 5 мм; 3 – просвинцованная резина толщиной 3 мм; 4 – просвинцованная резина толщиной 6 мм; 5 – просвинцованная резина толщиной 9 мм

Как видно из рис. 1, наиболее эффективным материалом можно считать просвинцованную резину толщиной 9 мм, который позволяет уменьшить интенсивность облучения в 1,6...1,7 раза при расстоянии в 1,3 м от ковша, наполненного рудой, до центра сидения.

Дальнейшие исследования показали, что более эффективным для защиты является использование свинцового листа толщиной около 10 мм. Результаты этих исследований представлены на рис. 2.

Рис. 2. Уровень радиации в блоке 5-704:

1 – в очистной выработке; 2 – в ПДМ без защиты;
3 – в ПДМ с защитой из свинцового листа толщиной 10 мм

Наиболее значимое снижение интенсивности облучения в ПДМ, оборудованной защитой, получено на высоких содержаниях урана в выработке (точки 1...17). По мере уменьшения содержания урана в рудах коэффициент снижения интенсивности падает (точки 25...31).

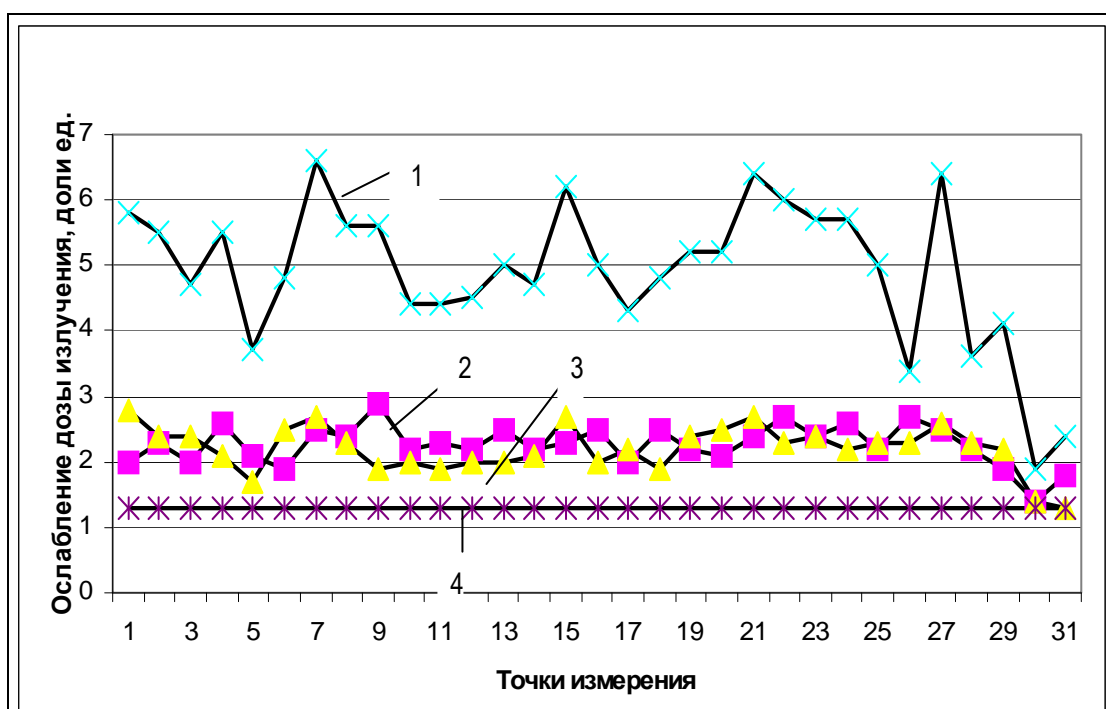
Коэффициент снижения дозы излучения телом человека, погрузо-доставочной машиной, свинцовым листом толщиной 10 мм и совместно ПДМ и защитой из свинцового листа представлены на рис. 3.

Проведенные исследования показали, что тело человека снижает коэффициент излучения в 1,3 раза; погрузо-доставочная машина – в

среднем в 2,27 раза; защита из свинцового листа толщиной 10 мм в среднем в 2,16 раза и совместно ПДМ и защита в среднем в 4,91 раза.

Таким образом, применение защиты из корпуса ПДМ и встроенного свинцового листа толщиной 10 мм позволяет значительно снизить облучение оператора ПДМ.

Защита кабины ПДМ от гамма-излучения представляет собой единую конструкцию из свинцового листа толщиной 10 мм, накладываемую на кресло оператора ПДМ типа ПД-2Э и повторяющую его контуры с дополнительными бортами и войлочным утеплителем (рис. 4).

Рис. 3. Кратность ослабления дозы излучения:
 1 – телом человека; 2 – ПДМ; 3 – защитой из свинцового листа толщиной 10 мм;
 4 – ПДМ с защитой из свинцового листа толщиной 10 мм

Рис. 4. Общий вид кресла оператора ПДМ, обшитого свинцовым листом

Параметры защиты кресла оператора ПДМ, мм:

- высота спинки – 515;
- высота бортов – 225;
- ширина сиденья – 450;
- глубина сиденья – 410.

Масса конструкции – 59 кг.

Для повышения степени защиты таза оператора предлагается установить свинцовый экран толщиной 10 мм размером 500х500 мм напротив сиденья оператора за панелью управления, а для улучшения защиты позвоночника – увеличить высоту спинки кресла до 600 мм так, чтобы не ухудшить обзор оператору сзади.

Связь между мощностью дозы облучения в центральной точке сиденья оператора ПДМ и содержанием урана в бортах очистной выработки можно представить в виде

$$D = k * C_{\text{эфф}}, \quad (1)$$

где D – мощность дозы облучения в центральной точке сиденья оператора ПДМ, мкЗв/ч;

k – эмпирический коэффициент, связывающий содер-

жания урана в бортах, кровле, подошве очистной выработки и отбитой руде в ковше ПДМ и равный мощности облучения в центральной точке кресла ПДМ, $k = 198$ мкЗв/ч, или 0,198 мЗв/ч;

$C_{эфф}$ – эффективное суммарное содержание урана в бортах, кровле, подошве очистной выработки и отбитой руде в ковше ПДМ, воздействующее на организм человека, %.

Исходя из вклада каждого источника излучения (см. рис. 1, кривая 1), $C_{эфф}$ может быть представлено выражением

$$C_{ср} = C_{лб} * 0,59 + C_{пб} * 0,23 + C_{кр} * 0,25 + C_{ко} * 0,64 + C_{под} * 0,84, \quad (2)$$

где $C_{лб}$ – содержание урана в левом борту очистной выработки, %;

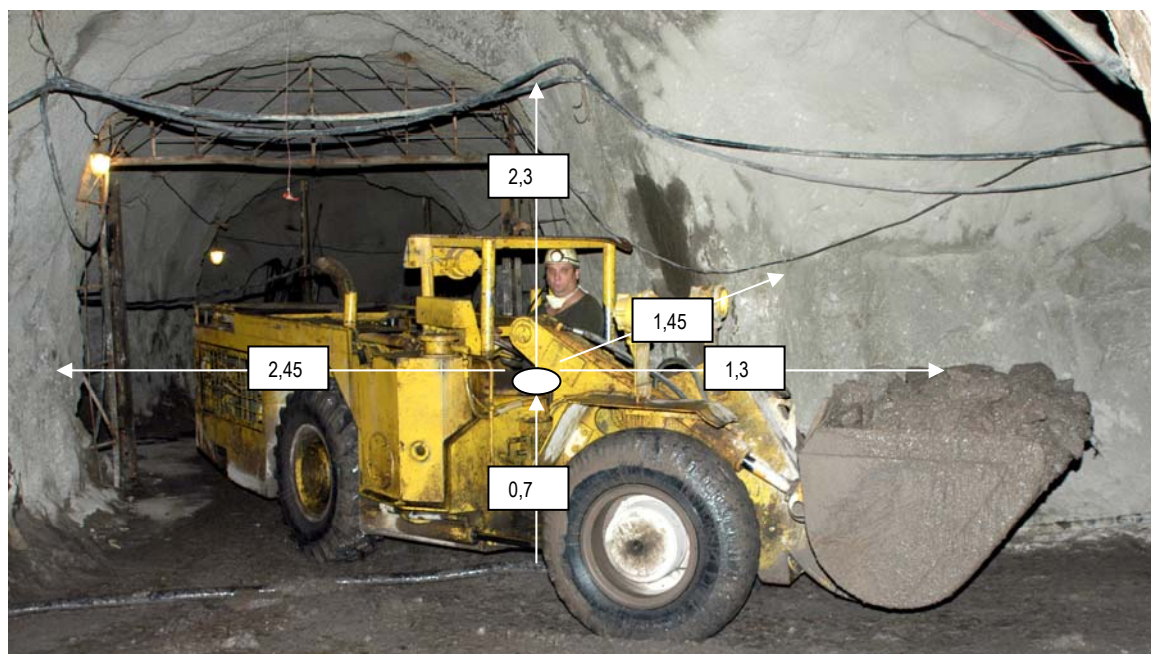
$C_{пб}$ – содержание урана в правом борту, %;

$C_{кр}$ – содержание урана в кровле, %;

$C_{ко}$ – содержание урана в ковше ПДМ, %;

$C_{под}$ – содержание урана в подошве выработки, %.

Расстояния от центра сидения оператора ПДМ до излучающих поверхностей очистной выработки (левый борт – 1,45 м; правый борт – 2,45 м; почва – 0,7 м; кровля – 2,3 м) и ковша с отбитой рудой – 1,3 м приведены на рис. 5.

Рис. 5. Расстояния от центра сидения оператора ПДМ ПД-2Э до излучающих участков очистной выработки и центра ковша

Таким образом, подставляя в уравнение фактические значения содержания урана в бортах, кровле, почве и в ковше, получим эффективное суммарное содержание урана, воздействующее на организм оператора ПДМ.

Используя результаты исследований по снижению интенсивности гамма-излучения ПДМ с установленной защитой, можно определить область применения защиты, исходя из содержания урана в балансовых рудах.

Согласно требованиям НРБ-99, максимальная годовая доза облучения персонала ($D_{год}$) не должна превышать 50 мЗв. Рассчитываем максимально высокое содержание в эксплуатационном блоке, при котором забойный рабочий может без вреда для здоровья работать весь год, %:

$$C_{max} = D_{год} / 1536 / k * 4,9 / 2,55, \quad (3)$$

где 1536 – количество часов в году, которое забойный рабочий находится на рабочем

месте в забое;

4,9 – коэффициент снижения дозы облучения оператора ПДМ с установленной защитой;

2,55 – суммарный коэффициент, учитывающий общий вклад всех источников излучения.

Исходя из расчета максимально безо-

пасного содержания по эксплуатационному блоку, запасы с содержанием урана до 0,315 %, составляющие 70 % запасов месторождений Стрельцовского рудного поля, могут отрабатываться без всякого ограничения по условиям радиационной безопасности при использовании защиты, установленной на кресло ПДМ.

Литература

1. Нормы радиационной безопасности НРБ-99. – М.: Минздрав России, 1999. – 187 с.

2. Основные санитарные правила обеспечения радиационной безопасности ОСПОРБ – 99.

– М.: Минздрав России, 2000. – 201 с.

3. Санитарные правила эксплуатации урановых рудников. – М.: Минздрав СССР, 1986. – 165 с.

Коротко об авторах

Briefly about authors

Овсейчук В.А., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ), ведущий научный сотрудник Читинского института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН
MKS3115637@yandex.ru

Ovseichuk V., Dr. Sc. (Engineering), Full Professor, Chita State University (ChSU), leading researcher of Chita Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS

Научные интересы: геология, геотехнология урановых месторождений, охрана окружающей среды, радиационная безопасность

Scientific interests: geology, geotechnology of uranium deposits, environment protection, radiation safety

Алексеев О.Н., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
служ. тел. 8-302-45-30-2-32

Alekseyev O., graduate, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: горное машиностроение, радиационная безопасность

Scientific interests: mining mechanical engineering, radiation safety

---

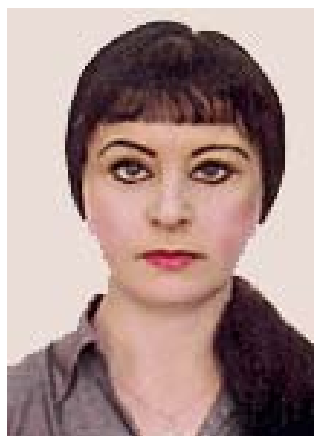

УДК 622.7+28.4

Резник
Юрий Николаевич

Reznik Yury

Шумилова
Лидия Владимировна

Shumilova Lidia

Лавров
Александр Юрьевич

Lavrov Alexander

КОМБИНИРОВАННАЯ СХЕМА ОКИСЛЕНИЯ ЗОЛОТОСОДЕРЖАЩИХ СУЛЬФИДНЫХ РУД И КОНЦЕНТРАТОВ

COMPOSITE CIRCUIT OF AURIFEROUS SULPHIDE ORES AND CONCENTRATES OXIDATION

Показано, что предварительное фотоэлектрохимическое окисление позволяет повысить полноту вскрытия минеральной матрицы при последующем бактериальном ее окислении и повысить показатели извлечения дисперсного золота из сульфидных руд. Выполнены лабораторные исследования комбинированной схемы окисления и полупромышленные испытания электроактивационного сорбционного выщелачивания дисперсного золота из сульфидных руд месторождения Кокпатас. Увеличение извлечения золота после комбинированной технологии окисления сульфидов и арсенопирита составило 23 %

It is shown that preparatory photoelectrochemical oxidation allows to improve completeness of mineral matrix opening with its further bacterial oxidation. Also it helps to increase the efficiency of dispersed gold extraction from sulphide ores. Oxidation composite circuit laboratory tests have been done as well as half-industrial tests on electroactivation sorption dispersed gold leaching out of Kokpatas deposit sulphide ores. Gold extraction increase with application of composite technology of sulphides and arsenopyrites oxidation makes up 23 %

Ключевые слова: дисперсное золото, физико-химическое и бактериальное окисление, полиреагентные схемы, электрохимические и фотохимические процессы

Key-words: dispersed gold, physical and chemical and bacterial oxidation, polireagent circuitry, electrochemical and photochemical processes

Наиболее сложно извлечь дисперсное золото из сульфидных и сульфидно-сульфосолевых минералов, особенно при тон-

ковкрапленной структуре руд и наличии в рудах глинистого «цемента», теллуридов и органического субстрата.

Но и в этом случае, используя для окисления сульфидной матрицы активный кислород и (или) хлорсодержащие окислители, можно обеспечить достаточно высокие (свыше 90 %) показатели извлечения золота при последующем цианировании.

С целью интенсификации процесса окисления упорных руд, сульфидно-сульфо-солевых концентратов и повышения последующего извлечения золота было предложено осуществлять комбинированное окисление – предварительную фотоэлектрохимическую обработку раствора реагентов и последующее бактериальное окисление минеральной матрицы, а для повышения извлечения золота из окисленного концентрата – двухстадийное сорбционное цианирование с использованием электроактивации пульп и контрольной электросорбции.

Сущность идеи опережающей (до бактериальной) фотоэлектрохимической обработки раствора реагентов или пульп заключается в повышении их активности путем электросинтеза или фотоэлектросинтеза окисляющих реагентов (метастабильной перекиси водорода, гидроксил-радикала). В сочетании с серной кислотой эти реагенты производят первичное окисление железа с образованием наноскопленных элементарной серы, необходимой для последующего интенсивного развития тионовых бактерий. Кроме того, активные формы кислорода интенсифицируют развитие колоний железо- и сероокисляющих бактерий на сульфидно-сульфосолевом субстрате. На второй стадии ведут собственно бактериальное окисление минеральной матрицы в среде H_2SO_4 . После комбинированного окисления концентрата его направляют на двухстадийное сорбционное выщелачивание.

Двухстадийное сорбционное выщелачивание включает:

- 1) предварительное насыщение пульпы кислородом воздуха;
- 2) сокращенное (до 1 часа и менее) предварительное цианирование;
- 3) сорбционное цианирование специально

подготовленным ионитом. В этом случае циановый комплекс пленочной фазы ионита обеспечивает ускоренное растворение микронного золота. Причем ионит перемещается по ходу движения пульпы;

4) вывод ионита, насыщенного быстрорастворимыми формами золота;

5) основную сорбцию с противоточным перемещением сорбента и контрольной электросорбцией (сорбентом второй стадии может быть активированный уголь).

Сорбент первой стадии за счет высоких концентрационных градиентов относительно твердой и жидкой фаз обеспечивает сравнительно высокую скорость диффузии CN-ионов в поровые воды минеральных частиц и образуемых комплексных анионов $Au[CN]_2^-$ из них в пленочные воды ионита, а затем в его гелевую фазу.

За счет предварительной сорбции существенно снижается эффект переосаждения растворенного золота на глинистые и слюнистые минералы и углистое вещество, а растворенные примеси оказывают меньшее негативное воздействие на основной сорбент.

Для обеспечения эффективного протекания процесса двухстадийного сорбционного выщелачивания из концентратов сульфидных руд матрица минералов-носителей дисперсного золота должна быть окислена не менее чем на 60...65 % за 70...100 часов, что далеко не во всех случаях возможно, используя только бактериальное окисление.

В связи с чем нами было предложено осуществлять первичное окисление пирит-арсенопиритовых флотоконцентратов первоначально сернокислотным раствором (3 %), обработанным в электролизере и пробарботированным в течение определенного времени (порядка 1 часа) воздухом, подаваемым через кварцевую колбу, размещенную в зоне облучения ультрафиолетовой лампой ДРТ-230. Объем реактора 30 л. При этом в растворе образовывалась перекись водорода (в стабильной и метастабильной форме) и ОН-радикалы. Для снижения концентрации растворенного мышьяка при сохранении остаточного активно-

го кислорода, интенсифицирующего последующее бактериальное окисление, активированная пульпа доводилась водой до Ж:Т = 1:5.

На рис. 1 представлена схема лабораторных экспериментальных исследований комбинированных методов окисления.

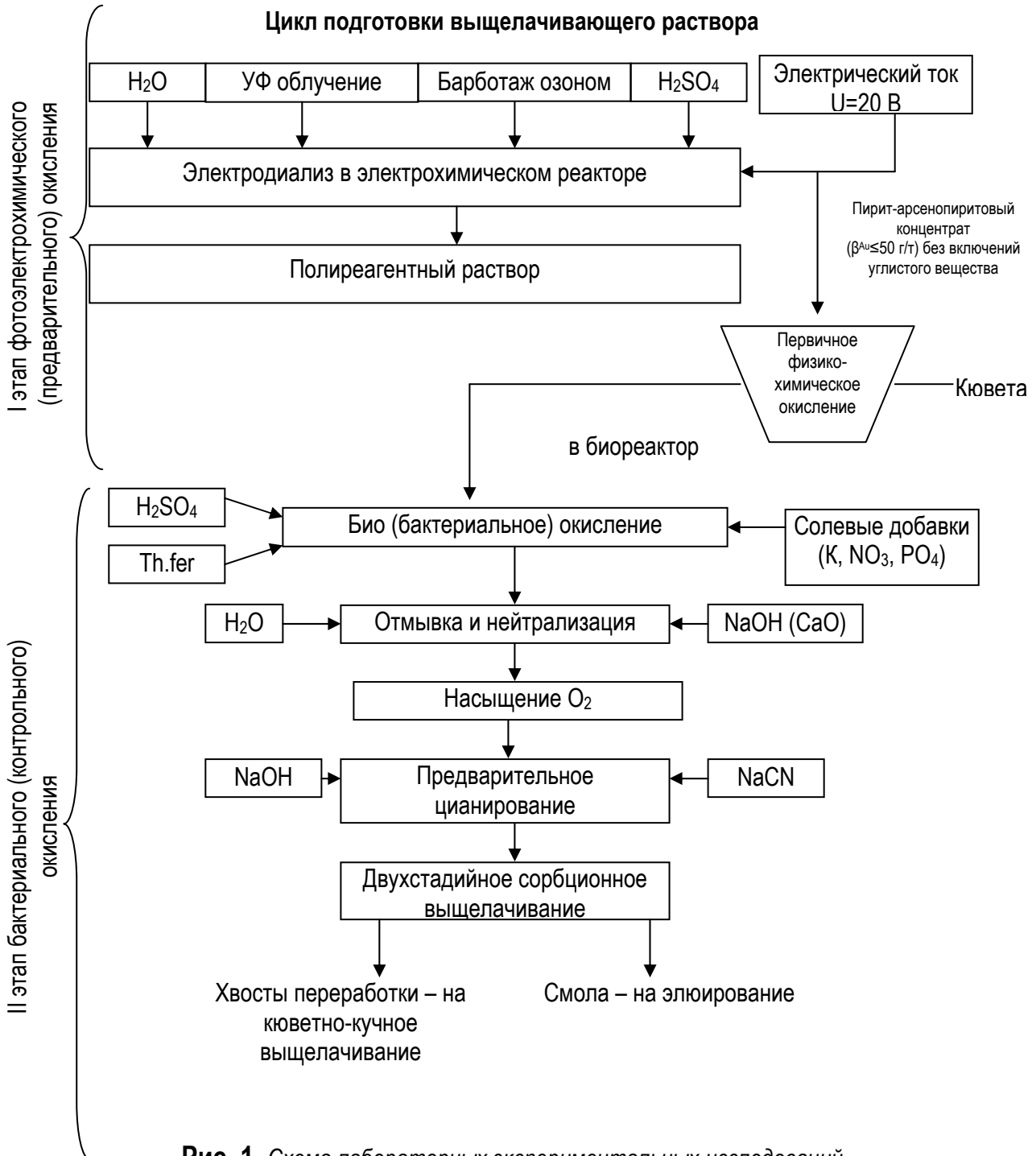

Рис. 1. Схема лабораторных экспериментальных исследований комбинированных методов окисления

В твердой фазе пульпы существенно повышалось содержание элементной серы (более чем в 3 раза) и сульфатов (почти на порядок).

После предварительного окисления фотоэлектрохимическим способом пульпу подвергали второй, основной стадии окисления – биоокислению в лабораторном реакторе. Основу биомассы составили штаммы бактерий *Tiobacillus Ferrooxidans* и *Tiobacillus Tiooxidans*. Наличие элементной серы и остаточного активного кислорода после предварительного окисления повысило интенсивность биоокисления. Технологическая схема экспериментальных исследований извлечения золота из пирит-арсенопиритового золотосодержащего концентрата с применением комбинированных методов окисления представлена на рис. 2.

Оценка эффективности схемы двухстадийного комбинированного окисления проводилась путем её сравнения с контрольной схемой (только биоокисление) по конечному параметру – извлечению золота после сорбционного цианирования из окисленного концентрата.

В экспериментальном варианте концентрация золота в хвостах составила 1,7 г/т, в контрольном (только биоокисление) – 5 г/т, прирост извлечения – 23 %.

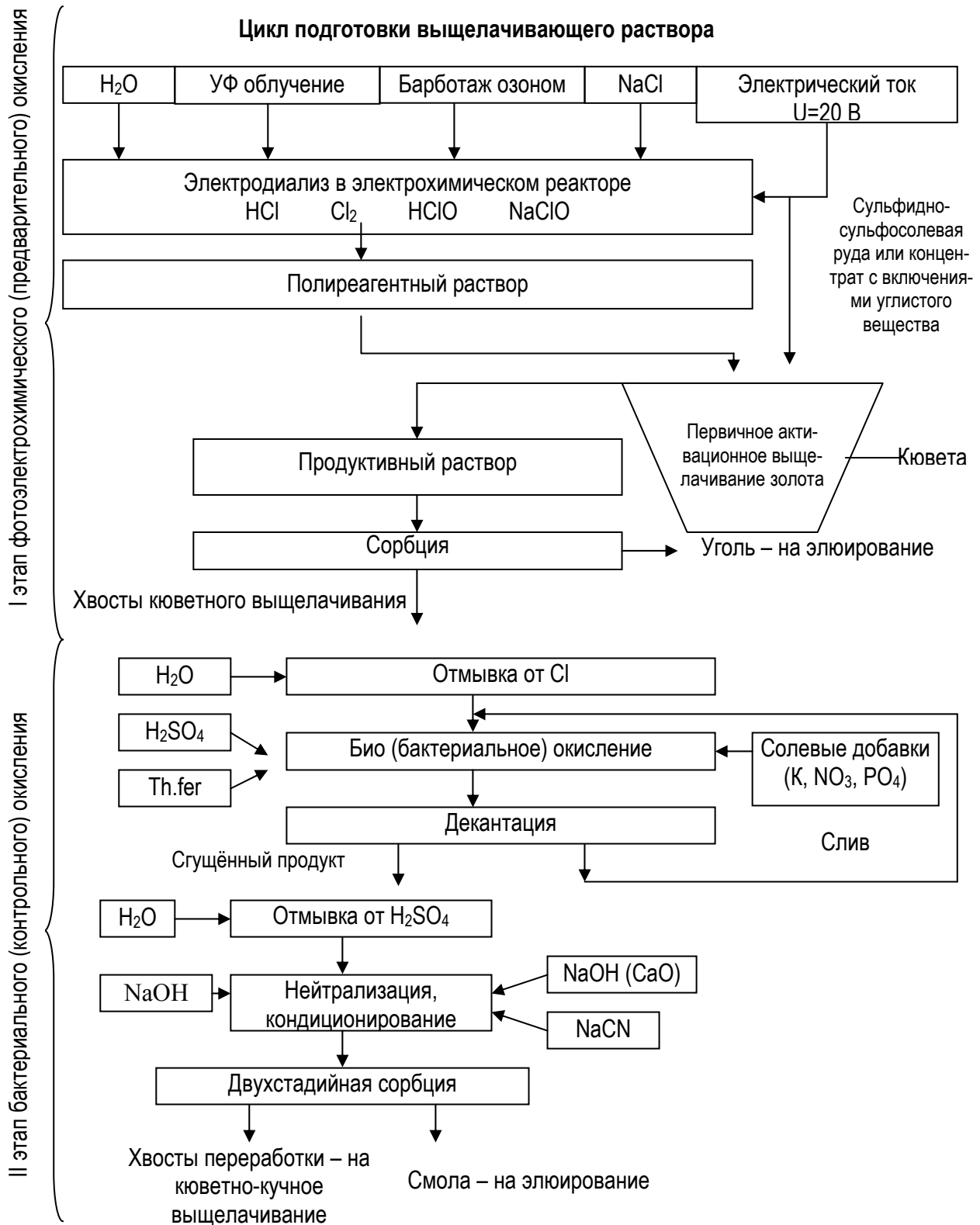
Для извлечения золота из богатых руд и концентратов, содержащих углистое вещество с дисперсным золотом, предложена несколько иная технологическая схема на основе идеологии комбинированного окисления: первая стадия переработки – активационное окисление матриц и первичное сорбционное выщелачивание золота с использованием полиреагент-

ных схем: активных хлор и кислородосодержащих ион-радикальных комплексов, полученных в результате электрохимических и фотохимических процессов. Вторая стадия – доизвлечение золота цианированием из полученных хвостов после предварительного биоокисления в сернокислотной среде (с предварительной отмывкой и нейтрализацией остаточного хлора). На рис. 2 показана схема лабораторных экспериментальных исследований комбинированных методов окисления сульфидно-сульфосолевой золотосодержащей руды или концентрата (с углистыми включениями).

После фотоэлектроактивационной обработки руды в хлоридной среде, сорбции растворенного золота и отмывки от хлора проводится второй этап – окисление полученных хвостов в кюветах или штабелях тионовыми бактериями с предварительным введением соответствующих солевых добавок. Бактерии целесообразно вводить после подачи H_2SO_4 на шламовом носителе, который формируется в процессе дробления. Развитие бактерий на шламовом носителе происходит относительно быстро и в то же время позволяет сконцентрировать бактерии до ввода в основную выщелачиваемую массу, что приводит к быстрому развитию очагов роста бактерий в минеральной массе.

Результаты исследований позволили выделить две формы золота:

- а) легкоцианируемую (образующую циановый комплекс при стандартных условиях);
- б) упорную, требующую дополнительного активационного воздействия на минеральную матрицу и элементы, непосредственно связанные с дисперсным золотом.

Рис. 2. Схема лабораторных экспериментальных исследований комбинированных методов окисления сульфидно-сульфосолевой золотосодержащей руды или концентрата (с углистыми включениями)

Таким образом, проведённые лабораторные исследования комбинированной (физико-химической и био-) схемы окисления и электроактивационного выщелачивания дисперсного золота из сульфидных руд и концентратов доказали, что для повышения эффективности

извлечения дисперсного золота из сульфидных руд необходимо обеспечить глубину процессов окислительной подготовки пульпы, локального (пленочнофазного) цианирования и двухстадийной сорбции золота.

Литература

1. П.р. по заявке № 2007145306/02 (049635) от 06.12.2007. Секисов А.Г., Резник Ю.Н., Шумилова Л.В., Зыков Н.В., Лавров А.Ю., Королев В.С., Конарева Т.Г.

2. П.р. по заявке № 2007118333/03 (019956) от 16.05.2007. Секисов А.Г., Резник Ю.Н., Зыков Н.В., Шумилова Л.В., Лавров А.Ю., Манзырев Д.В., Климов С.С., Королев В.С., Конарева Т.Г.

3. Секисов А.Г. Дисперсное золото. Геологические и технологические аспекты / А.Г. Секисов, Н.В. Зыков, В.С. Королев. – Чита: ЧитГУ, 2007. – С. 269.

4. Biooxidation of two arsenical refractory gold concentrates and gold cyanidation / Z. Yongzhu, L. Yiyuan, Z. Tiancong, Q. Rongqing // Extract. Met. Gold and Base Metals. – Melbourne, 1992. – P. 345-348.

Коротко об авторах

Briefly about authors

Резник Ю.Н., Заслуженный деятель науки, д-р техн. наук, профессор, ректор Читинского государственного университета (ЧитГУ)
bondar@chitgu.ru

Reznik Y., Honoured scientific worker, D. E., professor, Head of Chita State university

Научные интересы: минеральная подготовка при горно-промышленном освоении месторождений полезных ископаемых

Scientific interests: mineral preparation during industrial and mining exploration of mineral deposits

Шумилова Л.В., канд. техн. наук, ФГОУ СПО Забайкальский горный колледж, заместитель директора по учебной работе
zabgc@mail.ru

Shunilova L., Ph. D. (Engineering), Federal Public Educational Institution of Medium Vocational Education Transbaikalian Mining Colledge, Deputy of educational work director

Научные интересы: разработка технологии кучного выщелачивания золота из бедных руд и техногенных отходов

Scientific interests: development of gold heap leaching technology from exhausted ores and technic wastes

Лавров А.Ю., канд. техн. наук, доцент, директор института экономики и управления, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Lavrov A., Ph. D. (Engineering), Assistant Professor, Head of the School of Economics and Law, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: геоэкологические и геотехнологические процессы эффективного освоения месторождений руд золота и цветных металлов

Scientific interests: geoecological and geotechnological processes of efficient development of gold fields and non-ferrous metals

УДК 622.234.42

Рубцов Юрий Иванович
Rubtsov Yuriy

Овсейчук Василий Алексеевич
Ovseichuk Vasily

**О ДИНАМИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ
КУЧНОГО ВЫЩЕЛАЧИВАНИЯ
ЗОЛОТА И АНАЛИЗ
РАЗМЕРНОСТИ В УРАВНЕНИЯХ ДИНАМИКИ**

**ON DYNAMIC NATURE OF GOLD HEAP
LEACHING AND DIMENSIONAL ANALYSIS
OF THE DYNAMIC EQUATIONS**

В работе изложен новый подход к представлениям динамики кучного выщелачивания золота с учетом вторичных процессов. Анализ размерности для условных частных констант является дополнительным подтверждением нового представления о динамике кучного выщелачивания золота

This article describes a new approach to the conceptions of gold heap leaching subject to secondary processes. The dimensional analysis for conditional special constants is a complementary confirmation of new conception concerning gold heap leaching dynamics

Ключевые слова: кучное выщелачивание золота, частные константы, размерность, вторичный процесс

Key words: heap leaching of gold, special constant, dimension, secondary process

Кинетика процесса цианирования изучена достаточно полно и представлена в работах И.Н. Плаксина и других ученых [1-2]. Динамику цианидного кучного выщелачивания золота, как правило, представляют графически, в виде зависимостей степени выщелачивания золота X от продолжительности воздействия разных интенсифицирующих факторов (температуры, крупности дробления руды, расхода цианида натрия, концентрации реагентов и т.д.). К наиболее простой зависимости следует отнести зависимость изменения X от продолжительности процесса при других постоянных факторах. Динамика процесса вклю-

чает не только осложнения кинетического характера, обусловленные температурой, образованием пленок на поверхности золотин, учетом электрохимической природы растворения золотин, диффузионным массообменном, но и вторичными процессами взаимодействия цианида золота с компонентами дробленной руды. При этом интенсифицирующие факторы одновременно воздействуют как на процесс перехода золота в раствор, так и на взаимодействие цианида золота с компонентами руды.

Разработка теоретических основ динамики выщелачивания полезных компонентов из кускового рудного материала для прогноза

технологических параметров представляет серьезную научную задачу. Решение этой проблемы для кучного выщелачивания золота автор дает с позиций физико-химической геотехнологии и вероятностной природы вторичных процессов [3-4]. Содержание золота в производственном растворе необходимо рассматривать как результат двух противоположно направленных процессов. Значимость вторичных процессов для степени выщелачивания золота – X подтверждено экспериментальными фактами. Вторичными процессами возможно объяснить дезинтеграцию золота в хвостах цианирования Балеической ЗИФ: в придон-

ном горизонте содержание золота на порядок выше, чем в поверхностном слое. При скоростном выщелачивании золота из руды месторождения «Погромное» в лабораторных и опытно-полевых условиях отмечалась большая концентрация золота в нижнем слое. При исследовании кучного выщелачивания золота в лабораторных условиях наблюдалось некоторое снижение величины X для крупности - 10 мм и менее. Это зафиксировано как в случае выщелачивания золота на воздухе, так и в случае выщелачивания на кислородными растворами (табл. 1).

Таблица 1

Данные по степени выщелачивания золота на воздухе и на кислородными растворами из руды разной крупности дробления

Выщелачивание Au на воздухе, $q_{H_2O}=0,24 \text{ м}^3/\text{м}^2 \text{ сут.}, q_{NaCN}=1 \text{ кг/т}$						Выщелачивание Au на кислородными растворами, $q_{H_2O}=0,14 \text{ м}^3/\text{м}^2 \text{ сут.}, q_{NaCN}=1 \text{ кг/т}$					
d, мм=-2+0		d, мм=-10+0		d, мм=-20+0		d, мм=-5+0		d, мм=-10+0		d, мм=-20+0	
t, сут.	X	t, сут.	X	t, сут.	X	t, сут.	X	t, сут.	X	t, сут.	X
0	0,000	0		0	0,000	0	0,000	0		0	0,000
5	0,255	6	0,380	6	0,111	1	0,175	1	0,201	1	0,110
10	0,490	12	0,500	12	0,223	3	0,335	3	0,375	3	0,230
15	0,511	15	0,580	15	0,256	12	0,740	12	0,790	12	0,470
25	0,533	20	0,630	20	0,271	15	0,815	15	0,840	15	0,520
30	0,541	25	0,610	25	0,306	17	0,820	17	0,845	17	0,530

Такое поведение золота при его выщелачивании цианидными растворами связывали с сорбцией цианида золота на дробленной руде (табл. 2).

При опытно-полевых испытаниях по выщелачиванию золота из окисленной кварцовой руды месторождения «Погромное» на кислородными растворами за 1 сутки отмечено снижение концентрации золота в производственных растворах с 25 мг/л до 16 мг/л. В связи с чем концентрация золота в производственных

растворах, равная 25 мг/л, принята как критическая, после которой реализуется необратимая сорбция цианида золота на руде.

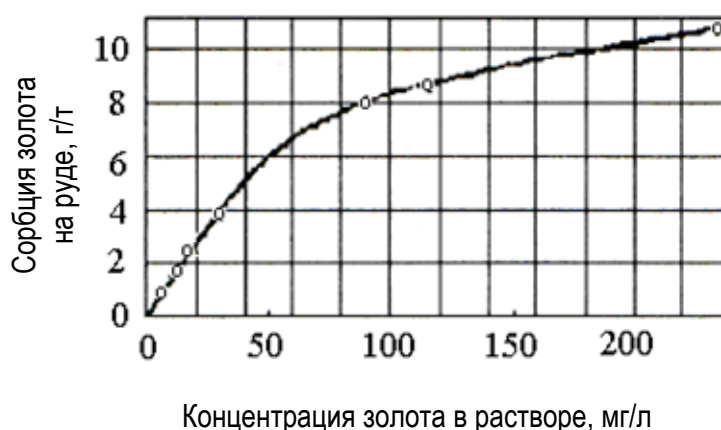
Исследования по сорбции цианида золота на руде подтвердили значимость сорбции цианида золота на руде в процессе выщелачивания золота из мелкодробленной руды. Далее приводятся некоторые данные по сорбции цианида золота на руде крупностью -10 мм (табл. 2) и изотерма сорбции (см. рисунок).

Таблица 2

Данные по сорбции золота рудой из раствора цианида золота
 $C_{Au} = 5 \text{ мг/л}$; $V \text{ р-ра на орошение } 200 \text{ мл}$; $m \text{ руды } 0,5 \text{ кг}$; $\text{крупность руды } 3,75 \text{ мм}$;
 продолжительность одного цикла орошения – 1 сут.

Число циклов просачивания	C_{Au} в истекающем растворе, мг/л	$V \text{ р-ра, вытекшего из колонки, мл}$	pH	ΔC_{Au} в истекающем растворе, мг/л	Δq_{Au} адсорбированная навеской, мг	Δq_{Au} адсорбированная рудой, г/т	q_{Au} адсорбированная рудой, г/т
1	4,13	138	8	0,87	0,120	0,24	0,24
2	4,27	146	8	0,73	0,105	0,21	0,45
3	4,60	161	8	0,40	0,065	0,13	0,58
4	4,84	184	8	0,16	0,030	0,06	0,64
5	4,89	180	7	0,11	0,020	0,04	0,68
6	4,95	193	7	0,05	0,010	0,02	0,70
7	4,95	190	7	0,05	0,010	0,02	0,72
8-10	5,00	180	7	0,05	0,010	0,02	0,74

Изотерма сорбции цианида золота на руде крупностью -10 мм

Управляя процессом выщелачивания, возможно не только существенно снизить влияние вторичных процессов, но и достигнуть значительного повышения степени выщелачивания золота. Так, степень выщелачивания золота из упорной неокисленной малосульфидной порфир-гранитоидной руды месторождения Ключи повышена с 32 до 69...74 %.

Одним из основных доказательств необходимости учета вторичных процессов в динамике кучного выщелачивания золота автор считает анализ размерности при расчете част-

ных констант выщелачивания, которые определялись на основе обработки экспериментальных данных по эмпирическому уравнению $X=1-(k'(lg(t^{0,16}+g)))^{6,667}$. (1)

Так, при исследовании влияния расхода на интенсивность выщелачивания золота получена зависимость $kq_{H_2O} = f(kq_{H_2O})$, при исследовании влияния крупности дробления руды – $kd = f(d)$, при исследовании влияния температурного фактора – $k_T = f(T)$ и т.д.

Значения частных констант использовались для определения динамического критерия

рия $r_{дин}$, определяемого выражением

$$r_{дин} = (t_k + t_{выст}) \cdot \varepsilon_{0Au} \cdot k_1(f(q_{H_2O})) \cdot k_2(f(d)) \cdot k_3(f(q_{NaCN})) \cdot k_4 \cdot (f(C_{NaCN}, C_{O_2})) \cdot k_5(f(T)) \cdot k_6(f(q_{NaCN_{комк}})) \cdot k_7(f(C_{NaCN_{комк}})). \quad (2)$$

Динамический критерий $r_{дин}$, в свою очередь, применяли для вычисления $k_{дин} = f(r_{дин})$ и $g_{дин} = f(r_{дин})$ для решения уравнения динамики (3):

$$X_{дин} = 1 - (k_{дин}(r_{дин}) / \lg(t^{0,16} + g_{дин}(r_{дин}))^{6,667}), \quad (3)$$

где $X_{дин}$, $k_{дин}$ и $g_{дин}$ – соответственно прогнозные степень выщелачивания золота, условная динамическая константа выщелачивания и динамический параметр внутридиффузионного торможения;

$r_{дин}$ – динамический критерий, рассчитанный на основе планируемых исходных данных и зависящий от частных условных констант.

Эмпирическое уравнение динамики (3) приведено к нормированному виду, согласно которому $X_{дин}$ является мерой неопределенности и определяется не только процессом цианирования с образованием цианида золота, но и количеством цианида золота, вступающим во вторичные процессы.

При анализе выражения (2), используемого для расчета динамического критерия $r_{дин}$, встал вопрос о размерности частных констант, которая связана с воздействующими факторами (U_i), каждый из которых имеет свою размерность. Проблема размерности частных констант в соответствии с изложенными представлениями о динамике кучного выщелачивания золота решается, если рассматривать в общем случае в два противоположных процесса.

Процесс 1 – цианирование рудного золота:
 $4Au + 8CN + O_2 + 2H_2O = 4[Au(CN)_2] + 4OH, \quad (4)$

или
 Au (руда) [г]+раствор[м³]+ U_i [размерность возд. фактора] →
 Au' (раствор)[г/м³], \quad (5)

где Au – золото в руде, г;
 Au' – золото, перешедшее в раствор в 1-м процессе, г.

Переходя к количественному описанию процессов в относительных единицах, с учетом анализа размерности, и исключая твердую

фазу для процесса 1, имеем:

$$X' = k' \cdot f(U_i), \quad (6)$$

где X' – золото (относительная величина), которое переходит в раствор в 1-м процессе;

k' – условная константа 1-го процесса, учитывающая размерность воздействующего фактора;

$f'(U_i)$ – математическое выражение, отражающее влияние воздействующего фактора на 1-й процесс [число].

Процесс 2 – вторичный процесс цианида золота с рудой:

$[Au(CN)_2] \cdot [г] + U_i$ [размерность возд. фактора]+руда = Au'' ·руда [г] + Au (продукционный раствор) [г], \quad (7)

где Au'' ·руда – золото, связанное рудой во 2-м процессе, г;

Au – золото в продукционном растворе, г.

Для процесса 2 имеем:

$$X = X' - k'' \cdot f''(U_i), \text{ или } X' - X = k'' \cdot f''(U_i), \quad (8)$$

где X'' – золото (относительная величина), которое вступило во 2-й процесс, г;

k'' – условная константа 2-го процесса, учитывающая размерность воздействующего фактора, г;

X – золото (относительная величина) определяемое в продукционном растворе, г;

$f''(U_i)$ – математическое выражение, отражающее влияние воздействующего фактора, (число) на 2-й процесс.

Далее, делим выражение (8) на (6), получим эмпирическое уравнение

$$X' - X / X' = k' \cdot f(U_i) / k'' \cdot f''(U_i) = k \cdot f(U_i) / f''(U_i), \quad (9)$$

$$(X' - X) / X' \text{ [число]} = k \text{ [число]} \cdot f(U_i) / f''(U_i) \text{ [число]} \dots \dots \dots (9')$$

$$X = X' - (X' \text{ [число]} \cdot k \text{ [число]} \cdot f(U_i) / f''(U_i) \text{ [число]}) \quad (9'')$$

Таким образом, частные условные константы $k_i = k'' / k'$, характеризующие воздействие интенсифицирующих факторов в уравнениях кинетики (1), являются безразмерными. Это положение является общим для процесса кучного выщелачивания золота и вытекает как следствие учета вторичных процессов.

Размерность динамического критерия $r_{дин}$,

согласно уравнению (2), определяется членом $t_k + t_{\text{выст}}$, отражающим общую продолжительность скоростного выщелачивания золота и имеет размерность [сутки]. Следовательно, динамическая условная константа выщелачивания $k_{\text{дин}}$ и динамический параметр кучного выщелачивания $g_{\text{дин}}$ также имеют размерность [сутки] и, как следствие, $X_{\text{дин}}$ – выражается в

безразмерных долях единицы.

Вывод

Анализ размерности частных констант на базе представлений о динамике кучного выщелачивания золота подтверждает необходимость дополнительного исследования и количественного учета вторичных процессов как с реагентами, так и с цианидом золота.

Литература

1. Плаксин, И.Н. *Гидрометаллургия* / И.Н. Плаксин. – М.: Наука, 1972. – С. 278.

2. Масленицкий, И.Н. *Металлургия благородных металлов* / И.Н. Масленицкий, Л.В. Чугаев, В.Ф. Борбат, М.В. Никитин, Л.С. Стрижко. – М.: *Металлургия*, 1987. – С. 432.

3. Аренс, В.Ж. *Физико-химическая геотехнология* / В.Ж. Аренс. – М.: МГУ. – 2001. – 656 с.

4. Малышев, В.П. *Равновесно-кинетический анализ химических процессов* / В.П. Малышев, В.Г. Шкодин. – Алма-Ата: Гылым. – 1990. – С. 111.

5. Рубцов, Ю.И. *Основное уравнение кинетики скоростного кучного выщелачивания золота из окисленных кварцитовых руд* / Ю.И. Рубцов, Ю.Н. Резник. – М.: *Горный информационно-аналитический бюллетень*. – 2007. – № 5. – С. 153-156.

Коротко об авторах

Рубцов Ю.И., канд. техн. наук, доцент кафедры БЖД, Читинский государственный университет (ЧитГУ) служ. тел.: 26-52-92

Научные интересы: рудопереработка, геотехнология, охрана окружающей среды

Овсейчук В.А., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ), ведущий научный сотрудник Читинского института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН MKS3115637@yandex.ru

Научные интересы: геология, геотехнология урановых месторождений, охрана окружающей среды, радиационная безопасность

Briefly about authors

Rubtsov Yu., Ph. D. (Engineering), Assistant Professor of Accidental Prevention Department, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: ore processing, geotechnology, environment protection

Ovseichuk V., Dr. Sc. (Engineering), Full Professor, Chita State University (ChSU), leading researcher of Chita Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS

Scientific interests: geology, geotechnology of uranium deposits, environment protection, radiation safety

УДК 543.3

Шарапов Николай Михайлович
Sharapov Nikolai

Заслоновский Валерий Николаевич
Zaslouovskiy Valery

**О МАТЕМАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ
ВНУТРИВОДЕМНЫХ ПРОЦЕССОВ
В РУСЛАХ РЕК**

**ON MATHEMATICAL DESCRIPTION OF
INTRARESEVOIR PROCESSES IN RIVERBEDS**

На основе обработки многочисленных, достаточно продолжительных рядов среднемноголетних наблюдений по разным участкам разных рек и разнообразным химическим веществам и соединениям авторами впервые установлено, что изменение приращения концентраций j -го ингредиента от приращения массового расхода этого же вещества или соединения с достаточно высокой степенью корреляции описывается линейным уравнением

Processing of multiple, sufficiently long-continued series of average long-standing observations of different thalwegs and various chemicals and chemical compounds was the basis for the authors to ascertain for the first time that concentrations increment difference change of j ingredient from mass flow increment of the same chemical reagent or compound with sufficiently higher degree of correlation is described by a linear equation

Ключевые слова: внутриводоемные процессы, загрязняющее вещество

Key words: intrareservoir processes, pollutant

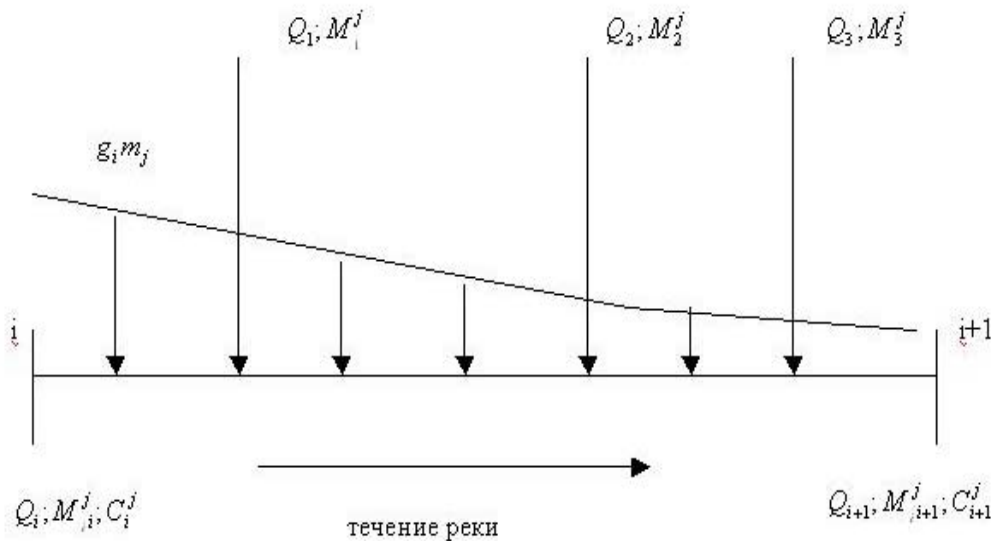
Формирование химического состава речных вод является крайне сложным процессом, закономерности которого до сих пор в достаточной мере не установлены. Наиболее распространенным способом является сравнительный анализ сведений по створам и гидрохимическим постам на реках о содержании тех или иных химических веществ и соединений в конкретные сроки отбора проб воды. В зависимости от количества данных наблюдений (длины ряда) это позволяет статистическим путем устанавливать частные зависимости изменения содержания ограниченного количества ингредиентов в речной воде в

различные фазы водности для конкретных створов. При этом обычно не удается установить общий характер их изменения даже качественно. Как утверждают многочисленные авторы (приведем для примера лишь работу [1], в которой авторы обработали весьма длинные ряды наблюдений данных гидрохимического мониторинга по нескольким створам р. Кама), не представляется возможным однозначно говорить о характере изменения состава воды по наиболее важным веществам. В зависимости от изменения водности реки может наблюдаться как увеличение, так и уменьшение содержания изучаемых ингредиентов, а в ряде

случаев наблюдаются зависимости с максимумами или минимумами. Такие результаты еще раз свидетельствуют о сложности природных механизмов формирования качественного состава вод, не познанных до сих пор. Вместе с тем, можно предположить, что неудачи познания этих механизмов связаны со «стандартностью» подходов, применяемых большинством

авторов до сего времени. Как правило, анализ проводится по отдельным конкретным створам. Примем следующий подход.

Рассмотрим не отдельный створ, а участок реки, между верхним i -м и нижним $(i + 1)$ -м створами (рис. 1) и будем рассуждать следующим образом.

Рис. 1. Схема изменения расходов воды в реке, массового расхода и концентрации j -го ингредиента, на участке реки от створа i до створа $(i + 1)$

В пределах выделенного участка реки происходит изменение содержания j -го ингредиента (химического вещества или соединения) в воде за счет следующих процессов.

Во-первых, изменение происходит как за счет притока дополнительного его количества ($M_1; M_2; M_3$) с сосредоточенным и (m) диффузионным стоком с водосбора, так и за счет его разбавления из-за увеличения расхода ввиду того же сосредоточенного ($Q_1; Q_2; Q_3$) и диффузионного (q) стока.

Указанная суммарная величина изменения содержания может быть названа условно «механической» составляющей, поскольку изменение массового расхода j -го ингредиента между створами представляет собой разность массовых расходов в верхнем и ниж-

нем створах:

$$M_{i+1}^j - M_i^j = \Delta M_m^j \quad (1)$$

и может быть легко посчитана путем составления балансового уравнения по притоку рассматриваемого вещества с учетом разбавления из-за изменения расходов

$$\Delta Q = Q_{i+1} - Q_i \quad (2)$$

Подобное балансовое уравнение, например, приводится в работе Родзиллера [2]. Данный случай носит условное название «случая чистого разбавления». Иными словами, для «механической» составляющей справедлива зависимость

$$\Delta M_m^j = f(\Delta Q) \quad (3)$$

и при отсутствии притока или забора воды на участке изменение массы ингредиентов не происходит.

Во-вторых, в природных водных объектах процессы изменения содержания химических веществ и соединений не исчерпываются «механическим» привносом и разбавлением. В русле реки между выделенными створами верхним i -м и нижним $(i+1)$ -м (рис. 1) непрерывно происходят сложные внутриводоемные процессы химической, биологической, физико-химической и др. природы (химические реакции, поглощение и выделение ингредиентов биотой, грунтами, адсорбция, абсорбция, десорбция и многие другие). Все они приводят к изменению массового расхода ингредиента (ΔM_m^j в формуле 1). Учтеть эти изменения в массовом балансе столь же просто, как и «механические» изменения, до сих пор не удавалось и, думается, вряд ли возможно в ближайшей перспективе из-за крайне сложного их механизма. Следует заметить, что изменение массового расхода вещества в результате внутриводоемных процессов в русле реки не связано напрямую с изменением ее водности, т.е.:

$$\Delta M_{\text{вн.с.}}^j \neq f(\Delta Q). \quad (4)$$

Общее изменение массового расхода данного ингредиента на участке реки от i -го до $(i+1)$ -го створа можно представить как сумму «механической» и «внутриводоемной» составляющих:

$$\Delta M^j = \Delta M_m^j + \Delta M_{\text{вн.с.}}^j. \quad (5)$$

Поскольку концентрация вещества или соединения C^j , определяемая в результате гидрохимического анализа пробы воды, связана с его массовым расходом в створе отбора пробы простой зависимостью

$$C^j = \frac{M^j}{Q}, \quad (6)$$

то разность концентраций j -го ингредиента на рассматриваемом участке реки от i -го до $(i+1)$ -го створа будет определяться как

$$\Delta C_{i,i+1}^j = C_{i+1}^j - C_i^j = \frac{M_{i+1}^j}{Q_{i+1}} - \frac{M_i^j}{Q_i}. \quad (7)$$

При этом массовые расходы в этой зави-

симости включают как «механическую», так и «внутриводоемную» составляющие.

Предоставляя право читателю самому сделать элементарные математические преобразования, укажем на следующее:

1) для теоретического случая «чистого разбавления» (т.е. при отсутствии внутриводоемных процессов в русле реки) соотношение (7) будет выглядеть следующим образом:

$$\Delta C_{i,i+1}^j = \frac{1}{Q_{i+1}} \cdot \Delta M^j - C_i \left(1 - \frac{Q_i}{Q_{i+1}} \right). \quad (8)$$

Если ввести обозначения $d = \frac{1}{Q_{i+1}}$ и

$$f = C_i \left(1 - \frac{Q_i}{Q_{i+1}} \right), \quad \text{то уравнение (8) можно}$$

привести к линейному виду. Иными словами, изменение концентрации j -го ингредиента на участке реки от i -го до $(i+1)$ -го створа в случае «чистого разбавления» выражается линейным уравнением вида

$$\Delta C_{i,i+1}^j = d \cdot \Delta M^j - f. \quad (9)$$

При этом Q_i ; Q_{i+1} и C_i соответствуют их среднемноголетним значениям и близки к постоянным;

2) в то же время путем обработки многочисленных, достаточно продолжительных рядов среднегодовых наблюдений по разным участкам разных рек и разнообразным химическим веществам и соединениям, авторами впервые установлено, что изменение концентраций j -го ингредиента с достаточно высокой степенью корреляции (R^2 изменяется 0,6...0,99) также описывается линейным уравнением вида

$$(\Delta C_{i,i+1}^j)' = a \cdot (\Delta M^j)' - b. \quad (10)$$

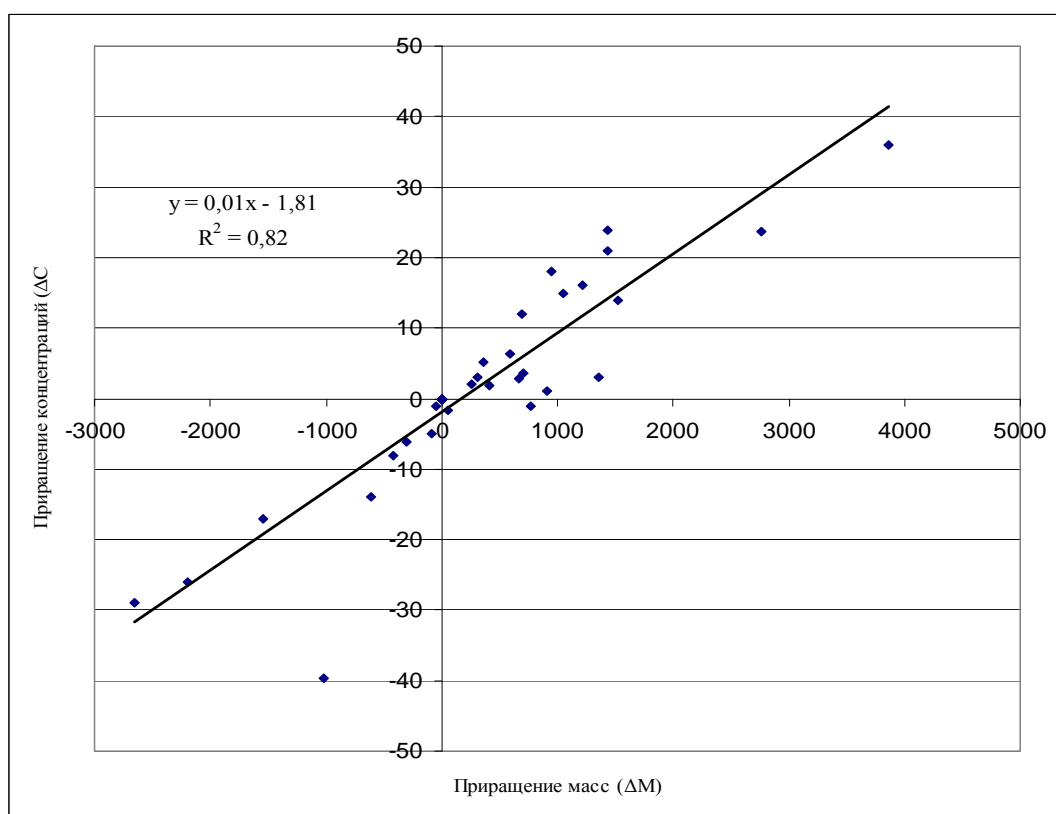
При этом угловой коэффициент a и свободный член b , определяемые статистически, различны как для анализируемых ингредиентов, рассматриваемых участков, так и разных рек.

На рис. 2 для примера приведена зависимость ($\Delta C' = f(\Delta M')$) по содержанию

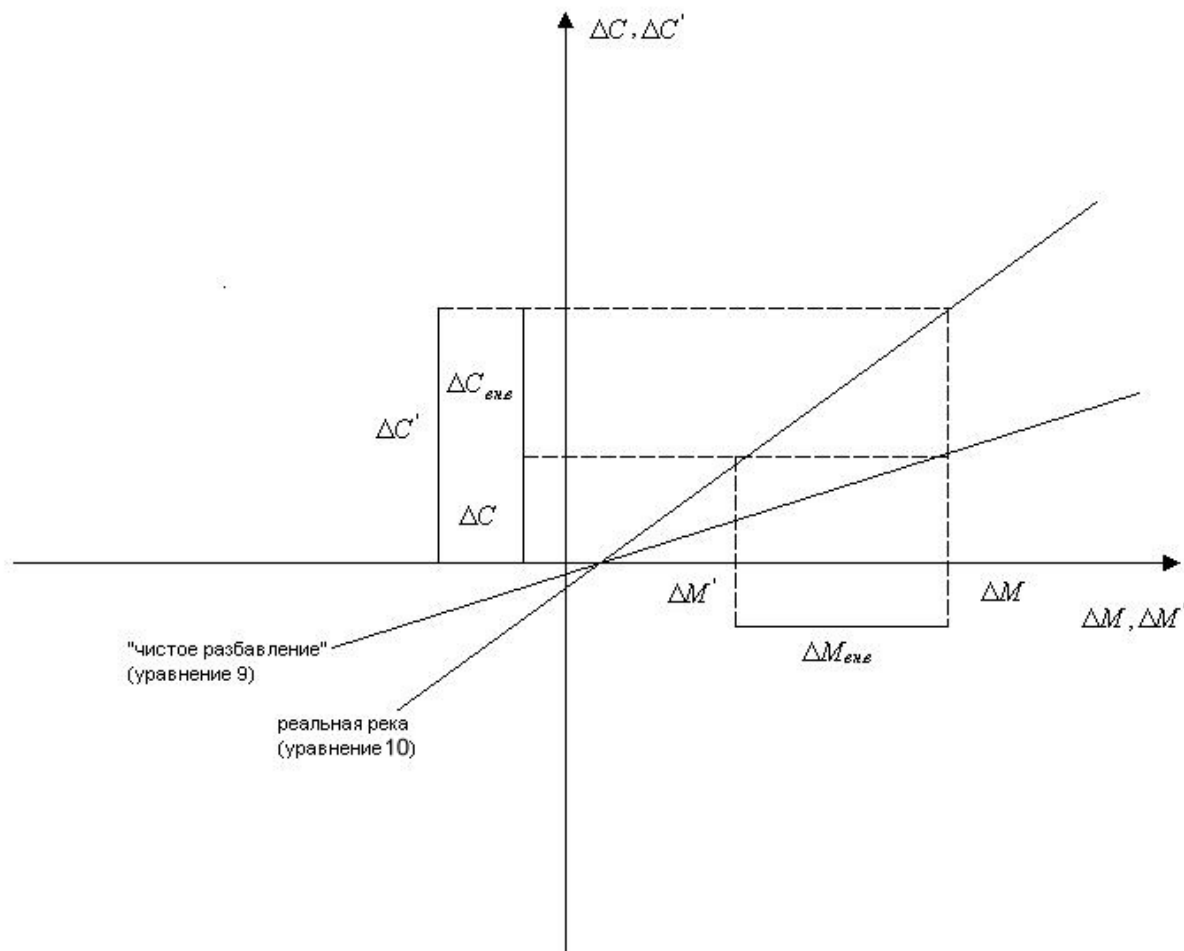
марганца по длине р. Ингода Забайкальского края;

3) поскольку зависимость (10) получена на основании обработки данных гидрохимических наблюдений в природных водных объектах, то можно утверждать, что она учитывает все особенности преобразования масс j -го ингредиента за счет естественных процессов в руслах рек и включает как «механическую», так и «внутриводоемную» составляющие, поэтому численные значения коэффици-

циентов a и b отличаются от коэффициентов d и f для случая «чистого разбавления». На рис. 3 схематично изображены зависимости (9) и (10) (индексы $i, i+1, j$ опущены), которые позволяют более ясно представить их соотношение и возможность определения закономерности изменения масс химического вещества или соединения из-за внутриводоемных процессов в русле реки.

Рис. 2. Зависимость изменения содержания марганца от концентрации в начальном и конечном створах по длине р. Ингода в Забайкальском крае

Рис. 3. Схема соотношения изменения масс химического вещества или соединения в русле реальной реки и для случая «чистого разбавления» (индексы $i, i+1, j$ у обозначений опущены)

Если в уравнении (10) положить $\Delta M^j = (\Delta M^j)'$ для случая «чистого разбавления», то получим значение $\Delta C'$, превышающее соответствующую разность концентраций ΔC для случая «чистого разбавления» (рис. 3).

Разность значений $\Delta C'$ и ΔC и есть разность концентраций j -го ингредиента, возникающая благодаря внутриводоемным процессам в русле реки и учитываемая коэффициентами a и b уравнения (10).

Аналогично, приравняв условно $\Delta C'$ к

ΔC для случая «чистого разбавления», можно определить величину изменения массового расхода j -го ингредиента, возникающую благодаря внутриводоемным процессам (см. рис. 3).

Для определения численного значения $\Delta C_{вн.в}^j$ достаточно найти разность, вычтя уравнение (9) из уравнения (10), положив $\Delta M^j = (\Delta M^j)'$. При этом можно заранее утверждать, что она также будет иметь линейный вид

$$\Delta C_{и.в.}^j = (\Delta C_{i,j+1}^j) - \Delta C_{j,j+1} = k \cdot \Delta M^j - \ell, \quad (11)$$

где

$$k = a - \frac{1}{Q_{i+1}} = a - d, \quad (12)$$

$$\ell = b - C_i \left(1 - \frac{Q_i}{Q_{i+1}} \right) = b - f. \quad (13)$$

Особую роль играет точка пересечения линий (см. рис. 3). Данная точка показывает значения ΔC и ΔM , при которых внутриводоемные процессы ничтожно малы. Таким образом, в определенной зоне вблизи этой точки возможен расчет по уравнению «чистого разбавления» без внесения существенной погрешности в расчет.

Таким образом, из сказанного можно сделать следующие выводы:

– на основании статистической обработки длительных рядов наблюдений за изменением содержания химических веществ и соединений различных природных водных объектов авторами впервые установлено, что зависимость

между разностью концентраций химического ингредиента и разностью его массовых расходов в нижнем и верхнем створах реки описывается линейным уравнением;

– показано, что принципиальная закономерность суммарных внутриводоемных процессов, происходящих в руслах рек (химические, биологические, физико-химические, биохимические и др. процессы), также является линейной зависимостью;

– показано, каким образом при наличии достаточно длительных рядов наблюдений за химическим составом и расходами воды на участке реки можно рассчитать изменение концентраций различных химических ингредиентов на этом участке, происходящее в результате внутриводоемных процессов;

– установленные закономерности позволяют прогнозировать изменение химического состава вод на участке реки в результате гидротехнических и других мероприятий.

Литература

1. Лепихин, А.П. К проблеме оценки «фонового» содержания химических ингредиентов в водотоках / А.П. Лепихин, С.А. Мирошниченко // Водное хозяйство России. – 2000. – Т. 2. – № 3. – С. 228-248.

2. Родзиллер, И.Д. Прогноз качества воды водоемов-приемников сточных вод / И. Д. Родзиллер. – М.: Стройиздат, 1984. – 263 с.

Коротко об авторах

Briefly about authors

Шарапов Н.М., к. техн. н., доцент, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
vostkniivh@mail.ru

Sharapov N., Ph. D. (Engineering), Assistant Professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: формирование гидрохимического режима водных объектов

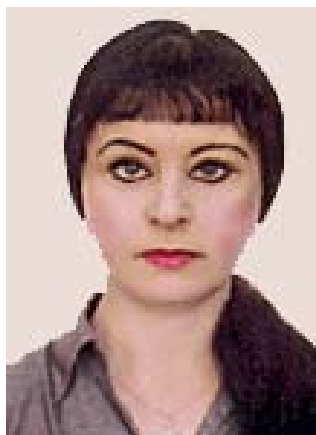
Scientific interests: formation of hydrochemical condition of water bodies

Заслоновский В.Н., д-р техн. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
vostkniivh@mail.ru

Zaslonovsky V., Dr. Sc. (Engineering), Full Professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: управление водными ресурсами; формирование гидрохимического режима водных объектов

Scientific interests: water control, formation of hydrochemical condition of water bodies

УДК 622.7+622

Шумилова Лидия Владимировна
Shumilova Lidia

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ
УПОРНЫХ ЗОЛОТОСОДЕРЖАЩИХ РУД
(НА ПРИМЕРЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ КОКПАТАС)**

**REFRACTORY AURIFEROUS ORE
TECHNOLOGICAL TESTING
(BY THE EXAMPLE OF КОКПАТАС DEPOSIT)**

Проведены геолого-технологические исследования руд месторождения Кокпатас с применением как традиционных схем рационального анализа, так и различных окислителей и комплексообразователей.

Установлено, что при использовании методов глубокого окисления минеральной матрицы с электроактивацией пульпы и фотоактивацией раствора реагентов можно более чем на 20 % увеличить извлечение золота из упорных руд

Geological and technological investigation of Kokpatas ore with application of both traditional outline of rational analysis and different oxidizers and complexing agents has been done.

It was found that the method of mineral matrix deep oxidation by pulp electroactivation and reagent solution photoactivation may increase gold extraction from refractory ores for more than 20 %

Ключевые слова: упорные руды, пирит, арсенопирит, углеродное вещество, дисперсное золото, электроактивация, фотоактивация

Key words: refractory ores, pyrite, arsenopyrite, coaly matter, dispersed gold, electroactivation, photoactivation

Для оптимального выбора технологической схемы переработки упорных золотосодержащих руд необходимо определить минеролого-геохимические и структурно-текстурные параметры, а также формы дисперсного золота.

В Читинском государственном университете совместно с Читинским филиалом ИГД СО РАН под руководством докторов технических наук Ю.Н. Резника и А.Г. Секисова была создана творческая группа ученых для проведения исследований по технологическому тестированию упорных золотосодержащих руд месторождения Кокпатас. Руды данного месторождения относятся к упорным и содержат золото в дисперсной форме.

Используемые стандартные методы анализа не позволяют выявить все содержащееся в руде дисперсное золото, которое относительно прочно связано с минералообразующими элементами или органическими соединениями. Для извлечения золота из этих минералов требуется предварительное глубокое окисление.

При обосновании методики геолого-технологического тестирования руд с дисперсным золотом участники эксперимента в первую очередь исходили из результатов исследований, проведенных на базе трех золоторудных месторождений Кокпатас, Даугызтау (Узбекистан, Навоийский вилоят) и Yellow Jacket (США, штат Невада, округ Кларк).

Целью геолого-технологических исследований руд месторождения Кокпатас было определение содержания в них дисперсного золота с учетом возможного нахождения его в зоне окисления в различных формах в минералах-носителях – гетите, гидрогетите, скородите, алуните, а в зоне основной золотоносной сульфидной минерализации – в пирите, арсенипирите и в углистом веществе (последний факт выяснился уже в ходе исследований).

В процессе тестирования применялись как традиционные схемы рационального анализа с последовательным растворением в щелочи и кислоте пленок и включений соответствующих минералов, так и различные окислители и комплексообразователи, в том числе полученные в результате электролиза и фотосинтеза для перевода в раствор дисперсного золота.

В качестве активного компонента обрабатываемого раствора использовались следующие химические соединения:

1) перекись водорода в метастабильной форме, получаемой путем электролиза водной фазы, или комбинированной – стабильно-метастабильной, образуемой в процессах фотолиза или радиолиза;

2) хлорсодержащие реагенты (гипохлорит натрия, соляная и хлорноватистая кислоты), продуцированные путем электрохимического и фотохимического синтеза;

3) метастабильные пероксидно-гидроксидные, гидроксидно-цианидные комплексы, продуцируемые в жидкой фазе пульпы путем щадящего электролиза цианидно-щелочного раствора в активационной цианидной схеме.

Тестирование отобранных проб руды осуществлялось в Центральной физико-химической лаборатории (ЦФХЛ) Северного рудоправления Навоийского ГМК (г. Учкудук).

Анализировались жидкие и твердые пробы по утвержденным методикам. Замеры концентраций золота в жидкой фазе производились на двух атомных спектрофотометрах АА-SCAN (США) и С-115 (Украина). Твердая проба анализировалась пробирным и атомно-абсорб-

ционным методами.

При активационном режиме выщелачивания золота в зависимости от вещественного состава руды в качестве основных реагентов использовались цианид натрия; щелочь (каустическая сода); перманганат калия; хлорид натрия (поваренная соль); гипохлорит натрия; молекулярный хлор; соляная кислота.

Эксперименты проводились в лабораторных пачуках (НЖС) объемом 30 л с перфорированными трубчатыми электродами, подведенными через изолятор в донной части корпуса, одновременно выполняющими функцию аэратора. В зависимости от используемых реагентов параметры напряжения варьировали от n до 20 В.

Результаты исследований позволили выделить две формы золота:

а) легкоцианируемую (образующую циановый комплекс при стандартных условиях);

б) упорную, требующую дополнительного активационного воздействия на минеральную матрицу и элементы, непосредственно связанные с дисперсным золотом.

На основании изложенного были выдвинуты несколько гипотез причинно-следственной связи влияния ряда факторов на показатели извлечения золота из упорных руд. Сущность первого предположения заключалась в том, что при стандартном цианировании (в отсутствие значительных количеств активных перекисных соединений, гидроксил-ионов и ионов гидроксония), вероятно, извлекается только относительно слабо связанное с матрицей дисперсное золото, которое могло быть связано с органическим веществом и не разрушается щелочью.

При тестировании проб окисленных руд для извлечения дисперсного золота по предположению инженера-химика Т.Г. Конаревой был использован сравнительно простой и безопасный органический экстрагент, используемый после обработки пульпы перекисью водорода в щелочной среде.

В результате использования такого экстрагента был получен неожиданный результат,

который свидетельствовал о явном наличии органометаллической формы выделения золота в Кокпатасской руде: после отделения экстрагента содержание золота в фильтрате не уменьшилось, а резко возросло (с 1,2 мг/л до 5,2...7,3 мг/л). Повторный эксперимент с аналогичной пробой руды показал практически такой же результат.

С целью проведения контроля в фильтрат был введен активированный уголь. Пробирный и комбинированный (пробирный с эмиссионно-спектральным окончанием) анализы подтвердили высокие результаты, полученные на атомно-абсорбционном спектрофотометре по жидкой фазе.

Исходя из результатов такого экстракционно-сорбционного тестирования, было сделано предположение о присутствии в окисленных рудах месторождения дисперсного золота, связанного не только с минералообразующим комплексом элементов, но и с органическим.

Следующая причина низкого извлечения золота, возможно, объясняется тем, что такая органометаллическая форма дисперсного золота не обнаруживается полностью в процессе анализа в силу специфических свойств (нестойкости, высокой летучести, повышенной склонности к гидратации его атомов, высвободившихся после разрушения комплекса и т.д.).

При проведении технологического тестирования сульфидных и сульфидно-углистых руд необходимо было окислить как саму минеральную матрицу, так и предполагаемую органическую составляющую, поэтому пробы подвергались более сложной обработке, чем окисленные. Глубокое окисление минеральной массы осуществлялось с использованием активных хлор- и кислородсодержащих пероксидно-гидроксидных и пероксидно-гидроксильных комплексов, полученных в результате электрохимических и фотохимических процессов.

Основные формы дисперсного золота в сульфидных рудах месторождения Кокпатас – это его комплекс с железом, мышьяком и серой (золото в большей степени сконцентрировано в арсенипирите), железом и серой, желе-

зом, медью и серой (пирите), а также вероятные органо-металлические соединения преимущественно в углефицированных подтипах сульфидных руд.

Возможность нахождения дисперсного золота в форме теллуридов, селенидов, сурьмяных соединений не рассматривалась, т.к. соответствующие элементы не были выявлены в процессах предварительного спектрального анализа химического состава руд.

Для тестирования сульфидных руд разработаны две реагентные схемы: щелочно-цианидная и хлоридная. Эти схемы обеспечивают максимальный выход золота (см. таблицу).

Лабораторный комплекс для технологического тестирования руд с предварительным окислением предполагаемых матриц дисперсного золота включил следующие компоненты:

- лабораторный пачук емкостью 30 л с трубчатыми электродами, выполняющими также и функцию воздухопроводов;

- кварцевую колбу с фторопластовой (химически инертной) пробкой, через которую были введены подводная и отводящая стеклянные трубки;

- компрессор и электрический шкаф с выпрямителем и регулируемым блоком;

- ультрафиолетовую лампу ДРТ-230, которая устанавливалась над колбой (на расстоянии порядка 15 см). Лампа использовалась и для прямого облучения пульпы, в этом варианте она закреплялась на двух штативах.

Технологическая схема хлоридного фотоэлектроактивационного выщелачивания золота и других металлов из сульфидных руд включает в себя следующие процессы:

- приготовление пульпы и введение NaCl (~ 5 г/л жидкой фазы);

- электролиз барботируемой пульпы ~ 1,5 час;

- введение HCl (0,3 мл/л жидкой фазы), барботажа 0,5 час;

- после барботажа облучение ультрафиолетовым светом (ультрафиолетовой лампой ДРТ-230) 3...5 мин при продолжении электролиза.

Основные технологические параметры схем извлечения золота
из сульфидных руд месторождения Кокпатас

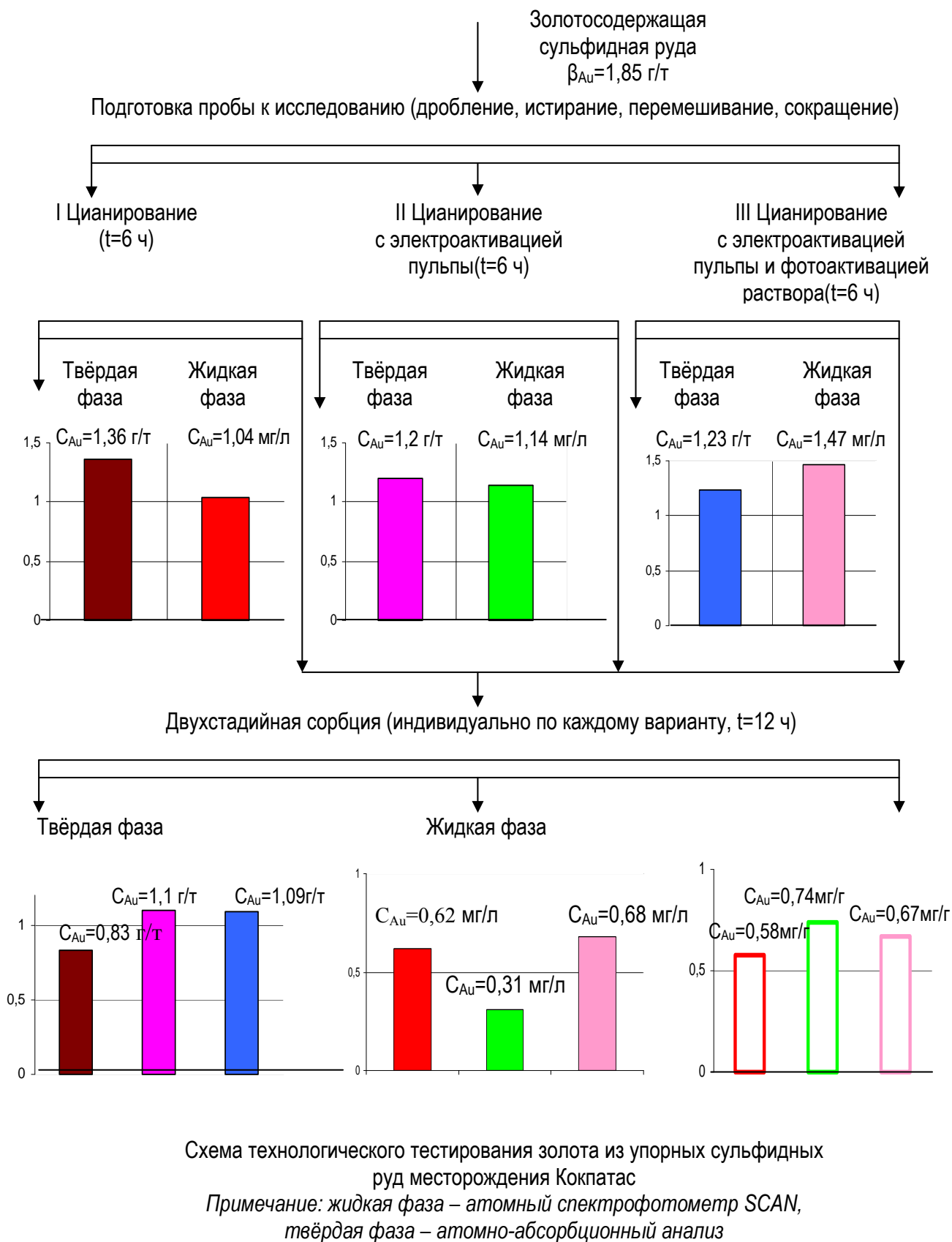
Показатели обработки		Схемы обработки проб						
		цианидная		щелочно-цианидная	с электроактивац.	хлоридная		
		контрольная	экспериментальная			с фотоэлектроактивацией		
					режим 1	режим 2	режим 3	
Содержание Au в твердой фазе, г/т	пробирный анализ	1,87	–	1,78	1,77	1,30	–	–
	атомноабсорбционный анализ	1,40	–	1,32	1,72	1,50	–	–
Содержание Au в жидкой фазе, мг/л	SCAN	0,61	0,54	1,22	0,91	1,85	1,01	1,87
	C-115	0,69	0,58	1,31	1,14	2,69	1,44	2,72
Содержание As $\times 10^{-3}\%$		0,432	–	0,382	0,418	0,552	0,532	0,514
Суммарный выход Au из пробы, г/т		~ 2,8	–	~ 8,0		3,4 – 4,1	–	–
Примечания		–	–	электро- и фотоэлектроактивация щелочного раствора	электролиз NaCl(5 г/л), ввод HCl 2,3 мг/л	с различной концентрацией HCl 0,3...1,3 мг/л		
		Содержание Au по входной пробе – 2,71 (пробирный анализ), 2,65 (атомно-абсорбционный анализ), содержание As – 0,521 %						

Как видно из таблицы, хлоридная и щелочно-цианидная схемы обеспечивают значительный выход золота в жидкую фазу в сравнении с цианидной (как контрольной, так и экспериментальной), а также и по сравнительной оценке содержания золота в хвостах выщелачивания.

В лаборатории (ЦФХЛ Северного РУ) были смоделированы технологические схемы с электроактивацией пульпы основных реагентов и фотоактивацией (в варианте прямого облучения и озоновым барботажем) вспомогательных реагентов на реальной пульпе (см. рисунок).

Параметры технологических схем приведены для жидкой фазы по данным атомного спектрофотометра SCAN и для твердой фазы – по данным атомно-абсорбционного анализа.

Наибольший эффект выхода золота в жидкую фазу наблюдается при электроактивации пульпы и фотоактивации реагентов, а по критерию увеличения рабочей емкости смолы – при электроактивации пульпы. Такая разница в содержании золота в пульпе и на сорбенте свидетельствует о возможностях дополнительного извлечения металла в процессе сорбционного выщелачивания.

При проведении анализов с использованием методов глубокого окисления минеральной матрицы обнаруживается «дополнительное», или сверхбалансовое золото.

Кажущееся несоответствие данных анализов (баланс металла по жидкой и твердой фазам относительно входной пробы, существенная разница данных при замерах по жидкой фазе различными методами) только подтверждает факт наличия нескольких форм нахождения дисперсного золота в рудах месторождения.

Следовательно, технология цианирования с электроактивацией пульпы и фотоактивацией раствора реагентов ультрафиолетовым светом в прианодной зоне является потенциально эффективной для переработки упорных золотосодержащих руд и при соответствующем аппаратурном оформлении может быть успешно реализована на горных полигонах выщелачивания.

На основании экспериментальных дан-

ных, полученных при проведении технологического тестирования упорных золотосодержащих руд месторождения Кокпатас, можно выделить следующие основные причины низкого извлечения золота:

1) неполноценный контакт цианового комплекса с микровключениями золота в минеральной матрице;

2) выход в жидкую фазу циановых комплексов, содержащих примесные элементы, снижающие сорбционную емкость смолы по золоту;

3) эффект переосаждения золотоциановых комплексов из жидкой фазы пульпы на минералы-сорбенты, активированные в процессе рудоподготовки.

Таким образом, при переработке сульфидных и сульфидно-углистых руд применение технологии выщелачивания с активационными блоками позволяет минимизировать отмеченные недостатки и повысить извлечение золота более чем на 20 %.

Литература

1. Секисов А.Г. Дисперсное золото. Геологические и технологические аспекты / А.Г. Секисов, Н.В. Зыков, В.С. Королев. – Чита: ЧитГУ, 2007. – С. 269.

2. Шумилова Л.В. Современные тенденции в переработке золотосодержащих руд и техногенных отходов / Л.В. Шумилова, Ю.Н. Резник, Ю.И. Рубцов. – Чита: ЧитГУ, 2007. – С. 262.

3. Yannopoulos J.C. *The extractive metallurgy of gold*. – New York: Van Nostrand Reinhold, 1991. – 280 p.

4. Чантурия В.А. Современные проблемы обогащения минерального сырья в России // Горный журнал. – 2005. – № 12.

5. Van Aswegen P.S.; Marais M.J., Haines A. K. *Design and operation of a commercial bacterial oxidation plant at Fairview*. – 12 p.

6. Brierley C. *BacTech's Thermophilic Biooxidation Plan at Youanmi Mine: An Update on Performance and Cost* // *Randol Gold Forums 96 (21-24 Apr., Olympic Valley, Cat., 1996)*. – P. 291-294.

7. *Biooxidation of two arsenical refractory gold concentrates and gold cyanidation* / Z. Yongzhu, L. Yiyuan, Z. Tiancong, Q. Rongqing // *Extract. Met. Gold and Base Metals*. – Melbourne, 1992. – P. 345-348.

8. Шумилова Л.В. *Переработка золотосодержащих руд методом кучного и кюветного выщелачивания: проблемы и перспективы развития* / Л.В. Шумилова, Ю.Н. Резник, А.И. Трубочев – Чита: ЧитГУ, 2009. – 388 с.

Коротко об авторе

Шумилова Л.В., канд. техн. наук, ФГОУ СПО Забайкальский горный колледж, заместитель директора по учебной работе
zabgc@mail.ru

Научные интересы: разработка технологии кучного выщелачивания золота из бедных руд и техногенных отходов

Briefly about author

Shunilova L., Ph. D. (Engineering), Federal Public Educational Institution of Medium Vocational Education Transbaikalian Mining Colledge, Deputy of educational work director

Scientific interests: development of gold heap leaching technology from exhausted ores and technic wastes

Педагогика

УДК 159.9

Даниленко Татьяна Васильевна
Danilenko Tatiana

АГРЕССИВНОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ КЛАССАХ И ЕЕ КОРРЕКЦИЯ

AGGRESSIVITY OF JUNIOR SCHOOLBOYS IN MULTINATIONAL CLASSES AND ITS CORRECTION

Показано, что агрессивные и аутоагрессивные проявления в полиэтнических классах встречаются в два раза чаще, чем в этнически однородных. Такие проявления коррелируют с неприятием чужой культуры. Для эффективного межэтнического взаимодействия необходима специальная работа школы

It was shown that aggressive and auto aggressive demonstration are revealed twice frequently in multinational classes then in ordinary. Such demonstration is correlated with rejection of foreign culture. Special school efforts are needed for effective international interactions of children

Ключевые слова: многонациональные классы, агрессия, аутоагрессия, неприятие чужой культуры, фрустрация, коррекция

Key words: multinational classes, aggression, auto aggression, rejection of foreign culture, frustration, correction

Изменения в экономической, политической и духовной жизни страны в постсоветском пространстве сопровождаются значительными миграционными процессами, усилением интернационализации жизни. Идет сложный процесс взаимной адаптации людей, этносы которых исторически не жили вместе. В соответствии с традициями и привычками инонационального окружения изменяется поведение больших групп людей. Характерной чертой социальной среды становится полиэтничность [4].

Далеко не всегда этот процесс идет без проблем. Усиление миграционных потоков зачастую сопровождается обострением социальных проблем, состоянием неуверенности людей в завтрашнем дне, межэтнической нетер-

пимостью, ксено- и мигрантофобией. Неприятие и, как ее следствие, нетерпимость к людям других национальностей, часто возникает на почве невежества и страха перед неизвестным, отличным от привычного – чужой культурой, непривычным жизненным укладом и традициями, а иногда и под влиянием зависти к инородцам, которые больше зарабатывают, лучше живут.

Как в призме, это явление фокусируется в современной общеобразовательной школе, становящейся многонациональной. Увеличивается количество классов, которые можно отнести к полиэтническим (в них число детей, приехавших с других территорий, превышает 15...20 %).

Среди подростков неприятие представи-

телей других национальностей иногда принимает характер прямого противостояния. Чтобы понять его корни, необходимо знать, как формируется характер межэтнических отношений в более раннем возрасте, когда дети только начинают отождествлять себя с представителями того или иного народа. В этой связи особого внимания заслуживает младший школьный возраст, когда межэтнические отношения еще только формируются, не носят манифестирующего характера, проявляются лишь в психологическом комфорте – дискомфорте и могут быть своевременно скорректированы педагогическими средствами.

Младший школьный возраст является важным этапом этнической социализации ребенка: формирования его национального характера, норм поведения, вкусов, обычаев, традиций. В полиэтнической среде этот процесс может приобретать противоречивый характер среди детей как пришлого населения, так и местных жителей, этнокультурная среда которых изменяется.

Целью нашего исследования было определение у младших школьников, обучающихся в полиэтнических коллективах, выраженности агрессии и выявление ее связи с принятием/непринятием детьми сложившейся окружающей их этнокультурной среды.

Базой исследования стали младшие классы Марковской и Пивоварской средних школ Иркутского района (всего 150 детей 8...9 летнего возраста). Школы характеризуются достаточно разнообразным составом учащихся по национальному признаку уже на первой ступени обучения. Наряду с местными жителями – бурятами, славянами (русскими, белорусами и украинцами) в классах учатся дети мигрантов – выходцев с Кавказа, Средней Азии, Казахстана, Кореи и Китая. Количество мигрантов в классах, являющихся базой исследования, составляет более трети от общего количества учащихся. Давность миграции – 2...5 лет.

Для определения степени принятия/непринятия ребенком признаков чужой этно-

культуры использовали методику А. Сухарева и разработанные нами к ней субтесты. А. Сухаревым показано, что несовпадение желаемого человеком этнокультурного окружения (климата, ландшафта, рациона питания, национального облика людей) с реальностью приводит к росту плавающей и предметной тревожности, развитию депрессивных состояний, аффективным выплескам, агрессивному поведению.

Степень выраженности агрессивных проявлений определяли при помощи «Теста руки» (Б. Бриклен, З. Пиотровски, Э. Вагнер), направленность и форму агрессивных проявлений – при помощи шкалы фрустрируемых ценностей (модифицированный вариант методики Л. Собчик).

Исследования показали, что *высокий уровень* непринятия чужой культуры, чуждого природного и климатического окружения, внешнего облика людей другой национальности проявляет 61 % от общего числа учащихся. Это значит, что двое из троих детей, обучающихся в полиэтнических классах, не желают дружить с детьми, имеющими внешний облик другой национальности; не хотели бы проживать в условиях чужого климата и ландшафтов (для мигрантов это их реальное окружение, в котором они живут); употреблять в пищу блюда чужой национальной кухни. Все выборы, которые делают эти дети, имеют выраженные черты своей этнокультуры.

Средний уровень непринятия чужого имеют 20 % всех школьников. Они не столь категоричны в своих национальных предпочтениях. Потенциально они не против дружить с детьми других национальностей, которые есть в классе. Наряду с предпочтением родной природы они не отрицают красоту далеких краев, где жили раньше их одноклассники; их национальные обычаи, национальные блюда.

Низкий уровень непринятия чужого отмечен у 13 % учащихся. В их выборе преобладают объекты, имеющие явные признаки чужой этнокультуры. Для местных детей такой выбор означает рассогласование предпочитаемого

образа этнокультурной самоидентификации с их реальным окружением. А для детей мигрантов – высокое принятие той этнокультурной ситуации, в которой они оказались.

Выявлена ли разница в принятии-непринятии чужой этнической среды между местными детьми и мигрантами? Да. Установлено, что среди детей местного населения отрицание чужой этнокультурной среды наблюдается в два раза чаще, чем среди детей мигрантов (67,3 % против 37 %). У мигрантов же, наоборот, в три раза чаще, чем у местных детей, встречается низкий уровень отторжения чужого этнокультурного окружения (у 34 % детей против 10 %). Почти все дети, которые не могли определиться в своих этнических предпочтениях (6 %), были детьми переселенцев.

Следовательно, у детей, приехавших с других территорий, преобладает низкий уровень непринятия чужого и низкий уровень предпочтения своих этнокультурных ценностей. Они более терпимы к проявлениям чужой культуры, к необходимости находиться среди людей с отличными от них внешними признаками. Полученные нами данные согласуются с фактами, описанными Е.Н. Корнеевой [3] при изучении межэтнической толерантности пришлого взрослого населения. Она отмечает, что социальные адаптивные возможности переселенцев невысоки. Причины этого – стереотип настороженного отношения к ним местного населения, недостаточное владение языком, отличия от культурных и религиозных предпочтений местных жителей. Поэтому взрослые переселенцы стремятся к общению с местным населением, пытаются приспособиться к новой среде, самоутвердиться в новом окружении и своим поведением формируют взгляды и поведение своих детей.

Результаты обследования детей по принятию-непринятию ими чужой культуры мы сопоставили с проявлениями у них агрессии.

Установлено, что в полиэтнических классах у 43 % всех учащихся проявляются агрессивные тенденции, у 37 % – тенденция к аутоагрессии, лишь 20 % имеют показатели агрес-

сивных проявлений, соответствующие норме (по шкале Собчик). Для сравнения: в классах, не являющихся полиэтническими, агрессивные тенденции наблюдаются, как правило, менее чем у 20 % детей (в два раза реже!), аутоагрессия – немногим более 20 % (почти в два раза реже!), нормальный уровень агрессии – отмечается более, чем у половины учащихся. Следовательно, полиэтническая школьная среда потенциально более «взрывоопасна», чем среда более однородная по этнокультурным признакам.

Однако подчеркнем, что в младшем школьном возрасте речь идет именно об агрессивных тенденциях, а не о выраженном агрессивном поведении. Согласно мнению разработчиков используемых нами психологических тестов, выявленным показателям агрессивности соответствует поведение, которое характеризуется сдержанностью, осознанным самоконтролем над агрессивными проявлениями. Отмечаются лишь ситуативные реакции ответной агрессии. Наблюдаемые в младшем школьном возрасте агрессивные тенденции могут в дальнейшем выразиться в личностных качествах самореализующей личности – настойчивости, упорстве, наступательности, противодействию давлению среды. Однако при определенных условиях возможен и другой вариант развития событий, когда поведение учащихся становится выражено агрессивным.

На наш взгляд, особого внимания требует факт высокой встречаемости у учащихся полиэтнических классов аутоагрессивных тенденций. Аутоагрессия – агрессия, направленная на себя. Она может быть связана как с личностными качествами (повышенными требованиями к себе), так и с состояниями психологического дискомфорта, тревоги, угнетенности, подавленности, депрессии.

Встречаемость агрессивных и аутоагрессивных проявлений у местных детей и мигрантов различная.

Среди местных детей агрессивные проявления наблюдаются чаще, чем у мигрантов

(45 % против 32 %), а вот аутоагрессия – в полтора раза реже. Следовательно, подавляющее большинство детей мигрантов испытывают психологический дискомфорт, чувство угнетенности, самоотвержения. Понятно, что в подростковом возрасте это может значительно исказить процесс становления личности, привести к стремлению самоутверждения разными способами.

Связаны ли проявления агрессивности с принятием-непринятием учащимися сложившейся вокруг них полиэтнической среды?

В целом, закономерность выявлена такая. Наиболее высокий показатель проявления агрессивных тенденций – у детей с высоким уровнем неприятия чужого. У детей со средним уровнем неприятия чужого встречаются все уровни агрессии: агрессия как тенденция, норма агрессии и аутоагрессия как тенденция. У детей с низким уровнем неприятия чужого доминирует аутоагрессия.

Однако для местных детей и мигрантов картины зависимости агрессивности от этнокультурных предпочтений имели отличия.

Если для местных детей выявленная закономерность в целом сохранялась, то для детей мигрантов агрессивные тенденции были связаны как с высоким, так и с низким уровнем неприятия чужого, а также с трудностью определения своих этнических предпочтений. Нормальный уровень агрессии отмечался всего у 13,7 % мигрантов – при среднем уровне неприятия чужого. Аутоагрессия была сильно выражена при всех видах этнокультурных предпочтений.

Таким образом, в группе приезжих много детей с низким уровнем предпочтения своих этнокультурных ценностей. Мигранты более терпимы к проявлениям чужой культуры, мирятся с необходимостью находиться среди людей других национальностей. Однако это достигается за счет их большого внутреннего дискомфорта: агрессивные и аутоагрессивные тенденции проявляются у 86,3 % приезжих детей. Это указывает на значительный этнокультурный стресс, который испытывают практиче-

ски все мигранты.

В группе местных детей тревогу вызывает внутреннее состояние тех, кто отвергает образ исторически сложившейся в месте жительства этнокультуры. У них преобладают аутоагрессивные тенденции. Неменьшее беспокойство вызывают дети с агрессивными тенденциями среди тех, кто непримиримо относится к проявлениям чужой культуры.

Для определения направлений оказания детям группы риска психолого-педагогической помощи мы изучали их реакции на ситуации фрустрации.

Известно, что как агрессивность, так и аутоагрессия ярче проявляются в состоянии эмоционального напряжения, неудовлетворения, фрустрации. Под фрустрацией понимаются ситуации, в которых окружающие лица специально или нечаянно ущемляют интересы индивида, задевают его самолюбие, негативно воздействуют на его самооценку. В ситуации фрустрированности человек испытывает страх, тревогу, чувство вины и т.д. Проявлениями фрустрации могут быть также враждебные высказывания, обвинения, открыто агрессивные действия, стремление подавлять. Возможно сочетание тех и других реакций. Выбор типа реагирования во многом зависит от свойств личности.

Мы моделировали ситуацию фрустрации, используя вербальный тест, в ходе выполнения которого каждый ребенок отвечал на обращенные к нему лично вопросы. Процедура обследования не включала вариантов ответов, действий и чувств. Ребенок должен был самостоятельно выразить свое отношение в вербальной форме, предположить свои действия, описать свои чувства.

Сила и направленность агрессии определялась опосредовано, с учетом личностно-значимой фрустрируемой ценности и фрустрирующего лица (учителя, родителя, семьи, друга, одноклассника, случайного человека). В качестве фрустрируемых ценностей мы рассмотрели воздействие культуры, природы, внешнего вида, состояния здоровья, физиче-

ского развития, удовлетворенность желаний, положение среди сверстников, социальный статус, национальную принадлежность, кругозор, знания, навыки, нравственность, воздействие средств массовой информации.

Исследования показали, что существует зависимость степени выраженности проявлений агрессивности и аутоагрессии от фрустрируемых ценностей. Наиболее высокий показатель агрессивности проявляется у школьников в связи с неудовлетворенностью своим социальным статусом, положением среди сверстников. Для детей с высоким уровнем неприятия чужого как местных, так и мигрантов, агрессивные тенденции были связаны с фрустрацией эстетико-природных ценностей. Такие дети недовольны окружающей их (родную/неродную) природой, не воспринимают ее как ценность, не чувствуют ее красоту, не сопереживают ей. Отметим в этой связи, что многие исследователи агрессивного поведения подростков отмечали их жестокое отношение к животным, низкий уровень развития эстетических чувств, художественной и экологической культуры. У детей с аутоагрессией выявлена фрустрация, связанная с вопросами национальной принадлежности, нереализацией своих нравственных ценностей и представлений, неудовлетворенностью своим внешним видом и физическим развитием, а также результатами учебы, своими школьными знаниями и умениями.

Полученные данные послужили фактическим основанием для организации направленной психолого-педагогической работы с учащимися полиэтнических классов по ранней профилактике межэтнических конфликтов.

По мнению ученых, функция полиэтнической образовательной среды заключается в обеспечении взаимопонимания, а значит, и эффективного взаимодействия между субъектами образовательного процесса (прежде всего, в ведущей деятельности учащихся) [2]. Однако сама по себе полиэтничность образовательной среды автоматически не приводит к эффективному взаимодействию и взаимопо-

ниманию ее субъектов. Это не более чем предпосылка для данных процессов. Станет ли полиэтничность консолидирующим, конструктивным фактором развития школьников, зависит от целенаправленной работы педагогов. Чтобы полиэтнический фактор не стал деструктивным, необходимо создать условия, позволяющие детям постичь культурные ценности, нормы, образцы поведения своего и других народов, сформировать опыт позитивного межэтнического взаимодействия и, как следствие, успешно адаптироваться в среде со смешанным этническим составом населения.

В течение года мы проводили комплексную целенаправленную работу с детьми, направленную на три сферы, в которых происходит процесс становления личности: учебную деятельность, общение, самопознание [1]. Учитывали индивидуально значимые фрустрации и фрустрирующих лиц. Проводили психологические тренинги, направленные на понимание себя и другого, установление с ним контакта, конструктивного общения, а также тренинги по профилактике агрессивного поведения.

Хотя работа велась всего год, можно говорить о ее позитивных результатах. Главным положительным результатом, на наш взгляд, было увеличение числа детей с нормальным уровнем агрессии с 20 до 54 %. Этот показатель стал таким же, как в классах, не являющихся полиэтническими. Другим важным результатом было значительное уменьшение числа детей с аутоагрессией. Кроме того, практически не осталось детей с высоким уровнем неприятия чужого. А среди детей со средним уровнем неприятия чужого показатели аутоагрессии снизились более чем в три раза.

К сожалению, незначительные изменения произошли в группе с низким уровнем неприятия чужого. В ней остались дети с показателями и аутоагрессии, и агрессивности. Вероятно, будучи обеспокоенными проблемой межэтнической агрессии и развивая у учащихся этнокультурную толерантность, мы в какой-то мере выпустили из внимания проблему этно-

культурной самоидентификации ребенка. Мы думаем, что, планируя работу на перспективу, нам необходимо усилить практику этнокуль-

турных погружений учащихся, разработать учебно-методическое пособие, построенное на диалоге культур.

Литература

1. Асипова, Н.А. Научно-педагогические основы формирования культуры межнационального общения школьников [Текст] / Н.А. Асипова. – Бишкек, 1994.

2. Белинская, Е.П. Этническая социализация подростка [Текст] / Е.П. Белинская, Т.Г. Стефа-

ненко. – М. – Воронеж: Элиас, 2000.

3. Корнеева, Е.Н. Нестандартные дети [Текст] / Е.Н. Корнеева. – М.: Эксмо, 2001.

4. Мудрик, А.В. Социальная педагогика [Текст] / А.В. Мудрик. – М.: РАО, 2001.

Коротко об авторе

Briefly about author

Даниленко Т.В., ст. преподаватель кафедры управления, Иркутский институт повышения квалификации работников образования (ИПКРО)
служ. тел: 8(3952)24-26-83

Danilenko T., Lecturer of Management Department, Irkutsk Educational Workers' Training Institute

Научные интересы: психология поведения детей

Scientific interests: psychology of children's behavior

УДК 378.147

Донченко Нина Алексеевна
Donchenko Nina

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СИСТЕМАТИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ
ЭВРИСТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ

METHODOLOGICAL ASPECT OF HEURISTIC
TEACHING CATEGORIES SYSTEMATIZATION

В статье рассматривается содержание понятия «методы обучения», предполагающее достаточно сложную внутреннюю структуру более мелких дидактических категорий, и рекомендуется использовать для классификации эвристических методов обучения психологические критерии, а именно, мыслительные стратегии

The article is devoted to a notion content “methods of education”, supposing quite complicated inner structure of the small didactic categories and it’s recommended to use psychological criteria, such as mental strategies for classification heuristic methods of education

Ключевые слова: методы обучения, дидактические техники, приемы, операции, эвристические стратегии

Key words: the methods of education, didactic techniques, devices, operations, heuristic strategies

Содержание понятия «методы обучения» предполагает достаточно сложную внутреннюю структуру более мелких дидактических категорий, для классификации эвристических методов обучения рекомендуется использовать психологические критерии, а именно – мыслительные стратегии.

Рассматривая педагогическую эвристику с позиции влияния на образовательный процесс, мы понимаем ее как сложную структуру научно-педагогических знаний, в которой доминирующую функцию исполняют две составляющие: методы обучения и дидактические принципы. В то же время, «метод обучения – понятие весьма сложное и неоднозначное. До сих пор ученые, занимающиеся этой проблемой, не пришли к единому пониманию и толкованию сути этой педагогической категории. И дело не в том, что данной проблеме уделялось недостаточно внимания ... Проблема – в многогранности этого понятия», по мнению большинства

педагогов: – «Методы обучения – это способы организации учебно-познавательной деятельности ученика с заранее определенными задачами, уровнями познавательной активности, учебными действиями и ожидаемыми результатами для достижения дидактических целей. ... Прием обучения – это составная часть или отдельная сторона метода» [4, С. 168,170].

Следует обратить внимание на то, что в определении включен термин «учебные действия». Очевидно, что тут подразумеваются минимальные единицы целенаправленной образовательной деятельности, из совокупности которых состоят приемы и методы обучения.

А.В. Хуторской дает предельно лаконичную формулировку категории «метод обучения», но при этом раскрывает противоречивость и неоднозначность освещения современной наукой этой педагогической категории: «методы обучения – это способы совместной деятельности учителя и учеников, направлен-

ные на достижение ими образовательных целей. Метод является частью вида деятельности ученика и учителя, единицей производимого действия. Метод может быть не только способом деятельности, но и способом организации деятельности, то есть метаметодом, характеризующим деятельность другого рода – метапредметного.

Составной частью метода является прием. Отдельные приемы обучения могут входить в состав различных методов обучения. В зависимости от ситуации приемы могут играть роль полноценного метода, и, наоборот, метод может стать отдельным приемом в рамках другого, более емкого метода» [6, С. 318].

Итак, с одной стороны, в арсенале педагогов – целый набор традиционных дидактических терминов, под которыми разные специалисты в разных ситуациях предполагают достаточно отличное содержание. Отсюда ощущается настоятельная потребность в конкретизации этих понятий и разграничении сфер их применения. С другой стороны – налицо «интервенция» в дидактику новых терминов из других областей знания. Судя по тому, как легко и быстро новые понятия воспринимаются педагогикой, можно предположить, что этот процесс своевременный и естественный и будет продолжаться и далее, возможно, именно привнесенные новые понятия помогут конкретизировать традиционные для педагогики термины. На наш взгляд, весьма полезными могут быть такие словосочетания, как «дидактическая техника» и «дидактическая операция», тем более, что подобные термины уже используются в специальной литературе. Так, А.П. Чернявская в своей работе «Педагогическая техника в работе учителя» широко использует такие понятия, как «методика и техника проведения индивидуальной беседы», «техника организации диалога и дискуссии при обучении и воспитании», «техника речи учителя», «техника дыхания и голос», «техника педагогической рефлексии», «техника использования метода «Портфолио» в профессиональном развитии» [7].

Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, термин «техника» имеет несколько трактовок, в том числе – «совокупность приемов, применяемых в каком-нибудь деле, мастерстве» [3, С. 795]. Следовательно, понятие «дидактическая техника» предполагает совокупность приемов, используемых в образовательном процессе, а термин «прием», по С.И. Ожегову, может рассматриваться как «способ в осуществлении чего-нибудь» [3, С. 588]. Значит, «дидактический прием» – понятие более частное, чем «дидактическая техника» и входит в его структуру. Однако, исходя из перечисленных источников, видно, что содержание дидактического приема само предполагает собственную структуру. При рассмотрении состава учебного приема уместным оказывается термин «дидактическая операция», как элемент обучающего приема. Словарь С.И. Ожегова определяет термин «операция» как отдельное действие в ряду других подобных [3, С. 452].

Таким образом, дидактическая операция может пониматься как частное обучающее действие, рассматриваемое в совокупности с другими подобными. В определенном смысле используемое С.А. Смирновым словосочетание «учебное действие» может рассматриваться как синоним понятия «дидактическая операция», но, на наш взгляд, второй вариант более точен, так как термин «действие» имеет гораздо более широкую трактовку, чем термин «операция».

Теперь имеется возможность четко дифференцировать область применения основных понятий. Самой общей категорией является образовательная система, включающая основные элементы процесса обучения. Конкретные методы обучения принимаются как составляющие элементы системы, но сами они могут включать несколько дидактических техник, а те, в свою очередь – состоять из ряда обучающих приемов, которые представляют собой определенный набор дидактических операций. Понятие «способ обучения» мы понимаем как категорию промежуточную между дидактическим приемом и дидактическими

операциями, то есть обучающий способ – это небольшая совокупность дидактических операций, например, способ проверки знаний, способ закрепления материала, способ сообщения знаний, способ активизации мыслительной деятельности. Таким образом, дидактический прием может включать несколько способов обучения, а дидактическая операция – это элементарная частица рассмотренных категорий. Из совокупностей дидактических операций состоят способы, приемы, техники и методы обучения.

Дидактические операции, как мельчайшие элементы системы обучения, после их детального анализа мы подразделяем на два класса: мыслительные операции и организационно-деятельные операции. Мыслительные операции мы сначала понимаем как продукт обучения и лишь при накоплении определенных навыков мышления – как дидактические операции.

Разумеется, все элементы, входящие в одну структуру любого уровня, должны содержать общие принципиальные признаки. И такими отличительными признаками в данном исследовании мы определяем конкретные мыслеформы, которые развиваются у учащихся посредством применения определенных совокупностей оргдеятельных манипуляций, то есть мы прослеживаем самую непосредственную связь между методом обучения и качественными характеристиками мышления учащихся. Наша позиция имеет научное обоснование. Так, в современном словаре по педагогике отмечено: «Принципы психологии обучения положены в основу разработки методов обучения как единства деятельности преподавателя и учащихся» [5, С. 655]. Мы придерживаемся следующей соподчиненности дидактических понятий (см. схему).

Схема соподчиненности дидактических понятий

Классификация методов обучения, исходя из источников получения знаний, была разработана Е.И. Перовским и Д.О. Лордкипанидзе. М.А. Данилов и Б.П. Есипов предложили классификацию приемов обучения по дидактическим целям. Ю.К. Бабанский рекомендовал организационную классификацию [1, С. 14].

М.Н. Скаткин и И.Я. Лернер предложили классификацию по уровню включения в продуктивную (творческую) деятельность, согласно которой вся совокупность приемов обучения подразделяется на несколько методов:

- объяснительно-иллюстративный, или информационно-рецептивный;
- репродуктивный;
- проблемное изложение;
- частично-поисковый (эвристический) метод;
- исследовательский метод [2, С. 181].

М.Н. Скаткин и И.Я. Лернер изучали совокупность дидактических приемов с позиции активности в образовательном процессе самих учащихся, а зависимость используемых методов обучения и качественных характеристик процесса мышления учащихся, которые развиваются в результате исполнения конкретных организационных приемов обучения, ученые еще не рассматривали. Нам же именно этот аспект реализации методов обучения представляется наиболее интересным. Здесь педагогика тесно соприкасается с психологией, и возникает вопрос: к какой области науки относится данное исследование?

Учитывая длительность и малоэффективность попыток разных педагогов найти организационные основы классификации эвристических методов обучения, в качестве основного критерия мы решили использовать группировки дидактических приемов психологические категории – качественные реализации мышления.

Это представляется допустимым, так как педагогическая эвристика развивается на стыке двух областей знаний. Следовательно, одна часть изучаемых категорий – это организационные педагогические составляющие, а вторая – понятия и инструментарий эвристики, которая в свою очередь представляет собой науку, аккумулирующую достижения нескольких областей знаний, в том числе и психологии мышления. Отсюда, все эти составляющие присутствуют и в педагогической эвристике, а значит, использование мыслительных категорий для классификации дидактических методов не противоречит природе этой науки.

Итак, рассмотрев категорию «методы обучения» как важнейшую структурную составляющую педагогической эвристики, мы выделяем в этом элементе предполагаемой системы собственную, достаточно сложную структуру, включающую в себя еще четыре уровня классифицируемых элементов: дидактические техники, приемы, способы и дидактические операции. К числу последних и относятся эвристики, характеристики которых мы предлагаем использовать в качестве критерия группировки методов обучения, прежде всего, это – стратегии, включающие в свой состав процедуру последовательных приближений, дедукцию, сравнение, аналогию, индукцию и редукцию. Мы полагаем, что на основе мыслительных стратегий, реализуемых в образовательном процессе, можно выделить родственные совокупности дидактических приемов, которые следует рассматривать как основные элементы методов эвристической системы обучения. Таким образом, предлагаемая иерархия дидактических категорий может служить методологической основой научного исследования в области педагогической эвристики.

Литература

1. Выбор методов обучения в средней школе [Текст] / Под ред. Ю.К. Бабанского. – М., 1981.
 2. Лернер, И.Я. Дидактические основы методов обучения [Текст] / И.Я. Лернер. – М.: Педа-

гогика, 1981. – 185 с.
 3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1998.
 4. Педагогика. Педагогические теории, сис-

темы, технологии [Текст] / Под ред. С.А. Смирнова. – М.: Асадема, 2001. – 510 с.

5. Современный словарь по педагогике [Текст] / Сост. Е.С. Рапацевич. – М.: Современное слово, 2001. – 928 с.

6. Хуторской, А.В. Современная дидактика:

учебник для вузов [Текст] / С-Пб, – М. –Харьков – Минск: Питер, 2001. – 536 с.

7. Чернявская, А.П. Педагогическая техника в работе учителя [Текст] / А.П. Чернявская. – М.: Центр «Педагогический поиск», 2001. – 176 с.

Коротко об авторе

Briefly about author

Донченко Н.А., канд. пед. наук, зав. отделом аспирантуры и докторантуры ГОУ ВПО «Красноярский государственный торгово-экономический институт» (КГТЭИ) служ. тел.: (3912-2) 21-30-75

Donechko N., Ph. D. (Pedagogics), Head of Graduate and Doctor's Degree Study of PEI HPE "Krasnoyarsk State Trade and Economic Institute"

Научные интересы: педагогика, эвристика, психология, бухгалтерский учет

Scientific interests: pedagogy, heuristics, psychology, accounting

УДК 37.026.3

Ермолаев Юрий Владимирович
Yermolayev Yuriy

ПЕРЕДАЧА ИНФОРМАЦИИ В УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

INFORMATION TRANSFER IN EDUCATIONAL INFORMATIVE ACTIVITY

Рассматриваются некоторые вопросы информационного содержания процесса подготовки специалиста и ценности информации в образовательном процессе

In article are considered some questions of the information maintenance of process of preparation of the expert and value of the information in educational process

Ключевые слова: передача информации; тезаурус; теория информации; ценность информации

Key-words: an information transfer; the thesaurus; the information theory; value of the information

Инновационное высшее образование, под которым в первую очередь понимают внедрение в учебный процесс новых информационных технологий, является одним из важнейших факторов, способствующих формированию инновационного потенциала российской экономики в целом и отдельного региона, в частности.

В целях развития интеллектуального и инновационного потенциала проводится системная реформа образования, поскольку в наше время качество профессионального образования определяется культурой инновационного мышления специалиста, а также его умением комплексно сочетать исследовательскую, проектную и предпринимательскую деятельность, ориентируясь на создание высокоэффективных производящих структур, стимулирующих рост и развитие различных сфер деятельности. Развитие инновационного образования предполагает целенаправленное формирование знаний, умений и комплексную подготовку специалистов за счёт использова-

ния современных информационных ресурсов, новых образовательных программ, методик обучения и других способов и методов, вводимых в учебный процесс. В инновационном высшем образовании должны доминировать неклассический тип научной рациональности, при которых методы и субъект познания влияют на его результаты, а научные знания рассматриваются в контексте социальных условий и социальных последствий деятельности людей.

В связи с внедрением в образовательный процесс новых информационных технологий всё более актуальным становится вопрос о некоторых положениях теории информации применительно к процессу подготовки специалистов в высшей школе. Современная действительность, определяемая возникновением новых разделов в различных науках, новыми подходами в рамках этих разделов, все чаще включает аспекты теории информации. А обращение к таким сложным целостным системам, как социальная система, предоставляет возможность средствами теории информации

теоретически моделировать и количественно измерять отдельные показатели развития социальных систем, частным случаем которых является педагогическая система.

Теория информации (information theory) – область прикладной математики, связанная с описанием, оценкой качества и оптимизацией методов передачи, хранения, обработки, извлечения и классификации информации. Термин не имеет единого общепринятого толкования.

В основе теории информации лежит теория оптимальной передачи информации, часто называемая в математической литературе просто «теория информации» (такое толкование термина мы будем иметь в виду в дальнейшем). Возникновение теории информации связано с именем К. Шэннона, предложившего в 1948 г. общее решение проблемы возможности передачи и хранения информации при заданном качестве с использованием оптимальных методов кодирования и декодирования. Задачи, связанные с передачей и хранением информации, по существу не отличаются друг от друга: хранение можно рассматривать как передачу информации, но не в пространстве, а во времени.

Одна из задач нашей работы – создать общую теоретическую базу для перевода на язык теории информации, системного анализа термины, уже известные и нашедшие свое применение в социальных науках и в первую очередь в педагогике, так как именно процесс подготовки специалистов в высшей школе в большей степени демонстрирует необходимость в подборе, дозировке, кодировке и декодировке информации, т.е. повышении уровня ее упорядоченности.

Образовательный процесс, в свою очередь, обеспечивает передачу информации от субъекта к объекту. Естественно, что учебный материал в информационном плане гораздо уже, чем весь образовательный процесс. Учебный материал представляет собой тематическое изложение информации, а образовательный процесс является конгломератом множества информационных потоков: содер-

жание материала, эмоциональный фон, нравственно-этическая и эстетическая категории, предмет применимости знаний на практике.

В этом случае за основу важно принять следующую аксиому: вычленения отдельной информации из общей системы образовательного процесса приводят к его разрушениям (локальные изменения в системе приводят к разрушению системы, т.е. реформировать систему в локальном порядке невозможно).

На данном этапе целесообразно еще раз уточнить понятие «система».

Система – совокупность взаимодействующих объектов, свойства которых отличны от суммы свойств этих объектов.

Действительно, процесс подготовки в высшей школе нельзя считать информационной суммой учебного материала по различным дисциплинам.

Информационное содержание процесса подготовки специалиста намного превышает сумму информации, заключенную в отдельных его характеристиках.

Привлечение математического аппарата к описанию образовательного процесса делалось неоднократно. Были попытки соотнести целостные системы, находящиеся в нелинейном развитии, с теорией информации. В основе данного соотнесения заложен вероятностный смысл. К примеру, теорию информации и математический аппарат к искусствоведению адаптировал М. Волькенштейн, к биологическим процессам – А.И. Быховский, Г. Кастлер, И.И. Шмальгаузен. В [4] рассматривается системный подход обеспечения качества учебно-образовательного процесса в высшей школе в информационном аспекте. В образовательном процессе информация не сводится к регистрации, запоминанию, записыванию. В образовательном процессе происходят и утрата информации, и ее возрастание. Первое очевидно. Передача любого сообщения обязательно сопровождается «шумами», случайными нарушениями в работе сигнального устройства. Хорошей моделью вызываемых «шумами» искажений информации может служить дет-

ская игра в «испорченный телефон». Техника борьбы с «шумами» происходит путем сообщения избыточной информации.

Далее, утрата части информации происходит при восприятии учебного материала. Это обусловлено особенностью восприятия учебной аудитории (рецептора, объекта), особенностью изложения учебного материала преподавателя (субъекта) и совершенства информационной среды, связываемой (каналы связи) сообщениями (как транспортировщиком информации), непосредственно процессом передачи информации (технология) преподавателя и аудитории и необъективностью формулировки (кодировки) информации.

Стоит, пожалуй, более подробно остановиться на процессе формирования передаваемой информации преподавателем аудитории. Очевидно, что преподаватель не в состоянии объективно отразить предмет излагаемой информации, это обусловлено индивидуально-личностными (субъективными) особенностями восприятия самого преподавателя на этапе подготовки к занятиям. Кроме того, необходимо учитывать качество информации, поступающей к преподавателю (взятой в процессе подготовки к занятиям из литературы, собственного профессионального опыта, беседы со своими коллегами, собственным переосмыслением информации), которое, в свою очередь, становится субъективным уже в N-м порядке. На следующем этапе в процессе передачи информации происходит ее искажение в результате неадекватности избранных способов передачи информации (методы, средства, способы учебного процесса), каналов связи (информационная среда) и, наконец, формирования образа (объекта), преподносимого преподавателем будущей профессиональной деятельности, формируемого в сознании у студентов в реальном учебном процессе.

В то же время образовательный процесс оказывает обратное влияние на преподавателя. Преподаватель как бы вступает во вторичное взаимодействие с вербально изложенной информацией и корректирует ее по реакции

аудитории.

Как же обусловить возрастание информации?

Преподаватель имеет достаточно высокую квалификацию (пусть в информативно-содержательном плане субъективную), определенную подготовку и психологическую установку на восприятие аудитории (пусть тоже субъективно), тогда эти факторы могут выступать как программы обработки информации. Таким образом, в образовательном процессе условно программируются поток ассоциации, эмоции, мысли, уже имеющиеся в информационном багаже объекта и субъекта образовательного процесса.

Проблема ценности информации в образовательном процессе не может решаться безотносительно к ее восприятию и содержанию уже имеющейся. Таким образом, информационное содержание учебного процесса включает сообщаемую информацию и новую информацию, возникшую под ее влиянием (воздействием) в сознании студента (рецептора, субъекта). В результате студент оказывается создателем и обладателем дополнительной информации, сверхсодержащейся в самом учебном материале. Следовательно, можно категорично утверждать, что совместная деятельность преподавателя и студента в образовательном процессе есть сотворчество.

Не вызывает сомнений тот факт, что продуцирование учебно-образовательного процесса возможно при наличии предварительного запаса информации как у студента, так и у преподавателя (уровень запаса информации также может служить показателем эффективного учебного процесса), информационного пространства в виде алгоритма, умения оперировать информацией и возможности преобразования полученной информации на основе уже имеющейся.

Информационный запас – тезаурус, будем обозначать как Т и полагать его некоторым количеством информации. При этом под тезаурусом будем понимать не просто сумму сведений, некую «картотеку» прочитанного,

увиденного и услышанного, но все интеллектуальное и эмоциональное богатство рецептора, включающее его способность к сотворчеству. Лишенный фантазии и эмоциональности эрудит в этом смысле может оказаться обладающим меньшим тезаурусом, чем человек не столь сведущий, но способный к ярким переживаниям.

В педагогике понятие «тезаурус» связывают с информационно-семантической моделью обучения. Каждый индивидуум обладает собственным понятийным психологическим тезаурусом – тезаурусом личности. Расширение тезауруса личности обучающегося при включении в него новой информации интерпретируются Л.Т. Турбовичем как обучение. При этом процесс обучения представляется как процесс расширения и реструктурирования тезауруса.

В [2, 3] предлагается вариант технократического подхода к оценке качества переданной

информации, что позволило бы в дальнейшем разработать методики качественного и количественного анализа при передаче любой информации.

Рассмотрим субъект S (рис. 1), динамично получающий некоторое количество информации I_1 , которая имеет ценность (достоверность) V_1 . После обработки полученной информации субъект может передать полученную информацию другому субъекту. Очевидно, что часть информации может быть утрачена и (или) искажена. Процесс получения и дальнейшей передачи информации представлен на рис. 1, где I_1 – количество информации на входе, V_1 – ценность (достоверность) информации на входе, I_2 – количество информации на выходе, V_2 – ценность (достоверность) информации на выходе.

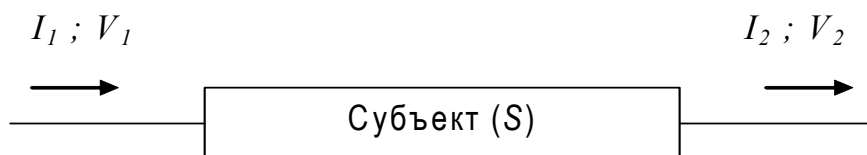

Рис. 1. Получение и передача информации субъектом

Иначе – субъект, получив некоторый объём информации I_1 , имеющей ценность V_1 , после некоторого времени хранения и обработки имеет возможность передать её далее. Пусть субъект получил абсолютно достовер-

ную информацию V_1 ($V_1 = I_1$). При последующей передаче часть информации P' была утрачена или намеренно задержана субъектом, а часть – искажена (рис. 2).

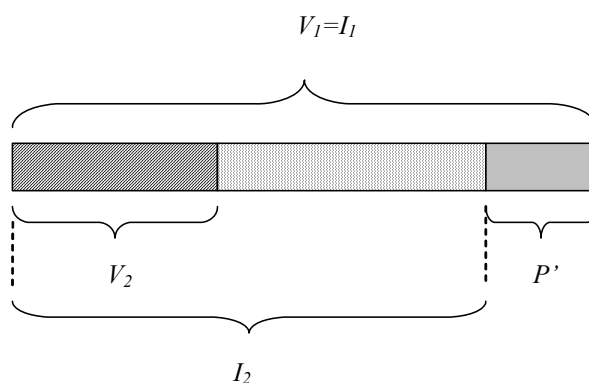

Рис. 2. Передача субъектом абсолютно достоверной информации

Предположим, что субъект получил некоторый, в общем случае случайный, объём информации I_1 , часть которой была заведомо правдива, затем передал её далее. При этом,

как и в предыдущем случае, часть информации P'' была утеряна или намеренно задержана субъектом (рис. 3).

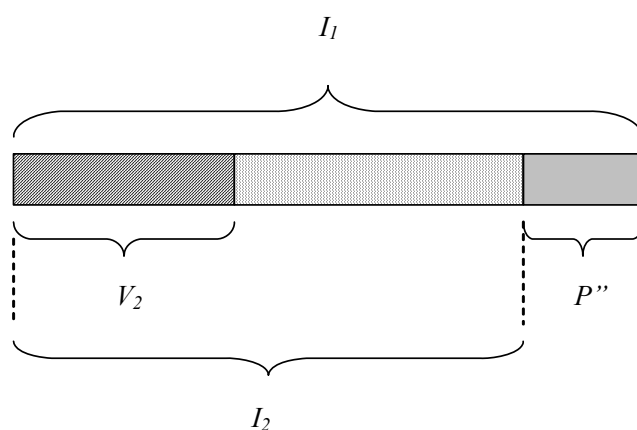

Рис. 3. Передача субъектом некоторого объёма информации

Опишем процесс, представленный на рис. 2 и рис. 3, системой уравнений

$$\begin{cases} V_1 = k_{11} \cdot V_2 + k_{12} \cdot I_2; & (1) \end{cases}$$

$$\begin{cases} I_1 = k_{21} \cdot V_2 + k_{22} \cdot I_2. & (2) \end{cases}$$

Очевидно, что получить значение коэффициентов k_{ij} из данной системы невозможно без некоторых допущений. Предположим, что в уравнениях (1) и (2) $I_2 = 0$ (S не выдаёт никакой информации другому субъекту). Понятно, что ценность любой, самой малой доли информации, полученной от S , возрастает (V_2 стремится к бесконечности). Реально – V_2 можно считать большой величиной. Тогда из уравнений (1) и (2) можно записать (при $I_2 = 0$).

$$k_{11} = \frac{V_1}{V_2}; \quad (3)$$

$$k_{21} = \frac{I_1}{V_2}. \quad (4)$$

Предположив, что $V_2 = 0$ (S выдаёт полностью искажённую информацию (лжёт)), можем определить из исходной системы уравнений коэффициенты (при $V_2 = 0$).

$$k_{12} = \frac{V_1}{I_2}; \quad (5)$$

$$k_{22} = \frac{I_1}{I_2}. \quad (6)$$

Мы получили некоторую матрицу коэффициентов K , описывающую передачу информации от одного субъекта к другому

$$K = \begin{pmatrix} k_{11} & k_{12} \\ k_{21} & k_{22} \end{pmatrix}.$$

Пусть в качестве субъекта мы имеем идеальный объект, который передаёт всю полученную информацию со 100 %-ной достоверностью (магнитофон). Тогда, согласно логике, мы получим: $V_1 = V_2$; $I_1 = I_2$. Иначе – матрица коэффициентов K имеет следующий вид:

$$k = \begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{pmatrix}.$$

Введём также коэффициент T (от слова true – истина), показывающий долю достоверной информации V от общего количества информации I соответственно на входе и выходе субъекта S , имеем

$$T_1 = \frac{I_1}{V_1}; \quad (7)$$

$$T_2 = \frac{I_2}{V_2}. \quad (8)$$

Приведённые соотношения могут послужить некоторым отправным моментом при анализе передачи информации с использованием теории матричного счисления.

Литература

1. Гурье, Л.И. Проектирование педагогической подготовки преподавателя технического вуза на основе тезауруса [Текст] / Л.И. Гурье // Инженерная педагогика: сб. научн. статей. – М.: МАДИ, 2001.

2. Ермолаев, Ю.В. Анализ передачи информации по типу «субъект-субъект» [Текст] / Ю.В. Ермолаев // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 7. – С. 33-34.

3. Ермолаев, Ю.В. Теоретические основы оценки качества передачи информации в учебном процессе [Текст] / Ю.В. Ермолаев // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Выпуск 1(29) 2007. – С. 142-146.

4. Швецов, М.Ю. Системно-информационное обеспечение образовательного процесса в высшей школе: монография [Текст] / М.Ю. Швецов. – Чита: Поиск, 2001. – 172 с.

Коротко об авторе

Ермолаев Ю.В., канд. техн. наук, доцент, декан энерготехнологического факультета, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
erm_62@mail.ru

Научные интересы: применение компьютерных технологий в изучении электротехнических дисциплин; проблемы высшего образования в регионах; вопросы, связанные с самообразованием и повышением качества образования

Briefly about author

Yermolayev Yu., Ph. D. (Engineering), Assistant Professor, Dean of Energetic and Technological School, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: application of computer technologies in studying of electrotechnical disciplines; higher education problems in regions; the questions connected with self-education and improvement of quality of formation

УДК 370.153

Петунин Олег Викторович
Petunin Oleg

**ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД
К АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

**INDIVIDUAL ACTIVITY APPROACH TO
ACTIVATION OF UPPERCLASSMEN COGNITIVE
INDEPENDENCE IN EDUCATIONAL PROCESS**

Рассматривается проблема активизации познавательной самостоятельности старших школьников в обучении и возможности лично-деятельностного подхода к осуществлению данного процесса

The article is about the problem of activation of upperclassmen cognitive independence in educational process and possibility of individual activity approach to the execution of this process

Ключевые слова: активизация; познавательная самостоятельность; старшие школьники; образовательный процесс; лично-деятельностный подход

Key words: activization; cognitive independence; upperclassmen; educational process; individual activity approach

П ринципиальное изменение содержания образования, его нацеленность на развитие творческой, социально-активной личности, выявление ее познавательных интересов и потребностей выдвигает задачу развития познавательных способностей, активизации познавательной самостоятельности обучаемых. Особенно значимой эта задача становится в отношении учащихся старших классов, которые вскоре вступят на путь обучения тому или иному виду профессиональной деятельности.

Активизация – это систематическая деятельность преподавателя и обучающегося, в ходе которой происходит стимулирование процессов воображения, восприятия, мышления и творчества обучающегося, связанная с его оптимальным умственным напряжением и направленная на формирование умственных потребностей, общее развитие его личности и

активной жизненной позиции.

Мы понимаем познавательную самостоятельность как «качество личности, проявляющееся у школьников в потребности и умении приобретать новые знания из различных источников, путем обобщения раскрывать сущность новых понятий, овладевать способами познавательной деятельности, совершенствовать их и творчески применять для решения разнообразных проблем» [8, С. 14].

Под понятием «старший школьник» мы рассматриваем учащегося 8–11-х классов в возрасте 14...17 лет, у которого наибольшее влияние на развитие его психики оказывает учебно-профессиональная деятельность, в результате чего появляется профессиональное и личностное самоопределение за освоение им профессиональных знаний и умений.

Образовательный процесс мы понимаем как специально организованное, целенаправ-

ленное взаимодействие педагогов и учащихся, выраженное через совокупность учебно-воспитательного и самообразовательного процессов, и направленное на решение задач образования, воспитания и развития личности [2, С. 87].

Активизацию познавательной самостоятельности старших школьников в образовательном процессе мы рассматриваем как систематическое и целенаправленное субъектно-согласованное взаимодействие учителя и обучающегося, направленное на совершенствование содержания, форм, методов, приемов и средств обучения и самообучения с целью возбуждения познавательного интереса, повышения активности, самостоятельности учащихся старших классов в познавательной деятельности, усвоении знаний, формировании умений, навыков и применении их на практике.

Исходной и основной методологической базой в объяснении активизации познавательной самостоятельности старших школьников в образовательном процессе и механизмов ее формирования мы рассматриваем личностно-деятельностный подход, согласно которому «...ни одно психическое явление (будь то процесс, состояние или свойство личности), проявляющееся в деятельности (а следовательно, и сама эта деятельность, и ее элементы, действия и поступки) не могут быть правильно поняты без учета этой личностной преломленности» [4, С. 187].

Личностный подход в исследовании проблемы активизации познавательной самостоятельности старших школьников связан, в первую очередь, с рассмотрением изучаемого феномена как качества личности, характеризующегося рядом признаков. В связи с этим большое значение имеют такие психические явления, как потребности, интересы, мотивы, воля, эмоции, способности, которые в своей совокупности образуют сущностные силы самостоятельности личности.

В то же время конкретной методологией для объяснения рассматриваемого феномена в педагогическом аспекте выступает деятель-

ностный подход, позволяющий, во-первых, рассматривать познавательную самостоятельность как характеристику деятельности, в связи с чем уместно говорить о самостоятельной познавательной деятельности; во-вторых, рассматривать познавательную самостоятельность с точки зрения механизмов ее формирования. Таким образом, исходной методологической базой в объяснении механизмов активизации познавательной самостоятельности является, по нашему мнению, личностно-деятельностный подход, а ключевыми понятиями выступают личность и деятельность. К интересующим нас принципам данного подхода ученые относят интериоризацию – экстериоризацию, а также детерминизм как преломление внешнего через внутреннее.

Теоретические аспекты проблемы личности рассматриваются в работах отечественных и зарубежных педагогов, психологов, методистов: развитие личности в деятельности (А.Н. Леонтьев, В.А. Петровский, С.Л. Рубинштейн и др.); развитие личности в период обучения и воспитания в общеобразовательной школе (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, И.С. Кон и др.); ценностные основания личностно-ориентированного воспитания в общеобразовательной школе (Е.В. Бондаревская, А.В. Кирьякова и др.); целостная концепция организации личностно-ориентированной учебно-познавательной деятельности учащихся (В.А. Беликов).

С педагогической точки зрения основные идеи личностного (личностно-ориентированного) подхода в образовании могут быть сведены к следующим положениям:

1) обеспечение развития личности через организацию ее деятельности;

2) единство взаимосвязи и взаимоперехода личностной и предметной сторон деятельности;

3) учет и подчинение образования на каждом уровне развития личности ее интересам, способностям;

4) формирование представления о деятельности как личностно значимой.

«Сущность личностного подхода заклю-

чается в ориентации процесса образования на личность как цель, субъект, главный критерий его эффективности» [1, С. 29].

В плане рассматриваемой проблемы заслуживает внимания точка зрения А.Н. Леонтьева, по его мнению развитие личности определяется процессом, в котором преломляются внешние и внутренние условия, влияющие на ее формирование. Преломляясь, они выступают уже не в качестве внешних факторов, внешних сил, движущих процесс развития личности, а в качестве внутреннего, заключенного в самом процессе развития личности соотношения.

Развитие личности, формирование тех или иных ее качеств, в том числе и познавательной самостоятельности, как мы уже отмечали, возможно только в деятельности. Поэтому особое значение в психолого-педагогических исследованиях имеет деятельностный подход.

Деятельность человека представляет собой достаточно сложный по своей специфике и внутренней структуре феномен. Ее основными характеристиками, по мнению Т.И. Шамовой, являются предметность – она подчиняется, уподобляется свойствам и отношениям преобразуемого в процессе деятельности объективного мира; социальность – деятельность человека всегда носит общественный характер, побуждающий людей к обмену ее продуктами, информацией, к согласованию индивидуальных целей и планов, к взаимопониманию; сознательность – в процессе организации и осуществления деятельности сознание выполняет разнообразные функции: информационную, ориентирующую, целеполагающую, мотивационно-побудительную, регулирующую и контролирующую [9, С. 104].

В научной литературе различают две формы деятельности, которые переходят друг в друга: внешнюю предметную (коллективную) деятельность людей (исходную и основную форму деятельности); внутреннюю (индивидуальную) деятельность. Исходя из этого, среди имеющихся определений деятельности разли-

чают онтогенетический и филогенетический подходы. Первый подход выявляет исторические и социальные аспекты деятельности, которая выражает активность человека, направленную на объекты или на других субъектов. Второй подход представляет деятельность как высший (после реакции и поведения) уровень реагирования, возникающий в процессе развития психики, свойственной только человеку. В зависимости от подхода варьируется структура деятельности. В первом случае она представляет баланс интериоризации и экстериоризации, во втором – как система компонентов, которые в обобщенном виде представлены как цель, средства достижения цели, результат.

Для осмысления сущности познавательной самостоятельности и механизмов ее формирования существенны оба подхода. Интериоризация, как переход внешних действий во внутренние, происходит посредством создания позитивного отношения к самостоятельному познанию, осмысление методов самостоятельной познавательной деятельности, создание внутреннего плана деятельности. Экстериоризация как переход внутренних действий во внешние включает воплощение замыслов с помощью освоенных способов самостоятельной деятельности.

Основные положения теории интериоризации – экстериоризации позволяют осмыслить познавательную самостоятельность с точки зрения сущностных сил личности. На основе интериоризации внешней познавательной деятельности происходит преобразование внутренних структур психики. Исходя из утверждения С.Л. Рубинштейна, что человек и его психика, а следовательно, и качества личности формируются и проявляются в практической деятельности, и что деятельность есть динамическая система взаимодействия субъекта с миром, следует, что преобразованные внутренние структуры человеческой психики должны быть реализованы, т.е. воплощены во внешние его психические проявления – в самостоятельную познавательную деятельность.

Поэтому познавательная самостоятель-

ность как качество личности есть экстериоризация внутренних структур психики (умений, мотивов, ценностей, воли и т.д.) в самостоятельной познавательной деятельности. Если же учесть, что личность в психологии характеризуется активностью, т.е. стремлением субъекта самостоятельно выходить за собственные пределы, а также устойчивой доминирующей системой мотивов и динамическими смысловыми системами (Л.С. Выготский), то в существующее понимание экстериоризации в некоторых случаях необходимо вносить поправку – сознательная экстериоризация.

Суть познавательной самостоятельности можно объяснить и с помощью принципа детерминизма, разработанного С.Л. Рубинштейном, который писал: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самостоятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Потому тем, что он есть, его деятельности можно определять и формировать его самого. На этом только зиждется возможность педагогики, по крайней мере, педагогики в большом стиле» [7, С. 438].

Ученый отмечал, что внешние причины действуют через внутренние условия, которые сами формируются в результате внешних воздействий. Причем он подчеркивал, что внутреннее под влиянием внешнего изменяется, приобретает новые свойства.

Таким образом, с позиций личностно-деятельностного подхода основополагающим является положение о взаимосвязи деятельности и развития личности. При этом для каждого периода развития личности характерна своя ведущая деятельность. А.Н. Леонтьев отмечает, что «ведущая деятельность – это такая деятельность, развитие которой обуславливает главнейшие изменения в психических процессах и психологических особенностях личности ребёнка на данной стадии его развития» [5, С. 66].

Для старшекласников психолого-педагогическая наука определяет ведущей деятельностью – «познавательную деятель-

ность», «учебно-познавательную деятельность», «учебную деятельность».

Понятие «учебная деятельность» по отношению к понятию «учение» рассматривается педагогами как более широкое по содержанию, поскольку включает одновременно и деятельность обучаемого, и деятельность обучающего. Ю.К. Бабанский, анализируя содержание понятий «учебная деятельность», «познавательная деятельность», «учебно-познавательная деятельность», отмечает, что они имеют определенную общность, но, вместе с тем, и специфическое отличие.

В философском энциклопедическом словаре познание рассматривается как «высшая форма отражения объективной реальности» [11, С. 389]. В новейшем философском словаре познание определяется как «творческая деятельность субъекта, ориентированная на получение достоверного знания о мире» [6, С. 527]. Современное понимание сущности данной категории наиболее полно представлено В.В. Ильиным в следующих научных положениях: познание – это творческое воспроизведение субъектом объекта; познание детерминировано предметно-вещным типом человеческой деятельности; познание – это творчески-производительная деятельность, результатом которой выступает многообразие знаний; познание соотнобразует с начальным запасом мыслей и вследствие этого попросту не имеет начала; оно не начинается с ничего, т.е. ощущения, есть лишь возможность продолжать его, отправляясь от исходных знаний; познание обусловлено языком, имплицитным семантическим картинам мира; познание целенаправленно, избирательно: оно оперирует некоторым срезом предмета, представленным в ценностно-окрашенном пространстве смыслов, координатами которого выступают для каждого конкретного случая специально устанавливаемые субъективно значимые значения параметров объективной реальности [3, С. 40].

Гносеология дает однозначный ответ на вопрос о цели познания: познание направлено на постижение истины; цель и итог познания –

истинное знание.

По мнению Г.И. Щукиной, функциональное назначение учебно-познавательной деятельности состоит в том, что она:

1) вооружает знаниями, умениями и навыками;

2) содействует воспитанию мировоззрения, нравственных, идейно-политических, эстетических качеств учащихся;

3) развивает их познавательные силы, личностные образования: активность, самостоятельность, познавательный интерес;

4) выявляет и реализует потенциальные возможности учащихся;

5) приобщает к поисковой и творческой деятельности [10, С. 42].

Рассматривая содержательные характеристики познавательной и учебно-познавательной деятельности, Ю.К. Бабанский отмечает, что в самом общем виде познавательная деятельность включает в себя учебно-познавательную деятельность школьника, но в то же время для обучающегося познавательная деятельность протекает, как правило, в учебно-познавательной форме. Поэтому в педагогическом аспекте познавательную деятельность и учебно-познавательную деятель-

ность обучающихся можно рассматривать как синонимы.

Таким образом, анализ проблемы активизации познавательной самостоятельности личности через личностно-деятельностный подход позволяет выделить два фактора, определяющие данный процесс:

1) оформление познавательной самостоятельности как качества личности происходит в контексте социальных условий. Жесткая детерминация процесса становления данного качества личности факторами общественного развития сказывается, прежде всего, на характере содержания самостоятельности, выраженном в ценностных ориентациях и на четкой очерченности сферы возможностей удовлетворения потребности в информации в сложившихся системах социальных отношений;

2) становление познавательной самостоятельности как качества личности в индивидуализированном аспекте обусловлено системой отношений, складывающихся вокруг личности в процессе ее формирования – ситуацией развития, а также способностями, влияющими на ценность осуществления программы деятельности, своего рода «потенциалом активности личности».

Литература

1. Беликов, В.А. *Философия образования личности: деятельностный подход [Текст] / В.А. Беликов.* – М.: ВЛАДОС, 2004.

2. Выготский, Л.С. *Педагогическая психология [Текст] / Л.С. Выготский;* – Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика-Пресс, 1996.

3. Ильин, В.В. *Философия: учебник для вузов. Ч. 2. / В.В. Ильин* – М.: Академический проект, 2002.

4. Леонтьев, А.Н. *Деятельность, сознание, личность [Текст] / А.Н. Леонтьев.* – М.: АСТ-пресс, 2005.

5. Леонтьев, А.Н. *Лекции по общей психологии: учебное пособие для вузов [Текст] / А.Н. Леонтьев; Под ред. Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой.* – М.: Смысл, 2007.

6. *Новейший философский словарь: 3-е изд.,*

исправл. – Мн.: Книжный Дом, 2003.

7. Рубинштейн, С.Л. *Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн.* – М.: Книга, 2006.

8. Петунин, О.В. *Формирование познавательной самостоятельности старших школьников в процессе углубленного изучения предметов естественнонаучного цикла: Монография [Текст] / О.В. Петунин.* – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.

9. Шамова, Т.И. *Формирование самостоятельной деятельности школьников [Текст] / Т.И. Шамова.* – М.: Просвещение, 1975.

10. Щукина, Г.И. *Роль деятельности в учебном процессе: Кн. для учителя [Текст] / Г.И. Щукина.* – М.: Просвещение, 1986.

11. *Человек: Философско-энциклопедический словарь [Текст].* – М.: Владос-пресс, 2000.

Коротко об авторе

Петунин О.В., канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой естественнонаучных и математических дисциплин, Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (ГОУ «КРИРПО»), лауреат Премии Президента РФ
petunnin@yandex.ru

Научные интересы: лично-деятельностный подход

Briefly about author

Petunin O., Ph. D. (Pedagogics), Assistant Professor, Head of Natural-Science and Mathematical Disciplines Department, Kuzbas Regional Educational Workers' Training and Retraining Institute, the Russian Federation President prize-winner

Scientific interests: individual activity approach

Политология

УДК 321.011.3

Бадмаева Инна Жаргаловна
Badmayeva Inna

УКРУПНЕНИЕ РЕГИОНОВ: РЕАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ, ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СИСТЕМА ПУБЛИЧНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

INCREASING OF REGIONS: REAL MOTIVATION, MAIN CAUSES AND SYSTEM OF PUBLIC ARGUMENTATION

Статья посвящена реформе административно-территориального устройства Российской Федерации, причинам данной реформы, анализу предпосылок появления идеи укрупнения регионов, и системе публичной аргументации реформы

This article is about reform of administrative structure of the Russian Federation. There are also causes of this reform, analysis of reasons of regions increasing idea origin and system of the reform public argumentation

Ключевые слова: реформа административно-территориального устройства, объединение субъектов федерации, аргументы за и против объединения

Key words: reform of administrative structure, integration of federation subjects, pro's and con's of integration

Укрупнение регионов – одна из самых обсуждаемых и неоднозначных политических тем современности. За достаточно короткий период времени – с 2003 по 2007 гг. – было проведено несколько референдумов, в результате которых на карте России появились новые крупные субъекты: 7 декабря 2003 г. прошел референдум по объединению Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа, в результате чего образован Пермский край; 17 апреля 2005 г. прошел референдум по объединению Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского округов; 23 октября 2005 г. – референдум по объединению Камчатской области и Корякского автономного округа; 16 апреля 2006 г. – референдум по объединению Иркутской области и Усть-Ордынского автономного округа, в результате чего создана объединенная Иркутская область; 11 марта 2007 г. – референдум

по объединению Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа привел к созданию Забайкальского края.

Говоря о реформе административно-территориального устройства страны, а именно об укрупнении регионов, необходимо сделать разграничение между реальной мотивацией, основными предпосылками укрупнения регионов и системой публичной аргументации, которая используется политиками и экспертами по ходу продвижения реформы.

Региональная организация Российской Федерации во многом сформировалась в эпоху плановой индустриализации. В советский период региональное развитие страны осуществлялось как плановое размещение на территории крупных производственных предприятий. В первую очередь, исходя из этого, по территории распределялось население (в советский период были осуществлены масштаб-

ные миграционные программы по освоению северных и восточных земель, проведена урбанизация страны), устанавливались инвестиционные приоритеты и сроки проектного освоения отдельных территорий (в 1920-30-е гг. – подъем отсталых окраин; в 1930-е и нач. 1940-х гг. – создание второй металлургической базы и заводов-дублеров на Урале и в Сибири; в 1950-70-е гг. – ускоренное развитие восточных районов; в 1960-1980-е гг. – формирование крупных территориально-производственных комплексов), а также определялся правовой статус последних (к моменту создания РСФСР в 1917 г. в России было 56 губерний, в 1922 г. – уже 72, в 1930 число краев и областей было сведено к 13, к 1991 г. в Российской Федерации было 89 субъектов Федерации).

Распад Советского Союза и происходившие впоследствии процессы обнажили целый комплекс экономических, социальных и политико-правовых проблем. Они непосредственно отразились на устойчивости социально-экономической ситуации в отдельных российских территориях и в целом на всей региональной организации страны.

К новым рыночным условиям смогли адаптироваться не все регионы. Часть субъектов Российской Федерации и городов – административных центров явно оказались не в состоянии обеспечивать конкурентоспособность собственного хозяйства не только в глобальном, но даже и страновом масштабе. В первую очередь, не нашли себя в новой экономике те поселения, которые исторически возникли в связи с решением старых геополитических задач (центры военно-промышленного комплекса, военные городки, закрытые административно-территориальные образования, монопрофильные поселения, полностью зависящие от технологии градообразующих предприятий и пр.). По экспертным оценкам, ежегодные потери Российской Федерации от неэффективной пространственной организации оцениваются в 2,25...3,0 % ВВП в год [1].

Одной из важнейших причин проведения административно-территориальной реформы

стало усугубившееся *различие в уровнях развития субъектов Федерации*. Как показывает статистика, за последние годы реализуемая политика бюджетного «выравнивания» регионов не только не имела эффекта, но и усугубила различия в уровнях развития территорий. Согласно данным Минрегионразвития РФ, в 1998 г. душевое производство ВРП в десяти наиболее экономически развитых регионах России превышало среднестатистический российский уровень в 2,5 раза, а в 2000-м – уже в 3,2 раза. Территории-аутсайдеры увеличили свое отставание от среднероссийских показателей с 3,3 до 3,5 раза. К 2004 г. 10...12 субъектов Федерации из 89 обеспечивали более 50 % ВВП страны [2]. К тому же регионы-лидеры стали терять мотивацию к развитию, а среди остальных территорий начали проявляться иждивенческие настроения.

Реформа по укрупнению регионов является одной из целого комплекса реформ, которые призваны ликвидировать негативные последствия планового хозяйствования и вывести страну на новый мировой уровень развития. Однако отныне в основе региональной политики страны находится принцип не выравнивания уровня развития регионов за счет перераспределения бюджетных средств, а прежде всего развития положительных тенденций в экономике регионов-доноров; поддержка регионов дотационных и, при возможности, распространение эффективного опыта [1].

Система расселения (связано это, прежде всего, с тем, что в СССР директивным методом определялись инвестиционные приоритеты и сроки проектного освоения отдельных территорий. Согласно этим планам, организовывалась массовая миграция рабочих рук в осваиваемые территории), унаследованная от СССР, и территориально-хозяйственная организация Российской Федерации определили *сырьевую специализацию страны*. Наиболее конкурентоспособной частью страны на мировом рынке оказываются сырьевые зоны России. Они «стягивают» на себя проектные мощности, поглощают свободные капиталы, ква-

лифицированную и мобильную рабочую силу (в частности, большинство инфраструктурных проектов последнего десятилетия нацелены на обеспечение транзитной экономики).

Сокращение инновационной составляющей в экономике регионов. Доминирующая в стране внутренняя производственно-территориальная организация большинства регионов не обеспечивает их конкурентоспособность в глобальном рынке. «В России не существует практически ни одного конкурентоспособного территориального кластера как динамичной и внутренне конкурентной сети близко локализованных предприятий, производящих одну и ту же или смежную продукции и совместно обеспечивающих хорошие рыночные позиции для страны, отрасли и самих предприятий» [1]. Примерно четверть всех субъектов Российской Федерации имеет монопрофильную экономику и основным донором их бюджетов выступают не производственные сети, а крупные вертикально-интегрированные корпорации.

Ослабшие хозяйственные связи между территориями. Складывающаяся в Российской Федерации новая иерархия регионов не всегда обеспечивает рост связанности в стране. Существующие старые региональные границы, поддержанные административно, блокируют процессы социально-экономического развития, регионы-лидеры пока слабо влияют на развитие других территорий.

К основным предпосылкам появления идеи укрупнения регионов могут быть отнесены следующие факторы: выстраивание «вертикали власти» с целью повышения контроля над территориями, над политическими элитами региона, над финансовыми потоками; выравнивание уровня экономического развития субъектов федерации, по сути, означающее стремление переложить бремя финансового обеспечения т.н. депрессивных регионов на плечи экономически развитых субъектов; необходимость решения проблемы сложно-составных субъектов. Помимо этого были и другие стимулирующие объединение факторы: стремление губернаторов «выторговать» для

региона дополнительные финансовые потоки; стремление бизнес-структур региона получить от объединения как можно больше выгод – лоббирование собственных интересов; участие в инвестиционных проектах, которые могут сопутствовать укрупнению [3].

Публичная аргументация за реформу по укрупнению регионов строилась на одном, но очень простом принципе – чем меньше по количеству субъектов, тем эффективнее управление. Помимо этого приводились следующие аргументы:

– *с точки зрения экономической целесообразности:* в новом регионе начнется бурный экономический рост; за счет объединения ресурсной базы улучшатся возможности ее рационального использования (а именно привлечение инвестиций), уменьшатся расходы на создание инфраструктуры;

– *с точки зрения управления:* укрепление «вертикали власти», так как существование сложно-составных субъектов создает сложности в управлении, при их объединении упрощается структура управления; будет решена проблема дефицита управленческих кадров (на региональном уровне); сократится чиновничий аппарат;

– *на основе социального критерия:* будут улучшены социальные условия для населения, создана единая инфраструктура: население регионов получит доступ к инфраструктуре обоих регионов; будет восстановлена территориальная, историческая, культурная общность регионов.

Однако каждый из названных аргументов в ходе открытого обсуждения встречался с целым комплексом контраргументов, опровергающих если не эффективность и необходимость реформы, то, как минимум, своевременность ее проведения. К примеру, укрепление «вертикали власти» - официальная позиция руководства, объявленная с самых высоких государственных постов в нашей стране. Однако излишняя централизация власти грозит в будущем появлением центробежных сил, заменой у губернаторов чувства личной ответст-

венности перед населением (электоратом) прямой подчиненностью федеральной власти. Также весьма спорно ожидание от реформы упрощения системы управления страной – так как управлять крупными регионами куда сложнее, чем малыми. Итак, практически с каждым аргументом – на один довод «За» можно отыскать несколько доводов «Против».

Таким образом, как мы считаем, руководству страны необходимо учитывать все «За» и «против» объединительного процесса. Необходимо выработать типологию объединений, то есть четкие критерии вступления регионов

на путь объединения. Каждый проект референдума должен проходить тщательный экономический анализ краткосрочных и долгосрочных последствий объединения. Необходимо более активно вовлекать общественность в процесс обсуждения: проводить общественные слушания, привлекать экспертов, экономистов, СМИ, общественные организации, активное население, органы местного самоуправления. Процесс укрупнения должен быть частью продуманной, взвешенной, единой общей региональной политики.

Литература

1. Концепция стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации. –

[Электронный ресурс] / <http://www.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?DocID=136&PageID=148>. – Загл. с экрана

2. Щедровицкий, П.Г. Территориальная проекция промышленной политики в России: кто оплатит издержки глобализации [Электронный ре-

сурс] / П.Г. Щедровицкий, В.Н. Княгинин. – Электрон. дан. – Режим доступа. – <http://www.minregion.ru/WorkItems/ListNews.aspx?PageID=439>. – Загл. с экрана

3. Ямбаева Ю. Исследование: Укрупнение регионов России: экономическая и политическая целесообразность [Электронный ресурс] / Ю. Ямбаева, Е. Минченко. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.stratagema.org/>. – Загл. с экрана

Коротко об авторе

Бадмаева И.Ж., аспирантка, Бурятский государственный университет (БГУ)
inna.asia@gmail.com

Научные интересы: политология, социология

Briefly about author

Badmayeva I., graduate, Buryat State University (BSU)

Scientific interests: political science, sociology

УДК 323.2

Маркова Елена Александровна
Markova Elena

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ETHNIC IDENTITY AS THE FACTOR OF POLITICAL SOCIALIZATION IN THE ALTERING RUSSIAN SOCIETY

Дан анализ этнической идентичности как фактору политической социализации. Оценена связь проблемы этнической идентичности с политической проблемой государственного устройства Российской Федерации.

Выявлено, что этническая идентичность выступает мощным фактором политической социализации формирования этнических групп и их социальных связей

There is an analysis of ethnic identity as the factor of political socialization. The connection of ethnic identity problem with political problem of the Russian Federation national structure is assessed in this article.

It is revealed that ethnic identity is an important factor of political socialization, forming of ethnic groups and their social bonds

Ключевые слова: этничность, идентичность, социализация, государство, партия, власть, элита

Key words: ethnic, identity, socialisation, the state, party, the power, elite

Чувство идентичности формируется у людей в рамках передачи культуры от одного человека к другому в процессе политической социализации и контактов с представителями других культур. Это определяет культуру как «цемент общественных отношений».

Понятие «идентичность» широко используется в этнологии, психологии, культурной, социальной антропологии и политологии. Проблема идентичности является одной из наиболее актуальных в кризисном обществе. Поиск человеком своей устойчивой принадлежности к неким группам, культурам, жизненным стилям демонстрирует большую свободу от предзаданных ролей, он более субъективен, более неустойчив, подвижен, и в то же время про-

цесс «выбора себя» оказывается под большим прессом групповых солидарностей, таких как этничность или национальность [1, 21].

Впервые понятие «идентификация» введено в научный оборот З. Фрейдом в 1921 г. в эссе «Психология масс и анализ Я». С конца 70-х гг. XX в. термин «идентичность» вошел в словарь гуманитарных наук и в междисциплинарные исследования, что связано с именем Э. Эриксона. Советская гуманитарная наука восприняла этот иностранный термин примерно на десять лет позже. Особую актуальность он приобрел в 90-х гг. в контексте проблемы этнической идентичности. Хотя эта проблема была сформулирована только в конце XX в., на всем его протяжении она оставалась актуальной и перешла в XXI в. в качестве нерешенной.

В современной России эта проблема носит особо острый характер в связи с тем, что касается не только процесса социализации личности и самоопределения индивида, но и процесса социальной трансформации и постсоветских политических реалий.

Интенсивное развитие межкультурных контактов делает особенно актуальной проблему этнической идентичности, что вызвано целым рядом причин.

Во-первых, в современных условиях, как и раньше, культурные формы жизнедеятельности с необходимостью предполагают принадлежность человека не только к какой-либо социокультурной группе, но и к этнической общности. Среди многочисленных социокультурных групп наиболее стабильными являются устойчивые во времени этносы. Благодаря этому, этнос для человека является самой надежной группой, которая может обеспечить ему необходимую безопасность и поддержку в жизни.

Во-вторых, следствием бурных и разносторонних культурных контактов становится ощущение нестабильности окружающего мира. Когда окружающий мир перестает быть понятным, начинается поиск того, что помогло бы восстановить его целостность и упорядоченность, защитило бы от трудностей. В этих обстоятельствах все больше людей начинают искать поддержку в проверенных временем ценностях своего этноса, которые в данных обстоятельствах оказываются самыми надежными и понятными. Результатом становится усиление чувства внутригруппового единства и солидарности. Через осознание своей принадлежности к этносам люди стремятся найти выход из состояния социальной беспомощности, почувствовать себя частью общности, которая обеспечит им ценностную ориентацию в динамичном мире и защитит от больших невзгод.

В-третьих, закономерностью развития любой культуры всегда была преемственность в передаче и сохранении ее ценностей, так как человечеству необходимо самовоспроизводиться и саморегулироваться. Это во все вре-

мена происходило внутри этносов путем связи между поколениями. Если бы этого не было, то человечество не развивалось бы [2, 132].

Предлагаем рассмотреть феномен этнической идентичности в трех смыслах [3, 123].

Во-первых, можно понимать идентичность как тождественность. В этом контексте будет некорректным употребление понятия «этническая идентичность». Речь может идти только об индивидуальной идентичности. То есть индивид тождественен самому себе. Он – подлинный, настоящий, имеющий уникальное и целостное Я. «Я – это Я». Вопрос об индивидуальной идентичности возникает в детском возрасте как вопрос о причине: «откуда я появился?», «почему я – это я?». С детства сомнений в подлинности Я, в тождественности Я самому себе не возникает, главное – Я есть.

Если у индивида существуют сомнения в том, что он тождественен самому себе, тогда имеет место раздвоение личности как патологическое состояние.

Во-вторых, когда видится идентичность как подлинность, тогда поиски этнической идентичности ложатся в основу этницизма (этнического самолюбования и самообожания, представления об этнической культуре как о наилучшей по сравнению с другими, об этнической истории как о «великой», а не «равновеликой»), а также антигуманной теории, практики и обыденного функционирования этнонационализма: поиски «чистоты» крови, деление на «чистых» и «нечистых», «полукровок» и рафинированных, «гомогенных», «гетерогенных» и «этнически неопределенных» индивидов. Этническая идентичность индивида во многих культурных традициях определяется «по крови». Подлинность устанавливается в прагматических, утилитарных целях либо по этнической идентичности отца, либо по этнической идентичности матери. В политическом отношении это связано с практикой создания государств на моноэтнической основе, с отождествлением этноса и нации, с разделением этносов на титульные и нетитульные, с этни-

ческой дискриминацией в различных ее формах. Этнос выступает по отношению к индивиду как примордиальная общность. Этническая идентичность в таком случае существует независимо от воли и сознания индивида, она присуща ему от рождения, может быть установлена объективно с помощью какого-то мерила («кровь», язык, внешность, вера и др.), которым обладает другой субъект (сосед, организация, государство). В советское время этническая идентичность в качестве объективной характеристики фиксировалась в паспортах, личных делах и прочих документах как «национальность». Если установленная этническая идентичность есть результат идентификации, приписывания индивиду к общности (целому) по ряду объективных признаков: этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре, то этническая принадлежность как подлинность означает всего лишь вхождение индивида в «номинальную группу», «условную группу», создаваемую для статистического учета населения.

Здесь этническая принадлежность означает социальную категорию, искусственно созданную для статистического анализа групп населения, и по своему значению мало чем отличается от других условных групп: «пассажиры пригородных поездов» и прочие.

В-третьих, можно выделить понимание идентичности как принадлежности. Тогда идентичность означает принадлежность индивида к какой-либо общности людей: это может быть принадлежность к полу, возрастной, профессиональной и другой группе. Этническая идентичность как принадлежность индивида к этнической общности означает не приписывание его «другими», «соседями» и т.д. к общности, но субъективный выбор самого индивида, приписывание, причисление самого себя к некоему целому. Индивид независим от формального приписывания его кем-либо к общности, но осуществляет свой свободный выбор. Индивид, делая свой субъективный выбор, не лишенный объективных оснований, исходит из глубоко укорененного в бытии по-

вседневности и в науке представления об этносе как реальной исторической общности людей. Для индивида этнос выступает как целое, существующее над ним, имеющее свое самостоятельное и самодостаточное существование. В основе этих представлений обнаруживается холизм – методологический принцип целостности, сформулированный Я. Смэтсом, согласно которому «целое больше, чем сумма его частей»; целое ценнее, чем любая из его частей. Об этом свидетельствует ставшее общепринятым понимание этноса как общности людей, основанной на одном или нескольких признаках: общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии.

Таким образом, этническая идентичность – это осознание себя представителем определенного этноса, переживание человеком своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других.

Этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка, значимость членства в ней.

В рамках рассмотрения этнической идентичности как фактора политической социализации важнейшим аспектом является связь проблемы этнической идентичности с политической проблемой государственного устройства Российской Федерации, которой досталось устаревшее государственное устройство, основанное на смешении двух принципов: территориальном и этнотерриториальном. В связи с этим выяснение этнической идентичности носит отнюдь не личный и культурологический, а социальный и политический характер. Поиски этнической идентичности выходят за рамки личного дела гражданина, чаще всего становятся «общим делом» этнических политических элит, служат средством мобилизации масс и манипуляции ими [2, 98].

Этнополитические процессы, происходящие в регионах Российской Федерации, различаются многообразием форм, степенью слож-

ности, напряженности, конфликтогенности и т.д., однако у всех этих процессов есть одно общее свойство: они всегда необходимо связаны с феноменом этнической и национальной идентичности тех групп людей, которые участвуют в этих процессах. На это прямо указывает сам термин «этнополитические». Он соединяет политические процессы с этнонациональными, предполагая между ними наличие определенной связи. Как показывают работы ведущих политологов, этнологов и этносоциологов, этническая и национальная идентичность всегда находится в центре этнонациональных процессов. Группы людей, участвующие в политических процессах в качестве «этнических», должны называть и осознавать себя таковыми не абстрактно, но совершенно конкретно, т.е. явным образом обозначать, показывать либо доказывать свою принадлежность к какой-то нации, народности, какому-то этносу, этнической группе, а стало быть иметь более или менее определенную этническую и национальную идентичность [3, 354].

Идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. В соответствии с субъективно определяемыми идентификациями человек организует и направляет свое поведение. Этническая идентичность выступает мощным фактором политической социализации, формирования этнических групп и их социальных связей.

Следовательно, идентификация с большой социальной (этнической) общностью может служить достаточно сильным катализатором массового поведения и политического действия, особенно в кризисном обществе. В этой связи распространенность определенной групповой идентификации (в частности, этнической) может стать и одним из факторов прогноза возможного направления политического развития социума [1, 67].

Этническая идентичность является одновременно важнейшим средством легитимации и делигитимации политической власти в пере-

ходном обществе, поскольку она легитимирует деятельность национальных элит и создает необходимые предпосылки для этнополитической мобилизации.

Политическое сознание, политические и социальные ориентации являются мобилизующими началами этнонациональных и этнополитических процессов, происходящих в любом современном обществе. Как бы отдельные государственные и общественные деятели ни оценивали приоритеты прав отдельного человека, индивида, коллективные общественные права этносов еще имеют достаточно большое место в сознании людей, принадлежащих к тем или иным этнонациональным общностям. Сознание и чувства, связанные с этнической принадлежностью, могут быть чрезвычайно устойчивыми и при определенных обстоятельствах могут подавлять другие шкалы ценностных ориентаций, привязанностей и самоутверждений, особенно при потере устойчивых социально-политических ориентаций, как это и происходило после развала Советского Союза.

Этнические аспекты политической социализации влияют на социальные и политические ориентации, симпатии и антипатии. В 1989-1993 гг. социально-политические ориентации в России были отчетливо связаны с выражением этнических симпатий и антипатий.

Главная ось политического размежевания – старая советская власть и складывающаяся демократическая оппозиция — косвенным образом затрагивала и этнонациональные вопросы.

Отдельные выступления совсем небольших протопартий или организаций нацистского толка («Память» и т.п.) были малоизвестными и не получали сколько-нибудь значительной поддержки (им симпатизировало 2...3 %, а готово было поддержать на выборах не более 0,5 %). Солидарность с Союзом коррелировала с осуждением национального сепаратизма в союзных республиках, декларативным интернационализмом во внутренней и внешней политике, антизападничеством, инерцией госу-

дарственного антисемитизма, обидой в отношении бывших соцстран, резко дистанцировавшихся от России с концом Варшавского договора. Напротив, поддержка демократов предполагала либеральные прозападные взгляды, толерантность, сочувствие к идеям национального возрождения и равноправия, независимости, суверенитета бывших союзных республик, в том числе и России. Формирование этих ценностей и должно было стать целью направленной политической социализации граждан новой России.

Советская идентичность явно начинала закрепляться за старшим поколением, символами которого были великая держава, твердая власть, порядок, декларируемая уверенность в будущем, всеобщая уравнительность.

Для молодежи использовалась апелляция к будущему, к западным нормам жизни, к необходимости модернизации, для старших – напоминание о прошлом, агрессивная этнонациональная риторика (всегда акцентирующая значимость мифологизированной истории и культурного наследия). Позднее это идеологическое обращение к русским «духовным ресурсам» (державности, соборности, героическому прошлому России) стало характерным как для партии власти, так и для ее оппонентов.

Придание этническим традициям политического смысла, политическое стимулирование действий, укладывающихся в русло традиции, сочетающихся с ней, вызывает эффект длительной и устойчивой политизации. С другой стороны, именно инерционность традиции обуславливает замедленный и противоречивый характер деполитизации социокультурных общностей. Специфика рассматриваемых традиций, на наш взгляд, напрямую связанная с политизацией, состоит в их неразрывной связи с человеческой, персональной идентичностью в понимании Э. Эриксона, с переживанием индивидом себя как целого, с «длящимся внутренним равенством с собой», с «непрерывностью самопереживания индивида». Следуя этнической традиции, человек ощущает есте-

ственность и полноту бытия, причем бытия не только как русский или англичанин, как мусульманин или христианин, но и как человек. В такой ситуации политическое превращается из того, что затрагивает «наших», «своих» в то, без чего мое «я» не может состояться, а следовательно, и существовать. Именно в возможности этой экзистенциальной политизованности заключается глубина втягивания в политику этносов и этнических групп. Именно она очерчивает сферу свободы индивидуального и коллективного политического действия, которая может быть, если не рационально обоснована, то иррационально оправдана.

Отсюда не следует, что в критических для социума ситуациях, когда решается вопрос о его выживании, о поисках адекватного вызову кризисной ситуации стратегии развития, не может проявиться позитивный потенциал этнического сознания и традиций. Их конструктивная роль выявляется лишь при условии и по мере их рационализации средствами политической идеологии и прогрессивной политической традиции.

В рамках рассмотрения этнической идентичности как фактора политической социализации важнейшим аспектом является связь этнической идентичности с политической проблемой государственного устройства Российской Федерации, которой досталось несбалансированное государственное устройство, основанное на смешении двух принципов: территориальном и этнотерриториальном. Этнополитические процессы, происходящие в регионах Российской Федерации, различаются многообразием форм, степенью сложности, напряженности, конфликтогенности и т.д. Однако у всех этих процессов есть одно общее свойство: они связаны с феноменом этнической и национальной идентичности тех групп людей, которые участвуют в этих процессах. Идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социально-политической действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. В соответствии с субъективно опре-

деляемыми идентификациями человек организует и направляет свое поведение. Этническая идентичность выступает мощным фактором политической социализации, формирования этнических групп и их социальных связей. В

этой связи распространенность определенной групповой идентификации (в частности, этнической) может стать и одним из факторов прогноза возможного направления политического развития социума.

Литература

1. Бромлей, Ю.В. *Очерки теории этноса / Послесл. Н.Я. Бромлей. Изд. 2-е доп.* – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 440 с.

2. Тишков, В.А. *Наука и жизнь. Разговоры с этнографами / В.А. Тишков.* – СПб.: Алетейя, 2008. – 176 с.

3. *Этнополитический конфликт: пути транс-*

формации: настольная книга Бергхофского центра / Пер. с англ.яз; ред. В. Тишков, М. Устинова; Бергхофский исследовательский центр конструктивного урегулирования конфликтов; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. – 583 с.

Коротко об авторе

Маркова Е.А., канд. полит. наук, старший преподаватель кафедры социологии организаций института социально-политических систем, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
markova27@yandex.ru.

Научные интересы: региональная специфика реализации принципа политической толерантности в политическом процессе России

Briefly about author

Markova E., Ph. D. (Political Science), Lecturer of Organizations Sociology Department, Institute of Socio-Political Systems, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: regional specificity of political tolerance principle realization in political process of Russia

УДК 327

Меньшенина Наталья Николаевна
Menshenina Natalya

**ЛОББИЗМ:
К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ**

**LOBBYING:
ON THE ISSUE OF CATEGORIES FORMATION**

Статья посвящена анализу категории «лоббизм» в современной политологической науке. Рассматривается специфика становления лоббизма как одной из политических технологий. Классификация лоббизма, исследуемая в статье, представляет коммуникативный подход к анализу данного явления

The article is about the concept of lobbism, essence and meaning of this phenomena as an important political technology. The classification of lobbism also are given and in this case lobbism is presented as variation of political communication

Ключевые слова: лоббизм, политический анализ

Key words: lobbying, political analysis

Сегодня кризис переживает все мировое сообщество. Много спорных вопросов возникает вокруг утверждений современных политтехнологов о кризисных явлениях в нашем обществе. Одно с уверенностью можно утверждать, что в дискурсе отношений «народ – власть» действительно наблюдается кризис восприятия идей власти, необходимости исполнения и реализации ее установок народом. Примером недавней актуализации такого кризиса стала волна выступлений автодилеров и, соответственно, поддерживающих их жителей не только Владивостока, а практически всех крупных городов России. Только одна из реальных демонстраций в г. Владивосток в течение декабря 2008 г. насчитывала более 60 тыс. участников. Такое обострение взаимоотношений поставило деловое государственное и политическое сообщество перед необходимостью поиска компромиссных решений, легитимных путей отстаивания своих интересов во властных структурах. Путь к решению проблемы сокращения противостояния

между властью и народом, в том числе, лежит через выстраивание грамотных лоббистских коммуникаций как демократических процедур, позволяющих на законных основаниях политически открыто и финансово прозрачно влиять на процесс принятия властных решений.

Умение лоббировать свои интересы в современной России уже становится конкурентным преимуществом и поведенческим стереотипом современных управленцев. Своей управленческой деятельностью практически во всех сферах общественной жизни лоббисты создали новое условие в современном менеджменте на стадии естественного отбора – коммуникационный отбор. Лоббистские навыки уже становятся такой же имманентной частью науки управления как стратегическое планирование, внедрение информационных технологий, связи с общественностью, работа с персоналом. В американских университетах на факультетах политических наук читаются курсы по теории лоббизма.

Чтобы уяснить, что такое лоббизм, про-

анализировать данную категорию, обратимся к историческим вехам его развития.

Термин «лобби» пришел в английский язык из средневековой латыни и первоначально обозначал крытую площадку для прогулок (коридор). С 1553 г. так стала называться прогулочная площадка при монастырях. Столетие спустя – помещение для отдыха и прогулок в Палате Общин в Англии. Политический оттенок это слово приобрело лишь еще через два столетия, в США, когда им стали обозначать покупку голосов за деньги в коридорах Конгресса. Традиции лоббизма уходят своими корнями в годы президентства У. С. Гранта (1869-1877), генерала, сыскавшего славу во время гражданской войны в США (1861-1865 гг.). Вечерами восемнадцатый Президент США и его команда после «трудов праведных» имели привычку отдыхать в одной из гостиниц, точнее, в ее вестибюле, который назывался лобби. Там же министры и сенаторы встречались с представителями различных слоев общества, выслушивали их просьбы и давали слово – зачастую не бескорыстно, а за «звонкую монету» – выполнить их. Лоббистами в XIX в. называли просителей, приходивших в государственные учреждения. Тогда, в Европе, в основном в Англии, считалось, что допускать таких людей в залы заседаний, где принимаются законы, нельзя. Поэтому они и не могли пройти дальше вестибюлей (лобби), приемных, то есть кулуаров политического механизма.

Изучение лоббизма как явления политической жизни и важного фактора принятия государственных решений стало осуществляться в России после 1991 г., в условиях демократизации. Согласно словарю иностранных слов, изданному в советский период, «лобби», «лоббизм» – «это система контор и агентств крупных монополий при законодательных органах США, оказывающих в интересах этих монополий воздействие в пользу того или иного решения при принятии законов, размещении правительственных заказов, на законодателей и государственных чиновников (вплоть до подкупа)» [1]. «Лобби» назывались также агенты

этих контор и агентств (иначе лоббисты). Аналогичное определение было дано в кратком политическом словаре [2].

Таким образом, в Советской России под лоббизмом понимались явно негативные явления социальной и политической жизни общества, направленные на реализацию интересов корпоративных структур, в том числе и в ущерб государству. Особо отмечалась не вполне ясная юридическая природа этого явления, прежде всего, в методах и механизмах его реализации (шантаж, подкуп).

В современной мировой политологии в анализе лоббизма выделяют две основные модели: англосаксонскую и континентальную. Англосаксонская модель интерпретирует суть лоббизма в обязательности государственной регистрации лоббистских организаций и определения рамок деятельности групп давления в сфере влияния на принятие властных ресурсов. Континентальная модель, к которой относится и современная Россия, не признает официальный лоббизм легально существующим явлением, но дает право заинтересованным группам воздействовать на власть через официальное участие в работе специально созданных совещательных и общественных структур при государственных органах.

В развитие англосаксонской модели внесли свой научный вклад американская и английская школы [3]. Американские ученые Д. Джонсон, Дж. М. Бери считают, что лоббисты – это управленцы, занимающиеся бизнесом (лоббизм – вид бизнеса) и убеждающие законодателей принимать желанные законы и отклонять нежеланные. Такие люди действуют в интересах своих клиентов. Лоббисты – эксперты в вопросах государственного управления, его структуры, программ, политики и законодательного процесса. Они должны обеспечивать информацией, отстаивать позиции клиентов. По мнению американских исследователей, термин «лоббист» употребляется в двух значениях. В широком смысле он равнозначен термину «группа давления»; в другом смысле – это организация (юридическое агентство,

служба политического консалтинга), оказывающая за деньги воздействие на процесс принятия решения в пользу клиента посредством прямого обращения к государственным служащим. Ряд американских специалистов считают лоббизм одним из ведущих факторов поддержания политического плюрализма, так как группы давления могут представлять организации всех слоев населения. Так, Л. Милбрэт призывал смириться с некоторыми злоупотреблениями лоббистской практики ради ее сохранения в целом. В английской школе (Г. Джордан, Дж. Гринвуд) относят к важнейшему признаку лоббистских групп формирование и продвижение ими политических интересов. Дж. Гринвуд выделил в этой связи «политические сообщества» – ограниченное число участников, объединенных взаимозависимостью на длительное время, и «целевые сетевые группы» – широкий круг участников, объединенных на короткий промежуток времени общей проблемой. Британские исследователи трактуют категорию «лоббизм» как попытку индивида или группы интересов оказывать влияние на решения властей. В первоначальном значении лоббизм понимался как действия, корректирующие результаты голосования законодателей; но само лобби группируется вне законодательных палат. В целом же лоббизм в англосаксонской модели выступает как реализация права каждого гражданина обращаться с ходатайством к своему правительству, а государство является органом, аккумулирующим поступающие импульсы и ограничивающимся выявлением их «равнодействующей» силы.

Континентальную модель представляет отечественная научная школа [4]. Исследователи А.А. Нецадин, А.А. Блохин, В.В. Верещагин, В.А. Лепехин, А.П. Любимов, С.П. Перегудов внесли свой вклад в развитие теории лоббизма. В основании классификации групп давления по различным критериям лежат цели, характер политических функций, социально-политический статус, социальный состав, этноконфессиональная или региональная принадлежность. Отличие отечественной школы ис-

следования лоббизма от западной состоит в том, что российские выделяют проблему участия государственных органов власти в лоббистской деятельности представителей народа [5]. Так, В. Лепехин приводит такое описание лоббизма: «процесс приведения формальной власти в соответствие с фактической, имея в виду, что самой мощной группой давления является государственная власть. Эта фактическая власть (президент и Правительство) контролирует процесс принятия решений, в отличие от власти формальной (Федеральное Собрание). Функционеры формальной власти лишь представляют власть, совершают формальные акты обсуждения, согласования принятых фактической властью решений, обеспечивают их юридическое закрепление и легитимизацию» [6].

Итак, процесс представления интересов народа в системе государственного управления группами давления называется лоббизмом. Основные технологии лоббизма прямо или косвенно выражены через систему определений данного явления [7], например:

1) лоббизм – это особая система и практика организации отдельных групп общества путем целенаправленного влияния на органы законодательной и исполнительной власти;

2) лоббизм – это деятельность юридических и физических лиц в отношении федеральных органов государственной власти с целью оказания влияния на выполнение последними своих полномочий, предусмотренных законодательством;

3) лоббизм – это давление на власть, на людей, принимающих решения, со стороны разного рода группировок, или так называемых групп давления;

4) лоббизм – многоступенчатое явление. Венчает его политик (или группа политиков), предлагающий и осуществляющий решение. Середину составляет отряд экспертов, консультантов, исполнителей, часто это бывшие чиновники и государственные деятели, профессиональные юристы, специалисты по общественному мнению;

5) лоббизм (от англ. lobby – кулуары, где депутаты парламента могли общаться с посторонними) – специфический институт политической системы, представляющий собой механизм воздействия частных и общественных организаций, политических партий, профсоюзов, корпораций, предпринимательских союзов (то есть групп давления) на процесс принятия решений парламентом. Прежде всего лоббизм относится к бюджетным ассигнованиям, финансовым дотациям, руководящим постам в парламентских комитетах;

б) лоббизм – намеренное установление связей с любым должностным лицом или служащим любого исполнительного ведомства от имени другой стороны с намерением повлиять на принятие выгодных официальных решений.

Также, исследуя проблему коммуникаций в лоббизме, можно выделить несколько технологических подходов к данному явлению, а именно:

– *психологический подход* представляет лоббизм как манипулятивно-психологическое взаимодействие с чиновниками;

– *институциональный подход* понимает лоббизм как институт политической системы, обеспечивающий взаимодействие общества и власти, как средство поддержания равновесия в обществе и реализации права каждого гражданина участвовать в управлении делами государства;

– *инструментальный подход* исследует лоббизм как набор методов влияния на процесс выработки государственных решений;

– *процедурный подход* раскрывает лоббизм как органический элемент системы бюрократических правил и процедур принятия политического решения;

– *плюралистический подход* акцентирует внимание исследователей на том, что все лоббисты являются полноправными участниками системы выработки и принятия государственных решений;

– *корпоративистский подход* определяет лоббизм как деятельность, в ходе которой лишь наиболее влиятельные группы имеют реальные рычаги влияния на процесс приня-

тия государственных решений;

– *информационный подход* видит лоббизм как источник и ресурс информации. В данном случае лоббисты делают возможным для чиновника осуществлять свои функции более эффективно. Сами же получают за это прямой выход на лицо, принимающее решение.

Итак, рассмотрев различные коммуникационные подходы к становлению категории лоббизма в политологии, мы могли бы выделить следующие важнейшие позиции в российской науке:

1) лоббизм в современном мире выступает важнейшим средством политической коммуникации в обществе;

2) долгое сдерживание исследований в этой области в России привело к тому, что до сих пор явление только уточняется в категориальном смысле;

3) необходимо рассматривать лоббизм как совершенно официальный и легитимный тип политической коммуникации;

4) анализируя риски от ненадлежащих технологий лоббистской коммуникации, нормативно ограничить самих субъектов в использовании права представления их интересов в кулуарах власти [8];

5) наиболее позитивным в социальном смысле является необходимость четкого определения субъектов и объектов лоббизма в системе государственного управления Российской Федерации. В качестве положительного примера в данном случае мы бы привели определение сущности лоббистской деятельности, данное в проекте закона «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» [9], где лоббистская деятельность понимается как взаимодействие физических лиц и представителей юридических лиц с федеральными органами государственной власти, их должностными лицами, депутатами Государственной Думы и членами Совета Федерации, непосредственной целью которого является оказание влияния на подготовку и принятие решения федеральными органами государственной власти».

Литература

1. Спиркин, А.Б. Словарь иностранных слов / А.Б. Спиркин, И.А. Акгурин, Р.С. Карпинская. – М., 1980. – С. 45.
2. Абраменков, В.П. Краткий политический словарь / В.П. Абраменков А.Г. Аверкин, Ю.А. Агешин. – М., 1987. – С. 230.
3. Перегудов, С.С. Корпорации, общество, государство. Эволюция отношений / С.С. Перегудов. – М.: Наука, 2003. – 352 с.
4. Любимов, А.П. Парламент и лоббизм / А.П. Любимов – СПб.: Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр пресс», 2005; Лепехин, В.А. Лоббизм / В.А. Лепехин. – М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1995.
5. Меньшенина, Н.Н. Становление лоббизма в политическом процессе современной России / Н.Н. Меньшенина // Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и новых независимых государствах. – Екатеринбург, 2004. – С. 287-296.
6. Лепехин, В.А. Лоббизм / В.А. Лепехин. – М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1995. – С. 116.
7. Нецадин, А.А. Лоббизм в России: этапы большого пути (1992-1997) / А.А. Нецадин, А.А. Блохин, В.В. Верещагин, О.В. Григорьев, А.Г. Ионин, В.К. Кашин, М.В. Малютин. – М., 2002. – С. 411-422.
8. Меньшенина, Н.Н. Специфика лоббизма в Советской России / Н.Н. Меньшенина // Апрельские чтения. – Вып. III. – Владивосток. ТИПП ДВГТУ, 2000. – С. 3-5.
9. Павлов, В.Г. Инициативный законопроект о лоббизме / В.Г. Павлов // Государство и право. – 1998. – № 12. – С. 47-54.

Коротко об авторе

Briefly about author

Меньшенина Н.Н., профессор, зав. кафедрой государства и права, Тихоокеанский государственный экономический университет (ТГЭУ)

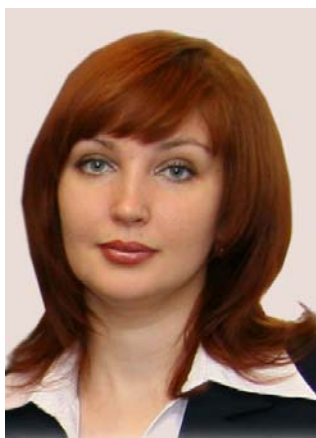
Menshenina N., Professor, Head of State and Law Department, Pacific State Economic University (PSEU)

Научные интересы: политический и избирательный процесс, акторы политического процесса, лоббизм и коррупция в политическом процессе

Scientific interests: political analysis, political process, elections, lobbyism and corruption in politics

Психология

УДК 88.3

Казайкина Евгения Александровна
Kazaikina Evgenia

Орлова Светлана Николаевна
Orlova Svetlana

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

STUDY OF THE PROBLEM OF PERSONALITY STABLE BEHAVIOURS FORMATION IN CREATIVE WORK

Представлен психологический анализ современного состояния проблемы становления устойчивых форм поведения личности в процессе творческой деятельности. Рассмотрены параметры изучаемого феномена: монофеноменологичность, структурированность, стабильность, предсказуемость, развитие. Проанализированы основные подходы и источники становления устойчивых форм поведения личности. Обоснована необходимость организации творческой деятельности для становления устойчивых форм поведения личности

A psychological analysis of idea «the stable forms of personality's conduct» in the frames of common psychology is presented at the article. Characteristic frames (parameters) of learning phenomenon: monophenomenology, structure, stability, prediction, development are inspected. The main means and sources of formations of stable forms of personality's conduct are analyzed. Organizations necessity of creative activity for formation of stable forms of personality's conduct is scientifically and experimentally argued

Ключевые слова: устойчивые формы поведения, личность, устойчивость, монофеноменологичность, структурированность, стабильность, предсказуемость, развитие, становление, творческая деятельность, творчество

Key words: the stable forms of conduct, personality, monophenomenology, structure, stability, prediction, development, formation, creative activity and creature

С момента появления человечества одной из загадок природы остается загадка самого человека. Ученые философы, антропологи, социологи, педагоги пытаются выяснить: что есть личность; индивидуальное и общее в личности; развитие, саморазвитие

личности; ситуативные и устойчивые формы поведения личности и т.д. Однако особую значимость ответы на эти вопросы приобретают в области психологии, ибо именно эта наука нацелена на изучение закономерностей и механизмов психической деятельности человека,

анализирует ее состояние, прогнозирует развитие. В нашем исследовании мы остановились в поле общей психологии на проблеме устойчивых форм поведения личности, на феномене, который отражает уникальность и неповторимость, целостность и неизменность личности.

Понятие «устойчивые формы поведения личности» – конструкт многогранный и полинаучный, требующий истолкования. Часто под устойчивыми формами поведения понимают стереотипы, шаблоны, паттерны, фиксированные формы поведения личности, поэтому мы считаем методологически важным проанализировать и объяснить феномен устойчивых форм поведения личности.

Большинство исследований полагает, что поведение достаточно изменчиво и определяется как внешними, так и внутренними факторами. Однако анализ результатов современных эмпирических исследований указывает на то, что из всего многообразия форм поведения можно выделить устойчивые, повторяющиеся образцы, характеризующие поведение как таковое. Объяснить данное обстоятельство представляется возможным, опираясь на анализ такой качественной характеристики поведения, как устойчивость.

В психологии достаточно часто используется понятие «устойчивый»: устойчивое внимание, помехоустойчивость, нравственная устойчивость, эмоциональная устойчивость, мотивационная устойчивость и т.д.

Для нас представляет большой интерес трансситуативная устойчивость поведения личности, под которой понимается тенденция осуществлять определенные формы поведения в широком диапазоне ситуаций на протяжении длительных интервалов времени. В Толковом словаре русского языка «устойчивость» определяется как «не подверженный колебаниям, постоянный, стойкий, твердый» [6]. «Устойчивость» в психологии понимается как целостная характеристика личности, обеспечивающая ее устойчивость к фрустрирующему и стрессогенному воздействию трудных

ситуаций. В синергетике «устойчивость» – это потенциальная возможность системы сохранять сбалансированное функционирование. Таким образом, определение «устойчивый» позволяет говорить о постоянной, стабильной, не подверженной колебаниям характеристике феномена, о способности явления без вмешательства извне сохранять заданный режим действия.

Общая психология чаще всего под устойчивыми формами поведения понимает навыки и привычки, ставшие неотъемлемой принадлежностью, потребностью человека. Навыки – автоматизированные компоненты сознательного действия человека, вырабатывающиеся в процессе его выполнения. Навык возникает как сознательно автоматизированное действие и затем функционирует как автоматизированный способ выполнения действия [7]. Привычка – сложившийся способ поведения, осуществление которого в определенной ситуации приобретает для индивида характер потребности. В основе привычки лежит навык выполнения соответствующего действия. Привычки возникают в любых сферах деятельности и захватывают все стороны жизни: индивидуальные и групповые. Каждое приспособление человека, участвующего в организованных группах, фиксируется в привычку и подкрепляется посредством социальных санкций. В отечественной психологии также отмечается огромное значение привычных форм поведения. С.Л. Рубинштейн, например, утверждает, что «...побуждая человека поступать определенным образом, мировоззрение, мораль, как бы оседают и закрепляются в его характере в виде привычек – привычных способов нравственного поведения. Сама по себе привычка еще не свойство личности, но в определенных условиях она может стать им. Превращаясь в привычки, они становятся устойчивой формой поведения, «второй натурой» человека» [7].

Проведенный психологический анализ понятия «устойчивые формы поведения» личности дал возможность рассмотреть «устойчивость» как качественную характеристику, а

также предположить, что данный феномен может быть рассмотрен через ряд характерных особенностей:

1) монофеноменологичность – границы устойчивых форм четко обозначены и отличительны от ситуативных форм поведения, как правильно заметила Margaret A. Wilson, устойчивые формы поведения четко просматриваются в любых индивидуальных и групповых действиях человека: определенные характеристики, как правило, сочетаются с какими-то другими. В то же время всегда есть поведенческие переменные, которые с данной характеристикой не будут сочетаться почти никогда. Аналогичную мысль высказывает О.С. Виханский: «...человек одновременно имеет что-то общее с остальными и в то же время не похож на остальных. Каждый человек обладает устойчивым набором черт и характеристик, определяющих его действия и поведение»[3];

2) структурированность – наличие выраженной структуры взаимосвязанных элементов единого целого, каким выступает индивидуальность личности. Мы согласны с Дж. Келли, что каждый человек обладает уникальной, свойственной только ему системой личных конструктов, которая определяет его поведение и позволяет ему прогнозировать будущие события;

3) стабильность – проявление во многих жизненных и профессиональных ситуациях. Мы разделяем мысль Ю.М. Орлова, что о какой-либо черте можно говорить как об устойчивой характеристике человека, если вероятность ее проявления в определенной ситуации достаточно велика. В.М. Козубовский подтверждает эту мысль – поведение человека более стабильно на продолжительных отрезках времени его жизни, чем при переходах от одной ситуации к другой [4];

4) предсказуемость – наличие устойчивых форм поведения позволяет прогнозировать поведение личности. Знание совокупности явлений, побуждающих и опосредующих действия человека в типичной ситуации, позволяет с высокой вероятностью «предвидеть» его по-

ведение в ней;

5) развитие – становление устойчивых форм поведения личности при определенных условиях происходит весь отрезок жизненного пути человека. О.С. Виханский полагает, что если известно, от каких условий зависит нужное автоматическое «поведение», то можно «организовать» соответствующую совокупность предметов и останется только «ввести» в неё человека, чтобы получить нужный результат [3].

Таким образом, устойчивость поведения является важнейшей характеристикой, позволяющей рассуждать об инвариантах поведения личности в общепсихологическом смысле вообще. При этом устойчивые формы поведения могут быть представлены как отображение сложных, многомерных качеств личности, требующих проявления в большинстве жизненных случаев.

Устойчивые формы поведения личности могут быть представлены на двух уровнях: индивидуальном и групповом. Индивидуальность как отображение устойчивых форм поведения личности формируется под влиянием четырех групп факторов:

1) наследственность и физиологические особенности человека, предопределяющие развитие личности, способствующие адаптации;

2) характерные особенности и качества личности, играющие активную роль в саморазвитии, самосовершенствовании, самореализации личности;

3) личный опыт, способствующий закреплению инвариантов поведения;

4) социальные институты, накладывающие отпечаток на личность человека.

Становление устойчивых форм поведения личности на групповом уровне зависит от норм, традиций, представлений, направленности группы. Устойчивые формы поведения личности в группе возникают в случае, когда поведение личности в группе референтно, обусловлено устойчивыми ценностными ориентациями и принятием целей и задач дея-

тельности группы. Следовательно, устойчивые формы поведения личности четко прослеживаются в любых индивидуальных и групповых действиях человека.

Разнообразна типология устойчивых форм поведения. В основание типологии положен принцип соотнесенности трансляции устойчивых форм поведения с природой их происхождения. Так, генетически обусловленными устойчивыми формами поведения являются:

1) паттерн – врожденная реакция, но в течение жизни он должен быть иницирован и отработан, без чего он будет неточным и может совсем не проявиться;

2) стереотипы поведения – это устойчивые формы поведения, обусловленные природными возможностями человека, позволяющие использовать их оптимально.

Социально-экономически обусловленными устойчивыми формами поведения являются:

1) стиль жизни, являющийся результатом свободного личного выбора в пределах жизненных реалий;

2) роль – это устойчивый комплекс форм поведения, соответствующий определённой функции личности в социальных отношениях;

3) Т.В. Кочетова выделяет статусно-иерархическое поведение как устойчивую форму социального поведения, направленную на сохранение и поддержание социальных структур в обществе [2].

Культурологически обоснованными устойчивыми формами поведения являются традиции – закрепленные типичные формы поведения определенной культурой. С позиции институциональной теории институты понимаются как устойчивые формы поведения. Такое понимание восходит к Э. Дюркгейму, который понимал под институтами все обычаи и верования определенного общества.

В настоящее время выделяются два основных подхода к проблеме становления устойчивых форм поведения:

– в рамках первого рассматриваются внутренние детерминанты – индивидуально-психологические характеристики и их биологи-

ческие основания (Дж. Смит);

– в рамках второго – социальные детерминанты устойчивых форм поведения (С. Ворчел, Г. Купер).

По мнению А.А. Бодалева, механизмом становления устойчивых форм поведения является личный опыт человека и выработанные обществом нормы [1]. Приобретение ребенком устойчивых форм поведения предполагает наличие умений по использованию определенных внешних средств. Начавшийся таким образом процесс формирования опосредованного поведения продолжается в старшем возрасте. Образцы, на которые ориентируется ребенок, становятся все более обобщенными и отвлеченными. Поведение приобретает личностный, внутренне обусловленный характер.

Следовательно, становление устойчивых форм поведения зависит от природных особенностей, психических состояний, мотивов, социальных ролей, самоконтроля, а усваиваемая форма поведения становится устойчивой в том случае, когда человек научается соответствующим способам поведения и когда у него возникает внутреннее побуждение вести себя согласно усвоенным образцам. Источником формирования устойчивых форм поведения личности являются общение, воспитание, культура, личный опыт, деятельность, творческая деятельность. В связи с многоаспектностью и универсальностью последнего из названных видов источников становления устойчивых форм поведения личности считаем необходимым более подробно охарактеризовать творческую деятельность как одну из наиболее важных и развитых форм человеческой деятельности, влияющей на развитие личности, формирующую наиболее полное, устойчивое, индивидуальное в человеке.

Анализ философской и психолого-педагогической мысли показал, что творческая деятельность, несмотря на многообразие трактовок, определяется либо в объективном, идеальном смысле – создание нового, оригинального, неизвестного ранее (М.Г. Ярошевский,

А.В. Брушлинский, А.Г. Спиркин); либо в субъективном – создание нового для субъекта (И.П. Калошина, Н.Д. Левитов, А.М. Матюшкин и другие).

В отношении творческой деятельности студентов мы принимаем точку зрения второй группы ученых, так как «в применении к учащимся под творчеством надо понимать такую деятельность, в результате которой приобретает что-то новое, оригинальное, в той или в другой мере выражающее индивидуальные склонности, способности и индивидуальный опыт студента [5].

Базой исследовательской работы явились группы студентов ГОУ СПО «Хакасский политехнический колледж», группы I-III курсов, количество студентов, принявших участие в исследовании, составило 112 чел. Процесс творческой деятельности мы рассматривали как необходимый способ и условие становления устойчивых форм поведения личности. В рамках исследования студенты были введены в систематический режим организации творческой деятельности в рамках образовательного процесса. В ходе экспериментальной работы выявилось, что студенты получали от процесса творческой деятельности позитивные эмоции и воспринимали систематические творческие задания более охотно, чем задания репродуктивного уровня. Студенты не проявляли крайности и непоследовательность в своем поведении, не нуждались во введении санкций внешнего контроля над их действиями, демонстрировали самостоятельность, независимость, смелость, гибкость, мобильность в решении поставленных перед ними практических и теоретических задач, показали высокую степень адаптации. Следовательно, изучение и организация творческой деятельности в рамках образовательного процесса позволяет не

только формировать индивидуальный творческий стиль, активизировать и развивать у студентов сознательное чувство веры в свои способности через опору на положительные результаты, но и нацелена на становление устойчивых форм поведения личности (ответственное, самостоятельное, предприимчивое, мобильное, независимое поведение) как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

Проведенное нами исследование позволило сформулировать ряд выводов: устойчивые формы поведения личности – феномен достаточно распространенный, отражающий целостное развитие личности. Так как в большинстве научных определений личность представлена теми отличительными качествами, которые «отвечают» за устойчивые формы поведения. Следовательно, устойчивые формы поведения – это личностный феномен, характеризующийся целенаправленным повторением модели поведения, выражающийся высокой степенью осознанности, регулируемый непосредственным отражением ценностно-нормативной системы объективной действительности. Организация творческой деятельности в образовательном пространстве выступает и как внешний стимул, и как внутренний мотив для личности студента. Студент становится на занятии востребованным, значимым, имеет возможность реализовать себя, проявить в деятельности, и при решении той или иной проблемы есть право на самостоятельное, оригинальное видение. Грамотная и систематическая организация творческой деятельности в рамках образовательного процесса способствует становлению устойчивых форм поведения личности, что подтверждается результатом, полученным в ходе опытно-экспериментальной работы.

Литература

1. Бодалев, А.А. О социальных эталонах и стереотипах и их роли в оценке личности [Текст] /А.А. Бодалев, В.Н. Куницына, В.Н. Панферова // Человек и общество: (ученые записки НИИКСИ). – Л.: изд-во Л. ун-та. – Вып. 9. – 1971.

2. Виханский, О.С. Другой менеджмент: время перемен [Текст] / О.С. Виханский, А.И. Наумов // Российский журнал менеджмента. – 2004. – Т. 2. – № 3. – С. 105-126.

3. Кочетова, Т.В. Статусно-иерархическое

поведение как устойчивая форма социального поведения [Электронный ресурс] / Т.В. Кочетова. – Режим доступа: <http://www.psychology.ru>.

4. Орлов, Ю.М. Восхождение к индивидуальности [Текст]: Кн. для учителя / Ю.М. Орлов. – М.: Просвещение, 1991. – 287 с.

5. Орлова, С.Н. Развитие творческого мышления личности в процессе когнитивной деятельности [Текст]: моногр. / С.Н. Орлова. – Крас-

ноярск: СибГТУ, 2001. – 288 с.

6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1995. – 907 с.

7. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.

Коротко об авторе

Е.А. Казайкина, соискатель, ГОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет», г. Красноярск; преподаватель ГОУ СПО «Хакасский политехнический колледж», г. Абакан, Республика Хакасия
Ekazaikina@mail.ru

Научные интересы: психология личности, психология творчества, история психологии, психология творческой деятельности

С.Н. Орлова, д-р психол. наук, проф., заведующая кафедрой психологии труда и инженерной психологии ГОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет» (СибГТУ), г. Красноярск

Научные интересы: психология личности, психология творчества, креативная психодиагностика

Briefly about author

Kazaikina E., applicant of Labour and Engineering Psychology Department, Siberian State Technological University; Professor of Public Educational Institution of Secondary Vocational Training "Khakas Polytechnic Colledge", Abakan, Khakass Republic

Scientific interests: psychology of personality, psychology of creation, the history of psychology, psychology of creative work

Orlova S., Dr. Sc. (Psychology), Full Professor, Head of Labour and Engineering Psychology Department, PEI HPE "Siberian State Technological University", Krasnoyarsk,

Scientific interests: psychology of personality, psychology of creation, creative psychodiagnostics

Право

УДК 340.12

Бабушкин Роман Викторович
Babushkin Roman

**ФЕНОМЕН ПРОКУРАТУРЫ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**PROSECUTOR'S OFFICE PHENOMENON IN THE
RUSSIAN FEDERATION GOVERNMENT**

Статья посвящена анализу прокуратуры в системе государственной власти Российской Федерации. Автор уделяет внимание определению сущности особого статуса прокуратуры РФ, обстоятельствам, детерминирующим ее полномочия и функции в системе разделения властей

The article analyzes the prosecutor's office in the system of the Russian Federation government. The author attends the essence of the RF prosecutor's office special status, circumstances determining its authorities and functions in separation of powers system

---

Ключевые слова: феномен прокуратуры, надзор

Key words: prosecutor's office, supervision

Правовая и политическая науки, исследующие проблему государственной власти РФ, структуру и статус её элементов, до сих пор не могут определить специфический феномен некоторых традиционных и вновь образованных её органов. Действительно, таковыми в Российской Федерации являются Президент Российской Федерации, Счетная палата, Центральный Банк, Центральная избирательная комиссия, прокуратура, Федеральное казначейство.

Функции данных государственных органов настолько специализированы, что невозможно однозначно определить, к какой из трёх ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной) они относятся. Однако потребность государственно-правовой системы в них очень велика, и Конституция РФ 1993 г., декларируя их, определила каждому конкретный правовой статус.

Таким образом, сложилась правовая коллизия в определении особенности статуса некоторых органов государственной власти. Нас, прежде всего, будет интересовать феномен прокуратуры РФ как государственного органа с особым статусом.

Согласно Конституции РФ 1993 г., статья о прокуратуре РФ помещена в гл. 7 «Судебная власть» [1]. Многие ученые заявляют о некорректности такого положения в конституции, ссылаясь на то, что прокуратура РФ не является институтом Судебной власти. Данное утверждение находит поддержку в самой Конституции РФ 1993 г. Статья 118 говорит о том, что «...правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом...» [2].

Более того, особенность статуса прокуратуры РФ детерминирована также тем обстоятельством, что Конституция РФ 1993 г. не определила её функции и полномочия. Со-

стояние нерешенности вопроса о статусе на момент принятия конституции было обусловлено различными мнениями ученых и практиков о том, что за прокуратурой необходимо закрепить лишь функции уголовного преследования, лишив её всех надзорных функций. Однако нам известен исторический факт основания прокуратуры России Петром I, который состоял в учреждении её как инструмента надзора за законностью «службы государевой» и «охранении прав гражданских» [3].

Поэтому надзорные функции прокуратуры являются исторически природными, органическими для данного института, складывающимися веками. Было бы неправомерно и неверно политически ослаблять данный демократический способ контроля над государственным механизмом.

В отличие от Конституции РФ 1978 г., в которой содержалась специальная глава о прокуратуре и определялась основная её функция, новая конституция 1993 г. отсылает нас в этих вопросах к федеральному закону РФ «О прокуратуре РФ» 1991 г. Впоследствии, в 1995 г., в него были внесены существенные поправки и изменения. Однако они не затронули существенно ни функций, ни полномочий прокуратуры. Изменения 1999 г., внесенные в данный закон, даже усилили надзорные функции прокуратуры РФ. Выделены пять направлений прокурорского надзора:

1) надзор за исполнением законов федеральными министерствами и иными федеральными органами исполнительной власти, законодательными и исполнительными органами субъектов федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием законам издаваемых ими правовых актов;

2) надзор за соблюдением прав и свобод человека;

3) надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыс-

кную деятельность, дознание и предварительное следствие;

4) надзор за исполнением законов судебными приставами;

5) надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу.

Прокурор в современной России обладает широкими государственно-властными полномочиями. Он может даже опротестовать правовой акт, незаконное решение суда, а наличие следственного аппарата сближает прокуратуру с исполнительной властью. Таким образом, надзорные функции прокуратуры распространяются как на исполнительную, так на законодательную и судебную власти.

Относительная самостоятельность, определяющая особенность статуса прокуратуры РФ, состоит в том, что она осуществляет свои полномочия, независимо от органов государственной власти, органов местного самоуправления. Особый статус прокуратуры, как государственного органа, фиксируется также в том, что прокуроры и следователи органов прокуратуры не могут:

а) быть членами выборных органов государственной власти и органов местного самоуправления;

б) быть членами общественных организаций, преследующих политические цели;

в) быть связаны решениями общественных объединений;

г) совмещать свою профессиональную деятельность с иной оплачиваемой или безвозмездной деятельностью, кроме преподавательской, научной, творческой.

Таким образом, органы прокуратуры, *во-первых*, не входят в судебную систему, не являются судами, ни их структурными подразделениями. *Во-вторых*, прокуратура не входит в единую систему исполнительной власти, возглавляемую Правительством РФ. *В-третьих*, прокуратура не является контрольно-

надзорным органом законодательной власти. *В-четвертых*, прокуратура как государственный орган нигде в российском законодательстве не определяется как «орган государственной власти», хотя и обладает государственно-властными полномочиями.

Итак, опыт института прокуратуры дока-

зывает, что в системе разделения властей может существовать особый орган государственной власти, наличие которого определяется необходимостью правового контроля и «сдерживания противовесов» между тремя ветвями власти, обеспечивая тем самым законность и баланс в механизме государства.

Литература

1. Конституция РФ. – Владивосток, Ин-тертех. – 2002 г. – Ст. 129. – Гл. 7. – С. 35.

2. Конституция РФ. – Владивосток, Ин-тертех. – 2002 г. – Ст. 118. – Гл. 1 – С. 32.

3. Указ 17 апреля 1722 г. «Об охранении прав гражданских»// Российское законодательство X-XX вв. – В 9 т. – М., 1994. – Т. 4. – С. 186-187.

Коротко об авторе

Бабушкин Р.В., аспирант, Тихоокеанский государственный экономический университет (ТГЭУ), помощник прокурора Надежденского района, Приморский край

Научные интересы: теория и история государства и права, государственные органы с особым статусом

Briefly about author

Babushkin R., graduate, Pacific State Economic University (PSEU), prosecutor's assistant of Nadyozhninsky District, the Maritime Territory

Scientific interests: theory and history of Russian State and Law, rules of governmental law, specific traits of procuratore office

УДК 340.55

Базюк Мария Леонидовна
Bazyuk Maria

СУБЪЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

SUBJECTS OF RELATIONS CONCERNING PERSONAL SECURITY IN THE RF CRIMINAL LEGAL PROCEDURE

Статья посвящена вопросу о субъектах отношений по обеспечению безопасности личности в российском уголовном судопроизводстве. Автор приводит классификацию таких субъектов, рассматривает особенности различных групп субъектов и исследует отдельные аспекты их правового статуса. Особое внимание уделяется лицам, в отношении которых могут быть применены меры безопасности. Автор приходит к выводу, что нормативное понятие «близкие лица», закрепленное в УПК РФ, нуждается в изменении и предлагает авторское определение данного термина

The article is devoted to the issue of subjects of relations concerning personal security in the Russian criminal legal procedure. The author produces classification of such subjects, considers peculiarities of different groups of the subjects and studies separate aspects of their legal status. Special attention is paid to the persons as respects to which it is possible to apply personal security measures. The author comes to a conclusion that standard concept "intimate persons" prescribed by Criminal Procedural Code of the Russian Federation requires changing and purposes his definition of its term

Ключевые слова: безопасность, охрана, личность, уголовный процесс

Key words: security, guarding, person, criminal procedure

Оказание противоправного воздействия на любого участника судопроизводства следует рассматривать как угрозу осуществления правосудия. При расследовании и раскрытии преступлений трудно переоценить значимость доказательственной информации, содержащейся в показаниях лиц, оказывающих содействие правосудию – сознавшегося обвиняемого (подозреваемого); свидетеля, потерпевшего или иного участника уголовного процесса. Зачастую эти лица, решившись на дачу избыточных показаний, рискуют жизнью, здоровьем и спокойствием – как собственными, так и близких лиц, в связи с чем проблема обеспечения безопасности лич-

ности в уголовном судопроизводстве является крайне актуальной.

Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ст. 166 ч. 9, 186 ч. 2, 193 ч. 8, 241 п. 4 ч. 2 и 278 ч. 5 настоящего Кодекса.

Отношения по обеспечению безопасности личности в уголовном судопроизводстве являются особым видом правоотношений, при осуществлении которых взаимодействуют различные субъекты. Следует согласиться с существующей в науке классификацией, в соответствии с которой всех субъектов отношений по обеспечению безопасности можно разделить на три группы:

«1) субъекты (лица, органы), принимающие решение о применении мер безопасности;
2) субъекты (лица, органы), реализующие (применяющие, осуществляющие) меры безопасности;

3) субъекты, подлежащие защите (защищаемые лица)» [1; 2].

В состав первой группы входят должностные лица, уполномоченные принимать процессуальные решения по уголовному делу: дознаватель, орган дознания, начальник подразделения дознания, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, судья. К ним могут быть также отнесены иные должностные лица, не принимающие решения по уголовному делу, но наделенные правом принимать решения о применении внепроцессуальных мер безопасности (в случае необходимости принятия такого решения по окончании уголовно-процессуальных отношений). Согласно ст. 2 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания или следователь, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, если иное не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Вторую группу образуют органы и должностные лица, осуществляющие меры безопасности. В соответствии со ст. 3 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» к ним относятся органы внутренних дел Российской Федерации, органы федеральной

службы безопасности, таможенные органы Российской Федерации и органы по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также иные государственные органы, на которые в соответствии с законодательством Российской Федерации может быть возложено осуществление отдельных мер безопасности. Предусмотрены указанным Федеральным законом и особые случаи – так, применение мер безопасности в отношении защищаемых лиц из числа военнослужащих осуществляются также командованием соответствующих воинских частей и вышестоящим командованием (ст. 5), а в отношении защищаемых лиц, содержащихся в следственных изоляторах или находящихся в местах отбывания наказания, осуществляются также учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации (ст. 6).

Открытым остается предложение, активно обсуждаемое в науке [1; 3], но не нашедшее до настоящего времени отражения в российском законодательстве и правоприменительной практике, о необходимости создания специальных служб по реализации мер безопасности участников процесса. Как справедливо замечает О.А. Зайцев, в вопросе о субъекте применения мер государственной защиты участников уголовного процесса «важно, чтобы на государственном уровне были четко определены те органы, которые наделены правом осуществлять меры по защите на разных этапах судопроизводства» [2; С. 42]. По предложению А.Ю. Епихина, «выполнение защитной функции должно быть связано с одним государственным органом или специальной службой, которая координирует деятельность других правоохранительных и иных органов, контактирует с ними в части обеспечения безопасности защищаемого лица. В целях реализации возложенных на этот орган задач следует установить ответственность других государственных органов и должностных лиц за неис-

полнение (ненадлежащее исполнение) указаний специальной службы по реализации мер безопасности [1; С. 71]. Целесообразность создания единого государственного органа, осуществляющего задачи по обеспечению безопасности лиц, содействующих правосудию, связана с тем, что в российской системе правоохранительных органов каждый из них может осуществлять защиту личности по уголовным делам, строго отнесенным уголовно-процессуальным законодательством к их компетенции, однако государственное финансирование силовых ведомств неодинаково, «уровень профессионализма также различен, поэтому надежнее защита обеспечивается тем органом, который в финансовом, кадровом, организационном отношении наиболее благополучен... Наличие единой службы позволит уменьшить до минимума рассекречивание конфиденциальной информации, чему будет способствовать и небольшой штат» [1; С. 74].

К третьей группе субъектов безопасности следует отнести лиц, в отношении которых оказывается или может быть оказано посткриминальное воздействие – «защищаемых лиц».

Как известно, все участники уголовного судопроизводства обладают процессуальными правами, несут определенные обязанности, могут вступать в процессуальные отношения и осуществлять процессуальную деятельность. Перечень участников уголовного судопроизводства является закрытым, закреплен в гл. 5...8 УПК РФ. Таким образом, все участники уголовного судопроизводства обладают определенным правовым статусом. А к лицам, в отношении которых могут быть приняты меры безопасности, закон (в частности, ч. 3 ст. 11 УПК РФ) относит еще и такую категорию, как «близкие родственники, родственники и близкие участников процесса». Они, по точному замечанию А.Ю. Епихина, «не являются участниками уголовно-процессуальных отношений, однако они являются участниками правоотношений, возникающих при обеспечении их безопасности» [1; С. 161]. Таким образом, в случае необходимости, статус защищаемого лица мо-

гут приобрести:

1) участники уголовного судопроизводства;
2) близкие родственники участников судопроизводства (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушки, бабушки, внуки);

3) родственники участников судопроизводства (все иные лица, состоящие в родстве с участником процесса, за исключением близких родственников);

4) близкие лица участников судопроизводства. К этой категории обычно относят друзей участников уголовного процесса, обрученных (помолвленных) с участниками уголовного процесса, лиц, находящихся в свойстве с участниками уголовного процесса, а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги участнику уголовного процесса в силу сложившихся личных отношений. К этой категории также следует отнести и лиц, находящихся в фактических (но не зарегистрированных в установленном законом порядке) брачных отношениях с участниками уголовного судопроизводства.

В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ, при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности. Как следует из этой нормы, меры безопасности могут быть применены, в том числе, к близким лицам потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства. Однако согласно определению, данному в п. 3 ст. 5 УПК РФ, под близкими лицами понимаются иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь и здоровье которых дороги потерпевшему, сви-

детелю в силу сложившихся личных отношений.

Таким образом, складывается впечатление, что меры безопасности могут применяться в отношении близких лиц лишь потерпевших и свидетелей. Безусловно, в отношении этих категорий участников процесса и их близких лиц посткриминальное воздействие осуществляется наиболее часто, что, однако, не исключает воздействия на близких лиц иных участников процесса. Анализ ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а также положений ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (так, в ч. 1 и ч. 3 ст. 2 в качестве лиц, подлежащих государственной защите, указаны потерпевший, свидетель, частный обвинитель, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено; эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог; гражданский истец, гражданский ответчик; законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя, а также родственники, близкие родственники и близкие лица перечисленных участников) позволяет сделать вывод, что законодатель, вероятно, ошибочно не включил в указанное по-

нятие близких лиц других участников уголовного судопроизводства, содействующих правосудию.

В связи с изложенным, предлагается внести изменения в п. 3 ст. 5 УПК РФ, изложив его в следующей редакции:

«3) близкие лица – иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем или иными участниками уголовного судопроизводства, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства в силу сложившихся личных отношений».

Таким образом, важной особенностью правоотношений по обеспечению безопасности в уголовном судопроизводстве является то, что при реализации этой составляющей принципа охраны прав и свобод человека и гражданина факт принадлежности личности к участникам со стороны защиты или со стороны обвинения, или к иным участникам, способствующим отправлению правосудия, не имеет абсолютно никакого значения. Более того, положения о безопасности распространяются также и на лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства и не имеющих непосредственного отношения к уголовному делу – это родственники, близкие родственники и иные близкие лица участников процесса, содействующих правосудию.

Литература

1. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А.Ю. Епихин. – СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 145-146.

2. Зайцев, О. А. Государственная защита участников уголовного процесса / О. А. Зайцев. –

Коротко об авторе

Базюк М.Л., аспирантка, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭП)
ros_mari@mail.ru

М.: ЭКЗАМЕН, 2002. – С. 44-72.

3. Брусницын, Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.09 / Л. В. Брусницын. – М., 2002. и др.

Briefly about author

Bazyuk M., graduate, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Baikal State University of Economics and Law (BSUEL)

Научные интересы: уголовное судопроизводство

Scientific interests: criminal procedure

УДК 343.5

Ботоев Сергей Семенович
Botoyev Sergey

**ПРАВО НА ЛИЧНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ
ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ,
СОДЕРЖАЩИХСЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ
ИЗОЛЯТОРАХ**

**RIGHT TO PERSONAL SECURITY OF SUSPECTED
AND ACCUSED KEEPING IN INVESTIGATORY
JAIL**

Рассматривается конституционное право подозреваемых и обвиняемых на личную безопасность, когда угроза исходит от других лиц, содержащихся в следственных изоляторах и являющихся носителями опасных заболеваний (наркомания, ВИЧ, туберкулез и т.п.) и др.

Автор отмечает, что существующие нормативные акты не дают ясного ответа на решение этой проблемы и, к сожалению, не определен конкретно субъект, который должен их решать

The article considers constitutional right of accused and suspected to personal security when a threat comes from other persons keeping in investigatory jails and those who are carriers of dangerous diseases (i.e. narcomania, human immunodeficiency virus, tuberculosis e.t.c.) and so forth.

The author notes that actual standard legal acts do not provide a clear answer how to solve this problem and, unfortunately, the subject who must solve this problem is not determined specifically

Ключевые слова: личная безопасность, незаконные методы, следственный изолятор

Key words: personal security, unlawful methods, investigatory jail

Конституция Российской Федерации в качестве основных приоритетов объявила права и свободы личности высшей ценностью. Поэтому проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в условиях их изоляции от общества как никогда актуальны, тем более в докладе Уполномоченного по правам человека за 2007 г. обозначена проблема соблюдения прав и свобод человека в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в том числе и следственных изоляторах.

Так, по данным заместителя директора ФСИН В.И. Семенюка, динамика нахождения подозреваемых и обвиняемых характеризуется следующими данными: в 2003 г. было аре-

стовано 311,5 тыс. чел.; в 2004 г. – 328,4 тыс.; в 2005 г. – 380,5 тыс., 2006 г. – 272 тыс. [1], 2007 г. – 222389 чел. [2]. Таким образом, в среднем в следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы ежемесячно поступает 30 тыс. чел.

Между тем, не искоренены еще незаконные методы обращения с подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в следственных изоляторах: известны случаи физического воздействия, жестокого обращения и пыток с целью дезориентировать их и принудить к уступчивости, получить признательные показания, свидетельства против других лиц, имеются примеры, когда они приводили к смерти или

иным тяжким последствиям [3].

Как уже отмечалось, существенная гуманизация деятельности уголовно-исполнительной системы в последние годы повлекла за собой значительные изменения законодательства, регулирующего порядок отбывания наказания и правовое положение осужденных к лишению свободы. Так, в 1992 г. в действовавший в то время Исправительно-трудовой кодекс впервые была включена норма, закрепляющая право осужденных на личную безопасность.

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в ст. 13 предусмотрел право на личную безопасность.

Данные положения были введены в законодательства в качестве необходимой меры, обеспечивающей возможность любого арестованного получить гарантии личной неприкосновенности. Как абсолютно верно пишет по этому поводу Б.З. Маликов, наделяя лиц данной категории правом на личную безопасность, государство не только защищает их от вероятных посягательств, но и противодействует возможному совершению правонарушений в исправительных учреждениях [4].

Сущность рассматриваемого права состоит в том, что при возникновении какой-либо угрозы жизни и здоровью осужденного к лишению свободы он вправе обратиться к любому должностному лицу учреждения, исполняющего наказание, с просьбой обеспечить его личную безопасность. В данном случае это должностное лицо обязано незамедлительно осуществить меры по устранению угрозы жизни и здоровью обратившегося осужденного. Начальник учреждения должен принять решение о переводе данного лица в безопасное место или иные меры, снимающие угрозу личной безопасности. Ранее при возникновении подобных ситуаций в тюремной среде они сами решали возникающие угрозы – обычно это были или побег из исправительного учреждения, или совершение грубого нарушения, в результате которого в обязательном порядке следо-

вало водворение в штрафной изолятор, а нередко конфликт завершался и совершением преступления [5].

Анализ сущностной стороны рассматриваемого права предопределяет исследование вопроса об основаниях его реализации осужденными к лишению свободы. Исходя из положений ст. 13 ФЗ, на наш взгляд, к таковым следует отнести, прежде всего, наличие угрозы личной безопасности, выраженной в возможности применения физического насилия со стороны иных лиц. Указанное обстоятельство является наиболее распространенным, а зачастую единственным основанием перевода конкретного лица в безопасное место. К наиболее часто встречающимся поводам возникновения подобного рода ситуаций можно отнести, например, деятельность арестованного, направленную на сотрудничество с администрацией исправительного учреждения; личные неприязненные отношения между отдельными лицами или их группами; совершение осужденным поступков, противоречащих принятым в пенитенциарной среде «традициям» и др.

Вместе с тем, достаточно узкое толкование практическими работниками исправительных учреждений юридической нормы, закрепляющей порядок реализации осужденными к лишению свободы рассматриваемого права, сводящегося зачастую лишь к устранению угрозы физической расправы, на наш взгляд, является неправомерным. Мы считаем, что к основаниям перевода лица в безопасное место также необходимо отнести психическое насилие, выраженное в систематическом совершении действий по отношению к арестованному, которые унижают его честь и достоинство. Достаточно высокий уровень распространенности таких явлений в исправительных учреждениях диктует необходимость адекватного реагирования со стороны их администрации с незамедлительным помещением осужденного в безопасное место. Непринятие должных мер компетентными лицами в указанной ситуации может привести не только к причинению вреда данному лицу, но и в целом

дестабилизировать нормальную жизнедеятельность исправительного учреждения [6].

В качестве еще одного из оснований реализации лицами, содержащимися в исправительных учреждениях, права на личную безопасность следует назвать угрозу их здоровью, исходящую от других лиц, являющихся носителями опасных заболеваний (наркомания, психические расстройства, туберкулез, ВИЧ и др.). В настоящее время законодательство РФ предусматривает необходимость содержания таких лиц в специализированных лечебных исправительных учреждениях либо прохождения ими обязательного курса лечения. Однако в силу различных причин (позднее выявление заболевания, переполненность больниц, отсутствие необходимых медикаментов и др.) не исключается возможность нахождения таких лиц в обычных условиях отбывания наказания, что может создавать опасность жизни и здоровью других осужденных.

Исходя из анализа положения, закрепляющего право осужденных к лишению свободы на личную безопасность, можно прийти к выводу, что его реализация может осуществляться в двух формах: 1) по заявлению самого лица и 2) по инициативе начальника исправительного учреждения. В первом случае сам арестованный, определив наличие обстоятельств, которые угрожают его жизни и здоровью, обращается с устным либо письменным заявлением к любому должностному лицу, которое обязано принять меры по обеспечению личной безопасности арестованного. Во втором случае сам начальник исправительного учреждения, установив конкретные факты, свидетельствующие о наличии подобного рода

ситуации, принимает решение о переводе осужденного к лишению свободы в безопасное место.

Вместе с тем, при более глубоком анализе норм Правил внутреннего распорядка следственного изолятора достаточно остро встает проблема того, является ли принятие решения о переводе подозреваемого и обвиняемого в безопасное место начальником исправительного учреждения обязанностью или правом последнего. К сожалению, означенные нормативные документы не дают нам ясного ответа на данный вопрос. По нашему мнению, в связи с указанными обстоятельствами, законодатель должен достаточно четко определить, следует ли предоставить начальникам СИЗО возможность самостоятельно, объективно оценив совокупность имеющихся фактических данных, принимать решение о переводе арестованного в безопасное место либо закрепить в действующих правовых актах обязанность удовлетворить данную просьбу лица. Несмотря на противоречивость данной ситуации, сводящейся к наличию многочисленных доводов, которые могут быть приведены в пользу того или иного решения, проблема, на наш взгляд, должна найти свое правовое разрешение, в связи с чем в порядке *de lege ferenda* предлагаю внести следующее дополнение к ст. 13 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых» от 15.07.1995 г. При возникновении угрозы личной безопасности подозреваемого или обвиняемого, содержащегося в следственном изоляторе, он вправе обратиться к любому сотруднику учреждения, который обязан принять меры безопасности незамедлительно.

Литература

1. Семенюк, В.И. О правовом регулировании заключения под стражу [Текст] / В.И. Семенюк // *Российский следователь*. – 2006. – № 10. – С. 13.

2. Данные статистической отчетности о работе судов общей юрисдикции. [Электронный ресурс] // Режим доступа:

<http://cdep.ru/statistics.asp>, свободный.

3. Камышанский, В.А. Анализ следственной

практики по Российской Федерации [Текст] / В.А. Камышанский // *Особенности расследования злоупотреблений в деятельности правоох. органов: материалы российско-американского семинара*. – СПб.: Юрид. институт ген. Прокуратуры РФ, 1989. – С. 5-6; Попов С. *Нормы нового УПК РФ не обеспечивают гарантий конституционных прав подозреваемого* [Текст] / С. Попов, Ч. Цепляева //

Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 31-35;
Ишигеев В.С. Пенитенциарные преступления [Текст] / В.С. Ишигеев. – СПб., 2002. – С. 186; *До каких пор будут поощряться пытки? // Аргументы и факты.* – 2007. – № 19. – С. 13; *Почему коррупционеры остаются непобежденными? // Родная земля.* – 2008. – № 31. – С. 2.

4. *Маликов, Б.З. Лишение свободы: правовой статус осужденных и некоторые противоречия его отражения в законе [Текст] / Б.З. Маликов //*

Следователь. – 2000. – № 5. – С. 37.

5. *Зубков, А.И. Изменения в режиме исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы / А.И. Зубков, В.А. Уткин: в учебнике «Уголовно-исполнительное право».* – М.: Норма, 2002. – С. 610.

6. *Васильева, А.И. Исполнение наказаний, связанных с мерами исправительно-трудового воздействия [Текст] / А.И. Васильева, А.В. Маслихин.* – Рязань: РВШ МВД СССР, 1989. – С. 49.

Коротко об авторе

Ботоев С.Б., аспирант, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭП)

Научные интересы: уголовно-исполнительное право, проблемы содержания подозреваемых и обвиняемых в местах принудительного содержания

Briefly about author

Botoyev S., graduate, Baikal State University of Economics and Law (BSUEL)

Scientific interests: criminal and executive law, problems of keeping of accused and suspected in places of forced keeping

УДК 343.12

Васильева Ирина Николаевна
Vasilyeva Irina

**ЗАЩИТА ДЕТЕЙ-ЖЕРТВ В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ: МЕЖДУНАРОДНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

**PROTECTION OF CHILDREN-VICTIMS IN
CRIMINAL PROCEDURE: INTERNATIONAL
LEGISLATION AND FOREIGN EXPERIENCE**

Раскрываются правовые и практические основы специальной социально-правовой защиты детей-жертв в международном законодательстве и по материалам зарубежного опыта. Выявлены современные направления защиты детей-жертв, организационные и процессуальные меры обеспечения, которые могут получить развитие в уголовно-процессуальном законодательстве России в свете развития института ювенальной юстиции

The article explains legal and practical grounds of a special social - legal protection of children - victims in international legislation in accordance with materials of foreign experience. The author reveals modern directions of children-victims protection, organizational and procedural measures of safeguarding which can be developed in the criminal - remedial legislation of Russia in the view of development of the juvenile justice institute

Ключевые слова: ювенальная юстиция, дети-жертвы, защита в уголовном процессе, представители детей-жертв, социальная помощь, правовая защита, психологическая помощь

Key words: juvenile justice, children - victims, protection in criminal procedure, representatives of children – victims, social care, a legal defence, psychological aid

Начиная с 2000 г., в России активно развивается ювенальная юстиция. Ошибочным считать, что она ориентирована лишь на защиту и профилактику криминального поведения несовершеннолетнего, совершившего преступление. Как справедливо отмечает Ю.Е. Пудовочкин, «ювенальная юстиция включает профилактику преступлений, в том числе против детей, и социально-психологическую реабилитацию несовершеннолетних жертв преступлений в целях недопущения вторичной виктимизации (превращения человека в жертву)... Социально-правовая защита несовершеннолетних жертв не менее,

а может быть и более важна в системе ювенальной юстиции» [1].

На 7-й конференции Генеральных прокуроров государств – членов Совета Европы, проходившей в Москве 5-6 июня 2006 г., рабочая группа вынесла решение о необходимости «учитывать потребности потерпевших и свидетелей и необходимость ставить их на особое место в ходе уголовного судопроизводства. Особую важность представляют интересы детей и несовершеннолетних» [2]. В 2002 г. в России число несовершеннолетних потерпевших составило 94,1 тыс. чел., в 2003 г. – 91,1 тыс. чел., в 2004 г. – 113,5 тыс. чел., в 2005 г. –

175 тыс. чел. [3]. Рост преступности в отношении несовершеннолетних – это показатель незащищенности данной социальной категории.

Создавая в уголовно-процессуальном законодательстве России систему мер, направленных на обеспечение социально-правовой защиты несовершеннолетних потерпевших, изучение норм международного законодательства и зарубежного опыта является своевременным и обоснованным.

Вопросы защиты детей-жертв в уголовном процессе на международном уровне регулируются Конвенцией против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г., Конвенцией по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS № 116) 1983 г., Рекомендацией № R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» 1985 г., Модельным УПК для государств-участников СНГ, Женевской декларацией прав ребенка 1924 г., Декларацией прав ребенка 1959 г., Конвенцией о правах ребенка 1989 г., Руководящими принципами, касающимися правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений (далее: Руководящие принципы), принятых 22 июля 2005 г. [4] и рядом других.

Статьей 39 Конвенции о правах ребенка закреплена норма о принятии необходимых мер в целях содействия физическому и психологическому восстановлению и социальной реинтеграции ребенка, являющегося жертвой любых видов пренебрежения... [5]. Положения приведенной нормы нашли реализацию в Руководящих принципах, в соответствии с которыми защита детей-жертв является основополагающим принципом [4].

Рекомендация № R (85) 11 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса», принятая 28 июня 1985 г. на 387-м заседании представите-

лей Министров, закрепляет, что основной функцией уголовного правосудия должны быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего. Задачами уголовного правосудия в области защиты потерпевших является повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию и поощрение его сотрудничества. Для достижения данной цели Комитет министерства Совета Европы рекомендует уделять больше внимания в системе уголовного правосудия физическому, психологическому, материальному и социальному ущербу, нанесенному потерпевшему, то есть восстановительному правосудию.

В соответствии с ч. 3 ст. А «Декларации основных принципов правосудия жертв преступления и злоупотребления властью» относительно применения положений Декларации, независимо от возраста, следует, что ее принципы наравне должны применяться и к несовершеннолетним жертвам.

Несовершеннолетнему должен быть предоставлен доступ к правосудию, реституция, компенсация, оказываться справедливое обращение, надлежащая помощь, в том числе социальная, материальная, медицинская, психологическая, приниматься меры для сведения к минимуму неудобств при отправлении правосудия, меры по охране личной жизни, обеспечения безопасности от запугивания и мести.

При этом в Декларации отмечается, что оказание помощи должно осуществляться правительственными, добровольными, общинными и местными каналами (ст. 14 А) путем межведомственного сотрудничества. Указанные органы и организации предложено признавать участниками уголовного судопроизводства.

В целях реализации Конвенций и Деклараций руководящими принципами рекомендовано предусмотреть в национальном законодательстве в качестве цели специальной защиты несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе предупреждение, профилактику виктимного и криминального поведения потерпевшего, своевременно оказываемую социально-правовую помощь.

Реализация указанной цели может быть осуществлена путем внедрения межведомственного и профилактического подхода в организацию и осуществление уголовного процесса.

Специальные профилактические меры предлагается применять для отдельной категории детей-жертв, подвергающихся вторичной виктимизации. Основаниями вторичной и рецидивной виктимизации являются жестокое обращение в семье, сексуальная эксплуатация, злоупотребления при содержании в соответствующих учреждениях и торговля детьми. Межведомственный подход связан с участием в уголовном процессе представителей несовершеннолетних, а также организаций, обеспечивающих защиту жертв на основе постановлений, представлений и протоколов.

В Модельном УПК для стран СНГ [6] защита потерпевших является одним из основополагающих принципов (гл. 3). Его реализация достигается через дополнительный принцип «обеспечения прав пострадавших от преступлений, злоупотреблений властью и судебных ошибок». Часть 2 ст. 27 раскрывает три формы обеспечения прав пострадавших как гарантию их защиты в уголовном процессе: обеспечение государственной защиты (применение мер безопасности личности), оказание квалифицированной юридической и иной помощи (ст. 15 гл. 3), возмещение ущерба путем получения компенсационных выплат.

Особенностью Модельного УПК является регулирование статуса пострадавшего наравне с процессуально-правовым статусом потерпевшего. В соответствии с ч. 1 ст. 89 Модельного УПК пострадавшим считается и недееспособное или частично недееспособное лицо, в защиту интересов которого подана жалоба. Пострадавший вправе пользоваться правами, аналогично потерпевшему.

В Белоруссии наравне с УПК действует Концепция статуса жертвы преступления и предупреждения виктимизации населения от тяжких насильственных преступлений [12].

В организационном плане Концепция предусматривает создание специальных

служб Министерства юстиции республики Беларусь по оказанию помощи жертвам, что свидетельствует о государственной поддержке реализации Концепции и обеспечении гарантии реализации прав жертв, а также создание специальных фондов помощи жертвам, финансируемых как из федерального бюджета, так и спонсорских финансовых средств. Под эгидой данной службы функционируют специальные центры по медицинской, психологической, правовой и социальной помощи жертвам тяжких и особо тяжких насильственных, корыстно-насильственных и имущественных преступлений.

Авторами Концепции предложено учесть международные нормы и в национальное законодательство ввести основы примирительного правосудия, в итоговую справку движения уголовного дела вносить сведения о причиненном вреде, убытках, сведения о полном или частичном возмещении вреда, возможностей оказания социальной и иной видов помощи. По примеру стран Европейского союза в целях государственной защиты и профилактики виктимизации жертв предложено усовершенствовать нормы УПК (гл. 8) в части создания в судах «безопасных комнат ожидания» для потерпевших, оснащение залов судебных заседаний необходимым оборудованием для допроса защищаемых лиц с использованием видеотехнических средств, обеспечивающих их неузнаваемость преступниками и др.

Зарубежный опыт в области защиты детей-жертв также ориентирован на принятие мер специальной социально-правовой и государственной защиты.

На заседании круглого стола в рамках проведения конференции в период с 22 по 24 марта 2007 г. в Москве Юлией Меткалф, Татьяной Кукен из Великобритании представлен доклад о деятельности организации «Victim Support» (Великобритания)[8], специализирующейся на помощи жертвам и являющейся частью криминального суда. В нее входят адвокаты, юрисконсульты, волонтеры. Ее представители оказывают психологическую поддержку

сразу с того момента, когда жертва насилия обращается к ним. Потерпевшим разъясняются их права, оказывается общая психологическая и моральная поддержка. Сотрудники службы подбирают различного вида персонал, который представляет разные слои общества, классы, национальности, вероисповедание, чтобы оказать наиболее эффективную помощь.

Принимая за основу деятельности координационный подход, в службе «Victim Support» действует центр жертв домашнего насилия. В нем работают представители шести различных ведомств, включая юрисконсультов, специалистов по вопросам наркотиков, алкоголя, полицейские и переводчики. В данном центре оказывается помощь жертвам, благодаря поддержке других ведомств.

В дополнение к перечисленным мерам особенностью защиты несовершеннолетних жертв являются участие волонтеров-добровольцев. Перед тем, как ребенок идет в суд для того, чтобы дать свидетельские показания, сотрудниками службы назначается доброволец, который оказывает ребенку поддержку в течение всего уголовного процесса.

Учитывая психофизиологические особенности детей, к добровольцам принимаются требования относительно наличия терапевтических и психотерапевтических навыков. Наблюдая случаи, когда родители вмешиваются в ход судебного процесса и запрещают детям давать показания в суде, добровольцы сориентированы на предоставление полной информации для ребенка о том, что происходит в уголовном процессе с учетом принципа уважения интересов детей, учета их психофизиологического состояния, при одновременной работе с родителями.

Основной задачей волонтера является постоянное сопровождение несовершеннолетнего. В связи с чем он может неоднократно контактировать в интересах своего подопечного с полицией и прокурором, может прийти в суд вместе с потерпевшим, показать ему, где будет проходить судебное разбирательство и

где он будет давать свидетельские показания. Он направляет ребенка в специальную комнату, где тот может дать судебные показания, которые будут транслироваться посредством телевизионной связи в зал судебных заседаний. Часто это может быть комната, которая находится далеко от зала суда.

В США специальная социально-правовая защита жертв также связана с деятельностью государственных и негосударственных структур. В полицейских участках многих штатов созданы специальные отделы по работе с жертвами. Как правило, их сотрудники – женщины с большим опытом работы и навыками психологов. Они встречаются с потерпевшими сразу же, как только становится известно о преступлении, и могут квалифицированно оказывать потерпевшим необходимую эмоциональную поддержку, давать консультации по правовым вопросам, оказывать другую необходимую помощь. В связи с этим, сотрудников полиции учат сочувствию, чуткости при ведении опроса людей, находящихся в состоянии стресса, уважительному и внимательному отношению к жертвам.

Действующая в Германии организация «Белого кольца» [8] преследует целью не только оказание помощи жертвам, но и публичное выступление в интересах жертв, в частности, это предоставление жертве адвоката, возможность поддержки обвинения в частном порядке при рассмотрении дел несовершеннолетних. Одновременно с этим, одним из значимых условий работы организации является достижение соглашения между преступником и его жертвой. Самое важное здесь – профилактика и правовое воспитание. В деятельности данной организации действует система примирения при школах. Проблема оказания помощи жертвам умышленных преступлений решается путем оказания моральной и финансовой помощи. На первом месте стоит оказание моральной помощи пострадавшим и их близким, которая оказывается словом и делом, при контактах с официальными органами и сопровождением их на судебных заседаниях. Матери-

альная поддержка выражена в выдаче чеков на бесплатные консультации у адвоката по своему выбору, медицинского и психологического персонала. Организация не сама предлагает лечение или правовую помощь. Она и ее сотрудники являются посредниками между судебными и следственными органами с общественными сотрудниками (волонтерами), службами и органами, занимающимися вопросами защиты детей – жертв преступных посягательств.

Во Франции потерпевшему также гарантируется материальная компенсация, независимо от результатов расследования, компенсация за юридическую помощь, а также оказание им психологической и социологической помощи [9;159].

Таким образом, согласно нормам международного законодательства и зарубежного опыта, защита детей-жертв в уголовном процессе представляет собой систему оказываемых на основе межведомственного сотрудничества мер организационно-правового и процессуального характера. Наравне с государственной защитой (обеспечения мер безопасности) за рубежом активно внедряются меры восстановительного правосудия. Они связаны не только с восстановлением имущественных прав, но и моральных страданий, а также обеспечением надлежащей квалифицированной социально-правовой помощи за счет участия представителей и специалистов в области защиты детей-жертв. Такая форма защиты носит негосударственный характер, но в полном объеме обеспечивается при активной помощи государственных структур.

Цель защиты – профилактика виктимного и криминального поведения несовершеннолетних. Реализация цели достигается посредством решения таких задач, как совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики применения в аспекте:

1) оказания своевременной психологической, правовой, физической, финансовой и иной видов помощи;

2) координации деятельности государственных и негосударственных органов, служб, учреждений, активное привлечение общественных организаций;

3) сопровождения несовершеннолетних добровольцами на всех стадиях уголовного процесса;

4) обеспечения безопасности потерпевшего путем применения специализированных мер;

5) совершенствования процессуально-правового статуса потерпевшего в аспекте специальной социально-правовой защиты;

6) совершенствование процессуальных и организационных процедур.

Представленные цель, задачи и технологии защиты детей-жертв, рекомендуемые международным законодательством и используемые в зарубежной практике с учетом национальных особенностей, могут быть применимы как в действующем уголовном процессе России, так и в системе ювенальной юстиции. Концептуальным является внедрение в уголовный процесс России междисциплинарного принципа и принципа оказания квалифицированной социально-правовой помощи.

Литература

1. Ювенальная юстиция – профилактика подростковой преступности // [http // www. t - sluzhenie. ru / nod / 308](http://www.t-sluzhenie.ru/nod/308)

2. Программа сотрудничества в целях создания правового государства. 7-я Конференция Генеральных прокуроров государств-членов Совета Европы (CPGE). // [http: // www.coe.int / prosecutors/](http://www.coe.int/prosecutors/).

3. Российский статистический ежегодник.

2006. Стат. сб. // Росстат. – М., 2006. – С. 298.

4. Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей-жертв и свидетелей преступлений. Руководство ООН от 22 июля 2005 г. (Д) // [http: //www.businesspravo.ru /Docum /DocumShow_DocumID_108913.html](http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_108913.html).

5. Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г. [Принята Генеральной ассамблеей ООН резолю-

цией 44/25. Ратифицирована 26.01.1990 г.] // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. – М., 1993. – С. 242-257.

6. Модельный УПК для стран СНГ // <http://www.hro.org/docs/rlex/upkmod/index.htm>

7. Концепция статуса жертвы преступления в Республике Беларусь и предупреждения виктимизации населения от тяжких насильственных преступлений // Юстиция Беларуси, № 3 2002; УПК Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (По состоянию на 2 августа 2006 года) // <http://pravo.levonevsky.org/kodeksby/upk/>

[str08.htm](#).

8. Стенограмма конференции «Солидарность. Действие. Право». Ч. 1, Ч. 3. Круглый стол «Социальные аспекты защиты прав потерпевших и свидетелей. Защита прав детей – жертв преступности». // <http://www.soprotivlenye.ru/international/docs/index.html>

9. Меньших, А.А. О возмещении ущерба жертвам преступлений во Франции [Текст] / А.А. Меньших // Журнал российского права. – 1999. – № 9. – С. 159.

Коротко об авторе

Васильева И.Н., ст. преподаватель кафедры административного права и таможенного дела международного правового факультета юридического института, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
vasileva-i-n@mail.ru

Научные интересы: ювенальная юстиция

Briefly about author

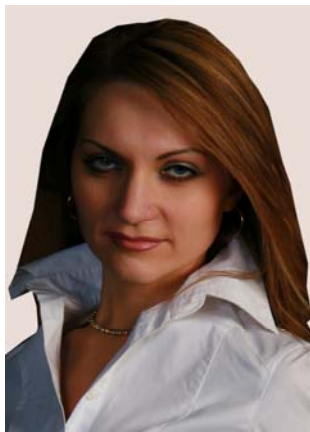
Vasilyeva I., Lecturer of Administrative Law and Customs Law Department, International Legal School of Law Institute, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: juvenile justice

УДК 343.15

Колесникова Марианна Михайловна
Kolesnikova Marianna

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ
ТАМОЖЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
ЦЕЛИ И МОТИВЫ ДЕЙСТВИЙ**

**GENERAL DESCRIPTION OF PERSONS WHO
COMMIT THE CUSTOMS CRIMES:
AIMS AND MOTIVES**

Автор дает общую характеристику лиц, совершающих таможенные преступления; приводит анализ статистических данных, указывающих на большое значение социальных, социально-демографических, социально-психологических и других данных о личности преступника в криминалистическом аспекте раскрытия таможенных преступлений. Указывает на то, что данные, характеризующие личность преступника, могут содержать сведения о причинах совершенного им деяния, а также характеризуют взаимосвязь между характером преступного деяния и степенью сложности его исполнения

The author gives the general description of persons who commit the customs crimes; cites statistical data analysis, which point out the great significance of social, social - demographic and other data about a criminal personality in the criminalistics aspect of customs crimes investigation. The author points out that facts about a criminal personality may contain information about the reasons of perpetrated irregularity and characterize the interaction between a crime pattern and a level of its fulfillment complication

Ключевые слова: таможенные преступления, преступник

Key words: customs crimes, felon

Преступник (образ его действий, личность) традиционно является одним из объектов криминалистического исследования.

Еще в свое время Д.А. Дриль писал: «Преступления не совершаются сами собой, а потому и не могут быть рассматриваемы как какие-то отвлеченные существа. Преступления – это суть результата деятельности определенных индивидуумов» [1]. В этой связи личность преступника всегда была и остается одной из центральных проблем уголовно-правовых наук.

Так, в криминологии индивидуальные качества личности преступника являются важ-

ным элементом криминологической характеристики исследуемых преступлений.

Изучение личности преступника в криминологии подчинено выявлению закономерностей преступного поведения, преступности как массового явления, их детерминации, причинности и разработке научно обоснованных рекомендаций по борьбе с преступностью [2]. Кроме того, отмечается, что обобщение данных о лицах, совершающих преступления, типизация этих лиц позволяют точнее прогнозировать динамику преступности, масштабы ее влияния на другие социальные явления и процессы [3].

В криминалистическом аспекте раскрытия таможенных преступлений большое значение имеют социальные, социально-демографические, социально-психологические и другие данные о личности преступника. К этим данным относятся сведения биографического характера (пол, возраст, национальность, образование, семейное положение и т.п.); сведения о трудовой деятельности (участие в трудовой и общественной деятельности, род занятий, профессия и т.п.); о социально-психологических свойствах личности (темперамент, воля, эмоции и т.п.); сведения о физической силе.

Интерес представляют и данные, характеризующие антиобщественное, противоправное поведение субъекта до совершения преступления (прежние судимости, отношение к деятельности правоохранительных органов, поведение на следствии, связи с лицами, склонными к совершению преступления и т.д.). Названные данные позволяют судить о типичных личностных свойствах и качествах субъектов, совершающих отдельные виды преступлений.

Существует мнение, согласно которому поведение преступника включает взаимосвязанные элементы как внутренние (психологические), так и внешние (физические). В структуру первых входят осознание потребностей и восприятия внешних обстоятельств, способствующих принятию решения об удовлетворении потребности преступным путем, конечная и промежуточная цели, выбор средств их достижения, мысленное моделирование всего процесса поведения и его последствий, отношение субъекта к своим действиям и их преступному результату. В основе формирования внешних факторов лежит образ жизни человека, социальная группа, к которой он принадлежит, а также конкретная жизненная ситуация, т.е. окружение субъекта преступления, его ценностные ориентиры, совокупность жизненных обстоятельств, воздействующих в данный момент [4].

Анализ уголовных дел показывает, что характер преступного деяния находится в оп-

ределенной связи и зависимости от определенных личностных свойств и качеств преступника (возраст, профессиональный опыт, самочувствие, должностное положение, и др.), а данные, характеризующие личность преступника, могут содержать сведения о причинах совершенного им деяния.

Таким образом, большинство контрабандистов, привлеченных к уголовной ответственности за последнее десятилетие, имело возраст 30...50 лет (64,6 %). На втором месте оказались лица в возрасте 18...30 лет, или 44,6 % (24,6 %) по отношению к первой группе, и на третьем месте – лица в возрасте, который превышал 50 лет, или 10 % (10 %, самый старший 58 лет, до 20 лет – 0,8 %) по отношению к первой группе контрабандистов.

Подавляющее большинство лиц, совершающих исследуемые преступления, составляют мужчины – 72 % преступников, несмотря на увеличившуюся долю женщин среди них – 28 %. Последнее время наблюдается некоторое увеличение доли женщин среди лиц, совершающих преступления в таможенной сфере.

Как правило, лица, совершающие обозначенные преступления – это женатые люди (63 %); были холостыми на момент совершения преступления – 18 %; разведены – 19 % преступников. Кроме того, у большинства есть дети.

Образовательный уровень преступников распределился следующим образом: основное количество (56 % лиц) имели неоконченное высшее и высшее образование, 29 % – среднее специальное образование и 15 % – среднее образование.

Преобладание среди указанных лиц неоконченного высшего и высшего образования имеет свои объективные причины: во-первых, возникающие потребности, связанные с ростом жизненного уровня отдельных категорий лиц, приводят к необходимости их удовлетворения, которое достигается посредством занятия определенной «ниши» в той или иной сфере деятельности, что практически невозможно без высшего образования; во-вторых, совершение данных преступлений требует высокого

образовательного уровня подготовки.

Подавляющее большинство лиц, совершающих исследуемые преступления, имеют постоянное место работы, что составляет 74 % от общего числа изученных уголовных дел. При этом 16 % из них являются должностными лицами и (или) занимают руководящие посты в организациях различных форм собственности; 78 % преступников являлись жителями крупных городов и мегаполисов.

Остальные проживали в средних, малых городах, поселках городского типа, причем 2,5 % из них не имели постоянного места жительства.

В ходе изучения уголовных дел данной категории преступления 48 % случаев относятся к категории тяжких преступлений (ч. 3 ст. 188 УК РФ); 13 % – особо тяжких преступлений (ч. 4 ст. 188 УК РФ); 39 % случаев – преступления средней тяжести (ч. 1 ст. 188, ст. 193 УК РФ).

Все преступники совершили преступление умышленно, с виной в форме прямого умысла. В 95 % случаев прослеживаются очевидные корыстные мотивы и цели незаконного обогащения при совершении преступления. Определенная часть указанных лиц (4 %) совершили преступления из товарищеских (родственных, дружеских) побуждений. Отдельные изученные нами преступления были совершены в целях самоутверждения (не более 1 %).

Приведенные данные характеризуют взаимосвязь между характером преступного деяния и степенью сложности его исполнения. Для осуществления контрабанды – преступления сложного и трудоемкого – необходимы зрелый возраст, определенный жизненный опыт, значительные материальные средства, затраты физических сил, знание конъюнктуры потребительского рынка, способов сокрытия предметов контрабанды от таможенного контроля и т.д. Характерную особенность субъекта контрабанды детерминирует не столько возрастной ценз и психология контрабандистов, сколько возможность выезда за границу, обстановка, создающая благоприятные усло-

вия для осуществления незаконного перемещения товаров, ценностей и других предметов через таможенную границу, цель получения материальной или иной выгоды либо удовлетворения иных личных потребностей.

Практика подтверждает взаимосвязь между характером преступного деяния и личностью контрабандиста по служебным категориям и социальному положению.

По социальному положению это, как правило, работники коммерческих организаций (46 %); на втором месте – государственные служащие (25 %); третье место занимают работники торговли (21,5 %); четвертое место принадлежит работникам промышленности (3,3 %); пятое место отведено работникам прочих сфер экономической деятельности (4,2 %).

По личностным качествам у большинства из субъектов контрабанды доминируют установки к стяжательству, страсть к наживе, стремление быстрого накопления богатства любым путем. Большинство из них непосредственно участвуют в финансово-коммерческой деятельности на разном функциональном уровне (руководители и другие организаторы коммерческих структур, банков, иных кредитных организаций). Среди них всегда имеются лица, владеющие информацией о деятельности кредитно-финансовых структур, знающие изъезны в их деятельности.

В современных условиях лица, совершающие преступления в таможенной сфере, приспосабливаются к новым формам предпринимательской деятельности, учитывают специфику и конъюнктуру при формировании рыночных отношений и совершают преступления с учетом изменяющейся обстановки.

Лица, осуществляющие контрабанду, в большинстве случаев состоят в тесной взаимосвязи с работниками государственных, таможенных, правоохранительных органов и учреждений, руководителями банков и иных кредитных организаций, а также с криминальными элементами, которые контролируют ту или иную территорию или сферу экономической деятельности.

Анализ статистических данных, характеризующих контрабандную преступность, дает основание обоснованно полагать, что названная категория граждан в период перехода России к рыночной экономике выдвинулась вперед по числу незаконных перемещений и объему контрабанды по сравнению с вышеназванными категориями, ранее находившимися на переднем плане.

Так, в качестве такого субъекта контрабанды стали выступать категории граждан, ранее не встречавшиеся в таможенной и следственной практике: должностные лица государственных предприятий, коммерсанты, занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, чиновники правительственного аппарата и администраций на местах, профессиональные преступники, действующие под прикрытием внешнеторговых организаций. Причем указанные преступления совершаются устойчивыми преступными группировками, имеющими поддержку в структурах власти и управления [5].

Для организованных групп, совершающих таможенные преступления, характерна небольшая численность (в пределах от двух-трех до десяти человек), сравнительно простая организационная структура построения с достаточно высоким уровнем образования и профессионализмом членов. Указанные группы чаще всего создаются на сравнительно короткие периоды времени. Организаторы и руководители преступных формирований, действующих в сфере внешнеэкономических отношений, работают, как правило, в соответствующих легальных структурах и имеют определенный легальный статус, нередко весьма престижный. Лица же, осуществляющие техническую работу в группе, не всегда бывают осведомлены о ее преступном характере.

Что касается предмета контрабанды – выделяют незаконное перемещение: наркотиков; сильнодействующих ядовитых и отравляющих веществ; оружия и боеприпасов; товаров; валюты и валютных ценностей; нефти и нефтепродуктов и т.д.

Наиболее подходящим критерием для классификации участников контрабанды будет именно профессиональный уровень организатора и исполнителя: любитель, полупрофессионал и профессионал [6].

Для «любителя» совершение преступления представляет собой, как правило, временное, эпизодическое занятие, связанное с редкими, случайными выездами за границу. Преобладающий возраст этой группы – 23...35 лет, пол преимущественно женский. Обычными объектами контрабанды являются денежные знаки, культурные ценности, иногда мелкие партии наркотиков. Уровень преступного профессионализма – довольно низкий, его можно охарактеризовать самостоятельным минимальным непрофессиональным обучением.

Для «полупрофессионалов» характерно наличие другой профессии, не связанной с преступной деятельностью. Нередко они занимают определенную должность на государственной службе. Однако эти люди довольно часто выезжают за границу, совмещая служебную деятельность с контрабандой. При этом ими нередко используются сокрытия, маскировки перевозимых предметов и денежных знаков. Возраст такой категории преступников, как правило, составляет 35...50 лет. Многие из них проходили службу в государственных, в том числе правоохранительных органах.

Для «профессионалов» контрабанда является своеобразным «бизнесом» – основным источником дохода и средством самореализации. В процессе длительного совершения преступлений они приобретают ряд специальных навыков, которые позволяют им успешно действовать в течение длительного периода времени. Предпочитают заниматься контрабандой какого-либо одного вида, достигая в нем практического совершенства. Имеют высокую психологическую устойчивость, знакомы с методами работы оперативно-следственных подразделений, часто сами являются бывшими сотрудниками правоохранительных органов и поэтому владеют навыками психологического воздействия на собеседника.

Случаи профессиональной контрабанды являются наиболее социально опасными. Такие группы обладают устойчивостью и занимаются контрабандой длительный период времени, причем, как правило, наиболее социально опасными ее видами: наркотиками, оружием, стратегическими материалами. Социальную опасность усиливает высокий уровень технической оснащенности.

Организованные преступные группы, специализирующиеся на контрабанде, отличаются четким разделением ролевых функций: исполнители-перевозчики; лица, прикрывающие деятельность перевозчика контрабанды; лица, которые готовят предмет к контрабандному перемещению; лица, обеспечивающие накопление товара на каждом этапе контрабандной цепочки; лица, обеспечивающие группу транспортными средствами; лица, финансирующие контрабанду (как правило – организаторы контрабанды); лица, отвечающие за подкуп должностных лиц.

Характеристика лидеров определяется большой степенью активности при совершении преступлений и руководстве усилиями членов преступной группы; наличием высшего или

среднего специального образования; относительно высоким социальным статусом; обширными деловыми и личными связями; прочной установкой на достижение преступной цели; наличием достаточной финансовой базы; выбором преступных средств и методов реализации задуманного в сочетании с внешней легальностью; организацией и контролем преступной деятельности с жестким распределением ролевых функций – «каждый отвечает за свое направление деятельности».

Приведенные данные характеризуют взаимосвязь между характером таможенного преступления, положением и условиями, в которых находится каждая из указанных категорий граждан, возможностями реализации незаконно перемещенных ими предметов и ценностей за границей и в России, а также наличием профессионального опыта.

Данные о личностных свойствах правонарушителя тесно связаны с другими данными, образующими криминалистическую характеристику преступления, в частности, со сведениями об обстоятельствах, способствовавших совершению преступлений определенного вида [7].

Литература

1. Дриль, Д.А. Преступность и преступники. Учение о преступности и мерах борьбы с нею [Текст] / Д.А. Дриль // Сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2006. VI. – С. 9.

2. Криминология [Текст] / Под общ. ред. проф. А.И.Долговой. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 274.

3. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник [Текст]. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 248.

4. Белозерова, И.И. Расследование преступлений, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью и неуплатой налогов в сфе-

ре малого бизнеса: дисс. ... канд. юрид. наук [Текст] / И.И. Белозерова. – М., 2000. – С. 59.

5. Глазьев, С. Есть силы, которые противостоят созданию валютного и экспортного контроля [Текст] / С. Глазьев, Ю. Звягин // Рос. газ., 1993. – 25 июня.

6. Меретуков, А.Г. Проблемы методики расследования контрабанды: дисс. ... канд. юрид. наук [Текст] / А.Г. Меретуков. – Краснодар, 2002. – С. 108.

7. Гаверилин, Ю.В. Криминалистика: Методика расследования отдельных преступлений: Курс лекций [Текст] / Ю.В. Гаверилин, К.Г. Шурухнов / Под ред. проф. Н.Г. Шурухнова. – М., 2004. – С. 55-56.

Коротко об авторе

Колесникова М.М., аспирантка, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭП)
Marianna 0044@mail.ru

Научные интересы: криминалистика, методика расследования преступлений

Briefly about author

Kolesnikova M., graduate, Baikal State University of Economics and Law (BSUEL)

Scientific interests: criminalistics, methods of crimes investigation

УДК 351.72

Куприянов Александр Сергеевич
Kupriyanov Alexander

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ОСПАРИВАНИЯ РЕШЕНИЙ
НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ**

**PROCESSIONAL PECULIARITIES OF TAX
BODIES DECISIONS IMPUGNMENT**

Исследованы процессуальные аспекты признания недействительными ненормативных актов налоговых органов. Дан сравнительный анализ теоретических работ в области гражданского судопроизводства

The article examines procedural aspects of vitiation of tax bodies non-standard acts. There is a comparative analysis of theoretical works in the field of civil legal procedure

---

Ключевые слова: правовая позиция, юридический факт, нормативная предпосылка, процессуальное правоотношение, юридический состав

Key words: legal position, legal fact, standard legal prerequisite, procedural legal relationship, legal structure

---

На основании Федерального закона от 27.07.2006 № 137-ФЗ [1] с 1 января 2009 г. в соответствии с вновь введенным п. 5 ст. 101.2 НК РФ решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения может быть обжаловано в судебном порядке только после обжалования этого решения в вышестоящем налоговом органе.

Таким образом, законодателем предусмотрен обязательный досудебный порядок урегулирования спора по решениям налогового органа, принятым в порядке ст. 101 Налогового кодекса РФ [2]. В данном случае необходимо не путать решения, принятые в порядке ст. 101 Налогового кодекса РФ, с решениями, принятыми в порядке ст. 101. 4 Налогового кодекса РФ, так как в данных решениях речь идет о решении о привлечении лица к ответственности.

Рассмотрим отдельные процессуальные

особенности обжалования решений, принятых налоговым органом в порядке ст. 101 Налогового кодекса РФ.

Согласно ч. 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суде.

В соответствии со ст. 137 Налогового кодекса РФ каждое лицо имеет право обжаловать акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц, если, по мнению этого лица, такие акты, действия или бездействие нарушают его права.

На основании п. 1 ст. 198 Арбитражного процессуального кодекса РФ [3] граждане, организации и иные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (без-

---

действия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, если полагают, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно правовой позиции Конституционного суда, высказанной в Определении от 4 декабря 2004 г. № 418-О, нормативные положения, содержащиеся в ст. 137 и 138 Налогового кодекса Российской Федерации, во взаимосвязи с положениями ст. 29 и 198 АПК Российской Федерации, не исключают обжалование в арбитражный суд решений (актов ненормативного характера) любых должностных лиц налоговых органов и, соответственно, полномочие арбитражного суда по иску налогоплательщика проверять их законность и обоснованность [4].

Можно выделить следующие категории споров, связанных с оспариванием решений и действий (бездействий) налоговых органов:

– о признании недействительными ненормативных актов налогового органа (должностного лица), не соответствующих законам и иным нормативным правовым актам и нарушающих права и законные интересы организаций и граждан;

– о признании не подлежащим исполнению исполнительного или иного документа, по которому взыскание производится в бесспорном (безакцептном) порядке;

– о возврате из бюджета денежных средств, списанных налоговыми органами в бесспорном порядке с нарушением требований закона или иного нормативного правового акта, а также процентов на эти суммы;

– о возврате из бюджета денежных средств, излишне уплаченных налогоплатель-

щиком или налоговым агентом (добровольно и самостоятельно), или право на возврат которых подтверждено в установленном законом порядке;

– о зачете излишне взысканных налоговым органом (самостоятельно уплаченных налогоплательщиком или налоговым агентом) денежных средств в счет предстоящих платежей либо задолженности по налогу, пени и штрафам;

– о возмещении убытков, причиненных налогоплательщику в результате незаконных действий (бездействия) налогового органа или должностного лица налогового органа;

– об обжаловании (признании неправомерными) действий или бездействия должностных лиц налоговых органов;

– о признании недействительным нормативного акта налогового органа (должностного лица), не соответствующего Налоговому кодексу Российской Федерации и нарушающего гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица.

В данном случае возникает вопрос по порядку обжалования решений, вынесенных налоговыми органами в порядке ст. 101 Налогового кодекса РФ до 1 января 2009 г., но заявление о признании недействительными которых подано в арбитражный суд в 2009 г. Отдельные авторы считают, что в данном случае решение, вынесенное ранее 1 января 2009 г., может быть обжаловано непосредственно в суд, причем в обоснование данной позиции приводятся доводы об увеличении документооборота, увеличении общего срока обжалования, а также лишении возможности своевременного приостановления взыскания сумм налогов, пени и штрафов в порядке обеспечения иска [5].

Полагаем, что данная позиция несколько необоснована по следующим причинам.

В соответствии с п. 5 ст. 101.2 Налогового кодекса РФ, с учетом ч. 16 ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. №137-ФЗ, с 1 января 2009 г. решение о привлечении к ответственности за совершение налогового правонару-

шения или решение об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения может быть обжаловано в судебном порядке только после обжалования этого решения в вышестоящем налоговом органе. В случае обжалования такого решения в судебном порядке срок для обращения в суд исчисляется со дня, когда лицу, в отношении которого вынесено это решение, стало известно о вступлении его в силу. Следовательно, толкование нормы п. 5 ст. 101.2 Налогового кодекса РФ свидетельствует о том, что содержащееся в ней предписание регулирует порядок реализации права на обращение в арбитражный суд, закрепленного в ст. 4 АПК РФ, и в частности, предусматривает в качестве условия обращения в арбитражный суд с заявлением об оспаривании решения о привлечении (об отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения обязательность первоначального обжалования данного решения в вышестоящий налоговый орган.

Для начала рассмотрим понятие «правоотношение», его состав и предпосылки возникновения. Любое правоотношение представляет собой общественное отношение, урегулированное нормами права. В данном случае необходимо разграничить понятия «налоговые правоотношения» и «процессуальные правоотношения».

Согласно ч. 1 ст. 2 Налогового кодекса РФ к налоговым правоотношениям относятся:

– властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов и сборов в Российской Федерации;

– отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Согласно ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации [6], судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного су-

допроизводства.

Исходя из толкования данной нормы, гражданское производство в Российской Федерации реализуется в двух видах:

- 1) в форме гражданского процесса;
- 2) в форме арбитражного процесса.

При рассмотрении и разрешении частных дел между судом и другими участниками процесса возникают общественные отношения. Эти отношения урегулированы нормами гражданского процессуального права и арбитражного процессуального права и являются соответственно гражданскими процессуальными и арбитражными процессуальными отношениями (далее процессуальные отношения).

Обязательным субъектом данных отношений является суд, в связи с тем, что данные правоотношения складываются между судом и участниками процесса при совершении процессуальных действий и регулируются нормами процессуального права [7]. Суд в данном случае является обязательным субъектом данных правоотношений, что и позволяет ограничивать налоговые правоотношения от процессуальных [8]. Таким образом, правоотношения, на которые распространяется действие нормы п. 5 ст. 101.2 НК РФ, имеют процессуальную природу, так как подразумевают необходимое участие судебного органа.

Данная особенность процессуальных отношений объясняется и тем, что законодательством суду отведена основная роль в выполнении задач, поставленных перед гражданским судопроизводством. Суд – орган государственной власти. Именно на него возложена обязанность рассматривать и разрешать гражданские дела по существу, поэтому суду отведена руководящая роль в процессе. На него в силу закона возложена обязанность по руководству процессом, по направлению действий всех участников процесса, разъяснению процессуальных прав и обязанностей действия всех участников процесса, обеспечение выполнения ими процессуальных прав и обязанностей, оказания лицам, участвующим в деле, содействия в реализации их прав, создания

условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при разрешении гражданских дел, разрешения всех вопросов, возникающих при рассмотрении дела и т.д.

Для возникновения и развития любых процессуальных отношений необходимо наличие ряда предпосылок (условий).

Первой и наиболее важной предпосылкой возникновения правоотношения является наличие нормы, регулирующей данное правоотношение. В данном случае в качестве такой нормы выступает ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ, закрепляющая право на подачу заявления.

Процессуальные нормы обладают рядом специфических признаков, а именно:

- устанавливаются только государством;
- являются общеобязательными;
- имеют общий характер;
- регулируют общественные отношения лишь в области осуществления правосудия;
- обеспечиваются возможностью применения государственного принуждения и процессуальных мер, не связанных с государственным принуждением;
- имеют своей задачей обеспечение правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел (дел частного правового характера) [9].

Кроме того, отдельные авторы в качестве дополнительных особенностей выделяют возможность «существования данных правоотношений только в правовой форме; в том, что данные правоотношения образуют систему тесно взаимосвязанных и взаимообусловленных, последовательно развивающихся и сменяющих друг друга отношений. Данная система состоит из совокупности относительно самостоятельных правоотношений. Они могут отличаться друг от друга по основаниям возникновения, по субъектному составу, содержанию, объекту. Вместе с тем, они взаимосвязаны, взаимообусловлены и представляют единую систему процессуальных отношений. Лю-

бое отдельно взятое правоотношение является элементом этой системы и не может существовать изолированно от других. Единство, целостность системы гражданских процессуальных правоотношений обусловлены, прежде всего, однородностью этих отношений. Все они имеют общую целевую направленность – служат правильному и быстрому рассмотрению и разрешению дела, обязательным субъектом каждого из них является суд» [10]. Таким образом, процессуальные нормы обладают системными свойствами, объединены в правовые институты и образуют целостную систему, причем каждая из норм действует в полной мере только во взаимосвязи с подобными себе нормами.

Второй предпосылкой возникновения правоотношений является право- и дееспособность как основные характеристики субъекта правоотношения.

Способность иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности (процессуальная правоспособность) признается в равной мере за всеми организациями и гражданами, обладающими, согласно федеральному закону, правом на судебную защиту в арбитражном суде своих прав и законных интересов (ч. 1 ст. 43 АПК РФ).

От процессуальной правоспособности отличается процессуальная дееспособность, т.е. способность своими действиями осуществлять процессуальные права и обязанности в арбитражном суде (ч. 2 ст. 43 АПК РФ).

Организации, прошедшие государственную регистрацию, имеющие статус юридического лица, право- и дееспособны, т.е. они объективно обладают предпосылкой на вступление в качестве субъекта арбитражных процессуальных отношений.

Третьей предпосылкой возникновения процессуальных правоотношений являются юридические факты.

Под юридическими фактами понимаются «конкретные жизненные обстоятельства, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотно-

шений» [11].

При наличии предпосылок возникновения арбитражных процессуальных отношений, т.е. потенциальной возможности для возникновения процесса по конкретному делу нужны определенные основания.

Основаниями возникновения, изменения, прекращения арбитражных процессуальных отношений всегда является совокупность юридических фактов, с которой арбитражный процессуальный закон связывает правовые последствия.

Совокупность юридических фактов, необходимых для возникновения, изменения или прекращения правоотношения, является юридическим составом [11]. Для процессуальных отношений характерны такие юридические составы, в которых факты должны накапливаться последовательно, в строго определенном порядке. Элементы такого состава должны следовать один за другим в строго установленной процессуальными нормами последовательности. Юридическое значение имеет и сам порядок накопления фактов. Например, экспертиза не может быть назначена и проведена ранее возбуждения гражданского дела. Если же она была проведена с нарушением закона, то заключение эксперта не может быть использовано судом в качестве судебного доказательства по делу [10].

В юридических составах с последовательным накоплением фактов последним, «завершающим» фактом, всегда является факт-действие. В ряду фактов в составах указанного типа факт-событие не может быть завершающим фактом, после него обязательно должен следовать факт-действие. Это особенность юридических составов в процессуальных правоотношениях.

Таким образом, для возникновения рассматриваемых процессуальных правоотношений по обжалованию решений, принятых налоговым органом в порядке ст. 101 Налогового кодекса РФ помимо нормативной предпосылки (ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса РФ) и наличия у заявителя процессуальной

право- и дееспособности необходимо наличие трех юридических фактов, образующих юридический состав: принятие налоговым органом решения о привлечении (об отказе в привлечении) к ответственности за совершение налогового правонарушения, обращение в вышестоящий налоговый орган с жалобой на данное решение и обращение в арбитражный суд с заявлением о признании его недействительным (незаконным).

Процессуальное правоотношение возникает с момента, когда состоялся последний юридический факт – обращение в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа недействительным (незаконным).

В данном случае, если на момент обращения в арбитражный суд обязательный досудебный порядок не соблюден, то есть решение, принятое в порядке ст. 101 Налогового кодекса РФ, не было обжаловано в вышестоящем налоговом органе, юридический состав процессуального отношения является неполным. Следовательно, у арбитражного суда есть два варианта развития указанной ситуации, причем оба из них являются законными и обоснованными.

В соответствии с ч. 4 ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса РФ судопроизводство в арбитражных судах осуществляется в соответствии с федеральными законами, действующими во время разрешения спора и рассмотрения дела, совершения отдельного процессуального действия или исполнения судебного акта.

В первом случае, в силу п. 1 ст. 128 Арбитражного процессуального кодекса РФ, если арбитражный суд при рассмотрении вопроса о принятии искового заявления к производству установит, что оно подано с нарушением требований, установленных ст. 125 и 126 АПК РФ, то суд выносит определение об оставлении заявления без движения. Причем в определении арбитражный суд, согласно п. 2 ст. 128 Арбитражного процессуального кодекса РФ, указывает основания для оставления искового

заявления без движения и срок, в течение которого истец должен устранить обстоятельства, послужившие основанием для оставления искового заявления без движения. В дальнейшем, если заявитель сумеет в указанный срок устранить указанные нарушения, то есть обжаловать спорное решение в вышестоящем налоговом органе, то суд обязан принять заявление, в противном случае заявителю вернут заявление и прилагаемые к нему документы в порядке, предусмотренном ст. 129 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Иной вариант ждет налогоплательщика, если суд примет определение о принятии искового заявления к производству и назначения судебного слушания по делу.

В этом случае арбитражный суд в силу п. 2 ст. 148 Арбитражного процессуального кодекса РФ оставляет исковое заявление без рассмотрения после его принятия к производ-

ству, так как истцом (налогоплательщиком) не соблюден претензионный или иной досудебный порядок урегулирования спора с ответчиком, если это предусмотрено федеральным законом или договором. В данном случае у налогоплательщика не будет возможности исправить указанную ситуацию непосредственно в процессе, так как уже существует процессуальное действие, облеченное в форму определения о принятии дела к производству препятствующее указанному шагу.

Таким образом, с 1 января 2009 г. налоговое законодательство предусматривает дополнительные гарантии налогоплательщику соблюдения его прав и свобод в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, причем данная новелла обосновывает появление новых механизмов преодоления возникающих правовых коллизий.

Литература

1. СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3436.
2. СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 2.
5. Лермонтов, Ю.М. Консультация эксперта. Минфин, 2008 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Российская газета. – 25 декабря 1993 г. – № 237.
7. Гражданский процесс: учебник / Под ред. проф. В.В. Яркова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2000. – С. 43.
8. Жеруолис, И.А. Сущность советского гражданского процесса [Текст] / И.А. Жеруолис. – Вильнюс, 1969. – С. 62-64.
9. Мельников А.А. Советский гражданский процессуальный закон [Текст] / А.А. Мельников. – М., 1973. – С. 8.
10. Арбитражный процесс / Под ред. М.К. Треушников. – М., 2007. – С. 26-29.
11. Гражданское процессуальное право России / Под ред. П.В. Алексия. – М., 2005. – С. 30.

Коротко об авторе

Куприянов А.С., аспирант, Читинский государственный университет, начальник юридического отдела Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы № 3 по Забайкальскому краю
justic-self@mail.ru

Научные интересы: налоговое право, финансовое право

Briefly about author

Kupriyanov A., graduate, Chita State University, Head of Law Department of Inter-District inspectorate of Federal tax service № 3 by Trans-baikal Territory

Scientific interests: fiscal law, financial law

УДК 343.819.2

Минстер Марина Владиславовна
Minster Marina

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИН, СОДЕРЖАЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

PROBLEMS OF HEALTH PROTECTION OF WOMEN KEEPING IN PRISONS

Рассматриваются фундаментальные положения международных и российских документов, которые применяются к осужденным женщинам, имеющим детей. Проводится корректный сравнительно-правовой анализ положений основных источников права в рассматриваемом контексте: Всеобщей Декларации прав человека, Конвенции о правах ребенка, Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, которые применяются к лицам, осужденным к лишению свободы. В этой связи внимание акцентировано на специальных положениях, касающихся беременных женщин, а также женщин, имеющих несовершеннолетних детей

Fundamental regulations of international and Russian documents which are applied to convicted women who has children are considered in this article. There is correct legal comparative analysis of regulations of the main law sources in the given context: General Declaration of Human Rights, Convention of Children's Rights, Minimal Standard Rules of Treatment of Convicts, which are applied to the convicted persons. In this connection special provisions about expectant mothers and women having infants are specified

Ключевые слова: осужденные женщины, лишение свободы, исправительные учреждения, психофизиологические особенности, отбывание наказания

Key words: convicted woman, deprivation of liberty, correctional facility, to serve one's sentence, individual approach, psychic and physiological features of women

В период отбывания наказания в местах лишения свободы состояние здоровья женщин может ухудшиться из-за отсутствия надлежащего медобслуживания, несоблюдения норм гигиены, вследствие плохого питания и перенаселенности исправительных учреждений. К тому же у всех женщин есть специфические потребности в медицинском обслуживании, обусловленные особенностями пола, – им необходимо иметь возможность регулярного контакта со специалистом [1].

Влияние отрицательных последствий самого факта лишения свободы – общение в социально-неблагоприятной среде, ограничение

контактов с семьей, детьми, изоляция от общества, вызывающие у осужденных женщин состояние угнетения, тоски, депрессии, обреченности, апатии, сказываются на состоянии здоровья осужденных женщин. Несоответствие положений уголовно-исполнительного законодательства и практики реализации права на охрану здоровья женщин, осужденных к лишению свободы, вызывают серьезные трудности. Проблема сохранения их физического и психического здоровья в условиях лишения свободы стоит остро по причине того, что специфические медицинские потребности вследствие половой принадлежности не могут быть

надлежащим образом удовлетворены. В этом аспекте исследования проблема охраны здоровья женщин в местах лишения свободы приобретает особую актуальность и значимость. Так, нарушения прав на охрану здоровья осужденных в России подтверждает, например, то, что в 2007 г. в адрес Уполномоченного по правам человека РФ поступило около 3000 письменных обращений лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Жалобы на условия содержания, нарушение прав, охрану здоровья и медико-санитарное обеспечение составили чуть менее 20 % от всех обращений [2].

Право осужденных на охрану здоровья является одним из основных прав человека, что признается многочисленными международными документами. Сюда относятся право на надлежащую заботу о здоровье в той же мере, в какой эта забота доступна живущим на свободе гражданам, а также право на жизнь в обстановке, не провоцирующей развитие болезней и психических расстройств [3]. Уголовно-исполнительной политикой в области здравоохранения должно быть предусмотрено соответствие условий отбывания наказания в исправительном учреждении целям защиты здоровья всех осужденных. Основой сохранения физического и психического здоровья всех осужденных являются: достаточное пространство для проживания, питание, чистая питьевая вода, чистота вокруг, свежий воздух, наличие отопления, а также естественное и искусственное освещение. В этой связи чрезвычайно важно также, чтобы осужденные могли заниматься какой-то осмысленной деятельностью, в том числе умственной, и чтобы они контактировали с внешним миром.

В рассматриваемом вопросе необходимо проанализировать положения международных документов, касающиеся охраны здоровья осужденных. Так, в ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах закреплено, что участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья [4].

В Основных принципах обращения с заключенными (Принцип 9) регламентировано, что заключенные пользуются медицинским обслуживанием, имеющимся в данной стране, без дискриминации в связи с их юридическим положением. Принцип 24 закрепляет, что задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется возможность пройти надлежащее медицинское обследование в возможно кратчайшие сроки после его прибытия в место задержания или заключения; впоследствии ему предоставляются медицинское обслуживание и лечение всякий раз, когда в этом возникает необходимость. Обслуживание и лечение предоставляются бесплатно.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Организацией Объединенных Наций (Правило 24), определяют, что каждого заключенного следует подвергать медицинскому осмотру при его принятии для того, чтобы устанавливать, не болен ли он физически или умственно; принимать необходимые меры; изолировать заключенных, о которых можно предположить, что они страдают какой-либо инфекционной или заразной болезнью; выявлять физические или умственные недостатки, могущие воспрепятствовать их перевоспитанию и определять, какая физическая способность заключенных к труду. Правило 25 регламентирует, что о физическом и психическом здоровье заключенных обязан заботиться врач, который должен ежедневно принимать или посещать всех больных, всех тех, кто жалуется на болезнь, а также тех, на кого было обращено его особое внимание [5].

Российская Федерация, провозгласив себя социальным государством, обязуется проводить в жизнь определенную социальную политику, направленную на обеспечение достойной защиты здоровья граждан. Одной из задач нашего государства в соответствии с Конституцией РФ (ст. 2,7,41,42) является охрана здоровья населения [6].

В ч. 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека закрепляется, что каждый человек

имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи [7].

Изолируя осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях, наше государство берет на себя обязанность не только исполнять наказание, но и сохранять при этом их здоровье. Уголовно-исполнительным законодательством установлено, что в отношении рассматриваемой нами категории осужденных в ч. 6 ст. 12 УИК РФ осужденные имеют право на охрану здоровья, включая получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях в зависимости от медицинского заключения [8].

Значительная часть норм уголовно-исполнительного законодательства, касающихся медико-санитарного обеспечения осужденных, к лишению свободы рецептирована из подзаконных актов, изданных различными ведомствами исполнительной власти Российской Федерации, причем как до принятия УИК РФ, так и после его введения в действие [9].

Специфическими задачами медицинских частей учреждений УИС в отношении женщин являются проведение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение гинекологических заболеваний, осложнений беременности, родов, послеродового периода; проведение комплексных профилактических осмотров; оказание квалифицированной акушерско-гинекологической помощи; диспансерное наблюдение за гинекологическими больными, беременными и роженицами; психопрофилактическая подготовка беременных женщин к родам и организация работы «школы матерей»; санитарно-просветительная работа; обеспечение преемственности в обследовании и лечении беременных, рожениц и гинекологических больных с лечебно-профилактическими и лечебными исправительными учреждениями УИС, а также с территориальными ЛПУ [10].

Администрация исправительных учреж-

дений обязана следить за соблюдением в исправительных учреждениях санитарно-гигиенических норм, правил по технике безопасности в процессе трудовой деятельности осужденных женщин, оснащением исправительных учреждений необходимыми медикаментами и своевременным помещением больных лиц в лечебные исправительные учреждения [11].

Результаты проведенного автором исследования по вопросам охраны здоровья женщин, осужденных к лишению свободы, содержащихся в женских исправительных колониях общего режима (анкетирование 436 респондентов по вопросам правового обеспечения и реализации прав осужденных женщин проводилось в женских исправительных колониях Иркутской области в феврале 2009 г.) показали следующее фактическое положение в реализации рассматриваемого в данной статье права. Всегда имеют возможность получить медицинскую помощь в колонии лишь 18,1 % опрошенных, иногда – ответили 54,8 %, а не имеют возможности получить медицинскую помощь 27,1 % осужденных женщин. Своевременность и качество медицинской помощи в колонии оценивается удовлетворительно – 25,6 % женщин, неудовлетворительно – 74,4 %. Так, на вопрос: «Проводятся ли профилактические мероприятия в колонии, направленные на предупреждение гинекологических заболеваний» – «да» ответили 43,4 %, «нет» – ответили 56,4 %. Существуют проблемы, связанные и с проведением комплексных профилактических осмотров женщин, которые были проведены лишь для 42,9 %. Диспансерное наблюдение за гинекологическими больными женщинами осуществляется только 37,1 % женщин. Осужденные женщины указывают на следующие проблемы, с которыми они сталкиваются ежедневно в момент оказания им медицинской помощи: *врач присутствует на работе один раз в неделю, а обезболивающих лекарств в медчасти нет; хотелось, чтобы женщин наблюдали гинекологи; в колонии постоянно нечем лечить больных, а врачи ссылаются на отсутствие элементарных меди-*

каментов; одна таблетка – аналгин от всех болезней.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что конституционное право на охрану здоровья осужденных женщин не всегда реализуется в местах лишения свободы по ряду причин: отсутствие необходимых для оказания медицинской помощи лекарственных препаратов и специалистов. Женские исправительные колонии получают централизованные поставки медикаментов, но их явно недостаточно, поэтому не все требования закона, направленные на охрану здоровья осужденных женщин, реализуются на практике. Медслужбы исправительных учреждений часто плохо оснащены технически и материально, а также имеют недоукомплектованный штат специалистов. Кроме того, в женских исправительных учреждениях необходимо учитывать и пол потенциальных пациентов медицинских служб.

Первичная медицинская помощь должна быть доступна всем осужденным, независимо от их пола, а оказывающие ее специалисты должны быть в состоянии распознать угрозу развития ряда хронических заболеваний, в том числе расстройств женской репродуктивной системы [12]. Администрации исправительного учреждения необходимо обеспечить возможность регулярно консультироваться со специалистами по женскому здоровью, а также следует организовывать регулярную работу гинекологов для проведения профилактических осмотров женщин. Профилактика заболеваний имеет для женщин особенное значение. В местах лишения свободы женщины не должны быть лишены способов профилактики гинекологических заболеваний.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Организацией Объединенных Наций (Правило 15), регламентируют следующее положение – от заключенных нужно требовать, чтобы они сохранили себя в чистоте. Для этого их нужно снабжать водой и туалетными принадлежностями, необходимыми для поддержания чистоты и здоровья. Европейскими пенитенциарны-

ми правилами (2006 г. Правило 19.7) предусмотрено обеспечить необходимые меры для удовлетворения санитарных потребностей женщин.

Важно с точки зрения профилактики заболеваний и уважения к человеческому достоинству заключенных поддерживать в исправительном учреждении санитарную чистоту. В этой связи администрация должна удовлетворять специфические гигиенические потребности женщин-заключенных. Спальные помещения и помещения, используемые для размещения женщин-заключенных, должны быть оснащены устройствами и иметь материалы для удовлетворения специфических гигиенических потребностей женщин-заключенных. Женщинам следует предоставлять горячую воду для их личных нужд [13].

Результаты проведенного автором исследования показывают, что возможность помыться в бане отсутствует неделями.

В соответствии со ст. 19-24 УИК РФ органами, контролирующими места лишения свободы, являются федеральные органы государственной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления; суд; Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры; Президент РФ; Председатель Правительства РФ; члены Совета Федерации; представители средств массовой информации и пр. Все перечисленные органы призваны выявлять факты и обстоятельства, создающие угрозу жизни и здоровью осужденных женщин.

Министерство юстиции РФ совместно с Министерством здравоохранения и социального развития РФ проводят комплекс возможных мероприятий по охране здоровья женщин, лишенных свободы. Отметим, что за последние годы бюджетное финансирование уголовно-исполнительной системы возросло, более эффективно реализуются направленные на улучшение здоровья осужденных женщин и подследственных федеральные целевые программы, значительное внимание в которых уделено профилактическим и санитарно-

эпидемиологическим мероприятиям.

На основании изложенного можно прийти к выводу о том, что проблема охраны здоровья осужденных женщин, содержащихся в местах лишения свободы и освобожденных из исправительных учреждений, стоит остро и требует безотлагательного решения. Это позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на содействие по изменению ситуации в местах изоляции от общества к лучшему. Особое внимание следует обратить на профилактические службы органов здравоохранения системы исправительных учреждений, проводя обязательные и систематические медицинские осмотры женщин, содержащихся в местах лишения свободы. Важно также повысить ответственность администрации исправительных учреждений за недостаточную или несвоевременную реакцию на факты ухудшения состояния здоровья осужденных женщин или нарушение установленных санитарно-гигиенических и противоэпидемических требований содержания лиц, изолированных от общества.

Администрация женских исправительных учреждений должна обеспечить удовлетворение особых гигиенических потребностей женщин, в том числе связанных с наличием соот-

ветствующих помещений для проведения личных санитарно-гигиенических процедур; гарантировать возможность при необходимости обратиться за медицинской помощью к соответствующим специалистам; обеспечить, чтобы условия отбывания наказания определялись необходимостью охраны здоровья всех осужденных женщин, поскольку основным определяющим фактором обеспечения их физического и психического благополучия является их здоровье.

Должное внимание в работе по охране здоровья осужденных женщин следует уделять развитию физической культуры и спорта, мероприятиям по оснащению исправительных учреждений спортивным инвентарем, выделению территорий для занятия спортом, а также обеспечению соблюдения требований техники безопасности на рабочих местах.

Имеющие место нарушения прав на охрану здоровья женщин, отбывающих наказания в местах лишения свободы, свидетельствуют о необходимости постоянно совершенствовать, развивать и укреплять юридические гарантии реализации, основным видом которых являются меры надзора и контроля за учреждениями и органами, исполняющими наказания.

Литература

1. Moller, L., Stover, H., Jurgens, R., Gatherer, A. и Nikogasian, H., eds., *Health in Prisons, A WHO Guide to the essentials in prison health* («Вопросы охраны здоровья в исправительных учреждениях», Руководство ВОЗ по основным моментам охраны здоровья в исправительных учреждениях), Европейское региональное бюро ВОЗ. – 2007. – С. 27.

2. Тюрма и воля / Из доклада Уполномоченного по правам человека в РФ В. Лукина за 2007 год / [<http://www.prison.org/penal/protest/doc46.shtml>].

3. Комиссия Организации Объединенных Наций по правам человека, 2005 год, Доклад Специального докладчика по правам каждого человека на физическое и психическое здоровье в соответствии с максимально достижимыми стандартами. Пол Хант (Paul Hunt), документ Организации Объединенных Наций E/CN.4/2005/51,

пункт 45, гласящий: «[...] так же как и право на охрану здоровья, право на здоровье подразумевает право на лежащие в его основе составляющие, в том числе на соответствующие санитарные условия, безопасную для здоровья воду и нормальную еду, а также кров».

4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – С. 3-11.

5. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г.] Текст // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юрид. лит., 1990. – 311 с.

6. Конституция Российской Федерации. – М.: Проспект, 2000.

7. Всеобщая декларация прав и свобод человека и гражданина от 10 декабря 1948 г. //Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. – М., 1990.

8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2008. – С. 7.

9. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утв. Приказом Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205.

10. Женщины, лишённые свободы: проблемы и суждения / Преступление и наказание. – № 10. – 2006. – С. 8.

11. Миняева Т.Ф. Правовая охрана здоровья осуждённых, содержащихся в исправительных учреждениях //Журнал российского права. – № 1. –

2005. – С. 75-80.

12. «Вопросы охраны здоровья в исправительных учреждениях». Руководство ВОЗ по основным моментам охраны здоровья в местах лишения свободы. Европейское региональное бюро ВОЗ. – 2007. – С. 24-27.

13. Руководство для администрации учреждений исполнения наказаний и других должностных лиц «Женщины в местах заключения». Серия справочников по уголовному правосудию. Организация Объединённых Наций. – Нью-Йорк, 2008. – С. 58.

14. Осинский, И.И. Женщина в тюрьме: научное издание / И.И. Осинский, Н.П. Романова, Л.И. Шиллер. – Чита: ЧитГУ, 2004. – 161 с.

Коротко об авторе

Минстер М.В., аспирантка, Байкальский государственный университет экономики и права (г. Иркутск), БГУЭП mminster1@yandex.ru

Научные интересы: правовое положение женщин, осуждённых к лишению свободы в России и за рубежом. Психофизиологические и психологические проблемы осуждённых женщин. Места заключений для женщин и девочек. Условия отбывания наказания в исправительных учреждениях: материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение женщин, осуждённых к лишению свободы. Проблемы гарантий реализации и защиты прав женщин, осуждённых в России и за рубежом

Briefly about author

Minster M., graduate, Baikal State University of Economics and Law (Irkutsk)

Scientific interests: legal status of convicted women in Russia and abroad. Psychophysiological and psychological problems of convicted women. Jails for women and girls. Conditions of sentence completion in correction institutions: general and health services of convicted women. Problems of realization and protection of rights of women convicted in Russia and abroad

УДК 343.15

Пономарева (Пчела) Елена Геннадьевна
Ponomareva (Pchela) Elena

СООТНОШЕНИЕ КОНДИЦИОННОГО ИСКА С ВИНДИКАЦИЕЙ

CORRELATION OF CONDITIONAL SUIT WITH VINDICATION

В статье говорится о соотношении кондикционного и виндикационного исков, выявляются отличительные черты названных исков. Рассматриваются коллизионные положения субъектного и объектного составов кондикционного иска. Предлагается применять кондикционный иск для взыскания индивидуально-определенной вещи. Освещается вопрос истребования имущества, принадлежащего на праве собственности незаконному приобретателю. Особое внимание уделено сфере применения кондикции

The article is about correlation of conditional suits and vindication, attributes of these suits are revealed. Collision provisions of subjective and objective structure of conditional suit. It is supposed to apply conditional suit for individually determined thing. The issue of demand of property belonging to illegal purchaser is clarified. Special attention is paid to condition application

Ключевые слова: соотношение, виндикационный иск, кондикционный иск, различие, обязательство из неосновательного обогащения, незаконное владение, имущество, приобретатель, собственность, вещь, родовые признаки, индивидуально-определенные, объект

Key words: correlation, vindication suit, condition suit, difference, liability of unfounded enrichment, purchaser, property, thing, patrimonial characteristics, individually determined, object

На протяжении длительного времени в теории и практике гражданского права одной из наиболее трудноразрешимых проблем, связанных с институтом неосновательного обогащения, остается проблема его соотношения с другими, предусмотренными законом требованиями, призванными осуществлять восстановление нарушенной имущественной сферы участников гражданского оборота. Иногда условия возникновения указанных требований могут совпадать с условиями возникновения обязательств из неосновательного обогащения, в результате чего возможно пересечение сферы их действия [1]. Такая ситуация возможна при применении кондикции и виндикации.

Для рассмотрения соотношения кондикционного и виндикационного исков необходимо выявить отличительные черты названных исков. По мнению М.В. Телюкиной, главное различие между кондикционным и виндикационным исками состоит в том, что виндикационный иск является вещно-правовым, а кондикционный – обязательственно-правовым способом защиты [2]. На наш взгляд, данная точка зрения является вполне убедительной.

В.А. Белов, проводя разграничение исков, называет следующие различия виндикационного притязания и кондикционного требования: специфический объект, специфическое содержание, специфические основания для отказа в удовлетворении по отношению к владельцу,

являющемуся добросовестным приобретателем. Автор главной отличительной чертой виндикационного притязания считает специфический субъектный состав, так как виндикация может быть заявлена только собственником вещи, лишенным владения ею, к ее владельцу, не являющемуся собственником [3]. Иначе говоря, не владеющим собственником к владеющему несобственнику.

В случае же с кондикционным требованием все обстоит иначе. Как указывает В.А. Белов, обладателем кондикционного требования является лицо, лишившееся титула собственности на имущество, или потерпевшее от уменьшения его иного законного имущественного интереса, в то время как носителем корреспондирующей этому требованию обязанности выступает лицо, являющееся собственником неосновательно приобретенного или сбереженного [3]. Вряд ли с этим можно согласиться, поскольку неосновательно приобретенное или сбереженное имущество не может стать собственностью незаконного владельца. Правильнее говорить, что ответчиком по кондикции выступает незаконный владелец имущества.

А.В. Климович полагает, что характеристика владения как незаконного в данном случае, может потребовать некоторого пояснения: если при виндикации все ясно (имущество истребуется из чужого незаконного владения самим собственником), то в случае с кондикцией имущество истребуется у приобретателя, ставшего его собственником, что предполагает законность владения. Здесь нужно иметь в виду, что приобретатель стал собственником без законного основания, что позволяет назвать его незаконным владельцем [4]. Представляется оспоримой точка зрения автора по вопросу о том, что при кондикции имущество переходит в собственность приобретателя. Несмотря на то, что имущество фактически находится во владении (пользовании) приобретателя, он не может считаться собственником этого имущества в силу того, что нет законного основания для возникновения права собственности.

Интересной представляется позиция В.В. Былкова и А.Я. Ряженкова. Авторы полагают, что в силу неосновательного обогащения право собственности не может возникнуть. Оно сохраняется за потерпевшим, утратившим имущество. Владение приобретателя является беститульным. Следует признать, что каждый собственник обладает правом собственности лишь на свое имущество, даже если в результате смешения физически невозможно выделить из общей массы. Если же допустить, что у приобретателя все же возникло право собственности, то непонятно – на каком основании потерпевший наделяется правом требовать возврата имущества, ведь приобретатель получил титул собственника. В.В. Былков и А.Я. Ряженков приходят к выводу о том, что в зависимости от способа неосновательного обогащения на имущество, составляющее неосновательное обогащение, приобретатель либо не имеет никаких прав (в случае приобретения имущества), либо сохраняет право собственности (в случае его сбережения) [5]. В подтверждение сказанного можно привести суждения М. Гурвича: «... хотя обогатившийся и является собственником неосновательно полученного, которое, быть может, никогда и не принадлежало потерпевшему, тем не менее, экономически оно принадлежит не ему, а потерпевшему. Собственности формальной, пустой, могла бы быть противопоставлена собственность экономическая» [6].

На наш взгляд, позиция А.В. Климовича является спорной еще потому, что может возникнуть такая ситуация, когда незаконный приобретатель получит вещь, но у него не возникнет права собственности на нее. Собственник имущества, который не владеет им, не утрачивает права собственности на него и не перестает быть собственником, даже в случае возникновения права собственности у неосновательно обогатившегося, так как неосновательный приобретатель владеет имуществом без правовых оснований. Однако следует признать, что даже в случае возникновения права собственности у незаконного приобретателя –

такое правомочие не основано на нормах закона. ГК РФ не предусматривает в качестве основания возникновения права собственности факт неосновательного обогащения. Полагаем, что необходимо уточнить субъектный состав кондикционного иска путем внесения следующих корректив: кондикционный иск может быть заявлен лицом, утратившим право собственности к собственнику неосновательно приобретенного или сбереженного, а также собственником утраченного имущества к незаконному владельцу имущества.

Что касается объекта или предмета виндикационного иска, можно видеть, что абсолютное большинство цивилистов склоняются к тому, что им может быть только индивидуально – определенная вещь [7; 8]. Например, в работе А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого встречается следующее высказывание: демаркационная линия между кондикцией и виндикацией может быть проведена достаточно четко: если из незаконного владения ответчика истребуется имущество, которое принадлежит истцу на праве собственности, то налицо виндикация. Если же истребуется имущество, определенное родовыми признаками и не выделенное из общей имущественной массы ответчика (например, бревна, которые не снабжены особой меткой и обезличены в общей массе бревен, принадлежащих ответчику), то речь идет о кондикционном иске [9]. Изложенное позволяет сделать следующий вывод: при виндикации истребуется имущество, принадлежащее на праве собственности, а при кондикции – имущество, не принадлежащее на праве собственности. Такой вывод порождает серьезные проблемы. Ввиду того, что, по нашему мнению, собственник имущества, утративший владение им, не перестает являться собственником по правовым основаниям, при кондикции может истребоваться имущество, принадлежащее на праве собственности неосновательному приобретателю.

В.П. Мозолин полагает, что виндикационное требование направлено на возврат собственнику владения индивидуально-определен-

ной вещью, в то время как при неосновательном обогащении требование о его возврате предполагает возврат не того же самого имущества, а равного количества однородных вещей [8]. Такая интерпретация может ущемлять права потерпевшего в случае, если при неосновательном обогащении он захочет вернуть именно то имущество, которое он утратил.

Г.Н. Клинова, дополняя высказывание В.П. Мозолина, полагает, что при виндикации могут быть истребованы только сохранившиеся в натуре индивидуально-определенные вещи [10].

Интересной представляется позиция В.С. Толстого. Автор говорит о разграничении кондикции и виндикации по линии наличия или отсутствия права на имущество. В то же время он приходит к выводу, что сферы применения обоих исков почти не пересекаются. Возникает вопрос – в чем состоит субсидиарное применение кондикции? По мнению В.С. Толстого, это случаи взаиморасчетов между сторонами, которые не охватываются виндикационным правоотношением [11].

В.Н. Игнатенко считает, что в случаях, когда виндикация индивидуально-определенной вещи невозможна, собственник вправе ставить вопрос о неосновательном обогащении продавца [12].

Анализ высказанных в литературе точек зрения позволяет сделать вывод, что большинство ученых разграничивают кондикционный и деликтный иски по критерию сохранения вещи в натуре и по невозможности возврата имущества. В частности, подобного мнения придерживаются И. Омельченко и А. Эрделевский [13; 14].

Как указывает В.А. Белов, объектом кондикционного правоотношения, по общему правилу, не могут быть индивидуально-определенные вещи [3]. Следовательно, объектом кондикции могут быть только вещи, определенные родовыми признаками. По словам А.В. Климовича, данное правило основано на том, что в одном случае не происходит перехода права собственности (или иного правового ти-

тула), что предопределяет вещно-правовой характер защиты, то есть возможность применения виндикации, а в другом – происходит, что исключает виндикационное требование, но допускает обязательственно-правовой иск из неосновательного обогащения [15]. Говоря о конкуренции виндикационного и кондикционного требования, Е. Перкунов указывает, что применительно к родовым вещам, имущественным правам и индивидуально-определенному имуществу, потерявшему свой первоначальный вид, ее быть не может, поскольку в случае необоснованного приобретения указанных гражданских прав подлежит применению кондикционное требование [16].

В законе нет ограничений, которые касаются объекта кондикции. Следовательно, объектом неосновательного обогащения могут являться индивидуально-определенные вещи.

В.Е. Елифанов, рассматривая проблему, приходит к следующему выводу – при невозможности индивидуализировать спорное имущество и отсутствию у фактического пользователя оснований для его приобретения к спорным отношениям должны применяться нормы о неосновательном обогащении, а не о виндикации.

Однако позиция о том, что при кондикции взыскиваются только вещи, определенные родовыми признаками, небесспорна. Е.А. Магалис полагает, что нельзя говорить о запрете по ГК РФ взыскивать индивидуально-определенную вещь по правилам о возврате неосновательного обогащения. Такой запрет в ГК РФ действительно отсутствует, но в науке гражданского права с давних пор существует разграничение виндикационного и кондикционного исков. В отличие от вещей, определенных родовыми признаками, индивидуально-определенная вещь не становится собственностью приобретателя, а остается в собственности потерпевшего, несмотря на переход фактического владения вещью к приобретателю [17]. Автор говорит об отсутствии запрета взыскивать индивидуально-определенную вещь по правилам кондикции, но при этом не дает од-

нозначного ответа, возможно ли это на практике. Можно предположить, поскольку нет прямого запрета в законе взыскивать с помощью кондикции индивидуально-определенные вещи, что такая возможность существует. В рассуждениях по поводу объекта кондикции мы исходим из признания того факта, что с помощью кондикционного иска можно взыскивать индивидуально-определенные вещи.

В.В. Ровный, рассматривая проблему конкуренции исков, пишет, что кондикционный иск никогда не конкурирует с виндикационным, так как возможные объекты исковых требований здесь взаимоисключают друг друга. Поэтому кондикционный иск может лишь субсидиарно дополнять виндикацию [18].

Еще один интересный момент рассматривает Б.Д. Завидов. При виндикации титульный владелец вправе истребовать свое имущество и от добросовестного приобретателя, но только в том случае, если оно выбыло из правообладания помимо его воли: утеряно, похищено и т.д. Однако при неосновательном обогащении потерпевшему (кредитору) возвращается такое же имущество, и причем независимо от того, каким путем это имущество выбыло из его владения, составляющее объект обогащения [7]. То есть кондикционные правоотношения реализуются независимо от добросовестности обязанного лица [3]. Дальнейшие рассуждения на эту тему приведут к тому, что в случае отсутствия возможности истребовать имущество от добросовестного приобретателя (выбыло по воле владельца) с помощью виндикационного иска следует применять кондикционный иск.

Одной из отличительных черт виндикации является специфическое содержание, которое заключается в требовании о возврате (передаче) вещи [3]. При виндикации собственнику, как титульному владельцу, возвращается именно та его сохранившаяся в натуре индивидуально-определенная вещь, которой он лишился. При неосновательном же обогащении потерпевшему возвращается либо его индивидуально-определенное имущество, либо такое же

имущество, но уже из числа однородных вещей. Отметим еще одну важную особенность. Для удовлетворения виндикационного иска необходимо, чтобы истребуемая вещь была приобретена именно тем лицом, от которого она истребуется. И, напротив, требования из неосновательного обогащения имеют место не только при приобретении, но и при сбережении имущества за счет любого другого лица, за исключением случаев, указанных в ст. 1109 ГК РФ [7]. Можно представить ситуацию, когда индивидуально-определенная вещь будет приобретена лицом, которое впоследствии передало ее другому лицу. Учитывая, что согласно господствующей в литературе точке зрения, индивидуально-определенные вещи могут быть взысканы только с помощью виндикации, следует применить виндикационный иск. В то же время для удовлетворения виндикационного иска необходимо, чтобы истребуемая вещь была приобретена именно тем лицом, от которого она истребуется. Так как вещь была передана другому лицу, то иск должен быть предъявлен к тому лицу, у которого она находится, но изначально вещь была приобретена другим лицом. Изложенное позволяет сделать вывод о коллизии в данном случае кондикции и виндикации. Полагаем, что в этом случае нельзя предъявить виндикационный иск. В приведенном примере правильнее говорить о предъявлении кондикционного иска. В данном случае следует отметить очередное преимущество кондикции перед виндикацией. Кондикция обладает более широким спектром действия, чем виндикация, т.е. она применима в различных случаях, например, независимо от добросовестности приобретателя и от того, кем она приобретена и от характера вещи.

Подводя некоторые итоги рассмотрения

вопроса о соотношении кондикционного иска с виндикационным, можно прийти к следующим выводам:

1) собственник имущества, который не владеет им, не утрачивает права собственности на него и не перестает быть собственником, даже в случае возникновения права собственности у неосновательно обогатившегося, так как неосновательный приобретатель владеет имуществом без правовых оснований. Полагаем, что необходимо уточнить субъектный состав кондикционного иска путем внесения следующих корректив: кондикционный иск может быть заявлен лицом, утратившим право собственности к собственнику неосновательно приобретенного или сбереженного, а также собственником утраченного имущества к незаконному владельцу имущества;

2) в случае, когда имущество фактически находится во владении (пользовании) приобретателя, он не может считаться собственником этого имущества в силу того, что нет законного основания для возникновения права собственности;

3) кондикционный иск может быть применен для взыскания как родовой, так и индивидуально-определенной вещи;

4) при кондикции может истребоваться имущество, принадлежащее на праве собственности незаконному приобретателю;

5) в случае отсутствия возможности истребовать имущество от добросовестного приобретателя с помощью виндикационного иска следует применять кондикционный иск;

6) кондикция обладает более широким спектром действия, чем виндикация, т.е. она применима в различных случаях, например, независимо от добросовестности приобретателя и от того, кем она приобретена.

Литература

---

1. Соломина, Н.Г. *Требования из неосновательного обогащения в системе защиты нарушенных гражданских прав: научное издание [Текст] / Н.Г. Соломина. – Чита: ЗИП СиБУПК, 2007. – С. 4.*

2. Телюкина, М.В. *Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения) [Текст] / М.В. Телюкина // Законодательство. – 2002. – № 3. – С. 15.*

3. Белов, В.А. *Гражданское право: Общая и*

Особенная части: учебник [Текст] / В.А. Белов. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. – С. 907.

4. Климович, А.В. Новый аспект реализации кондикционных обязательств [Текст] / А.В. Климович // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 2. – С. 47.

5. Былков, В.В. Природа неосновательного обогащения: правоотношение, юридический факт, имущество [Текст] // В.В. Былков, А.Я. Ряженков. – Волгоград: Панорама. – 2005. – С. 89.

6. Гурвич, М. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по гражданскому кодексу РСФСР [Текст] / М. Гурвич // Советское право. – 1925. – № 2 (14). – С. 108.

7. Завидов, Б.Д. Правовые проблемы ответственности, вытекающие из неосновательного обогащения [Текст] / Б.Д. Завидов // Юрист. – 1999. – № 10. – С. 60.

8. Мозолин, В.П. Гражданское право: Учебник. Ч. 2 / Отв. ред. В.П. Мозолин. – М.: Юристъ, 2004. – С. 876.

9. Толстой, Ю.К. Гражданское право: Учебник в 3 т. [Текст]. – Т. 3. – 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 95.

10. Клинова, Г.Н. Некоторые проблемы соотношения требований из неосновательного обогащения с иными требованиями о защите гражданских прав [Текст] / Г.Н. Клинова // Вестник Федерального Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. – Май-июнь, 2004. – № 4. – С. 112.

11. Толстой, В.С. Проблемы соотношения отдельных исков с иском из неосновательного обогащения [Текст] / В.С. Толстой // Право Бела-

руси. – 2004. – № 13 (85). – С. 75.

12. Игнатенко, В.Н. Реализация обязательств из неосновательного обогащения [Текст] / В.Н. Игнатенко // Правоведение. – 2001. – № 2. – С. 95.

13. Омельченко, И. О некоторых вопросах практики применения норм гражданского кодекса РФ об обязательствах из неосновательного обогащения [Текст] / И. Омельченко, Р. Вахитов // Правосудие в Восточной Сибири. – Июль-декабрь, 2001. – № 3-4. – С. 48.

14. Эрделевский, А. О соотношении кондикционных и иных требований [Текст] / А. Эрделевский // Хозяйство и право. – Июль, 2004. – № 7 (330). – С. 91.

15. Климович, А.В. Статья 1103 ГК РФ: новый аспект реализации кондикционных обязательств [Текст] / А.В. Климович // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 2. – С. 45.

16. Перкунов, Е. Неосновательное обогащение – место в гражданском кодексе и практика Высшего Арбитражного Суда РФ [Текст] / Е. Перкунов // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 3 (136). – С. 115.

17. Магальяс Е. А. Соотношение требований из неосновательного обогащения с требованиями об истребовании имущества из чужого незаконного владения и возмещения вреда в гражданском праве [Текст] / Е.А. Магальяс // Законодательство. – 2002. – № 5. – С. 11.

18. Ровный, В.В. Проблема «конкуренции исков» в современном гражданском праве [Текст] / В.В. Ровный // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 97.

Коротко об авторе

Пономарева (Пчела) Е.Г., аспирантка, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭП)
сот. тел. 608-609

Научные интересы: коллизионные вопросы корпоративного права, семейное право, некоторые проблемы защиты прав потребителей

Briefly about author

Ponomaryova (Pchela) E., graduate, Baikal State University of Economics and Law (BSUEL)

Scientific interests: collision issues of corporate law, family law, some problems of consumers' rights protection

Социология

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Romanova Nelly

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ПОЛОЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

SOCIAL STATUS AS AN INTEGRATIVE INDEX OF HUMAN POSITION IN SOCIETY: GENDER ASPECT

Рассматриваются понятия «социальный статус»; «социальная роль». Представлена оценка статуса женщины. Дано соотношение социальных статусов в обществе

The concepts “social status”, “social role” are considered in this article. There is an assessment of woman status. Correlation of social statuses in society is shown

---

Ключевые слова: социальный статус, гендерные различия, социальная стратификация, статусные характеристики, социальные позиции, социальный тип личности

Key words: social status, gender differences, social stratification, status characteristics, social positions, social type of a personality

---

Во всех обществах существует дифференциация его членов по рангу, описываемая понятием «социальный статус». Это понятие заимствовано социологией из экономической теории. Существуют два теоретических подхода, активно использующие данное понятие:

- 1) структурно-функциональная теория социального статуса;
- 2) ролевая теория личности.

Линтон в 30-е гг. XIX в. ввёл в социологическое знание понятие «социальный статус», определяя его как место, которое занимает индивид в системе социальных отношений и которое связано с совокупностью прав и обязанностей. Их выполнение формирует роль как предписанное и ожидаемое поведение личности, занимающей определённое положение в обществе.

Понятия «социальный статус» и «социальная роль» связаны между собой как статическая и динамическая (функциональная) характеристики личности в системе социальных отношений. В контексте структурно-функциональной теории социального статуса статус формируется макроструктурами. Статусные позиции существуют как «свободные вакансии», которые должны быть заняты индивидами. Присвоение статусной позиции осуществляется на индивидуальном уровне, но субъект не в состоянии кардинально изменить набор прав, полномочий и обязанностей, свойственных данной позиции.

В ином контексте используется понятие в ролевой теории социального статуса. Хоманс отмечал, что социальные статусы формируются не действием макроструктур, а порождающими их социальными отношениями. Они воз-

никают вследствие стремлений людей получать награды и выгоды. В этом смысле социальные статусы производны от межгрупповых (межличностных) отношений. В этом контексте социальные статусы рассматривал и Дарендарф. Социальная структура образуется разными типами отношений между позициями. Позиции индивида в обществе являются производными от позиции группы, к которой он принадлежит или с которой он себя идентифицирует. Признавая социальный статус как позицию в обществе, связанную с определённым набором прав полномочий и обязанностей, задающих определённую роль, различные теоретические подходы отличаются тем, что по-разному трактуют природу формирования статуса и степень вариативности социальных ролей.

Вопрос о статусе женщины в обществе можно с полным правом отнести к числу наиболее дискуссионных и «вечных» проблем, рассматриваемых в рамках традиционной социологии. Какой бы из подходов мы ни рассматривали, во всех случаях можно обнаружить одну и ту же особенность: женщины со своими реальными интересами и проблемами плохо «вписываются» в базовую логику этих подходов.

Исследование статуса женщин в обществе ставит перед традиционно ориентированными социологами весьма серьёзные методологические проблемы [1]. Более того, многие из них вообще не считают возможным учет гендерных различий при анализе социального расслоения, фактически лишая женщин «права» на собственный статус. В этом отношении достаточно показательна точка зрения английского социолога Ф. Паркина, утверждающего, что «статус женщин, конечно, значительно уступает статусу мужчин во многих сферах общественной жизни, таких как возможности в сфере занятости, во владении собственностью, в доходах и пр. Однако эти формы неравенства, связанные с половой принадлежностью, обычно не рассматриваются как компоненты социальной стратификации. Это связа-

но с тем, что для подавляющего большинства женщин наличие социальных и экономических ресурсов определяется в первую очередь положением их семей, и в особенности положением мужчины – главы семьи. Хотя женщины в настоящее время и обладают некоторыми собственными статусными характеристиками..., их претензии на доступ к ресурсам определяются не столько их собственным занятием, сколько основным занятием их отцов и мужей».

Эта точка зрения не может быть взята за основу применительно к одиноким женщинам. Поэтому к этой социальной группе также может быть применима методология анализа социальной стратификации, разработанная Максом Вебером, согласно которой общий социальный статус индивида или социальной группы складывается из трех независимых оценок: экономического статуса; властного статуса и социального престижа.

В советское время оценить социальный статус было относительно просто. Вопрос о собственности фактически сводился к различиям в заработной плате, властная позиция легко замерялась по должности и престижности той организации или учреждения, в котором человек работал, а иерархия престижа была очень сильно увязана с престижностью профессии и сравнительно медленно менялась во времени. Поэтому, чтобы составить общее представление о том, как соотносятся социальные статусы полов в обществе, можно было воспользоваться данными официальной статистики о доле женщин на различных этапах властной пирамиды, о средней заработной плате мужчин и женщин по различным отраслям и профессиям и пр.

Однако за годы перемен проблема оценки статуса женщин заметно усложнилась и представляет сегодня значительные методологические и практические трудности. Эти перемены привели к изменению всей социальной структуры общества, а следовательно, и к изменению отдельных составляющих социально-экономического статуса.

Во-первых, произошло изменение всей

системы статусов.

Во-вторых, ярко обозначилась взаимосвязь властного и экономического статуса.

В-третьих, очень ярко выявилась множественность статусов, «принадлежащих» одному человеку.

В-четвертых, при оценке экономического статуса прежняя модель «один человек – одна работа – одна зарплата» фактически отошла в прошлое, а новая модель множественной занятости «непрозрачна» и для налоговых органов, и для статистики.

Если подвести некоторый методологический итог сказанному, то можно с достаточным основанием утверждать, что проблема оценки социально-экономического статуса на сегодняшний день все больше перемещается из области так называемых объективных (прежде всего статистических) индикаторов социально-экономического положения в зону субъективных оценок изменения этого самого положения. А это означает, что основным эмпирическим материалом для исследования поставленной нами проблемы могут стать преимущественно материалы социологических обследований, в ходе которых сами респонденты оценивают свое положение.

При рассмотрении статусных характеристик одиноких женщин мы сопоставляем их с некоторыми статусными характеристиками мужчин, что обеспечивает гендерный аспект. Однако наша методика сопоставления существенно отличается от наиболее распространенной, когда позиции мужчин избираются в качестве главной точки отсчета, и мужчина, таким образом, становится объектом соперничества. Наша задача состоит в выявлении особенностей одиноких женщин, обусловленных иными, более глубоко скрытыми историко-культурными обстоятельствами. На первом этапе она выступает как задача объективного описания состояния изучаемой половозрастной категории.

В научной литературе существует множество трактовок понятия «социальный статус». Социальный статус – это соотносительное положение (позиция) индивида или группы в со-

циальной системе, определяемое по ряду признаков, специфичных для данной системы (экономических, профессиональных, этнических и др.).

Социальный статус – интегративный показатель положения социальной группы и ее представителей в обществе, в системе социальных связей и отношений. В социологии наряду с категорией «социальный статус» используются и другие: социально-экономической, социально-правовой и т.п., призванные определять положение групп и их членов в соответствующих сферах жизнедеятельности общества.

Компонентами социального статуса являются социальные позиции, которые могут быть выделены на основании объективных показателей (например, пол, возраст образование, профессия, национальность и т.д.). Для определения положения в обществе существенна оценка социальной значимости указанных позиций, выражаемая в понятиях «престиж», «авторитет» и др., а также упорядоченность, соотношенность, зависимость и т.д. Социальные позиции с помощью нормативных и эмоциональных регуляторов – норм, социальных чувств, стереотипов и т.д. – приобретают сферы взаимодействия, права, обязанности, влияния, возможности, свободы и другие показатели собственно социального статуса как интегрированного индекса положения в обществе. С помощью социального статуса упорядочиваются, оформляются, регламентируются отношения и поведение групп и их членов, усвоение представителями групп соответствующих тому или иному статусу признаков и характеристик, мотивирование и побуждение социального поведения и т.д.

Каждый индивид может иметь большое число статусов, и окружающие вправе ожидать от него исполнения ролей в соответствии с этими статусами. Но чаще всего только один определяет его положение в обществе. Этот статус называется главным, или интегральным. Часто бывает так, что главный, или интегральный статус обусловлен его должностью

(например, директор, профессор). Социальный статус отражается как во внешнем поведении и облике (одежде, жаргоне и иных знаках социальной и профессиональной принадлежности), так и во внутренней позиции (в установках, ценностных ориентациях, мотивациях и т.д.). Социологи отличают предписанные и приобретенные статусы. Предписанный – это, значит, навязанный обществом вне зависимости от усилий и заслуг личности. Он обуславливается этническим происхождением, местом рождения, семьей и т.д.

Приобретенный (достигнутый) статус определяется усилиями самого человека (например, писатель, генеральный секретарь, директор и т.д.).

Выделяются также естественный и профессионально-должностной статус. Естественный статус личности предполагает существенные и относительно устойчивые характеристики человека (мужчины и женщины, детство, юность, зрелость, старость и т.д.). Профессионально-должностной – это базисный статус личности, для взрослого человека, чаще всего, являющийся основой интегрального статуса. В нем фиксируется социальное, экономическое и производственно-техническое положение (банкир, инженер, адвокат и т.д.).

Социальный статус выступает характеристикой социальной позиции в определённой системе социальных координат. В этом отношении социальную структуру можно представить как сложную систему взаимосвязанных социальных статусов, занимая которые индивид становится членом общества. Социальный статус имеет внутренне содержательную сторону и внешние формы проявления (номинацию). Содержательная сторона социального статуса характеризуется функцией, определённой для этой социальной позиции, и комплексом прав, обязанностей, привилегий, полномочий, сопряженных с реализацией данной функции. Знание содержательной стороны собственного статуса и статусов других индивидов, с которыми устанавливаются взаимодействия, позволяет определить диспозицию

(расположение) конкретного социального статуса в социальной системе координат. Внешние формы проявления статуса предполагают следование индивидом нормам поведения, соответствующим данному социальному статусу. Вступая в различные социальные отношения, человек одновременно занимает ряд социальных статусов. В современном обществе, характеризующемся сложным переплетением различных сфер деятельности, социальный статус личности определяется несколькими признаками, например: престижностью профессии, уровнем дохода, уровнем образования, позицией во властной сфере. Такой обобщенный статус называется индексом социальной позиции.

Для выполнения конкретных функций в ходе социального взаимодействия на человека накладываются определенные функциональные обязанности. И, вместе с тем, он наделяется определенными правами, что является своеобразной формой фиксации принципа «платы» и «вознаграждения», лежащего в основе социальных связей. Наиболее значимые обязанности и права возникают в рамках социальных институтов. В этом случае обязательства и права достаточно четко регламентированы, выполнение человеком его обязанностей контролируется.

Социальный статус обозначает конкретное место, которое занимает индивид в данной социальной системе. Совокупность требований, предъявляемых индивиду обществом, образует содержание социальной роли.

Социальная роль – ожидаемое поведение личности, связанное с ее социальным статусом и типичное для людей соответствующего статуса в данном обществе. Совокупность таких ролей называется ролевой системой («ролевым набором», по определению Р. Мертона). Социальные роли могут закрепляться формально (например, в законе или ином правовом акте), а могут носить и неформальный характер (многие моральные нормы поведения).

Социальную роль следует рассматривать в двух аспектах: ролевого ожидания и ролево-

го исполнения. Между этими двумя аспектами никогда не бывает полного совпадения. Но каждый из них имеет большое значение в поведении личности. Наши роли определяются, прежде всего, тем, чего ожидают от нас другие. Эти ожидания ассоциируются со статусом, который имеет данная личность.

В нормативной структуре социальной роли обычно выделяются четыре элемента:

- 1) описание типа поведения, соответствующего данной роли;
- 2) предписания (требования), связанные с данным поведением;
- 3) оценка выполнения предписанной роли;
- 4) санкция – социальные последствия того или иного действия в рамках требований социальной системы.

Социальные санкции по своему характеру могут быть моральными, реализуемыми непосредственно социальной группой через ее поведение (например, презрение), или юридическими, политическими, экологическими и т.д., реализуемыми через деятельность конкретных социальных институтов. Смысл социальных санкций состоит в том, чтобы побудить человека к определенному типу поведения. Они являются одним из важнейших элементов социального регулирования.

Один человек чаще всего выполняет несколько социальных ролей, в связи с чем может возникать ролевая напряженность и даже ролевой конфликт. От социальной роли следует отличать ролевое поведение, которое отражает не социально запрограммированное, ожидаемое, а реальное, фактическое поведение того, кто данную роль выполняет.

Люди, обладающие одним и тем же статусом, обнаруживают ряд сходных личностных черт, обозначаемых как «социальный тип» личности. В зависимости от того, занимает ли человек данную позицию благодаря наследуемым признакам (раса, социальное происхождение и т.п.) или благодаря собственным усилиям (образование, заслуги), различаются соответственно «предписанный» и «достигаемый» статус.

При исследовании социального статуса одиноких женщин необходимо ввести разграничение между реальным статусом и статусом на бумаге.

Статус на бумаге – это совокупность прав и обязанностей, существующих в формальных нормативных актах, но не выполняющихся в реальной общественной жизни. Ярким примером являются гражданские права, зафиксированные в сталинской конституции 1936 г., принятие которой совпало с развертыванием массового террора. В той или иной форме элемент «бумажности» легко обнаруживается и в большинстве других конституций, хотя не в столь яркой форме, во многих неработающих законах (постсоветская Россия дает бесчисленные примеры). Статус на бумаге – это элемент культурного пространства.

Реальный статус – это совокупность прав и обязанностей, которые проявляются в виде реальных повторяющихся практик. Как отдельные индивиды, так и многомиллионные массы в определенных обстоятельствах ведут себя совершенно определенным образом, регулярно воспроизводя однотипные формы поведения. Нередко они напоминают роботов, выполняющих заложенную в них программу. Что представляет собой программа, лежащая в основе реального статуса? Это различные нормы и ценности как ядро культурного пространства, опирающиеся на социальную власть, то есть силу, превращающую формальные нормы в реальные образцы поведения.

Статус по самой своей природе иерархичен, т.к., во-первых, он закрепляет право властвовать над кем-то и подчиняться кому-то, что-то присваивать и что-то отдавать из произведенного коллективно; во-вторых, статус содержит в себе характеристику «строительного материала», из которого строится вся социальная иерархия (например, виды норм, санкций).

Если статусная позиция характеризует место в социальном пространстве, воздействующее в том или ином направлении и с той или иной силой на поведение занимающего ее

индивида, то социальная роль – это реальное поведение в пределах, предписанных статусом, это статус в действии. Это варианты поведения, доступные индивиду в данной позиции. Статусная позиция – это характеристика детерминированности поведения, несвободы, а социальная роль описывает доступные пределы свободы индивида. Индивид свободен в своем поведении в пределах границ статусной позиции (например, потребление ограничено наличием средств). Он сам выбирает варианты поведения (стиль жизни), допускаемые статусной позицией, детерминирующей его образ жизни. Таким образом, индивид несвободен в выборе образа жизни до тех пор, пока не сменил статусную позицию, но он свободен в выборе стиля жизни, который определяется его социально-психологическими особенностями, вкусом и т.д. Позиция конструируется предписаниями извне, а роль – это практики, осуществляемые в пределах позиции.

Статусная позиция задает правила игры. Игрок (субъект) импровизирует в рамках навязываемых ему правил, порождая реальную игру. Сталкиваясь с бесчисленными ситуациями, он свободно импровизирует, пробиваясь к поставленной цели. Его порыв свободен, но цель, к которой он столь самоотверженно рвется, – это его свободный выбор, навязанный позицией в игре.

Индивиды, играя предписанные им социальными институтами роли, воспроизводят эти институты, обеспечивающие, в свою очередь, воспроизводство социальных общностей, расположенных в иерархическом порядке. По словам П. Бергера и Т. Лукмана [2], «институциональный порядок реален лишь постольку, поскольку он реализуется в исполняемых ролях, а с другой стороны – роли представляют институциональный порядок, который определяет их характер... и придает им объективный смысл».

Понятие «социальная дистанция» давно и прочно вошло в социологический лексикон. Его сформулировали и затем прорабатывали, использовали крупнейшие фигуры общество-

дения (П. Сорокин, Р. Парк и др.).

То, что люди находятся в разных частях социального пространства, занимая разные статусные позиции, – очевидно. Атрибутом метафоры пространства является метафора дистанции, т.е. удаленности статусных позиций друг от друга. Если в качестве единицы социального пространства рассматривать индивида, как это обычно и делается, то категория социального пространства может ограничить свою роль метафорической функцией. Индивиды социально многолики, что создает существенные трудности для определения социальной дистанции между ними. Нельзя однозначно измерить социальную дистанцию между объектами, занимающими одновременно несколько позиций и удаленными друг от друга в разной мере.

Понятие социальной дистанции корректно, когда оно используется как одномерное в многомерном социальном пространстве. Гораздо точнее говорить о социальной дистанции не между многомерными индивидами, а между одномерными статусными позициями.

Социальная дистанция выступает в двух формах. Во-первых, это дистанция между статусными позициями в одномерной плоскости социального пространства (например, политического, административного, экономического, символического и т.д.). Здесь измерение дистанции возможно лишь с помощью категории власти (административной, политической, экономической и т.д.), исходя из оценки того, кто стоит выше, кто над кем имеет власть, т.е. в состоянии навязать свою волю. Для занятия места в этой иерархии не важно, насколько счастлив человек и как много он потребляет (имущество, деньги превращаются в фактор социальных отношений и регулирования социальной дистанции, когда они становятся капиталом, т.е. общественным отношением). Объективная социальная дистанция поддерживается с помощью инструментов власти: чем выше кресло, тем больше на пути к нему стоит милиционеров, референтов, секретарей, телохранителей. Имеющий власть регулирует дис-

танцию в одностороннем порядке, решая, кому открывать двери, а кого не пускать и к подъезду.

Во-вторых, социальная дистанция характеризует личностные отношения (этот аспект рассматривался Р. Парком). Эта сторона социальной дистанции связана с первой, но отнюдь не жестко. Она определяется системами ценностей, которые разделяют сопоставляемые люди (здесь в качестве единицы выступает уже индивид, занимающий несколько статусных позиций). Каждый индивид регулирует дистанцию с другим (индивидом) на обоюдной основе: начальник решает, допускать или не допускать рабочего на прием, однако рабочий сам решает, идти на прием по личному вопросу или не идти. На желание сократить дистанцию влияет не само место во властной иерархии, а его престижность. Власть и престиж коррелируются, но не столь сильно, как это кажется обладателям высоких должностей.

Статусы могут быть формализованными или неформализованными, что зависит от того, в рамках формализованных или неформализованных социальных институтов, и более широко – социальных взаимодействий – вы-

полняется та или иная функция. Множественность статусов не означает их равнозначности. Они находятся в определенной иерархии по степени важности социального института, в рамках которого сформирован этот статус. Безусловно, что во всех случаях особое значение имеет статус личности, связанный с работой, профессией. Хотя следует отметить, что иерархия статусов может меняться. Видимо, следует различать основную, общую иерархию статусов личности, которая срабатывает в большинстве случаев, и специфическую, проявляющуюся в особых условиях.

Выделение главного статуса хотя и сложно, но важно, так как именно он определяет и, что не менее важно, самоопределяет человека социально. Причем не всегда тот статус, который в качестве главного выделяет общество в данном человеке, совпадает с тем статусом, какой выделяет в себе как главный сама личность. На этой почве возникает немало драматических противоречий внутреннего мира личности, неадекватно представляющей свое место в обществе, в общественном мнении.

Литература

1. Мезенцева, Е. Социально-экономический статус женщин в современной России. <http://www.owl.ru/win/books/women1998/14.htm>
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.
3. Романова Н.П. Социальное неравенство: методологический аспект [Текст] / Н.П. Романова // Вестник ЧитГУ 4 (49). – Чита, 2008. – С. 140-

152.

4. Романова Н.П. Материальное положение как определяющая статусная позиция одиноких женщин [Текст] / Н.П. Романова // Вестник ИрГТУ 3 (27). – Иркутск: ИрГТУ, 2006. – С. 140-144.
5. Романова Н.П. Имущественная стратификация одиноких женщин [Текст] / Н.П. Романова // III Забайкальские социологические чтения. – Чита: ЧитГУ, 2006. – С. 171-179.

Коротко об авторе

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
rik@chitgu.ru

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Briefly about author

Romanova N., Dr. Sc. (Sociology), Full Professor, Chita State University (ChSU)

Scientific interests: philosophy of loneliness, gender research, business communications

---

Социальная медицина

УДК 616.24-002

Кохан Сергей Тихонович
Kokhan Sergey

ИЗМЕНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИММУНИТЕТА У БОЛЬНЫХ С ПНЕВМОНИЯМИ, ПРОТЕКАЮЩИМИ НА ФОНЕ ДЕФИЦИТА СЕЛЕНА

IMMUNITY INDEX CHANGE AMONG DISEASED OF PNEUMONIA PROCEEDING UNDER SELENIUM DEFICIT

Рассматриваются объективные законы изменения показателей иммунитета у военнослужащих с пневмониями, протекающими на фоне дефицита селена с последующими рекомендациями по коррекции осложнений

The article considers objective laws of immunity index change among military men diseased of pneumonia proceeding under selenium deficit including following recommendations concerning the complications correction

Ключевые слова: иммунитет, пневмония, военнослужащие, дефицит селена

Key words: immunity, pneumonia, military men, selenium deficit

В последние годы получены доказательства роли свободнорадикального окисления в патогенезе большинства патологических состояний. Одним из факторов, активирующим процессы перекисного окисления липидов, является дефицит селена в геохимически бедных регионах, каким является Забайкальский край, что в условиях воспаления может приводить к различным нарушениям иммунных процессов [1, 3, 6]. Разработка информативных методов исследования иммунной системы в условиях дефицита селена позволяет объективно оценивать состояние клеточного и гуморального иммунитета; полученные при этом данные дают возможность контролировать эффективность проводимого лечения и прогнозировать исход заболевания.

Целью исследования являлась оценка

уровня изменений показателей клеточного иммунитета у больных с внебольничными пневмониями на фоне гипоселеноза с последующей коррекцией выявленных нарушений.

Материалы и методы. Проведено комплексное клинико-иммунологическое обследование 56 военнослужащих в возрасте 18...52 лет с внебольничными пневмониями, лечившихся стационарно в пульмонологическом отделении военного клинического госпиталя. Все пациенты были однородны по нозологическим формам и распространенности патологического процесса. Снижение концентрации селена выявлено у 35 больных, которые составили группу № 1. Вторая группа была представлена 21 пациентом, у которых содержание селена приближалось к нормальным величинам. Исследования на 15 здоровых испытуемых (кон-

трольная группа) выполнены с информированного согласия испытуемых и соответствуют этическим нормам Хельсинской декларации (2000).

Индикатором липидной пероксидации, отражающим степень свободнорадикального окисления, была выбрана реагирующая с тиобарбитуровой кислотой субстанция – малоновый диальдегид (МДА). Определение малонового диальдегида в крови у больных с внебольничной пневмонией производили по методике, предложенной в 1972 г. Ю.А. Владимировым [2, 4, 5].

Иммунный статус у всех пациентов оценивали по стандартным тестам, характеризующим основные звенья иммунной системы, включающим следующие показатели: общее число лейкоцитов (камерный метод), лимфоцитов в мазке крови; содержание CD3⁺, CD4⁺, CD8⁺, методом непрямой иммунофлюоресцентной реакции. На основании полученных данных рассчитывали лейкоцитный индекс интоксикации (ЛИИ), иммунорегуляторный индекс (ИРИ) – CD4⁺/CD 8⁺.

Статистическую обработку данных производили с использованием программного обеспечения Excel из пакета Microsoft Office 2000. Достоверность оценивали по критерию Стьюдента.

Результаты и обсуждение. Содержание малонового диальдегида (МДА) у больных с внебольничными пневмониями в 1-й группе было повышенным и составляло $2,12 \pm 0,04$ ммоль/л против $1,92 \pm 0,02$ во 2-й группе и $1,68 \pm 0,03$ в контрольной ($p < 0,01$). В процессе дальнейшего наблюдения динамика снижения МДА в 1-й группе не отмечалась, к 6 суткам пребывания больных в стационаре уровень МДА оставался на прежних цифрах ($2,09 \pm 0,05$ ммоль/л, $p < 0,1$), тогда как во 2-й группе отмечалась тенденция к снижению этого показателя.

В наших исследованиях у всех больных выявлены существенные изменения со стороны иммунной системы, которые характеризо-

вались нейтрофильно-лимфоцитарным типом изменения гемограмм.

Установлено, что у пациентов с внебольничными пневмониями отмечался лейкоцитоз, в среднем превышая контрольные показатели в 1,8 раза. В дальнейшем, при динамическом наблюдении, вплоть до 6 суток, их содержание незначительно падало, причем во 2-й группе более значительно, но статистически значимо отличалось от контрольных величин. Лейкоцитарный индекс интоксикации (ЛИИ) в среднем равнялся в 1-й группе $3,43 \pm 0,14$, во 2-й – $3,24 \pm 0,09$, превышая контрольные величины в 3,2. В процессе наблюдения заметной динамики снижения данного показателя не происходило, к 6-м суткам ЛИИ превышал контрольные параметры в 1-й группе в 2,6 раза, во 2-й в 2,0 раза, что указывало на наличие в организме воспалительного инфильтрата.

Исследование абсолютного количества лимфоцитов к 6-м суткам позволило установить снижение количества CD3⁺-клеток в 1-й группе до 849 ± 47 , во 2-й – до 760 ± 33 против 1430 ± 50 в контроле, что свидетельствовало о нарушении процессов дифференцировки лимфоцитов уже на начальных этапах патологического процесса и неоднозначном вовлечении этой популяции лимфоцитов в инфекционный процесс. Нами отмечено более значимое уменьшение количества CD4⁺-клеток (до 301 ± 14 в 1-й группе против 439 ± 17 во 2-й группе, контроль составил 733 ± 38). Содержание CD8⁺ изменялось незначительно на протяжении всего наблюдения и в среднем составило 526 ± 26 в 1-й группе и 515 ± 15 во 2-й группе, что было несколько выше нормальных величин (441 ± 12). Индекс CD4⁺/CD8⁺ в 1-й группе у больных с дефицитом селена составил $0,55 \pm 0,09$, во второй группе – $0,85 \pm 0,07$, что было ниже контрольных величин в 3,2 и 1,8 раза соответственно.

Показатели клеточного иммунитета у больных с внебольничными пневмониями в различных группах приведены в таблице.

Исследуемые показатели	Контроль (n=25)	Обследуемые группы больных			
		группа 1 (гипоселеноз)		группа 2 (без гипоселеноза)	
		1 сут	6 сут	1 сут	6 сут
Лейкоциты (абс. число в 1 мкл)	7210±125	12710±132*	11249±148*/**	11980±122*	9800±114*/** p<0,01
Лимфоциты (абс. число в 1 мкл)	2451±169	2150±132*	2212±98*	2098±137*	2340±110*/**
CD3 ⁺ (абс. число в 1 мкл)	1430±50	850±45*	849±47*	891±29*	760±33*/** p< 0,01
CD4 ⁺ (абс. число в 1 мкл)	733±38	323±21*	301±14*	387±12*	439±17*/** p<0,001
CD8 ⁺ (абс. число в 1 мкл)	441±12	532±23*	526±26*	589±24*	515±15*/**
CD4 ⁺ /CD8 ⁺ (усл. ед.)	1,61±0,04	0,51±0,04*	0,55±0,09*	0,51±0,03*	0,85±0,07*/** p< 0,001
ЛИИ (усл. ед.)	1,10 ± 0,05	3,43±0,14*	2,93±0,11*/**	3,24±0,09*	2,23±1,12*/** p<0,01

Примечание: n – количество наблюдений; * – различия достоверны по сравнению с контролем; ** – уровень значимости достоверных различий между 1 и 6 сутками в группе, p – уровень значимости достоверных различий между 6 суткам в 1-й и 2-й группах

Выводы. Таким образом, можно предположить, что дефицит селена в организме является одним из факторов, способствующих активации свободнорадикального окисления и формированию иммунной недостаточности. Нарушения в иммунной системе выявляются у всех больных с внебольничными пневмониями и значительно возрастают у больных с дефицитом селена. При этом страдают практически все системы организма, отвечающие за сохра-

нение гомеостаза. Исследование течения иммунных реакций в условиях дефицита селена и активации свободнорадикального окисления у больных с внебольничными пневмониями открывает новые диагностические возможности в прогнозировании исходов заболевания и свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к назначению иммунокорректирующих и антиоксидантных препаратов в комплексной терапии пневмоний.

Литература

1. Будажабон, Г.Б. Определение сывороточных иммуноглобулинов у людей методом ракетного иммуноэлектрофореза / Г.Б. Будажабон, Н.Г. Будажабон // Лаб. дело. – 1981. – № 11. – С. 673-676.

2. Взаимосвязь показателей иммунного статуса и минерального обмена у больных с травмами длинных костей, неосложненных и ос-

ложненных посттравматическим остеомиелитом / Л.В. Родионова [и др.] // Клиническая лабораторная диагностика. – 2005. – № 6. – С. 37-40.

3. Владимиров, Ю.А. Перекисное окисление липидов в биологических мембранах / Ю.А. Владимиров. – М., 1972. – С. 152.

4. Иммунный статус при перитоните и пути его патогенетической коррекции / Ю.М. Гаин

[и др.]. – Минск, 2001. – 255 с.

5. Лазарев, С.М. Состояние свободнорадикальных процессов, метаболизм оксида азота, железа и уровень кортизола при аутогемотрансфузии и переливании донорской крови /

С.М. Лазарев, Н.П. Кораблева // Вестник хирургии им И.И. Грекова. – 2006. – Т. 165. – № 5. – С. 72-75.

6. Селен в жизни человека и животных / под ред. Л.П. Никитиной. – Москва, 1993. – 138 с.

Коротко об авторе

Briefly about author

Кохан С.Т., канд. мед. наук, доцент, заслуженный врач России, Республики Бурятия, заслуженный работник здравоохранения Читинской области, зав. кафедрой основ медицины и организации здравоохранения, Читинский государственный университет (ЧитГУ) служ. тел.: 35-26-27

Kokhan S, Ph. D. (Medicine), Assistant Professor, Honoured Physician of Russia, Buryat Republic, Honoured Veteran of Public Health of Chita Region, Head of Medicine Basis and Public Health Organization Department, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: влияние экологических факторов на состояние здоровья населения Забайкалья

Scientific interests: ecological factors impact on Trans-baikal population health

---

Филология

УДК (075.8) 371

Белькова Евгения Владимировна
Bel'kova Evgenia

**ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ АБЗАЦНО-ФРАЗОВОМУ
ПЕРЕВОДУ СТУДЕНТОВ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВУЗА**

**PARBOX-PHRASAL INTERPRETATION
PRINCIPLES OF TEACHING THE
STUDENTS-ECONOMISTS**

Рассмотрены вопросы, связанные с переводческой подготовкой будущих экономистов в рамках программы дополнительного профессионального образования «Перевод в сфере профессиональной коммуникации». Представлены принципы обучения абзацно-фразовому переводу студентов экономического вуза как составляющие целостной методической системы обучения этому виду устной переводческой деятельности

The article considers the issues concerning interpreter training of economists to be in the context of additional professional education "Interpretation in the field of professional communication". There are parbox-phrasal interpretation principles of teaching the students-economists as constituents of methodical comprehensive whole of teaching

Ключевые слова: абзацно-фразовый перевод, перевод в сфере профессиональной коммуникации, подготовка переводчиков, принципы обучения, переводческая деятельность, переводческие умения

Key words: parbox-phrasal interpretation, interpretation in the field of professional communication, interpreters' training, principles of teaching, interpreter activity, interpreter skills

В настоящее время в современном обществе вследствие ряда социально-экономических изменений сформировался социальный заказ в области подготовки студентов экономического вуза к осуществлению устного профессионально ориентированного перевода. В этой связи в центре внимания исследователей в области лингводидактики и дидактики перевода оказываются вопросы совершенствования переводческой подготовки будущих экономистов. С целью разработки целостной методической системы обучения

абзацно-фразовому переводу (АФП) в контексте подготовки переводчика-экономиста важно выдвинуть и обосновать принципы обучения, призванные моделировать процесс обучения этому виду устной переводческой деятельности.

Традиционно принципы обучения – «нормативные требования к организации и осуществлению образовательного процесса» [1: 83] – определяются исходя из современной дидактической и собственно методической теории, в силу чего необходимо выделить общедидактические и методические принципы обучения

АФП студентов экономического вуза. Следуя этой традиции, для начала необходимо обозначить *общедидактические принципы*, определяющие требования к организации учебного процесса в целом и отдельным его составляющим, значимым с позиций обучения АФП в рассматриваемых образовательных условиях.

К числу ведущих дидактических принципов, реализуемых в ходе обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации, относится *принцип сознательности*. Основная сущность данного принципа заключается в том, что формирование у студентов экономического вуза навыков и умений АФП должно реализовываться через осознание ими содержания будущей профессиональной деятельности, структуры процесса АФП, включая действия и операции, конституирующие каждый этап перевода.

К числу важных принципов следует отнести *принцип активности*. Данный принцип предполагает напряженность психических процессов в деятельности обучающихся, касающихся внимания, мышления, памяти, формирования и формулирования мыслей. Целесообразность активизации этих процессов при обучении АФП продиктована, во-первых, необходимостью учета психофизиологических механизмов переводчика в процессе выполнения АФП; во-вторых, потребностью в максимальной мере интенсифицировать процесс обучения рассматриваемому виду переводческой деятельности в силу крайнего дефицита учебных часов, отводимых на дисциплину «Практический курс профессионально ориентированного перевода».

Особая роль в обучении АФП студентов экономического вуза принадлежит *принципу наглядности*. Содержание этого принципа в современном его понимании «регулирует восхождение познания от чувственно-наглядного к абстрактно-логическому» [2: 44]. Следование этому принципу предполагает интенсивное использование на занятиях всех видов наглядности: зрительной, слуховой (Б.В. Беляев, А.Н. Щукин), ситуативной (В.А. Артемов) и абст-

рактно-символической (В.И. Загвязинский). Это будет способствовать образованию правильных представлений об изучаемых явлениях и развитию соответствующих навыков и умений.

Зрительная наглядность необходима для формирования умений, связанных с предпереводческим анализом исходного текста. Эта наглядность обеспечивается в ходе предъявления обучающимся образцов текстов, репрезентирующих основные коммуникативные ситуации, в которых экономист должен проявить себя компетентным специалистом в области АФП.

Слуховая наглядность определит эффективность обучения восприятию абзаца / фразы в общей структуре процесса АФП, а также снимет сложность протекания слуховой рецепции в условиях этого вида перевода. Ситуативная наглядность, или наглядность речевых поступков, значима для создания зрительно-слуховых образов, возникающих в сознании студентов посредством использования на занятиях коммуникативных ситуаций. Эти ситуации послужат надежной опорой для детального понимания обучающимися сущности переводческой деятельности.

Абстрактно-символическая наглядность необходима для овладения студентами приемами фиксации профессионально значимой информации. Этот вид наглядности предполагает демонстрацию преподавателем и самостоятельное использование студентами различных символов, знаков, изображений, ассоциируемых с прецизионными лексическими единицами.

Помимо классических, с позиции дидактики, принципов сознательности, активности и наглядности следует сосредоточиться на общедидактических принципах, актуальных в контексте современной образовательной парадигмы – личностно-ориентированного обучения.

Одним из принципов, конкретизирующих для учебного процесса идеи личностно ориентированного обучения, является *принцип выбора образовательной траектории* (В.В. Кра-

евский, А.В. Хуторской). Специфические особенности АФП, необходимость формирования в процессе обучения этому виду перевода особого качества языкового посредника – профессиональной переводческой компетентности, обуславливают важность учета возможностей памяти, особенностей внимания и мышления обучающегося в целях максимальной индивидуализации учебного процесса. Преподаватель и студент должны совместно определить меру трудности, объем заданий, темп продвижения, формы и методы обучения.

В качестве еще одного принципа, определяющего личностную ориентацию процесса обучения АФП, важно обозначить принцип образовательной рефлексии (В.В. Краевский, А.В. Хуторской). Применительно к выполнению АФП будущим экономистом данный принцип предполагает направленность обучающегося на оперативную оценку хода и результата переводческой деятельности, определение возникающих трудностей перевода и их устранение. Речь идет, с одной стороны, о рефлексии в процессе решения определенных переводческих задач, с другой, – о ретроспективной рефлексии с точки зрения эффективности

а) проведенного анализа коммуникативной переводческой ситуации;

б) используемых способов и приемов перевода. Действие этого принципа частично связано с развитием механизмов самокоррекции, наиболее сложно реализующихся в условиях выполнения устного перевода.

Согласно базовой идее *принципа метапредметных основ образовательного процесса* (В.В. Краевский, А.В. Хуторской), в основу содержания учебного процесса должны быть положены метапредметные объекты, обеспечивающие возможность познания их обучающимися. Актуальность этого принципа определяется взаимосвязью между профессиональной переводческой компетентностью и профессиональной компетентностью в области экономической специальности. Организация процесса обучения АФП с учетом профессиональных интересов обучающихся будет спо-

собствовать установлению переводчиками в сфере профессиональной коммуникации связей с областью экономики.

Данный принцип утверждает важность взаимосвязи между учебными предметами в процессе их изучения, что позволяет провести аналогию с методическим принципом профессиональной направленности обучения иностранному языку, постулирующим роль языка специальности в процессе подготовки специалиста.

Профессиональная направленность процесса обучения переводу по программе дополнительного образования обуславливает потребность привлечения для целей обучения АФП студентов экономического вуза принципы, определяющие контекстно-деятельностный характер рассматриваемого процесса обучения.

Изучение основных положений теории контекстного обучения позволяет выделить как особо *значимый принцип последовательного моделирования в учебной деятельности студентов целостного содержания, форм и условий профессиональной деятельности специалистов* (А.А. Вербицкий, В.Ф. Тенищева). В дидактике перевода описан положительный опыт организации процесса подготовки языкового посредника в соответствии с указанным требованием (Д.И. Бакало, Е.Р. Поршнева). Следование этой нормативной установке предполагает, что формирование умений рассматриваемого вида переводческой деятельности должно проходить в контексте применяемых коммуникативных ситуаций. Не менее важно создать на занятиях обстановку доминирования профессиональных реакций реального переводческого поведения. В условиях обучения АФП этому будут способствовать сочетание различных видов деятельности и их постоянная смена, фиксированная скорость выполнения заданий. Такой подход к организации процесса обучения позволит преодолеть разрыв между учебной и реальной переводческой деятельностью, создаст благоприятные условия для самоопределения и самореализации студентов, будет стимулировать мотива-

ционную сферу деятельности будущего переводчика.

Содержание данного принципа согласуется с содержанием общих методических принципов ситуативности и коммуникативной направленности, что во многом усиливает его значимость.

С целью конкретизации представленный принцип раскрывается и дополняется *принципом адекватности форм организации учебной деятельности целям и содержанию образования* (А.А. Вербицкий, В.Ф. Тенищева). Данный принцип предполагает необходимость разумного выбора и комбинирования различных форм обучения. При этом параметром адекватности обладает такая совокупность организационных форм обучения, посредством которой обеспечивается «трансформация содержания и форм учебной деятельности в адекватные им содержание и формы профессиональной деятельности» [3: 34].

Итак, в рамках решения задач настоящей статьи представлены общедидактические принципы, опора на которые обеспечит актуальный, научный характер процесса обучения АФП будущих экономистов. Усиление этой научности будет достигнуто в случае, если определить совокупность *общих и частных методических принципов*, значимых для обучения студентов АФП.

Одним из методических принципов, актуальных с позиции рассматриваемых образовательных условий, является *принцип интегрированного и дифференцированного обучения*. Этот принцип будет реализовываться путем взаимосвязанного функционирования умений АФП и актуализируемых в процессе выполнения этого вида перевода профессионально важных качеств, но при дифференцированном подходе к формированию каждого из них.

Еще одно направление реализации данного принципа связано с целесообразностью дифференцированного формирования умений, необходимых экономисту на каждом из этапов процесса АФП. При этом в учебном процессе по мере их формирования будет наблюдаться

постепенная интеграция этапов рассматриваемого вида перевода, воплощаемая со временем в целостное содержание моделируемой переводческой деятельности.

При обучении переводу с иностранного языка на русский значительная часть учебного времени отводится на обсуждение вариантов восприятия и перевода на родной язык. Исходя из этого, при организации процесса обучения АФП важно руководствоваться *принципом опоры на родной язык и культуру обучающихся*. Названный принцип реализуется за счет привлечения и активизации соответствующих знаний на родном языке, позволяющих студентам распознавать различные культурологические явления, идентифицировать уровень их трудности / переводимости, принимать решение о степени необходимой культурной адаптации, находить возможные пути перевода.

Осознание специфики осуществления опосредованного общения предопределяет необходимость организовать учебный процесс по овладению умениями АФП с учетом одной из неотъемлемых составляющих переводческой деятельности – межкультурной. Подобного рода рассуждения обращают нас к методическому принципу диалога культур (В.В. Сафонова, В.П. Фурманова). Важность следования данной нормативной установке в процессе подготовки переводчиков убедительно доказана учеными (Д.И. Бакало, Ю.В. Гоман, И.И. Данилова).

Как отмечает Д.И. Бакало, в контексте обучения переводческой деятельности диалог культур получает переосмысление и представляет собой «постоянное имплицитное и эксплицитное сопоставление иноязычной и родной культур» [4: 70].

Такая интерпретация диалога культур с позиции подготовки специалистов в области перевода должна быть учтена при определении соответствующего принципа обучения. Здесь уместно добавить, что экономисту в сфере профессиональной коммуникации, овладевающему умениями рассматриваемого вида переводческой деятельности, предстоит

анализировать и сопоставлять не только культуры, но и контактирующие языки, предметные и фоновые знания отправителя и получателя сообщения; особенности построения текстов, репрезентирующих коммуникативные ситуации АФП. Это принципиально важно для выработки переводческой стратегии и создания адекватного переводного текста.

Такой спектр стоящих перед переводчиком задач выходит за рамки содержания принципа диалога культур. В этой связи представляется важным построить процесс обучения АФП с учетом *принципа компаративности* (Н.И. Алмазова, Н.Н. Гавриленко).

Помимо выявленных принципов, нельзя оставить без внимания принципы обучения, выдвинутые на основании закономерностей дидактики перевода. Осмысление сущности основных тенденций построения и организации современного процесса обучения переводу (И.С. Алексеева; В.Н. Комиссаров; Е.Р. Поршнева) позволяет констатировать целесообразность введения и использования для целей обучения АФП *принципа опоры на проблемность, заложенную в характере переводческой деятельности*. Процесс осуществления АФП предусматривает творческое решение многочисленных переводческих задач. Соответственно, в ходе обучения этому виду переводческой деятельности необходимо стимулировать студентов к самостоятельному поиску этих задач, оптимальному выбору и реализации способов их решения. «Эффективность занятия определяется не объемом переведенного материала, а количеством типовых переводческих проблем, которые были решены в процессе работы» [5: 345]. Сказанное позволяет рассматривать указанный принцип как

конкретизацию общедидактических принципов проблемности и творческого характера обучения.

При выделении следующего требования, регламентирующего организацию процесса обучения АФП, тщательному анализу был подвергнут принцип внеконтекстных и контекстуальных упражнений, предложенный И.С. Алексеевой. Реализацию данной установки в процессе обучения переводу автор связывает, главным образом, с тематической неоднородностью используемого на занятиях материала. Тематическое однообразие материала занятия «задает переводчику упрощенную модель переводческого поведения» [6: 33], что приводит к ослаблению внимания и быстроты реакции на неожиданные переводческие задачи. Конкретизация содержательной сущности данного принципа предопределяет целесообразность организации процесса обучения АФП студентов экономического вуза с учетом *принципа неоднородности используемого материала*. Иными словами, основу разрабатываемых и используемых в рамках одного занятия упражнений должны составить тексты, репрезентирующие различные коммуникативные ситуации АФП.

Таким образом, методическая система обучения АФП студентов экономического вуза должна базироваться на целом ряде принципов, имеющих обще- и частнометодический характер, а также обусловленных особенностями общей и частной дидактики перевода. Взаимосвязь и взаимообусловленность принципов позволяют выявить сопряженные с ними элементы педагогического процесса, что, в свою очередь, будет способствовать его эффективности.

Литература

1. Краевский, В.В. Основы обучения. Дидактика и методика [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.В. Краевский, А.В. Хуторской. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 352 с.

2. Загвязинский, В.И. Методология и методы психолого-педагогического исследования

[Текст]: учебное пособие для студентов высших пед. учеб. заведений / В.И. Загвязинский, Р. Атаханов. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 208 с.

3. Вербицкий, А.А. Проблема трансформации мотивов в контекстном обучении [Текст] / А.А. Вербицкий, Н.А. Бакшаева // Вопросы психологии.

– 1997. – № 3. – С. 22-32.

4. Бакало, Д.И. Формирование готовности к переводу лингвокультурологических особенностей устного высказывания: Языковой вуз [Текст]: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Д.И. Бакало. – Томск, 2003. – 226 с.

5. Комиссаров, В.Н. Современное переводо-

ведение [Текст]: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.

6. Алексеева, И.С. Профессиональный тренинг переводчика [Текст]: учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. – СПб.: Изд-во «Союз», 2004. – 288 с.

Коротко об авторе

Briefly about author

Белькова Е.В., аспирантка, Иркутский государственный лингвистический университет (ИрГЛУ)
evgeniya-belkova@mail.ru

Bel'kova E., graduate, Irkutsk State Linguistic University (ISLU)

Научные интересы: дидактика перевода

Scientific interests: translation and interpretation didactics

---

УДК 811

Бойченко Анна Григорьевна
Boychenko Anna

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПИТИЕ»
В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ РУССКОГО
ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТНОЙ
КАРТИНЫ МИРА РУССКОГО НАРОДА

THE CONCEPT "DRINKING" REPRESENTATION
IN THE RUSSIAN LANGUAGE CORPUS OF
PROVERBS AS REFLECTION OF THE RUSSIAN
PEOPLE VALUE PICTURE OF THE WORLD

Статья посвящена репрезентации концепта «Питие» в паремиологическом фонде русского языка как отражению ценностной картины мира русского народа

The article is devoted to the concept "drinking" representation in the Russian language corpus of proverbs as reflection of the Russian people value picture of the world

Ключевые слова: концепт, язык и культура, языковая картина мира, пословица

Key words: concept, language and culture, language picture of the world, proverb

Язык выступает как неотъемлемая и важная часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой обязательно предполагает не только изучение материальной составляющей этой культуры, но и попытку проникновения в образ мышления нации, познания специфики её мировосприятия и мироощущения. С учётом понимания того, что языковая картина мира формируется культурой народа, в настоящее время особую актуальность приобретает анализ языковых явлений, направленный на выявление их национально-культурной специфики. В современной лингвистике в рамках лингвострановедения (Верещагин, Костомаров 2005, Стернин, Прохоров 2006), этнолингвистики (Копыленко 1989, Толстой 1997), теории межкультурной коммуникации (Тер-Минасова 2000), лингвокультурологии (Воркачёв 2001,

Вежбицкая 1999, Телия 1996, Воробьёв 1997, Маслова 2001, Степанов 2004 и многих др.) изучаются языковые единицы с позиции транслируемости ими культурно значимой информации, зафиксированной в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, метафорах, фразеологизмах, символах, поговорках, прецедентных текстах, концептах. Если исходить из аксеологического понимания сущности культуры, разработанного в трудах М. Хайдеггера, М. Вебера, Г. Францева, Н. Чавчавадзе, в концепте – базовой единицы культуры – должна отражаться система ценностей, являющаяся результатом обобщения коллективного сознания/знания и отмеченная этнокультурной спецификой. Именно ценностный компонент В.И. Карасик считает основанием для выделения концепта, показателем которого является наличие оценочных предикатов: «Если о каком-

то феномене культуры носители культуры могут сказать «это хорошо» (плохо, утомительно, интересно и т.д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт» [1; С. 77]. Ценностная картина мира народа отражается прежде всего в паремиологическом фонде языка, поэтому выявление культурных доминант концепта путём анализа репрезентирующих его паремий является обязательным.

Объектом исследования в настоящей статье выступает обширная концептуализированная область, обозначенная нами как концепт «Питие» и являющаяся, по мнению Ю.С. Степанова, одной из констант русской культуры [2]. Предметом исследования является анализ значений культурных доминант исследуемого концепта в паремиологическом фонде русского языка. Русская паремиологическая лексикография весьма ограниченно представлена тематическими сборниками пословиц и поговорок о вине и пьянстве (например, А.С. Минеев «Народное слово о трезвости и пьянстве» [3]), однако наиболее полным собранием малых фольклорных форм, отражающих алкогольную тематику, на сегодняшний день является сборник Г.Ю. Багриновского «О вине и пьянстве» [4], составленный путём извлечения пословиц и поговорок из других паремиологических сборников (более 200), научной литературы, художественных произведений, журнально-газетной периодики XIX-XX вв., а также личного собрания составителя и насчитывающий около 5000 единиц, из которых нами проанализировано 1693 собственно пословицы и поговорки (остальные единицы представлены валеризмами, тостами, побасенками, рекламными слоганами, литературными цитатами, афоризмами, приметам, поверьями, заговорами, скороговорками, дразнилками и т.п.).

Анализ паремий в данном лексикографическом источнике позволяет выявить следующие основные идеи, выражающие представления русских о процессе употребления алкоголя.

1. Для употребления алкоголя необходим некий повод, в качестве которого могут выступать: праздник: *Без горилки не праздник. В*

осень и у воробья пиво. Коль на праздник не пить, так зачем жить (около 38); свадьба: *Быть на свадьбе да не быть пьяну грешно. Весёлым пирком да за свадебку* (около 29); примирение: *Кума не бити - пива не пити. Ссорься со всеми, мировую можно выпить* (около 6); горе и радость: *На радостях выпить, а горе залить* (около 17); баня: *Год не пей, а после бани укради, но выпей* (около 4); получение прибыли: *Барыш барышом, а могарычи даром. Покупка – копейка, обмывка – рубль* (около 25); любой формальный повод: *У него сегодня Саввы, а завтра Варвары* (около 22).

2. Употребление алкогольных напитков носит всеобщий характер: *Вино хоть сурово, а спорится: всяк его лопают. Не пьют только на небеси, а тут – кому ни поднеси* (около 56), охватывает все социальные группы: имеет цеховой характер: *Монах с Христом собирает, а с дьяволом пропивает. Попал на ярмарку купец – трезвости конец. Что мастер, то пьяница. Портной что курица: что ступит, то клюкнет. Иные художники – пьют водку лучше, чем сапожники* (около 52); имеет профессиональную специфику: *кучер – насупонился; кузнец – настукался; купчик – начокался; лакей – нализался; музыкант – наканифоллся; мясник – нарезался; рыбовод – наклевался; столяр – насандалился* (около 65).

3. Алкогольные напитки принято употреблять в большом количестве: *Бражку пьёт – как верёвку вьёт. За первой рюмкой штоф тянется, а четверть череды ждёт* (около 145).

4. Угощение алкогольными напитками является проявлением гостеприимства, поэтому обделение угощением воспринимается как оскорбление: *Люди пировать, а мы горевать. Есть медок да зачислен в ледок. Кому пиво, а нас мимо* (около 39).

5. Тяга к употреблению алкоголя носит непреодолимый характер: *Пьянице одна отрада – вино. Табатчик к табаку, а пьяница к кабаку. Только и родни, что пивнушки одни* (около 70).

6. Состояние алкогольного опьянения невозможно скрыть: *И тёмный стаканчик в голову бьёт. Стакан винца обманет молодца* (около 34), так как оно проявляется в физиологических реакциях: *Видать по очам, что гуляет по ночам* (около 27); физических действиях: *Голова болтается, потому что с водкой знается. На грош выпьет, а на рубль шатается* (около 70); нарушениях сознания и памяти: *Пьяным быть, про себя забыть. Бывает и хуже – проснёшься в луже* (около 17); искажениях в психике и эмоциях: *Не пей вина, так не сойдёшь с ума. В пьяном хмель плачет* (около 21); нарушениях речи: *Вешний путь не дорога, а пьяного речь не беседа. Того трезвый не ведаёт, что хмельной говорит. Пьяный, что малый: что на уме, то и на языке* (около 40).

7. Человек в состоянии алкогольного опьянения обретает внутреннюю свободу и независимость: *Как бражки жбан, так всяк себе пан. Пьяный напьётся – со львом дерётся, а протрезвится – свиньи боится. Пьяному море по колено* (около 10).

8. Употребление алкоголя является катализатором веселья, радости: *Вино веселит молодость, укрепляет зрелость, согревает старость. Без хлеба не работать, без вина не плясать. Вино старику ноги поднимает. Когда пир, тогда и песни* (около 131).

9. Злоупотребление алкоголем приводит к материальному ущербу: употребление алкоголя требует материальных средств: *Денег нет – рубль почнём, вина нет, с браги начнём. Латку на латку сади, а грош на горилку клади* (около 38); недостаток материальных средств приводит к попыткам употреблять алкоголь за чужой счёт: *На чужие деньги запоем пьём. Чужим вином подноси ведром* (около 11); злоупотребление алкоголем наносит тяжёлый материальный ущерб: *Запьем, так избу запрем; а что в избе, так в кабак снесём. Не горло пьёт, карман* (около 42); приводит к разорению: *Водка лучше метёлки дом подметает. Стаканчики да рюмочки доведут до сумочки* (около 55); бедности: *Пирует до седых волос, а всё наг и бос. Стаканы гранёные – дома*

разорённые (около 36).

10. Человек, злоупотребляющий алкоголем, теряет интерес к труду и утрачивает приобретённую квалификацию: *Было ремесло, да хмелем заросло. Вино ремеслу не товарищ. Руки золотые, да горло погано* (около 50).

11. Состояние алкогольного опьянения приводит к асоциальному поведению и является причиной противоправных действий: *Пьяному гуляке недолго до драки. За ковш да за нож. Где пируют, там и бока вздуют. Кто много пьёт вина, за спиной того тюрьма* (около 85).

12. Злоупотребление алкоголем является отступлением от божественного начала в человеке, что приводит к гибели души: *Допьяна пить – Бога гневить, себя губить. Бутылка да вино вместо душеньки дано* (около 10).

13. Лицо, употребляющее алкоголь, находится во власти дьявола: *В пьяном бес волен. Мужик лишь пиво заварил, а уж чёрт с ведром. Пьяница – чёртова скляница* (около 28).

14. Злоупотребление алкоголем является причиной потери морального облика человека: *Хватил винца – не стало молодца. Хмель не вода – человеку беда* (около 31); утраты чести и совести: *С хмелинкой спознаться, с честью расстаться. У него совесть в бутылке захлебнулась* (около 7); репутации и авторитета: *Кто за рюмкой тянется, добром не вспоминается. На пьяного поклёп, а трезвый украл* (около 11).

15. Употребление алкоголя наносит тяжёлый вред здоровью: снижает интеллектуальные способности: *Вино входит – ум проходит. Вино уму не товарищ* (около 45); является причиной болезней: *Вино да табак курить – здоровье губить. Где пиры, там и немочи* (около 13); приводит к смерти: *В бакалее больше погибает, чем в море утопает. Кто чарки допивает, тот веку не доживает* (около 21); является причиной похмелья: *Вино на двое растворено: на веселье и на похмелье. Легко пить, да тяжело похмелье* (около 78).

16. Употребление алкоголя является социальным злом: *Лучше знаясь с дураком,*

чем с кабаком. С огнём и вином не шутят (около 50).

17. Употреблять алкогольные напитки следует умеренно: *Досыта доедай, а допьяна не допивай. Пей за столом, а не пей за столбом* (около 54), не забывая о работе: *Пей да дело разумеи* (около 9) и социальных нормах: *Добро тому пить, кто хмель может в себе скрыть. Не пригож, да во хмелью ужо* (около 18).

18. Дружеские отношения, возникшие в процессе совместного употребления алкоголя, являются непрочными: *Есть пиво да пирожки, так есть и дружки. Горевал, когда брагу сливал, а брагу слил, так стал всем мил* (около 5). С человеком в состоянии алкогольного опьянения не следует поддерживать никаких отношений: *С пьяным спознаться – с честью расстаться* (около 10).

19. Алкогольные напитки обладают лечебным эффектом: *Человека хлеб живит, а вино крепит. Вино кровь разбивает. Водка – лучшее лекарство* (около 13).

20. Состояние алкогольного опьянения в некоторых случаях является предпочтительным: *Лучше иметь жену пьяницу, чем упрямую. Пьян да умён – два угодия в нём. Пьяный не мёртвый: когда-нибудь да проспится* (около 10).

21. Человек в состоянии алкогольного опьянения пользуется особым покровительством высших сил: *Пьяного бог бережёт. Пьяный хоть в тумане, а всё видит бога. Кто льёт, тому бог на пиво даёт* (около 8).

Количественный анализ групп паремий-репрезентантов концепта показывает, что наибольшее количество пословиц и поговорок отражает различные проявления состояния алкогольного опьянения (12,3 %), вторую по значимости группу составляют паремии, указывающие на тяжёлые материальные последствия злоупотребления алкоголем (11,9 %), к третьей группе относятся пословицы и поговорки, подчёркивающие всеобщий характер процесса употребления алкогольных напитков (11,2 %), четвёртая группа пословиц иллюст-

рирует тяжёлые последствия для здоровья, возникающие вследствие злоупотребления алкоголем (9,2 %).

Лингвокультурный анализ паремиологического фонда русского языка, репрезентующего концепт «Питие», свидетельствует об антиномичности акселогической составляющей исследуемого концепта. Под антиномией мы понимаем «сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково убедительное логическое обоснование» [5; С. 2]. В исследуемом нами концепте отмечаются такие антиномические составляющие:

– с одной стороны, последствия злоупотребления алкоголем наносят тяжёлый социальный вред, приводят к деградации личности (*Зелено вино на пагубу дано*); с другой стороны, совместное употребление алкоголя выступает как необходимый социальный ритуал (*Не пьют только на небеси, а тут – кому ни поднеси*);

– с одной стороны угощать и употреблять алкогольные напитки принято в большом количестве, что является проявлением щедрости и удали (*Пьяный и море выпивает*); с другой стороны, употребление алкоголя следует ограничивать определённой мерой (*Душа меру знает*);

– с одной стороны, употребление алкоголя имеет тяжёлые последствия для физического состояния человека, наносит вред здоровью (*Кто чарки допивает, тот веку не доживает*); с другой стороны, алкогольные напитки могут выступать как лекарственное средство (*Водка – лучшее лекарство*).

– с одной стороны, злоупотребление алкоголем является грехом, нарушением божественных заповедей (*Во сне Бога молит, во хмелью каётся*); с другой стороны, человек в состоянии алкогольного опьянения пользуется особым покровительством высших сил (*Мало-го да пьяного Бог бережёт*);

– с одной стороны, пьянство расценива-

ется как социальное зло (*Пьянство до добра не доводит*); с другой – как благо (*Скляно пить, полно жить*).

Таким образом, очевидно, что большинство паремий русского языка, объективирующих концепт «Питие», имеют назидательный, поучительный характер, расценивая пьянство как социально опасное действие. Однако в силу различных исторических, культурологических и социальных причин в мифологизированном сознании русского народа совместное

употребление алкогольных напитков воспринимается как ритуальное, обрядовое и потому социально одобряемое поведение, как проявление щедрости, гостеприимства, удали характера, склонности к крайностям, т.е. тех черт национального характера, которые многие отечественные и зарубежные этнографы, историки, философы и социологи [6: С. 90; 7: С. 165; 8: С. 246 и др.] рассматривают как проявление существенных ментальных особенностей русского народа.

Литература

1. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание [Текст] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин; под ред. И.А. Стернина – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 182 с.

2. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

3. Минеев, А.С. Народное слово о трезвости и пьянстве [Текст] / состав. и автор предисл. А.С. Минеев. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 54 с.

4. О вине и пьянстве: Русские пословицы и поговорки [Текст] / состав., предисл., словарь, примеч., Г.Ю. Багриновского. – М.: Аграф, 2001. – 480 с.

5. Грузберг, Л. Концепт, или отчего Америка

– концепт, а Финляндия – нет?// Филолог. – 2002. – №1. – http://philolog.ru/gruzberg_concept.shtml.

6. Трофимов, В.К. Душа русского народа: Природно-историческая обусловленность и сущностные силы [Текст] / Рос. филос. общество; Межвуз. центр проблем непрерывного гуманитар. образования при Уральском государственном университете им. А.М. Горького // В.К. Трофимов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 159 с.

7. Вьюнов, Ю.М. Русский культурный архетип. Страноведение России: учеб. пособие [Текст] / Ю.М. Вьюнов. – М.: Наука: Флинта, 2005. – 480 с.

8. Ричард Пайнс Россия при старом режиме: перевод с англ. В. Козловского [Текст] / Р. Пайнс. – М.: Независимая газета, 1993. – 156 с.

Коротко об авторе

Бойченко А.Г., аспирантка, Хакасский государственный университет (ХГУ)
boychenko9@rambler.ru

Научные интересы: концепт, язык и культура, теория поля, когнитивизм

Briefly about author

Boitchenko A., graduate, Khakas State University

Scientific interests: concept, language and culture, cognitive science

УДК 808

Бушев Алесандр Борисович
Bushev Alexander

МЕДИЙНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

MEDIA AND ARTISTIC MODELING

В статье демонстрируются тексты различных жанров, создающие портрет Афганистана. Отмечены техники стандартизации сообщения в глобальных масс-медиа. Показан новаторский характер художественных жанров масс-медиа (очерк) и текстов художественной реальности в создании имиджа страны

The article analyses texts of different genres aimed at portrayal of Afghanistan. The article sheds light on linguistic characteristics of creating an image of the country in global media. In this connection of interest is the effect of belle-lettre texts and feature films that suggest comprehension of national phenomena

Ключевые слова: масс-медиа, имидж, оценка, стереотипы, моделирование

Key words: mass media, image, assessment, stereotypes, simulation

Целью статьи является анализ разножанровых дискурсов, связанных с представлением Афганистана. В тематическом дискурсе (Афганистан в медийной и художественной реальности в эпоху глобализации) мы выделяем предмет нашего исследования – языковые и риторические особенности моделирования страны. Материал масс-медиа и беллетристики анализируется при помощи риторико-герменевтического анализа.

1. *Начало операции.* С 2001 г. нами изучалась американская президентская риторика, риторика Госдепартамента США и Пентагона по вопросам Афганистана и проводимой операции «Несокрушимая свобода». Представлялось необходимым очертить круг наиболее явных языковых и риторических приемов, применяемых в сфере масс-медиа во время освещения военной операции «Несокрушимая свобода». Это представляется интересным как и в собственно языковом плане – интересное

наблюдение из сферы, где язык выступает в функции политкорректности и пропаганды, наблюдается клишированность и дезактуализация и стандартизация смысла – так и в риторическом, психологическом аспекте – трактуя пути выработки необходимой рефлексивной культуры по отношению к стандартизации и манипуляции информацией.

Современная информационная культура характеризуется двумя особенностями:

1) освещение события в средствах массовой информации является вариантом коммуникативной технологии, т.е. такой технологии, которая направлена прежде всего на массовое сознание;

2) гражданин сталкивается не с самим событием, а с освещением в средствах массовой информации.

Единицей этого символического мира является *имидж*. Для имиджа существенны символические конструкторы, вербальное,

коммуникативное представление события .

Изучение особенностей плана выражения в документах такого рода – прежде всего в публицистических речах и газетно-журнальных материалах – способствует выработке критического мышления, рефлексивного отношения к стилю, содержанию данных документов. Об этом убедительно пишет А.А. Волков (2001: 1-15). Он считает, что в современных средствах массовой информации текстам ингерентно присуща способность стереотипий и автоматизмов мышления и выражения. Риторические программы пишущих об этом часто заимствованы у Дж. Оруэлла.

В исследовании языкового конструирования социальных представлений особенно нас привлекают два момента:

1) изучение *автоматизмов выражения* – клише, штампов, стандартов стиля и жанра;

2) сознательное «риторическое» переименовывание и формирование другого отношения (тоже массового, тоже стандартного), основные *языковые тактики дезинформации и пропаганды*. Сюда же на более высоком уровне – риторическом – относятся стратегии управления имиджем, согласованность публичных рилейшнз, опора на авторитеты, автоматизация и деавтоматизация в масс-медиа и имиджелогии.

Рефлексия над клишированностью, стандартизацией языка газеты присуща не только дидактическим, но и собственно научным трудам (Гак 2001: 1-34). Выделение клишированности общественно-политического дискурса проводилось во многих работах (Гутнер 1982: 13-25, Чернов 1987: 144).

В представленном далее новостном сообщении курсивом выделены традиционные клише публицистического языка – завсегдагаи газетных полос. Частые повторы и варьирование определенных слов и сем (например, counterterrorism, global campaign) сами по себе создают стойкую картину приемлемости информации, отождествляются с определенным автоматизмом восприятия. Распевание на разные лады одного и того же – стойкая и эффективная техника внушения.

WASHINGTON, May 21, 2002 v While the ***lethal threat*** terrorism casts on the world is not new, "the world's resolve to defeat it has never been greater," said Secretary of State Colin Powell May 21.

Powell, introducing the State Department's annual Patterns of ***Global Terrorism***, said the world has answered President Bush's ***call for a coalition against global terrorism***.

The report, mandated by Congress, puts ***the global campaign against terrorism*** in perspective. The 2001 version features a country-by-country listing of what these nations have done ***to support the campaign against global terrorism***.

"For some nations this means new ***counterterrorism laws, tighter border security and increased financial controls***," said Ambassador Francis X. Taylor, the State Department's Coordinator for ***Counterterrorism*** who wrote the report. "For others, it means contributing military assets to operations in Afghanistan. For others still, it is an ***aggressive sanctioning of terrorist groups*** in order to curtail their ***criminal activities***."

Powell said the United States and its coalition allies have destroyed the al ***Qaeda sanctuary*** in Afghanistan and ended the ***oppressive Taliban regime***. "But the ***continuing campaign against terrorism*** isn't only about Afghanistan and ***bringing the perpetrators, planners and abettors*** of the Sept. 11 attacks ***to account***," he said. "It is also about bringing the international community's combined strengths to bear against the ***scourge of terrorism*** and its many manifestations throughout the world."

Powell also said that the report details ***efforts by terrorist groups*** to radiological, chemical, biological or nuclear weapons. "***The terrorist threat*** is global in scope, many-faceted and determined," he said.

Just as terrorists have multiple weapons, ***the campaign against them*** must be "comprehensive, multi-dimensional and steadfast."

Other nations need help in ***fighting the cancer of terrorism***, Powell said. The United States has launched a train and equip program

with Georgia to develop that country's **counterterrorism capabilities**. Other U.S. forces are working with the government of Yemen "to root out al Qaeda cells and to ensure that Yemen is not used as a **base for terrorist organizations**."

Подчеркнутыми в тексте оказались лексемы, которые наряду с иными риторическим приемами создания смыслов создают смысл «трусливый враг, берущий заложников, тайно планирующий свою вездесущую деятельность, убивающий и поэтому должен быть убитым».

Собственно вторая выделенная нами проблема находится лишь в начале своего осмысления и требует исследования. Первыми работами в этом направлении можно назвать работы школы критического анализа дискурса (Т. ван Дейк, Р. Водак) (см., например, www/let.uva.nl/~teun).

Скажем, в многочисленных газетных статьях в современной американской прессе ведется рассказ о военной операции «Несокрушимая свобода» («Enduring Freedom» – название и само представляется эвфемизмом, зловецей метафорой, оксюморонической и тавтологической антомазией одновременно).

Риторическая задача сводится к формированию веры в то, что армия может быть использована во благо человечества в целях борьбы с терроризмом. Это доязыковая, риторическая установка социальных представлений.

Риторическая тактика создания имиджа. Она очень четко очерчивается Г.Г. Почепцовым: «Принимая решения в условиях дефицита информации, а в ряде случаев из-за отсутствия времени, а то и просто нежелания думать, мы заменяем построение сложного и углубленного портрета человека его имиджем – знаковым заменителем, отражающим его основные черты. Это могут быть и черты, которые хотят на нас спроецировать» (Почепцов 2000: 12).

При этом враг представляется как трусливый террорист (**cowardly terrorists**), имеющий свой оплот в ряде стран, а усилия США направлены на **уничтожение (annihilation, wiping out, extinguishing)** врага:

As part of that effort, American warplanes are striking a "hotbed" of terrorist support in eastern Afghanistan to wipe out regrouping Taliban and al-Qaida forces and hidden weaponry.

Риторические тактики пропаганды образа врага могут быть сведены к созданию жестокого и хитрого врага (языковое проявление в гиперболизациях) либо к преуменьшению его (литоты, ср. приводимый ниже риторический вопрос, обесценивающий представление об опасном враге):

"Those who have dispersed, it would appear, are trying to get back together and regroup so that they can ascertain, do they have leadership, do they have mission, can they do operations?" Stufflebeem told reporters at a Pentagon briefing.

Здесь при установке на обесценивание в языковом плане выражения работают и модальность, и сослагательность, и сама лексика (пытаются, убедить), и риторический вопрос с повтором и параллелизмом. Поиск эмотивности и оценки в языке (Е.М. Вольф, В.Г. Гак, В.И. Шаховский), безусловно, расширится установлением примерных коррелятов уже не на уровне лексики, а в пределах текста с определенной риторической установкой.

Редко пропаганда может осуществляться сообщением фактической информации. Убеждение вообще редко идет только при помощи логики. В риторико-герменевтической традиции исследования речи такой постулат находит своих многочисленных сторонников, от весьма древних и авторитетных – до современных исследователей. Так, еще Аристотель писал о том, что риторика изучает не только убедительное, но и кажущее убедительным, этим она противопоставлена логике и диалектике. Сообщением фактической информации не ограничивается дело и в других видах персуазивного (ставящего своей задачей убедить) дискурса. Этому есть многочисленные подтверждения исследователей речевых тактик дискурса, направленного на некритическое внушение.

Тем не менее, повествование информативного плана типично для рассматриваемого жанра газетного текста. Это сообщения о потерях, трофеях, продвижении вперед, количестве самолето-вылетов, авиаударов, применяемых системах вооружения и т.д.

*Pentagon spokeswoman Victoria Clarke said American **aircraft flew 118 sorties and conducted four airstrikes** Sunday, one on the base at Zawar and three others in the Khost area.*

The strikes were conducted by long-range B-52 and B-1 bombers, as well as carrier-based strike planes from warships in the Indian Ocean.

При этом обязательна **ссылка на авторитет:**

*The group of soldiers, including special operations forces, Marines and forensic specialists, also found a large number of bodies of suspected al-Qaida members killed in earlier airstrikes, **officials said.***

Речевые тактики сообщения о противнике на редкость стандартны (тем самым и эффективны): режим преступен, а его лидеры – разыскиваемые США уголовники:

Khost is known as the headquarters of Jalaluddin Haqqani, a former minister in the ousted Taliban regime who is high on the U.S. most-wanted list.

При рассказе о противнике часты конструкции «именительный падеж плюс инфинитив» (сложное подлежащее), выражающие сомнение:

A number of al-Qaida fighters are believed to have slipped into the area after fleeing Tora Bora, the mountain cave complex seized by U.S.-backed anti-Taliban forces last month.

Создается **риторический фон неизбежности ответа за гибель солдата:**

Stufflebeem, asked to elaborate on the circumstances of the death of Sgt. 1st Class Nathan Ross Chapman on Friday, said an investigation was under way to determine who was responsible.

“We are trying to determine what happened, so we can prevent something like this from hap-

pening again,” the spokesman said. “It most definitely was an ambush.”

Отметим модальность вероятности в последнем предложении, граничащую с прямым утверждением. ***It most definitely was an ambush.***

Постоянно в словесном обрамлении из вариаций слов ис ем **humanitarian disaster, humanitarian relief, efforts to alleviate the disaster, daily rations** идут сообщения о предотвращении гуманитарной катастрофы, холода, голода, создании баз беженцев и т.д.

Clarke said construction crews have begun beefing up former refugee camp sites at the U.S. Navy base at Guantanamo Bay, Cuba, to deal with prisoners taken in the Afghan fighting.

Современные американские газеты пользуются термином **prisoners** по отношению к пленным. Своих же солдат и гражданских специалистов называют **captives, hostages** – двойной стандарт прослеживается в самой тактике номинации.

Поддержка населения, поддержка союзников – необходимый элемент кампании: **Blair arrived to show his commitment, etc.**

Постоянно подчеркивается **благородство целей союзнической операции:**

“The best weapon against the extremists ultimately will be some political stability”.И более того:

“The best weapon against the extremists ultimately will be some political stability, because then the voice of the people will be heard”.

Постоянно со ссылкой на авторитет бравых союзников превозносятся мнимые или действительные достижения:

Blair told a news conference in Islamabad that he believes that the military campaign launched after the Sept. 11 terror attacks on New York and the Pentagon “had been **very substantially successful.**”

“We have **effectively shut down the al-Qaida terrorist network in Afghanistan,**” Blair said.

Не скупятся официальные лица на прямую оценку режима с массой отрицательных эпитетов:

He described the Taliban as "**the most brutal, repressive regime in the world**"

Обесценивание режима производится постоянно:

efforts to hunt down al-Qaida remnants.

Смещение акцента производится в процессе дискурса самими властями:

said that criticism of the international community focused not on whether it was right to intervene but whether it should have been done sooner.

Абсурдны попытки доказательств невмешательства во внутренние дела суверенных стран:

In Beijing, a six-nation group led by China and Russia took steps Monday to assert a leading role in the region by saying **it wants Afghanistan free of foreign influence.**

Обыгрывается и религиозно-культуральный фактор. Этнокультурному фактору отводится роль в пропагандистских текстах, повествующих о том, что женщины-солдаты американской армии этносенситивны и носят головной убор, привычный для мусульманских стран.

Наряду с описанием картин несвободной жизни в странах третьего мира идут описания превосходства американского оружия.

Their military achievements in Afghanistan should make Americans proud, and the world optimistic

*American troops have not suffered the humiliation meted out to the Soviet Union in the 1980s. **Bombing did not prove pointless or reckless.** There has been no **"humanitarian disaster"**. Other Islamic countries, notably Pakistan, the Gulf states and Egypt, have not erupted in popular fury against the West. Americans have not "lashed out", and nor have they been "arrogant" or "triumphalist". Instead they have been **sober, well-organised, well-supported, determined and remarkably successful.***

2. Современный (2009) этап. Планируется усиление контингента, отказ от марионеточного режима Карзая. Посмотрим на риторiku глобальных СМИ.

New U.S. troops set to fight Taliban around Kabul

By Jonathon Burch Jonathon Burch
Wed Jan 28, 10:51 am ET

BAGRAM, Afghanistan (Reuters) – Some 3,000 new U.S. soldiers have set up bases near the Afghan capital, Kabul, to begin **flushing out** Taliban in an area which has so far seen little military presence, the U.S. army said on Wednesday.

Around 3,500 soldiers started arriving in Afghanistan this month in the first phase of a troop increase that will almost double the U.S. military presence in the **war-torn country**, currently at about 35,000.

"We're expecting a **spike in violence** upon our arrival. There haven't been any U.S. forces in this area, so the **insurgents have pretty much had free rein**," said Lieutenant Colonel Steven Osterholzer, spokesman for the brigade.

"Us just physically being in this region is going to increase troops in contact and probably IEDs (Improvised Explosive Devices)."

Violent conflict **surged in** Afghanistan last year with some 5,000 people killed and with more attacks around Kabul, ordinary Afghans fear insurgents are slowly encircling the capital.

"We know there are Taliban forces operating in those areas. We plan on being **aggressive**. We want to **identify the sanctuaries and deny them access and the freedom of movement**," said Osterholzer.

Жирным шрифтом в отрывке выделены клише, используемые в глобальном дискурсе. Отметим их размытость и оценочность.

При анализе политических текстов СМИ методом дискурс-анализа удастся выделить некоторые частотные риторические техники таких выступлений, например:

- использование клише, штампов, стереотипов;
- оценочная лексика;
- лексика с эмоциональными и экспрессивными коннотациями;
- многократные повторы и перепевание на разные лады одного и того же;

- использование эвфемизмов и перифраз;
- сложность дефинитивности терминов;
- демонизация оппонента;
- утверждение собственного благородства;
- ссылки на авторитеты;
- манипулирование фактической информацией;
- риторические уловки;
- использование имплицативности;
- использование жанровой палитры и экспектаций риторики жанра.

Существуют и другие риторико-герменевтические техники, которые актуально подвергнуть исчислению.

Художественная реальность тоже эффективно живописует страну. Так, глобальным бестселлером становится роман, рассказывавший о стране больше, чем все масс-медиа. Американский писатель Х. Хоссейни представил свой новый роман читателям, ставший национальным американским бестселлером (2007). В нем есть нечто большее, чем в занимательном чтении или бьющем наповал блокбастере, который позволено рекомендовать воскресной газете.

Достоин анализ языка романа, образы. Героини романа – афганские женщины Мариам и Лайла, их жизни, уроки целого поколения. В американскую литературу, движимую со времен последних десятилетий маргиналами, привнесен новый мультикультуральный фактор – этнический, афганский и арабский, восточная система метафор и образов. Это особенно актуально в связи с миграцией Востока, противоречиями Запада и Востока, кульминаровавшимися в событие, транслируемое и резонировавшее на весь мир, в связи с известными попытками интеллектуалов осмыслить войну цивилизаций.

Экзотизмы (*harami, kolba, dill, kinchini, shhnai, dohol, jinn, namaz, arbab, kichiri, alef, seh, tahamul*), атмосфера Афганистана, обьятого войной, имеющего непростую историю, переданы с особой достоверностью.

Лиричен восточный пейзаж: *The track was flanked on either side by knee-high grass and speckles of white and bright yellow flowers. The track snaked uphill and led to a flat field where poplars and cottonwoods soared and white bushes grew in clusters. From up there, one could make out the tips of the rusted blades of Gul Daman's windmill, on the left, and on the right, all of Heart spread below.*

Это новый, глобальный контекст американской прозы. Автор, повторивший путешествие героя своей первой книги и побывавший в Афганистане 2003 г., в связи со своим первым романом писал: «Я вдруг ощутил родство с древней землей... Это очень удивило меня. Я ведь и думать о ней забыл. Но выходит, дело обстоит иначе. И Афганистан тоже не забыл меня. Бытует мнение, что человек пишет о том, что испытал. Я же собирался испытать то, что написал». Как видим, отношения автора, литературной реальности и реальности жизненной складываются весьма замысловато. Что же касается личной истории и биографии автора – успешного американца, она еще раз подтверждает банальную мысль структурализма, что, изучая почву, можно мало понять о растении.

Темы любви, преданности, страдания, искупления являются контрапунктами романа. Но важен и интересен, прежде всего, социально-исторический тематизм. Явственна тема истории (Наджибулла, советское вторжение в Афганистан, Северный альянс, моджахеды, Талибан – перед нами панорама истории афганского общества последних десятилетий). Говорят сами за себя сами топонимы – Кандагар, Кабул (это он в стихах на фарси назван «тысяча сияющих солнц» и является полноправным героем книги, ужасным в своей военной разрухе и насилии и манящим будущим возрождением).

Показательны тема традиционалистского общества: многоженство, незаконные дети, покорные жены, место которым на кухне и в доме, которые с довольством носят не то, что хеджаб, а чадру! В этом отношении роман учит

понимать Другого – лейтмотив всей западной культуры последних десятилетий.

Доминантой нового романа выступает тема женщины в мусульманском обществе. Мы видим жен, избиваемых мужьями до полу-смерти по праву хозяина их жизни и уроки их жизнью – такова страдавшая от недополученной любви отца его незаконная дочь, страдавшая от нелюбимого мужа-деспота главная героиня Мириам. Она находит – поначалу непросто – поддержку и любовь второй жены своего мужа и ее детей. Она убивает мужа-деспота, когда понимает, что он не оставит их в живых и отвечает – добровольно – своей жизнью перед Талибаном.

Тема прав человека, права шариата и морали решается в непростых перипетиях жизненных судеб традиционалистского, но модернизирующегося общества. Налицо тема политики, вмешивающейся в жизнь простых людей. Афганистан в огне. Каждый помнит советское вторжение в Афганистан, глухие рассказы об этом, вывод советских войск, падение мариио-

неточного режима.

А затем – то, что представляем из глобальных медиа - события 11 сентября 2001 г., Талибан, тема беженцев, тема гуманитарной катастрофы целого общества, надежда на возрождение жизни. Властно звучит и тема родины. Рассеяны по всему миру, но в то же время стремятся домой беженцы. На фоне больших социальных катаклизмов автор эпически, но в то же время филигранно представляет темы человеческой жизни и судьбы, темы преодоления, прощения, искупления.

Роман принят во всем мире. Тем самым художественная реальность побеждает жизнь, оказывается сильнее пропаганды, открывает непростую правду всему миру.

Подводя итоги проводимому исследованию, мы делаем вывод о важности неузальной, неклишированной номинации, противостоящей тенденции автоматизации сообщений в глобальных масс медиа. Оптика прочтения текстов нуждается в усовершенствовании.

Литература

1. Волков, А.А. Курс русской риторики [Текст] / А.А. Волков. – М., 2001.

2. Гак, В.Г. Теория и практика перевода [Текст] / В.Г. Гак и др. – М., 2001.

3. Гутнер, М.Д. Пособие по переводу с английского языка на русский общественно-политических текстов [Текст] / М.Д. Гутнер. –

М., 1982.

4. Чернов Г.В. Основы синхронного перевода [Текст] / Г.В. Чернов. – М., 1987.

5. Почепцов Г.Г. Имиджеология [Текст] / Г.Г. Почепцов. – М., 2000.

6. Kh. Hosseini. A Thousand Splendid Suns. NY, 2008.

Коротко об авторе

Бушев А.Б., канд. филол. наук, доцент каф. гуманитарных дисциплин, филиал ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет», г. Тверь
alex.bouchev@list.ru

Научные интересы: общее языкознание, социолингвистика, теория дискурса, теория речевого воздействия, риторика и герменевтика, лингводидактика, переводоведение, исследование социальных эффектов информационных технологий, масс-медиа, изучение динамики русской литературы и культуры в связи с европейской

Briefly about author

Bushev A., Ph. D. (Philology), Assistant Professor of Liberal Arts Department, branch of PEI HPE "Saint-Petersburg State Engineering-Economic University", Tver

Scientific interests: general linguistics, sociolinguistics, discourse theory, speech influence theory, rhetoric and hermeneutics, linguodidactics, translation science, research of of of information technology social effects, mass media, research of dynamics of the Russian literature and culture in connection with the European

УДК 820

Жаткин Дмитрий Николаевич
Zhatkin Dmitriy

Чернин Владимир Константинович
Chernin Vladimir

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
АЛЬФРЕДА ТЕННИСОНА
В ОСМЫСЛЕНИИ Д.Н. САДОВНИКОВА

LITERARY PECULIARITIES OF ALFRED
TENNYSON'S WORKS IN THE COMPREHENSION
OF D.N. SADOVNIKOV

Рассмотрена творческая интерпретация Д.Н. Садовниковым стихотворений английского поэта «викторианской эпохи» Альфреда Теннисона «The Beggar Maid» («Нищая девушка», 1833) и «The Lord of Burleigh» («Лорд Бёрлей», около 1835). Отмечается стремление Садовникова максимально сохранить атмосферу теннисоновских стихотворений, передать не только их сюжетную канву, но и все многообразие используемых художественных деталей, вариации чувств. Вместе с тем, тяготение к русскому фольклору и отсутствие необходимого для переводчика объема знаний из английской истории приводят к утрате связей с культурно-историческим контекстом и снижают ценностный уровень переводов

The article presents D. Sadovnikov's creative interpretation of the English "Victorian" poet Alfred Tennyson poems «The Beggar Maid» (1833) and «The Lord of Burleigh» (about 1835). The authors note Sadovnikov's desire to keep the atmosphere of Tennyson's poems as much as possible, to transfer not only the plot, but also the whole variety of literary details, emotional variations. At the same time the translator's inclination to the Russian folklore and lack of the necessary knowledge of the English history lead to the loss of connections with cultural-historic context and decrease the value of the translations

Ключевые слова: английский романтизм, международные литературные связи, художественный перевод, литературная традиция, реминисценция

Key words: English romanticism, international literary connections, artistic translation, literary tradition, reminiscence

Русский поэт, фольклорист и этнограф Д.Н. Садовников, известный как составитель наиболее полного и наилучшего в научном отношении сборника «Загадки русского народа» (1876), собиратель русского устного народного творчества Поволжья, осуществил в

1870 – 1880-х гг. ряд стихотворных переводов, в том числе создал и опубликовал в 1882 г. свои интерпретации стихотворений А. Теннисона «The Beggar Maid» («Нищая девушка», 1833) и «The Lord of Burleigh» («Лорд Бёрлей», около 1835), озаглавив их соответственно

«Нищая и король» и «Лорд Бёрлей». Произведения, избранные Садовниковым для перевода, были созданы практически одновременно, в начале творческого пути Теннисона и отразили размышления английского поэта о возможности превращения бедной девушки в знатную даму благодаря браку с мужчиной благородного происхождения. По сути, «The Beggar Maid» и «The Lord of Burleigh» – две интерпретации одной темы, причем если в первом случае причиной происшедшего становилась исключительная природная красота, то во втором – еще и умение доказать свою любовь, выйдя замуж не ради денег, а благодаря большому чувству к скрывавшему свое положение лорду.

Тема превращения нищенки в богатую красавицу в теннисоновском восприятии связана с фольклорной традицией, что явственно ощутил Садовников при создании перевода «The Beggar Maid». Уже в самом начале своей интерпретации, показывая неземную красоту нищенки, переводчик использовал в несколько измененном виде традиционную формулу русского фольклора «ни в сказке сказать, ни пером описать»: «She was more fair than words can say» [1; С. 217] [Она была красивее, чем словами можно сказать] – «О том ни в сказке не сказать, / Ни написать пером!» [2; С. 340]. Вместе с тем, многие художественные детали, используемые Теннисоном для создания первого впечатления о нищенке, были опущены русским переводчиком, который, в частности, избегал интерпретации стиха «Her arms across her breast she laid» [1; С. 217] [Свои руки на своей груди она сложила], показывавшего, с одной стороны, стыдливость, смущенность героини, оказавшейся при дворе на всеобщем обозрении, а с другой стороны – ее гордость, способность постоять за себя в нужную минуту. Садовников также опустил определение «bear-footed» («босая»), дополнительно подчеркивавшее крайнюю бедность девушки, и счел излишним перевод имени короля Кофетуа (Cophetua): «Bear-footed came the beggar maid / Before the king Cophetua» [1; С. 217] [Бо-

сая предстала нищая девушка / Перед королем Кофетуа] – «Как хороша она была, / Представ пред королем» [2; С. 340].

Опуская имя короля, Садовников вступал в противоречие с традицией, опиравшейся на древнюю легенду об африканском короле Кофетуа, совершенно не интересовавшемся женщинами вплоть до встречи с бледной и больной, одетой во все серое девушкой-нищенкой, которую он полюбил за красоту и добродетельность и сделал своей королевой. Легенда о короле Кофетуа упоминается во многих балладах, а также в пьесах Шекспира «Ромео и Джульетта», «Бесплодные усилия любви», «Генрих IV». В 1884 г. английский художник-прерафаэлит Эдвард Бёрн-Джонс создал картину «Король Кофетуа и нищенка» («King Cophetua and the Beggar Maid»), за которую в 1889 г. получил Орден Почетного легиона на Всемирной выставке в Париже.

В то время как у нищенки нет даже обуви, король Кофетуа одет так, как и подобает монарху – на нем мантия и корона, что еще больше подчеркивает ту социальную пропасть, что казалось бы навсегда разделила героев Теннисона: «In robe and crown the king stepped down» [1; С. 217] [В мантии и короне король сошел]. Садовников, ранее опустивший при описании девушки упоминание об отсутствии у нее обуви, свидетельствовавшее о крайней степени нищеты, не сохраняет при переводе и упоминание атрибутов власти короля, акцентируя внимание исключительно на развитии действия: «Король с престола поднялся» [2; С. 340]. Вместо теннисоновского сравнения красоты девушки с красотой дня («She is more beautiful than day» [1; С. 217] [Она красивее, чем день]) во второй строфе перевода Садовникова почти дословно был повторен первый стих, звучавший как сторонняя характеристика героини из уст придворных: «Она так хороша!» [2; С. 340].

Если у английского поэта оригинальное сравнение нищенки в лохмотьях с луной в облаках предполагало возможность лицезрения ее тела, едва прикрытого одеждой, подобно

луне, подернутой завесой облаков («As shines the moon in clouded skies, / She in her poor attire was seen» [1; С. 217] [Как сияет луна в облачных небесах, / Она в своем бедном наряде была видна]), то в переводе Садовникова пропуск значимого упоминания «облачных небес» («clouded skies») и намек на возможность увидеть нагое тело девушки – «она <...> была видна» («she <...> was seen») – приводил к полной утрате смысла: «Она, в лохмотьях нищеты, / Сияла, как луна» [2; С. 340]. Из всех многочисленных критериев оценки женской красоты, представленных в английском оригинале, – «ancles» («лодыжки»), «eyes» («глаза»), «hair» («волосы»), «mien» («выражение лица»), «face» («лицо»), «grace» («грация») – Садовников сохранил при переводе только два – «нежность глаз» и «кудрей волну» («Одних пленяла нежность глаз, / Других – кудрей волна» [2; С. 340]).

В основу стихотворения Теннисона «Лорд Бёрлей» была положена известная любовная история Сары Хоггинс (Sarah Hoggins), вышедшей в октябре 1791 г. за 37-летнего первого маркиза Эксетера Генриха Сесила (Henry Cecil), родившей ему четырех детей – Браундлоу, ставшего вторым маркизом Эксетера, Софию, Генриха и Томаса и утонувшей в январе 1797 г., не вынеся, согласно распространенному преданию, вызывающему сомнение в подлинности, бремени чести, будучи рожденной не для нее. Если у Теннисона в конце произведения даны относительно точные сведения о месте, где произошла встреча Сары и Генриха, где протекала их совместная жизнь, где, наконец, Сара умерла ко всеобщему горю окружающих («Deeply mourn'd the Lord of Burleigh, / Burleigh-house by Stamford-town» [1; С. 212] [Глубоко горевали лорд Бёрлей / Бёрлейдом у Стэмфорд-города]), то в переводе Садовникова конкретика полностью утрачена, описание не соотнесено с историческими реалиями. В отличие от портрета героини, воссоздававшегося в русском переводе в полном соответствии с оригиналом, портрет лорда оказывался не столь точным, – стремясь подчерк-

нуть желание героя утаить от возлюбленной свое социальное происхождение, Садовников характеризовал лорда как «бедняка-простолюдина», тогда как у Теннисона он предстал перед девушкой «художником-пейзажистом» («landscape-painter»): «He is but a landscape-painter, / And a village maiden she» [1; С. 208] [Он всего лишь художник-пейзажист, / И деревенская девушка она] – «Родилась она в деревне; / Он – бедняк-простолюдин...» [3; С. 446].

В английском оригинале еще до момента саморазоблачения лорда возникали штрихи, позволявшие предугадать, что именно он является хозяином большого светлого дома, в частности, упоминание кланяющихся слуг, отвечающих тихим шепотом на зов героя, ступающего по залам твердыми шагами; напротив, в переводе Садовникова интрига сохранялась до конца: «У дверей толпятся слуги, / Приглашая их войти. / На вопросы отвечают / Все с почтеньем; он идет, / Рядом зал; его встречают / Уваженьем и почет» [3; С. 446-447]. Описывая положение героя в обществе, Теннисон был немногословен, представлял его как честного («fair») и независимого («free») человека, самого великого лорда в графстве: «Lord of Burleigh, fair and free, / Not a lord in all the county / Is so great a lord as he» [1, с. 211] [Лорд Бёрлей, честный и независимый, / Ни один лорд во всем графстве / Такой великий лорд, как он]; Садовников не выделял героя из числа других лордов, однако при этом расширял спектр его характеристик, упоминая не только о его независимости, но и о смелости, гордости, всеобщей известности, именитости и знатности («Независим, смел и горд, / Лорд Борлей, известный всюду, / Именитый, знатный лорд» [3; С. 447]).

Описывая потрясение героини при получении известия о знатности супруга, Теннисон сначала сравнивал краску, залившую ее лицо, с покраснением от стыда («All at once the colour flushes / Her sweet face from brow to chin: / As it were with shame she blushes, / And her spirit changed within» [1; С. 211] [Сразу же крас-

ка приливает к / Ее милому лицу от чела до подбородка: / Как от стыда она краснеет, / И ее расположение духа переменилось), а затем сближал ее мертвенную бледность со смертью («Then her countenance all over / Pale again as death did prove» [1; С. 211] [Затем ее лицо все / Бледным, к тому же, как смерть оказалось]), тем самым показывая всю противоречивость ощущений девушки. В интерпретации Садовникова героиня не испытывает стыда, расположение ее духа не меняется; единственной эмоцией, пережитой ею, остается смущение, и только использование переводчиком наречия «вдруг» позволяет говорить о появлении иных внутренних ощущений: «Ей лицо румянец яркий / Покрывает: смущена, / Вдруг без чувств, бледна, во кресло / Опускается она» [3; С. 447].

Следуя известной истории Сары Хоггинс, Теннисон предвкушал скорую внутреннюю трагедию героини, для которой ничем не заслуженная знатность, бремя чести («burthen of an honour») стали причинами серьезного беспокойства, постоянной душевной тревоги, искавшей, но не находившей выхода: «But a trouble weigh'd upon her, / And perplex'd her, night and morn, / With the burthen of an honour / Unto which she was not born» [1; С. 211-212] [Но тревога тяготила ее, / И сбивало с толку, ночь и день, / Бремя чести, / Для которой она не была рождена]. При интерпретации данного фрагмента Садовников, очевидно не знакомый с судьбой Сары Хоггинс, несколько упрощал общую картину, усматривая причину тревог девушки в «мечте о прежнем милом»: «Но тревожно было сердце, / И давила словно гнет / Все мечта о прежнем милом... / Что богатство и почет!» [3; С. 447].

Неудовлетворенность героини своим положением, несмотря на видимое благополучие, ощущаемое ею как следствие богатства и знатности ее любящего мужа, выражена в повторе Теннисоном лексем «faint» («слабеть, вянуть») и «droop» («увядать, унывать»), характеризовавших внутреннее состояние моло-

дой супруги лорда: «Faint she grew, and ever fainter» [1; С. 212] [Слабей она становилась и все слабей]; «So she droop'd and droop'd before him, / Fading slowly from his side» [1; С. 212] [Так она увядала и увядала перед ним, / Отдаляясь медленно от него]. При переводе Садовников сохранял общий смысл, однако при этом не всегда использовал эквивалентные оригиналу лексемы, что вело к усиленному нагнетанию впечатления медленного угасания героини, постепенно перемещавшейся из земного в потусторонний мир: «Все хирела...» [3; С. 447]; «Незаметно увядая, / С ним жила она года» [3; С. 447]. Именно осознание причины смерти жены и обусловило приказание лорда Бёрлея похоронить ее в свадебном платье, в котором, выходя замуж за простого парня, она была счастлива: «In the dress that she was wed in, / That her spirit might have rest» [1; С. 212] [В платье, в котором она была повенчена, / Чтобы ее душа могла успокоиться]. В интерпретации Садовникова характеризовавший платье стих «В нем была она любима» [3; С. 447] не соотносился с общей сюжетной канвой, поскольку героиня была любима не только в день свадьбы, но и впоследствии, будучи замужем; напротив, заключительный стих перевода – «В нем счастливою была...» [3; С. 447] – точен в передаче теннисоновского замысла.

Несмотря на тяготение к русскому фольклору и отсутствие необходимого для переводчика объема знаний из английской истории, несколько выбивавшие рассмотренные переводы Садовникова из культурно-исторического контекста, приводившие к утрате традиции, все же следует признать успешность работы, осуществленной русским переводчиком. Садовников смог сохранить не только общий смысл и особенности формы интерпретируемых произведений, но и их особый несуетный дух, благородство мысли, надежды на счастье и внутреннюю гармонию, обретению которых не способны помешать никакие социальные противоречия.

Литература

1. Tennyson, A. *The Poetical Works* / A. Tennyson. – Leipzig: Verlag Hector, 1860. – Vol. IV. – 612 s.

2. Садовников, Д.Н. Нищая и король [Текст] / Д.Н. Садовников // Огонек. – 1882. – № 17. – С.

340.

3. Садовников, Д.Н. Лорд Борлей (Из Тэннисона) [Текст] / Д.Н. Садовников // Нива. – 1882. – № 19. – С. 446-447.

Коротко об авторах

Briefly about authors

Жаткин Д.Н., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия (ПГТА), академик Международной академии наук педагогического образования, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России.
ivb40@yandex.ru

Zhatkin D., Dr. Sc. (Philology), Full Professor, Head of Translation and Translation Science Department of Penza State Technological Academy, member of International Pedagogic Education Sciences, the RF higher professional education worker of honour, member of Writers Union of Russia, member of Journalists Union of Russia

Научные интересы: русско-западноевропейские литературные связи XVIII – начала XX вв., переводоведение и межкультурная коммуникация

Scientific interests: Russian-West-European literary relations of XVIII – early XX centuries, translation science and cross-cultural communication

Чернин В.К., канд. пед. наук, доцент кафедры методики начального образования, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова (УлГПУ)
Тел. моб. – 8-927-982-98-62.

Chernin V., Ph. D. (Pedagogics), Assistant Professor of Primary Education Methodic Department, Ulyanov Ulyanovsk State Teachers' Training University

Научные интересы: проблемы перевода, русско-западноевропейские литературные связи XVIII – начала XX в.

Scientific interests: problems of translation, Russian-West-European literary relations of XVIII – early XX centuries

УДК 81.001.2

Огдонова Цырена Цыцыковна
Ogdonova Tsyrena

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА
«ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ»

SOCIOLINGUISTIC AND LINGUOCULTURAL
PARADIGMS OF INTERPRETATION OF THE
CONCEPT «LANGUAGE SITUATION»

Рассматривается концепт «языковая ситуация» в условиях современного лингвистического полипарадигматизма на основе интеграции социолингвистической и лингвокультурологической парадигм исследования языковой ситуации в полиэтничном регионе (Иркутской области). Данный концепт представляется как концепт-фрейм и макроконцепт, включающий социолингвистические и лингвокультурологические концепты-понятия. Связанные с ними предметы исследования определяют объем концепта «языковая ситуация» и индивидуальный облик региональной языковой ситуации

The article considers the concept «language situation» in conditions of modern linguistic poliparadigmatism. This concept is based on integration of sociolinguistic and linguocultural paradigms of language situation in polyethnical region (Irkutsk Region). This concept presents itself as concept-frame and macroconcept including the sociolinguistic and linguocultural concept-notions. Subjects of research connected with them determine scope of the concept “language situation” and individual character of regional language situation

Ключевые слова: концепт «языковая ситуация», научный концепт, лингвистический полипарадигматизм, социолингвистическая парадигма, лингвокультурологическая парадигма, этноязыковая ситуация, национально-демографические признаки населения Иркутской области, лингвокультурная ситуация, лингвокультурное пространство, региональная языковая ситуация

Key words: concept «language situation», scientific concept, linguistic poliparadigmatism, sociolinguistic paradigm, linguocultural paradigm, ethnolanguage situation, national and demografic indications of Irkutsk region population, linguocultural situation, linguocultural space, regional language situation

Главной особенностью современной лингвистики, по мнению многих ученых (Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, В.И. Постовалова, Н.Ф. Алефиренко и др.), является полипарадигматизм, состоящий в одновременном сосуществовании множества научных парадигм в понимании Т. Куна.

В ситуации полипарадигматизма неиз-

бежно возникает проблема взаимодействия внутри- и интерпарадигмальных отношений, а также вопрос об иерархии парадигм. Последний связывается с возможностью выделения «больших» и «малых» научных парадигм (Е.С. Кубрякова), макро- и микропарадигм (Н.Ф. Алефиренко).

Статус макро-, или суперпарадигмы в со-

временном языкознании, безусловно, имеет антропоцентрическая парадигма, наполняемая «концептуальными решетками» (термин А. Соломоника) микропарадигм интегрального характера (психолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, прагмалингвистики, коммуникативной лингвистики и др.), которые, в свою очередь, не существуют изолированно, а взаимодействуют и взаимопроникают, т.к. «наращивание гуманитарного знания в стадии полипарадигматизма обеспечивается анализом объекта сразу же по разным направлениям, в разных парадигмах знания» [Кубрякова 1994; С. 4]. Подобный интегративный (парадигмальный) подход, на наш взгляд, является актуальным и перспективным в исследовании феномена языковой ситуации (ЯС), т.к. без ее многостороннего и комплексного изучения трудно познать всю сложность реальной языковой жизни человеческих обществ, в особенности полиэтнических, в которых языки всегда взаимосвязаны в многомерные макросистемы. В соответствии с этим методологические основы изучения языковой ситуации должны отражать ее социокультурную обусловленность. В условиях развития современной лингвистики это возможно сделать используя «концептуальные решетки» социолингвистической и лингвокультурологической парадигм научных исследований.

Таким образом, концептуальное поле языковой ситуации можно представить в виде сопряженных друг с другом социолингвистической и лингвокультурологической парадигм ее исследования в рамках единой региональной лингвоэкологии. Целью настоящей статьи является представление концепта «языковая ситуация» на основе социолингвистической и лингвокультурологической парадигм исследования ЯС в полиэтническом регионе (Иркутской области).

Концепт «языковая ситуация» – один из ключевых в современной лингвистической концептосфере, наполняемый и структурируемый различными компонентами и комбинациями признаков, описывающих те или иные

аспекты культурно-языковой жизни общества. В зависимости от объекта (социальная группа, историко-культурная зона, страна и др.) и аспекта (социолингвистический, этнолингвистический, лингвокультурологический и т.д.) описание данного концепта может быть организовано по различным векторам, задающим определенное концептуальное поле исследования.

В качестве имени-репрезентанта анализируемого концепта мы выбрали термин «языковая ситуация» по причине его наибольшей распространенности и популярности среди ученых, занимающихся изучением проблем в рамках диады «язык – общество».

Поскольку научный концепт обладает большим квантом абстракции, чем понятие [Соломоник 1995], его имя приобретает статус «зонтичного» термина. В соответствии с этим границы термина «языковая ситуация» в рамках нашего исследования расширяются и включают в себя такие понятия, как этноязыковая ситуация, лингвокультурная ситуация, коммуникативная ситуация, социальная ситуация, этническая ситуация, лингвокультурное пространство и др. Каждое из них, в свою очередь, имеет свой объем и содержание, т.е. представляет научный концепт, входящий во фрейм макроконцепта «языковая ситуация». В данном случае фрейм понимается как совокупность единиц, организованных вокруг некоторого концепта. В противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом, и удерживаются вместе логической связью [Болдырев 2001; С. 55-65]. Отсюда следует, что концепт-фрейм «языковая ситуация» включает в себя «подчиненные» концепты – концепты-понятия. Их организационное единство представляет структуру «главного» концепта – макроконцепта.

По объективным причинам изучение ЯС является по преимуществу социально ориентированным и осуществляется, соответственно, в социолингвистической парадигме научных исследований, являющейся базовой в ин-

терпретации рассматриваемого концепта.

В современной социолингвистике выделены и обоснованы разные принципы описания языковой ситуации: функционально-языковой (В.А. Аврорин, А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский, Ю.Д. Дешериев); с учетом дифференциальных признаков (Н.Б. Мечковская, В.Ю. Михальченко); факторов этнолингвистического, социолингвистического и собственно лингвистического характера (А.И. Баскаков, Л.Л. Аюпова). Однако следует отметить, что таксономический инвентарь ЯС ещё не разработан. Несмотря на большое количество фундаментальных работ, посвящённых изучению проблематики ЯС, до сих пор многие вопросы, связанные с классификативным построением и описанием различных ситуаций, вызывают разногласия среди учёных. К спорным относятся проблемы описания структуры и стратификации ЯС; разработки комплексного подхода, обеспечивающего интерпретацию и моделирование ЯС, конституируемой совокупностью различных социокоммуникативных и этнических сред и т.д.

Как и любой научный концепт, анализируемый концепт имеет содержательное наполнение в виде различных определений. Их анализ позволяет выделить наиболее важные характеристики концепта «языковая ситуация»:

1) каждая ЯС имеет квантитативно-квалификативные признаки;

2) на формирование ЯС оказывают влияние социально-экономические, политико-административные, культурно-религиозные факторы;

3) составляющими ЯС могут быть любые языковые образования (идиомы): этнические языки, региональные койне, формы существования одного языка (функциональные стили и подстили, территориальные и социальные диалекты и т.д.);

4) компоненты ЯС изучаются не изолированно друг от друга, а в своей совокупности;

5) любая ЯС ориентирована на определенный локус функционирования и развития языков – социальную среду или региональное

пространство;

6) региональная языковая ситуация, с одной стороны, определяется сложностью и неповторимостью своей конфигурации, с другой – имеет общие универсальные черты с другими ЯС в пределах государства.

В социолингвистическую парадигму исследования ЯС традиционно входит изучение следующих ее параметров: национально-демографических признаков социальной базы языков, языковой компетенции этнических групп населения (уровень владения языком, би-мультингвизм, диглоссия), общественного и юридического статусов языков, их функций и функциональной дистрибуции, социально-региональной маркированности языковых единиц и т.д.

Одним из важных аспектов социолингвистической парадигмы исследования ЯС является характеристика этноязыковой ситуации – совокупности этносов и языков, образующих социально-политический, культурно-исторический и функциональный континуум в границах определённых географических регионов или административно-территориальных образований. Характеристика этноязыковой ситуации осуществляется прежде всего через раскрытие национально-демографических признаков. При этом в качестве компонентов этноязыковой ситуации выступают государственный язык в данном субъекте Федерации, языки коренных народов РФ, а также языки этнических групп (языки народов бывшего СССР, языки народов стран дальнего Зарубежья и др.) [Огдонова 2005; С. 12].

Иркутская область как регион представляет большой интерес своим этноязыковым многообразием. В этом отношении регион, в состав которого с 1 января 2008 г. входит Усть-Ордынский Бурятский округ, не уступает государству в целом. По итогам переписи 2002 г. в области проживают представители более 140 национальностей. В регионе численно доминируют (превышают шеститысячный барьер) представители следующих национальностей: русские (89,9 %), буряты (3,1 %), украинцы (2,1

%), татары (1,2 %), белорусы (0,5 %), чувашы (0,3%), армяне (0,3 %), азербайджанцы (0,2 %), немцы (0,2 %) [Национальный состав населения 2002; С. 4-6]. При этом демографическая мощность русского языка (процент говорящих на данном языке относительно всего населения региона) составляет 103,4 %. В Усть-Ордынском Бурятском округе этнодемографическая мощность русского языка (численность этноса) составляет 56,5 %, а демографическая – 91,3 %. Автохтонные этносы Сибири представлены тремя этногруппами: бурятами, тофаларами и эвенками. Буряты проживают в Усть-Ордынском Бурятском округе, Ольхонском районе и с. Одинск Ангарского района. Эвенки (1431 чел.) живут в Качугском и Катангском районах. Тофалары, численность которых составляет 723 чел., проживают в центральной части восточных Саян в Нижнеудинском районе. Этнодемографическая и демографическая мощности тофаларского и эвенкийского языков катастрофически минимальны. По данным последней переписи, на территории Предбайкалья языком своего народа владеют менее четверти (23, 8 %) эвенков и только 15, 8 % тофаларов [Коренные малочисленные народы Севера 2007; С. 9].

Важное значение для этноязыковой ситуации имеют миграции. Иркутская область, как и многие другие регионы Российской Федерации, является зоной «миграционного нажима». В основном, это миграционные потоки из Средней Азии, Кавказа и Китая. Перепись выявила, что по сравнению с 1989 г. к 2002 г. число таджиков выросло в три раза, как и китайцев, число армян – в 2,4 раза. Киргизская диаспора увеличилась на 52,1 %, корейская – на 35,7 %, азербайджанская – на 29,2 %. В последние годы в структуре мигрантов относительно много выходцев из Узбекистана и Казахстана. Доля мигрантов из стран Закавказья, увеличившаяся в 1990-е гг., в последнее время сократилась [Миграция населения 2008, С. 23-26]. Как правило, языки данных этнических групп не подвержены языковой ассимиляции. Однако они включены в процесс региональной

межкультурной коммуникации (например, в ситуации рынка).

Таким образом, Иркутская область – это многонациональный и мультикультурный регион, для этноязыковой ситуации которого характерны полиязычие, однополюсность с доминированием русского языка по уровню этнодемографической и демографической мощности, трёхкомпонентность – наличие трёх функциональных типов языков (общефедерального русского языка, региональных языков титульных народов РФ, локальных языков этнических групп и миноритарных народностей), языковая ассимиляция миноритарных этносов и национально-русское двуязычие [Огдонова 2005, С. 30].

Многие предметы исследования социолингвистической парадигмы непосредственно связаны с проблемами языка и культуры. Исследовательские акценты в данном случае переносятся в концептуальную «плоскость» лингвокультурологии.

Лингвокультурологическая парадигма изучения языковой ситуации предполагает исследование «процессов деятельности и существования человека (человеческих коллективов) и создаваемой им культуры во взаимодействии с окружающей средой в рамках компактного географического пространства, «региона» [Основания регионалистики 1999, С. 8], т.е. регионального лингвокультурного пространства. Последнее, в свою очередь, организовано как совокупность, множество этнолингвокультур, обладающих региональной спецификой. Их анализ и интерпретация основываются на детерминационном единстве «человек – язык – ареал культуры».

В Предбайкалье, как указывалось выше, сложилась весьма непростая и своеобразная национальная ситуация. С одной стороны, регион мононационален (около 90 % населения составляют русские), с другой, – это традиционно переселенческий край (сюда приезжали и оседали представители самых различных национальностей и культур – украинцы, белорусы, татары, немцы, поляки, литовцы, чувашы,

мордва и др.). Кроме того, это регион длительного и повседневного контакта переселенческого населения с автохтонными этносами. Безусловно, такая мозаичность национальной представленности ЯС коррелирует с разнообразием национально-языковых картин мира, с широким спектром их особенностей. В связи с этим национальная ситуация обуславливает лингвокультурную ситуацию – исторически обусловленную совокупность языков и языковых образований в их территориальном и социокультурном взаимодействии в пределах определенного региона. По мнению В. М. Шаклеина, лингвокультурная ситуация характеризуется динамичностью и волнообразным характером взаимодействия языков и культур [Шаклеин 1997, С. 15-19].

Интерпретация языковой ситуации в лингвокультурологическом аспекте позволяет иначе взглянуть на её компонентный состав. Если в социолингвистическом аспекте компонентами языковой ситуации являются язык большинства населения, языки миноритарных этносов, а также языки, демографическая мощность которых составляет минимум 3 % (по типологии М.А. Горячевой), то лингвокультурную ситуацию полиэтнического региона представляют языковые образования как национально-языковые картины мира. Так, в качестве компонентов лингвокультурной ситуации и лингвокультурного пространства Предбайкалья выступают:

а) региональный ономастический континуум (язык города, региональные топонимические и антропонимические системы);

б) уникальный вариант языковой культу-

ры русского старожильского населения, сформированный в результате взаимодействия с языками коренного населения региона;

в) языковые культуры коренных этносов (бурятского, эвенкийского, тофаларского и др.) региона;

г) другие этнические языки: языки коренных народов Российской Федерации (татарский, чувашский, мордва и др.), языки стран Ближнего зарубежья (украинский, белорусский, армянский, азербайджанский и др.), языки стран Дальнего зарубежья (польский, немецкий, китайский, корейский и др.).

Интерпретация концепта «языковая ситуация» в лингвокультурологическом аспекте опирается на основные понятия-концепты: «лингвокультурная ситуация», «лингвокультурное пространство», «национальная картина мира», «этнолингвокультура». Эти концепты, как и социолингвистические, организуются в составе концепта-фрейма «языковая ситуация».

Таким образом, концептуальное поле языковой ситуации может строиться на основе социолингвистической и лингвокультурологической парадигм исследования. При этом социолингвистическая парадигма является базовой в интерпретации концепта «языковая ситуация» применительно к тому или иному географическому региону или административно-территориальному образованию.

Предметы исследования данных парадигм находятся в отношениях функциональной дополнительности друг с другом, определяя объем макроконцепта «языковая ситуация» и индивидуальный облик региональной языковой ситуации.

Литература

1. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии [Текст] / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. – 123 с.

2. Горячева, М.А. Типология языковых ситуаций: Российская Федерация: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.А. Горячева. – М., 2003. – 26 с.

3. Коренные малочисленные народы Севера.

Социально-демографическая характеристика [Текст]. – Иркутск: Иркутскстат, 2007. – 16 с.

4. Кубрякова, Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и её современный статус [Текст] / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. СЛЯ. Т. 53. – № 2. – 1994. – С. 3-15.

5. Миграция населения. Статистический бюллетень. – Иркутск: Иркутскстат, 2008. – 99 с.

6. Национальный состав населения по Ир-

кутской области, включая Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (по итогам переписи населения 2002 г.). Статистический сборник. – Иркутск: Иркутскстат, 2004. – 187 с.

7. Огдонова, Ц.Ц. Современная языковая ситуация в Сибирском федеральном округе [Текст] / Ц.Ц. Огдонова // Состояние и функционирование русского языка в Сибирском федеральном округе: языковая ситуация и проблемы филологического образования. – Иркутск: Репроцентр А1, 2005. – С. 10-30.

8. Основания регионалистики: Формирова-

ние и эволюция историко-культурных зон Европейской России / Под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 392 с.

9. Соломоник, А. Семиотика и лингвистика [Текст] / А. Соломоник. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 346 с.

10. Шаклеин, В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста [Текст] / В.М. Шаклеин. – М.: Общество любителей российской словесности, 1997. – 184 с.

Коротко об авторе

Огдонова Ц.Ц., канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, методики и общего языкознания, Иркутский государственный педагогический университет (ИрГПУ) irk-tsyrena@mail.ru

Научные интересы: социолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика, лингвоэкология, проблемы языковой ситуации

Briefly about author

Ogdonova T., Ph.D. (Philology), Assistant Professor, Assistant Professor, Department of the Russian language, Methodics and General linguistics, Irkutsk State Teachers' Training University

Scientific interests: sociolinguistics, linguoculturology, ethno-linguistics, linguoecology, problems of language situation

УДК 811.161.1'373.21

Соколова Елена Николаевна
Sokolova Elena

**ДРЕВНЕРУССКАЯ ТОПОНИМИЧЕСКАЯ
ЛЕКСИКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

**OLD RUSSIAN TOPONYMIC VOCABULARY AS AN
OBJECT OF LINGUISTIC RESEARCH**

Статья посвящена актуальному в современной лингвистической науке вопросу изучения топонимического пространства древнерусских памятников письменности Киевской эпохи. На материале исследуемых текстов церковного и светского содержания рассматриваются основные тематические группы древнерусских топонимов

This article is devoted to the topical question in modern linguistics of Kievan Russia literary monuments – research of place-names. On basis of church and secular texts the basic subject groups of Old Russian place-names are considered

Ключевые слова: *топонимы, древнерусская топонимическая система, тематические группы топонимов, интерпретация древнерусских топонимов, письменные тексты Киевской эпохи*

Key words: *place-names, Old Russian toponymical system, subject groups of place-names, interpretation of Old Russian place-names, literary monuments of Kievan period*

История становления русской топонимической лексики является одной из центральных проблем современной лингвистической науки за счет возросшего интереса к истокам национального самосознания и наличия целого ряда нерешенных вопросов теоретического, методологического и прикладного характера. Отмечается пристальное внимание исследователей к этимологическим интерпретациям географических названий, способам реконструкции картины древних славянских миграций населения и локализации этнических групп, ментальной сущности этноса, поискам его культурных символов, а также выявлению языковых универсалий. До настоящего времени наиболее сложной и многоплановой проблемой является воссоздание единства древ-

нерусской антропонимической, топонимической и этнонимической систем, обнаружение непосредственных связей между собственным именем и ментальными ориентирами.

Применительно к старшей эпохе можно говорить об исторически сложившейся топонимической системе, неоднородной и объединяющей материал нескольких языков (топонимический субстратный слой).

Система географических названий, зафиксированных в письменных текстах эпохи Киевского государства и составляющих их топонимическое пространство – это уникальный по своему составу и характеристикам пласт лексики, связанный с лингвокультурным созданием языкового коллектива.

В статье рассматриваются названия гео-

графических объектов, зафиксированные в следующих памятниках письменности старшего периода: «Житие» Александра Невского, «Поучение» Владимира Мономаха, «Хождение» игумена Даниила, «Моление» Даниила Заточника, «Слово» Моисея Выдубицкого, «Слово о полку Игореве», «Житие» Феодосия Печерского, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Житие» Авраамия Смоленского, «Слово и Меркурии Смоленском», «Слово о гибели Русской земли».

В рамках исторической топонимики весьма важным остается вопрос о характере мотивировки географических имен. В качестве конкретных наименований могут выступать как нарицательные, так и собственные имена. При этом круг слов, используемых в качестве географических названий, связан с определенными тематическими группами лексики.

К географическим терминам, являющимся видовыми или родовыми обозначениями географических объектов, относятся кладязь, озеро, море, река, пристанище, верхъ, потокъ, островъ, градъ, градище, градокъ, земля, село, область, страна, гора, ровъ, дбрь, пещера, лесъ, пустыня, поморие, церковь, монастырь, лавра, метохия, врата, столпъ, место, дворъ, гумно, купель и ряд других.

При определенных условиях имеет место превращение нарицательных географических терминов в названия-топонимы: город Городецъ (ЖАН), Прилукъ городъ (ПВМ) (название от народного географического термина *прилук* «край излучины, реки, обрыва»), город Псковъ (ЖАН) (в качестве исходной признается форма Плесков, в основе которой др.-русс. *плесь* «колени реки от одной луки до другой»), село Скудельниче (ХИД) (было местом погребения паломников в течение многих веков) и др.

Группа географических названий, возникших на основе природно-ландшафтной лексики, отражает размеры и конфигурацию природных объектов, особенности гидрологии и рельефа, флоры и фауны: Лаче озеро (МДЗ) (название из карел. *лаччу* «низкий, низменный, мелкий, неглубокий, отлогий»), что весьма точ-

но характеризует озеро: оно мелководно, его низменные берега почти со всех сторон окаймлены болотами), Узкое море (ХИД) (древнерусское название Мраморного моря объясняется сходством по форме), река Ижжера (ЖАН) (из фин. *Inkeri* «извилистая»), река Хороль (ПВМ) (ср. др.-сербск. *хръль* «быстрый»), город Берестье (ПВМ), город Броды (ПВМ) (на границе Руси с Польшей в Волынской земле), город Выдубичи (СМВ), город Лубьны (ПВМ) (название по форме краткого прилагательного от др.-русс. *луб* «луб, кора, лыко»), город Стародубъ (ПВМ) и ряд других.

Значительную группу в исследуемых источниках составляют названия, имеющие в качестве мотивировочной основы личное имя человека, связанное с именуемым объектом по рождению, роду занятий, отношениям принадлежности и под. (в числе которых множество микротопонимов): Авраамовъ кладязь (ХИД), Давыдовъ кладязь (ХИД), Иаковль кладязь (ХИД), ручей Канинь (СПИ) (в этом названии *канин* – притяжательное прилагательное от русск. прозвищного имени *Каня* (птица *каня*, *канюк* «сарыч»), город Васильевъ (ЖФП) (расположен юго-западнее Киева, на реке Стугне), город Володимерь (ПВМ) (Владимир Волынский), Володимерь, Володимерь градъ (ЖАН), Володимерь градъ (ЖФП), Константинъ градъ (СЗБ) (Иерусалим), город Гюргевъ (ПВМ), Юрьевъ градъ (ЖАН) (на реке Роси, 1095 г.), город Киевъ, Кыевь (СПИ, ПВМ, СЗБ), Кыевь городъ (ЖФП), (ойконим *Киев* образован из слав. антропонима *Кий*), Костянтинъ градъ (ЖФП) (Константинополь), город Микулинь (ПВМ) (расположен в Галицкой области на реке Серете), город Путивль (СПИ) (название в форме притяжательного прилагательного на –*ль*- от гипотетического др.-русс. личного имени *Путив* или *Путим*), город Ростовъ (ПВМ), Ростовъ городъ (ЖФП) (традиционно название связывают со слав. личным именем *Рост* (ср. *Ростислав*), город Переяславль (ПВМ) (Переяславль Южный был местом княжения отца Владимира Мономаха – Всеволода), город Переяславль (ЖФП), град Переяславль (СПИ)

(название образовано с помощью суффикса –ію- от имени собственного *Переяславъ*), город Святославль (ПВМ) (местоположение Святославля неясно), Туровъ (ПВМ) (Согласно Повести временных лет (под 980 г.), основан неким человеком по имени *Турь*), город Черниговъ, Щерниговъ (ПВМ), Черниговъ, Чръниговъ (СПИ) (название происходит от собственного имени *Чьрнигъ*, производного от *чьрнь* «черный»), Зеведева село (ХИД), Исавово село (ХИД), Савы святого село (ХИД), Александра земля (ЖАН), Володимирская оболость (ЖФП), Завулونا и Неффалима земля (ХИД) (Завулон и Неффалим – библ. персонажи, двое из 12 детей Иакова-Израиля, чьими именами названы колена Израилевы, каждое из которых получило определенную землю для обитания; эти земли расположены к западу от Галилейского моря), Иосифовъ ровъ (ХИД), Давыдова пещера (ХИД), Илии пророка пещера (ХИД), Иоанна Крестителя пещера (ХИД), Мелхиседекова пещера, Мельхиседекова пещера (ХИД) (название образовано от имени Мелхиседека, царя Салима и «священника бога всевышнего»), Асафатова дбрь (ХИД) (имеется в виду Иосафатова долина, где протекает Кедронский поток, отделяющий Иерусалим от расположенной с востока от него Елеонской горы), Гавриила архангела церковь (ХИД), Герасимовъ монастырь (ХИД), Димитрия святого монастырь (ЖФП) (Дмитриевский монастырь (Дм. Солунского), построенный киевским князем Изяславом Ярославичем, находился в Киеве, вероятно, на Михайловской горе, недалеко от Киево-Печерского монастыря), Евфимья святого монастырь, Еуфимьевъ монастырь (ХИД) (монастырь, выросший вокруг пещеры аскета Евфимия Великого (376-477 гг.), прославившегося своей строгой жизнью), Иоанна Златоустаго монастырь (ХИД), Иоанна Предтечи святого монастырь, Иоанна святого монастырь, Иоанновъ монастырь (ХИД), Иоанна Предтечи церковь (ХИД), Иосифа святого церковь (ХИД), Марии святыя богородици церковь (СЗБ) (речь идет о Киевской соборной церкви Богородицы, построенной св.

Владимиром вскоре после крещения киевлян, в которой он был похоронен в 1015 г.), Мины святого монастырь (ЖФП), Михаила архангела церковь (ЖАС) (церковь Михаила-архангела или Свирская (1191-1194 гг.) – являлась княжеским придворным храмом в Смоленске), Николы святого монастырь (ЖФП), Савы святого лавра (ХИД), Савы святого метохия (ХИД) (подворье монастыря св. Саввы, расположенного к юго-востоку от Иерусалима), Софии святая церковь (ЖАН), София святая (СПИ) (имеется в виду Софийский собор в Полоцке), Стефана Первомученика церковь (ХИД), Стефана церковь (ЖФП) (согласно библ. преданию, Стефан – дьякон, который был первым казнен за проповедь христианства во времена римского императора Гая Юлия Цезаря Калигулы), Феодосиевъ монастырь (ХИД), Феодосия монастырь (ЖФП), Феоктиста святого монастырь (ХИД) (монастырь, основанный в V в. монахом Феоктистом, другом и последователем Евфимия Великого), Харитона святого монастырь (ХИД) (получил свое название от имени Харитона Исповедника (V в.), палестинского монаха), Веняминовы врата (ХИД) (имеются в виду западные ворота Иерусалима), Давыдовъ столпъ (ХИД) (башня, примыкающая к дому или замку царя Давида, цитадель Иерусалима), Диоскоридова баня (ХИД) (принадлежала городскому старейшине Диоскориду), Иоанна Крестителя Христова темница (ХИД), Иудовы тыщи (ХИД) (административное деление, восходящее, согласно Книге Чисел, ко временам завоевания израильтянами Святой земли), Петровское сто (СМС) (Смоленск по корпорациям жителей делился на «концы» и «сотни». «Петровское сто» находилось на правом берегу Днепра в заречной низменной части) и др.

В исследуемых источниках фиксируется ряд географических объектов, отражающих цветовую характеристику в топонимической номинации: Бело озеро (МДЗ) (название озера в пределах современной Вологодской области связывают с белым цветом грунта дна), Синее море (СПРЗ) (в древнерусских памятниках письменности Каспийское море упоминается

под различными названиями, в том числе Синее море (заимствовано у тюрко-монголов, пользовавшихся цветовой ориентировкой), Черное море (МДЗ) (современное Красное море, расположенное между Африкой и Аравийским полуостровом. Из многочисленных объяснений гидронима наиболее правдоподобно связывающее его с цветовой ориентировкой народов Востока, согласно которой южная сторона обозначалась красным цветом (цслав. *черный* – «красный»), город Белая Вежа (ПВМ) (очевидно, имеется в виду г. Белая Вежа на р. Остре), Бель-градъ (СПИ) (назван так, вероятно, по цвету стен или строений), Красные врата (ХИД), Красный дворъ (ПВМ) (т.е. загородные княжеские дворы, неоднократно упоминаемые в летописи) и др.

Группа этнонимных топонимов представлена следующими: Варяжское море (ЖАН) (современное Балтийское море именуется Варяжским в соответствии с этнонимом *варяги*), Чюдское озеро (ЖАН) (от названия фин. племен – *чудь*), город Муромъ (ПВМ) (от названия финн.-уг. народа *мурома*), Смоленскъ градъ (СМС), Смоленскъ градъ, Смоленскъ градъ (ЖАС), Смолинскъ, Смоленскъ, Смолнескъ (ПВМ) (из слав. этнонима *смоляне/смолене*), Гречская земля (СЗБ), Немецкая земля (ЖАН), Половецкая земля (СПИ), Половецкая земля (ПВМ), Руская земля, Руськая земля (СПРЗ, СПИ), Руськая (ЖАС), Руська (СЗБ), Русьская земля (ХИД, СМС, ПВМ), Хананейская земля (ХИД), Хананейское царство (ХИД), Угорские горы (СПИ), Половецкое поле (СПИ), Чешский лесъ (ПВМ) (Расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы, Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор) и др.

Следует отметить наличие в источниках культовых топонимов, связанных с христианским вероучением и богослужением: Богородици святыя кладязь (ХИД), Богородица Пирогощая (СПИ) (церковь Богородицы Пирогощей находилась в Киеве), Богородици святыя цер-

ковь (ХИД), Богородици святыя церковь (ЖФП), Богородици монастырь (ЖАС) (имеется в виду Богородицкий монастырь на месте нынешнего села Богородицкое к юго-востоку от Смоленска), Богородици святыя монастырь (ХИД), Богородици соборная церковь (СМС) (речь идет об Успенском соборе, заложенном в 1101 г. Вл. Мономахом, в котором находилась икона Богородицы Одигитрии, Въскресения святого церковь, Въскресения церковь, Въскресения Христова церковь (ХИД), Въскресения Господня церковь (ХИД), Премудрости домъ божи (СЗБ) (здесь упоминается Киевский собор св. Софии, который был заложен Ярославом Мудрым в 1037 г.), Преображения святого церковь (ХИД), Преображения церковь (ХИД), Рождество святыя богородици (ЖАН) (Подразумевается монастырь Рождества Богородицы во Владимире, где был похоронен Александр Невский. До сер. XVI в. Рождественский монастырь считался первым монастырем Руси, «Архимандритьей великой»), Святая Святыхъ церковь (ХИД) (здесь упоминается мечеть, построенная халифом Омаром I (634-644) на месте древнего иерусалимского храма и обращенная крестоносцами в церковь), Честнаго Креста монастырь (ЖАС) (Крестовоздвиженский монастырь, около которого позднее была построена церковь Гурия, Самона и Авива), Апостольские врата (ХИД), Пупъ земли, Пупъ земный (ХИД) (место за алтарем храма Воскресения господня, – середина. Основанием для такого названия служат слова 73-го псалма: «спасение посреди земли», и фраза библ. книги Иезекииля: «Это – Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него – земли»), Боголюбиво (ЖАН) (бывшая резиденция Андрея Боголюбского, недалеко от Владимира), город Боголюбиво (МДЗ) (во Владимиро-Суздальской земле, совр. с. Боголюбово) и под.

В системе топонимов старшего периода русской письменности фиксируются знаковые компоненты «великий», «малый»: Великое море (ХИД) (Совр. Средиземное море. В русской традиции именованная *великое* («большое»)

подчеркивает его размеры), Донець Малый (СПИ) (Судя по многочисленным исследованиям, в Древней Руси Северский Донец именовался Доном, а Донцом или Малым Донцом, возможно, называли реку Уды. Несмотря на общность основных географических ориентиров, у древнерусских авторов могли быть различные системы географических представлений.), Донъ Великий (СПИ) (имеется в виду среднее течение р. Донец), Антиохия Великая (ХИД), Антиохия Малая (ХИД), Ираклия Великая (ХИД) (Гераклея или Ираклия во Фракии).

Единичны в исследуемых текстах примеры метафоризации топонимов: Дышючее море (СПРЗ) (Дышащее море – это Белое море и Северный Ледовитый океан. Названы «дыша-

щими» из-за больших приливов и отливов), Сновь, Сновская река (ХИД) (река в Черниговской области (название от глагола «снова-вать»), берущая начало в окрестностях г. Стародуба и впадающая в Десну).

Древнерусские памятники письменности XI-XIII вв. фиксируют значительное число топонимических единиц, хранящих в себе ценную информацию о жизни различных народов, отражающих степень охвата территорий, известных русским и значимых для их языкового сознания. В связи с этим можно говорить об определенных культурно-языковых намерениях авторов в употреблении топонимов, служащих не только пространственным ориентиром, но и знаковыми именованиями мировосприятия.

Литература

1. ЖАН – Житие Александра Невского. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1981. – С. 66-105.

2. ЖАС – Житие Авраамия Смоленского. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1981. – С. 66-105.

3. ЖФП – Житие Феодосия Печерского. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: XI-XII в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1978. – С. 304-391.

4. МДЗ – Моление Даниила Заточника. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XII в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 389-400.

5. ПВМ – Поучение Владимира Мономаха. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: XI-XII в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1978. – С. 392-413.

6. Поспелов, Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь / Е.М. Поспелов – М.: Русские словари: Астрель: Аст, 2002. – 512 с.

7. СЗБ – Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона. Древнерусский текст. Первая редакция «Слова». (Список С-591) // Молдован

А.М. Слово о законе и благодати Илариона. – Киев, 1984. – С. 78-100.

8. СМВ – Слово Моисея Выдубицкого. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XII в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 409-412.

9. СМС – Слово о Меркурии Смоленском. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1981. – С. 66-105.

10. СПИ – Слово о полку Игореве. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XII в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 373-388.

11. СПРЗ – Слово о погибели Русской земли. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1981. – С. 66-105.

12. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / М. Фасмер; Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – СПб.: Азбука, Издательский центр «Терра», 1996. – Т. 1-4.

13. ХИД – Хождение игумена Даниила. Древнерусский текст // Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы XII в. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М.: Худ. лит., 1980. – С. 25-116.

Коротко об авторе

Соколова Е.Н., канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания, Тюменский государственный университет (ТюмГУ)
voronenko1971@mail.ru

Научные интересы: история русского литературного языка, историческая ономастика и лексикология

Briefly about author

Sokolova E., Ph. D. (Philology), Assistant Professor of General Linguistics Department, Tyumen State University

Scientific interests: the history of the Russian literary language, historical onomastics and lexicology

---

УДК 811.111

Ушникова Ольга Валентиновна
Ushnikova Olga

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ В
ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

**LEXICAL SEMANTIC TABLES IN THE PROCESS
OF FOREIGN LANGUAGES ACQUISITION**

Рассматриваются особенности применения лексико-семантических таблиц (ЛСТ) при обучении английскому языку студентов неязыкового вуза. Обосновывается целесообразность применения ЛСТ в процессе преподавания иностранного языка, так как ЛСТ имеют четкую контекстную направленность и дают возможность планировать и структурировать ответ, предлагают идеи для высказывания по теме и обеспечивают студентам контроль над лексическим материалом. В статье также описывается методика составления ЛСТ и работы с ними

The article deals with the lexical semantic tables (LST) which facilitate teaching foreign languages to higher school students. The article focuses on the usage of LST in foreign languages teaching as they allow planning, structuring and controlling a student's answer, thanks to their contextualizing specifics. The article also describes the LST compiling method and the methodology of working with the tables

Ключевые слова: лексико-семантические таблицы, обучение английскому языку, группы лексики, семантические связи, когнитивные процессы, коллокационные признаки

Key words: lexical semantic tables, teaching English language, lexical groups, semantic links, cognitive mental work, collocational attributes

Проблема использования лексико-семантических таблиц (ЛСТ) в обучении иностранному языку в целом и формировании лексического навыка, в частности, является весьма актуальной. Это объясняется рядом причин:

- во-первых, ЛСТ позволяют решить проблему оптимизации качества подготовки студентов, изучающих иностранный язык в неязыковом вузе;
- во-вторых, их использование опирается на последние достижения психологии, когнитивной лингвистики и методики;
- в-третьих, ЛСТ не только предполагают свободу преподавателя и студента в выбо-

ре средств обучения, в наибольшей степени соответствующих конкретным условиям, но и позволяют решить проблему отбора учебного материала, соответствующего поставленным целям;

– в-четвертых, ЛСТ предполагают целеустремленную деятельность преподавателя, направленную на совершенствование содержания, приемов, способов и средств обучения с целью повышения речевой активности и самостоятельности студентов в их учебно-речевой деятельности;

– в-пятых, ЛСТ позволяют синтезировать два принципа работы с лексическим материалом: тематический и семантико-полевой, что

дает возможность студентам сформировать разнообразные связи между различными лексическими единицами: знаковые, семантические, сигнификативные, ситуационные и фоновые (Сомова 113).

Целью данной статьи является описание методики составления и работы с ЛСТ со студентами, изучающими иностранный язык в неязыковом вузе.

Впервые о лексико-семантических таблицах начали говорить в конце 80-х гг. (Говоря об истории возникновения ЛСТ прежде всего необходимо обратиться к трудам Е.И. Пассова (1977) и В.С. Коростылева (1986)). На наш взгляд, данная тема не получила достаточно широкого резонанса. ЛСТ употребляются, в основном, в практике преподавания иностранного языка в школе, но, как показывает наш опыт обучения, их можно успешно использовать и в работе со студентами неязыковых факультетов вузов.

Применение ЛСТ имеет ряд значительных преимуществ. Прежде всего, оно дает возможность преподавателю реализовывать принципы *лично-ориентированного подхода* при обучении. Для начала реализуется стратегия *обязательное-факультативное*, так как в каждой таблице лексические единицы (ЛЕ) представлены на двух уровнях: обязательная для изучения лексики и факультативная, имеющая повышенную степень сложности. Изучая ЛСТ, студенты могут не только устанавливать собственный оптимальный темп изучения в зависимости от индивидуальных психологических особенностей, но и выбирать те ЛЕ, которые им нужны.

Кроме того, часто на занятиях по иностранному языку преподаватели сталкиваются со следующей проблемой: студенты, имеющие определенные грамматические и лексические навыки, не могут составить высказывания или, в лучшем случае, ограничивают свой ответ простыми нераспространенными предложениями. Это говорит об отсутствии четкого представления о предмете высказывания. Удачным, на

наш взгляд, решением данной проблемы и является использование лексико-семантических таблиц, имеющих четкую контекстную направленность. ЛСТ дают возможность студентам планировать и структурировать ответ, предлагают идеи для высказывания и обеспечивают контроль лексического материала по теме.

Механизм действия ЛСТ можно объяснить следующим образом. Как известно, вся лексика входит в группы, которые объединены на основе системных, в основном, семантических связей: синонимические и антонимические ряды, лексико-семантические и тематические группы; семантические, ассоциативные и функциональные поля. Внутренний ментальный лексикон любого человека является системой взаимосвязанных элементов, объединенных на основе лингвистических и экстралингвистических связей (Сомова 112). Использование ЛСТ опирается на данную особенность человеческой когниции и, следовательно, оправдано с психолингвистической точки зрения.

ЛСТ обычно организованы по следующему принципу: в центре находится ключевое понятие, а все лексические единицы сгруппированы вокруг него по нескольким темам, раскрывающим ключевое понятие. Однако при создании ЛСТ необходимо учитывать следующие два принципа. Прежде всего, ЛСТ должны строиться по коллокационному признаку (*collocation* – сочетание слов, словосочетание). Таким образом, при создании ЛСТ учитываются психолингвистические особенности изучения иностранного языка. Эти особенности проявляются в том, что у каждого слова есть своя лексико-фразеологическая сочетаемость, или валентность. Считается, что она национальна, а не универсальна, так как валентность присуща только данному конкретному слову в данном конкретном языке (Тер-Минасова 61). ЛСТ учитывают эту специфику и позволяют студентам, изучающим иностранный язык, заучивать не только значение слова, но и использовать это слово в естественных, устойчивых сочетаниях, присущих языку.

Говоря иначе, если два слова часто встречаются вместе, то они находятся в коллокационных отношениях. Эти отношения могут строиться как на грамматической, так и на лексической основе. Незнание сочетаемости слов ведет к многочисленным ошибкам в процессе коммуникации. Учет коллокационности слов позволяет избежать такого рода ошибки (Thornbury 34, Scrivener 245; Gower, Philips and Walters 144). Слова в ЛСТ должны быть сгруппированы по семантическому, ситуационному и коллокационному признакам, что соответствует когнитивным процессам группировки понятий в человеческом сознании, а значит, способствует наилучшему их усвоению в ходе восприятия, тренировки и применения. Кроме этого, студенты должны сразу же получать четкое представление о том, к какой части речи принадлежит изучаемое слово, так как осознание и идентификация части речи вызывает, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, большие проблемы у учащихся (см., например, Scrivener 240-241, Gower, Philips and Walters *ibid*).

Представляется, что главное преимущество ЛСТ состоит в том, что они могут использоваться на всех этапах занятия, начиная с создания атмосферы иноязычного общения, фонетической и/или речевой тренировки, презентации лексических единиц и грамматических явлений на их основе и заканчивая автоматизацией грамматических явлений и лексических единиц. В ходе работы над ЛСТ предлагаются задания открытого типа и вопросно-ответные упражнения, предполагающие совместную работу студентов. ЛСТ дают возможность импровизации как преподавателю, так и студентам при создании микротекстов, комбинировании и трансформировании материала текстов, позволяют управлять построением связанного монологического высказывания на своей основе. Используя ЛСТ, возмож-

но организовать диалогические и групповые формы общения. И, наконец, на основе ЛСТ легко составлять диктанты и диктанты-переводы для контроля усвоения материала.

ЛСТ обеспечивают следующие параметры говорения: мотив (потребность или необходимость высказаться); предмет мысли; средства (языковой и речевой материал); условия (речевые ситуации); механизмы (осмысление, комбинирование) и наличие опор (Колесникова 106). ЛСТ позволяют осуществлять подход к обучению говорению «снизу вверх» (*bottom-up processing*), предполагающий на первом этапе овладение отдельными речевыми действиями и затем их последующее комбинирование (*ibid.*). В ЛСТ включаются языковые средства, которые являются взаимозаменяемыми и могут быть использованы для парафразы в процессе обучения.

Рассмотрим дидактические возможности таблиц на примере ЛСТ по темам «My Day» и «Hotel», представленным в конце статьи. Работа по таблицам начинается с фонетической презентации ЛЕ и их семантизации. Для семантизации лексики лучше всего использовать прием наглядности (картинки, карты, видеозаписи). Кроме того, при семантизации лексики могут пригодиться жесты и мимика, демонстрация действий, ассоциации, синонимы и антонимы, а также примеры употребления слов в речи, то есть контекст. Определение слова и лексический контекст также могут помочь понять значение слов, не прибегая к переводу.

Работу по ЛСТ рекомендуется проводить после автоматизации необходимых грамматических явлений. Так как таблица позволяет обобщить и систематизировать грамматические конструкции, необходимо использовать упражнения на осознание языковой формы высказывания (языковые аналитические упражнения), способствующие более полному и глубокому пониманию языковых явлений и осмысленному

их усвоению, например, идентификация, выбор, сортировка, сравнение, соотнесение (Колесникова 184-185).

ЛСТ «Мой день», например, позволяет организовать высказывания студентов не только по традиционной схеме, включающей описание их дня, но и отработать и довести до автоматизма многочисленные грамматические структуры: вопросительные предложения *What time do you ...?, Where ...? When ...?*; обороты *to be going to ..., used to ..., but now ...*; времена *Present Simple, Present Progressive*, а также наречия частотности (*always, sometimes, usually, often, rarely, seldom and others*). Не секрет, что языковая компетенция многих студентов достаточно ограничена. ЛСТ позволяют свободное комбинирование разных подтем, за счет чего студенты имеют возможность подготовить микромонологи, которые могут стать завершающим этапом работы.

ЛСТ «Отель» отличается многообразием и относительной сложностью в плане представленной лексики. На ее основе можно организовать со студентами, помимо перечисленных видов работы, самостоятельную подготовку и презентацию разных проектов. Здесь необходимо отметить, что проекты являются одним из способов интенсификации учебной деятельности учащихся, повышающих мотивацию и развивающих творчество (Есина 258). Проведя на основе ЛСТ «Отель» подготовительную работу по усвоению необходимого лексического материала, студентам можно предложить, например, проект «Лучшее – гостям нашего города» или «Мое представление о гостиничном бизнесе».

Все таблицы предполагают работу не только на основе устной речи, но и открывают широкий простор для письменной репродуктивной и продуктивной (как учебной, так и коммуникативной) деятельности. На основе таблиц можно составлять диктанты для про-

верки орфографии, выполнять упражнения на перевод и делать другие виды работы. Возможно создание студентами собственной газеты, в которую они могут поместить новости, рассказы, практические советы, интервью, зарисовки, письма читателей. При оформлении газеты студенты имеют широкие возможности для творческой самореализации.

И, наконец, ЛСТ позволяют осуществлять целенаправленный и систематический контроль знаний: текущий, промежуточный, тематический, итоговый. Его можно проводить в форме фронтального или индивидуального опроса, собеседования, наблюдения, тестирования, оценочного суждения, устной или письменной контрольной работы. Возможно использование следующих приемов контроля (см. Колесникова 185-203):

- методика восстановления (дополнения), при которой студентам предлагается текст с пропущенной лексикой; в качестве варианта здесь возможно использование так называемого *Cu-теста* (в тексте пропускается не целое слово, а вторая часть каждого второго слова);

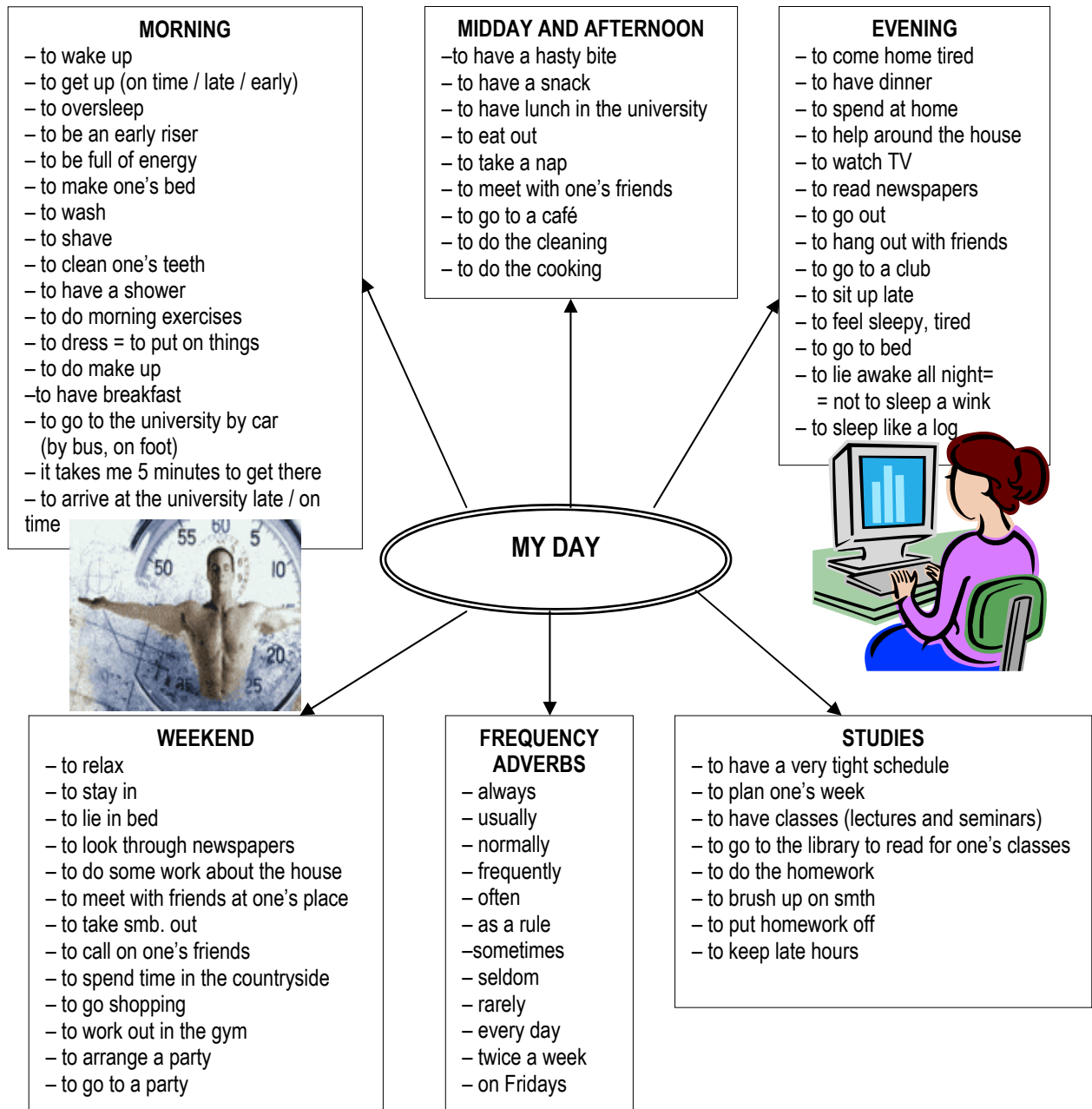
- тест множественного выбора;

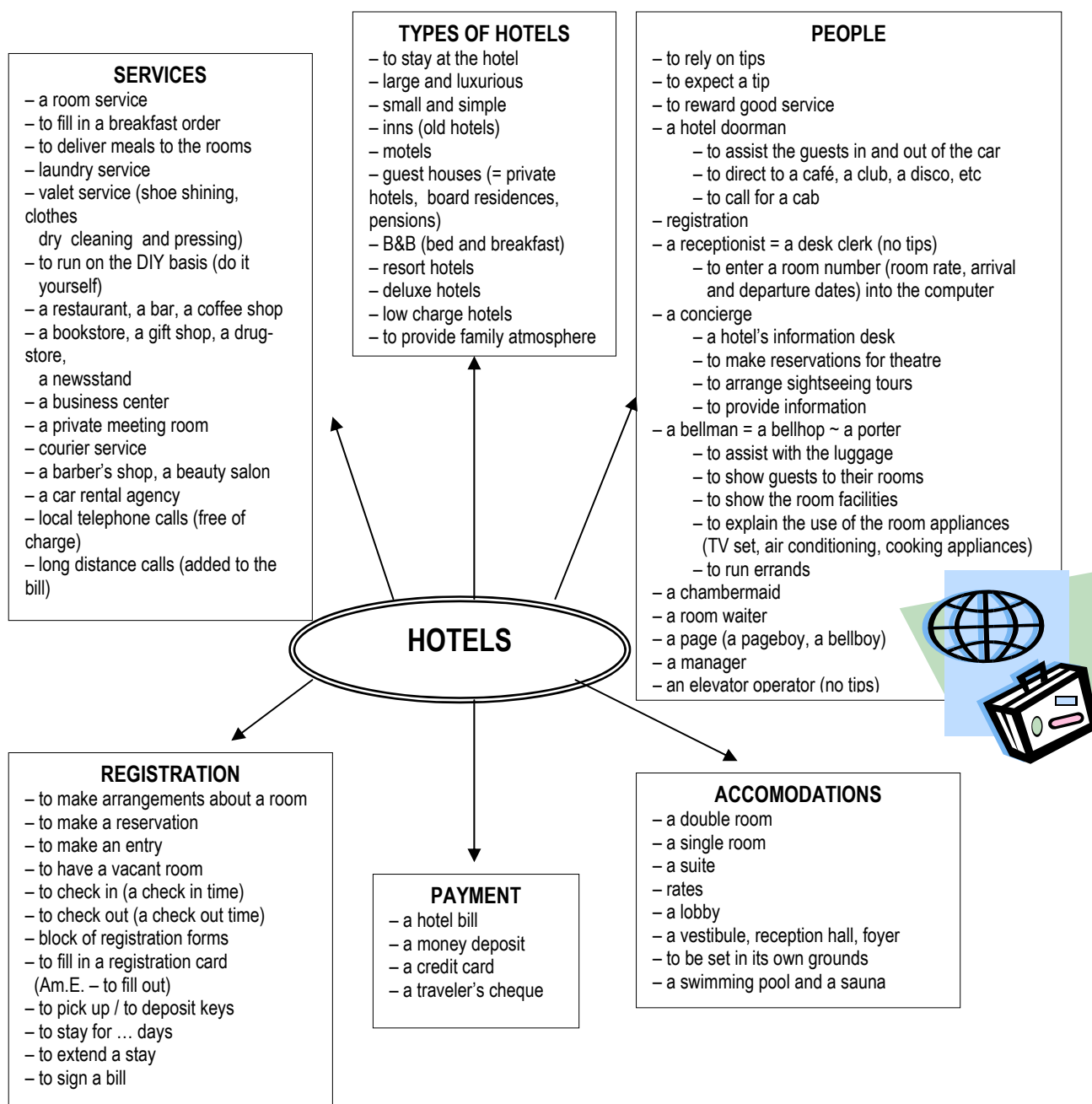
- диктант (традиционный, самодиктант, частичный диктант, в котором пропускаются отдельные слова или словосочетания);

- редактирование собственных и чужих письменных работ;

- презентация и другие приемы.

Из сказанного можно сделать вывод, что использование лексико-семантических таблиц на занятиях по иностранному языку имеет большие преимущества. Благодаря дидактическим возможностям, ЛСТ создают у студентов четкое представление об изучаемом материале и служат прочной основой для формирования лексических навыков. Использование ЛСТ позволяет реализовать принципы системности, сознательности и коммуникативности.

Литература

1. Ариян, М.А. *Личностно-ориентированный подход и обучение иностранному языку с неоднородным составом обучаемых* [Текст] / М.А. Ариян // *Иностранные языки в школе*. – 2007. – № 1. – С. 3-11.

2. Есина, Л.С. *Пути совершенствования процесса формирования лексических навыков го-*

ворения [Текст] / Л.С. Есина // *Современные теории и методики обучения иностранным языкам*. – М.: Экзамен, 2004. – С. 39-44.

3. Коростелев, В.С. *Пути совершенствования процесса формирования лексических навыков говорения* [Текст] / В.С. Коростелев // *Иностранные языки в школе*, 1986. – № 1. – С. 39-44.

4. Мильруд, Р.П. Методика преподавания английского языка. *English Teaching Methods: учебное пособие для вузов [Текст]* / Р.П. Мильруд. – М.: Дрофа, 2005. – 253 с.

5. Пассов, Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам [Текст] / Е.И. Пассов. – М.: Русский язык, 1977. – 215 с.

6. Пассов, Е.И. Как организуешь, так и образуюшь [Текст] / Е.И. Пассов // *Коммуникативная методика*, 2004. – № 4. – С. 54-55.

7. Сомова, Ю.Г. Семантическое поле как средство совершенствования лексических навыков студентов III курса языкового вуза [Текст] / Ю.Г. Сомова // *Иностранные языки: материалы конференции (21-23 мая 2002 г.)*. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 112-113.

8. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.:

Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

9. Gower, Roger. *Teaching Practice: A Handbook For Teachers In Training [Text]* / Roger Gower, Diane Philips and Steve Walters. – Great Britain: Macmillan education, 2005. – 432 pages.

10. Kolesnikova, E.L. *A Handbook of English-Russian Terminology for Language Teaching [Text]* / E.L. Kolesnikova, O.A. Dolgina. – St. Petersburg: Russian Baltic Information Center, 2001. – 224 pages.

11. Scrivener, Jim. *Learning Teaching: A Guidebook For English Language Teachers [Text]* / Jim Scrivener. – Great Britain: Macmillan education, 2005. – 432 pages.

12. Thornbury, Scott. *An A-Z of ELT: a dictionary of terms and concepts used in English Language Teaching [Text]* / Scott Thornbury. – Great Britain: Macmillan education, 2006. – 256 pages.

Коротко об авторе

Ушникова О.В., канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания зарубежных стран, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
тел.: 32-46-11

Научные интересы: лингвистика текста, методика преподавания иностранных языков

Briefly about author

Ushnikova O., PhD (Philology), associate professor of language studies and foreign countries culture department, Chita State University (ChSU)

Scientific the text linguistics, the methodology of foreign languages teaching

УДК 82.02

Хазанкович Юлия Геннадьевна
Khazankovich Yulia

**ПРОЗА МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ,
СЕВЕРА И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КРИТИКЕ
1970-1990-Х ГГ.**

**PROSE OF SCANTY PEOPLES OF SIBERIA,
THE NORTH AND FAR EAST IN CRITICISM OF
1970-1990**

Содержится историко-типологический анализ критических исследований 1970-1990-х гг., посвященных прозе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

There is historical-typological analysis of critical research of 1970-1990 concerning the prose of native scanty peoples of the North, Siberia and Far East

Ключевые слова: критика, проза малочисленных народов Севера

Key words: criticism, prose of scanty Northern peoples

Вопрос о литературно-художественной критике в науке о литературе является актуальным. Рассматривая его в контексте литературы малочисленных народов Севера, Дальнего Востока и Сибири, попытаемся выявить характер функционирования литературной критики середины 1970-1990-х гг., критерии оценок и интерпретационные доминанты в осмыслении творческой индивидуальности того или иного художника или самого явления в целом. На наш взгляд, обращение к «критической разногласии» прошлых лет дает нам материал, который не только значительно дополнит наши представления о ценностных аспектах содержания северных литератур, но и позволит определить принципы ее дальнейшего анализа, которые будут сообразны с природой самого предмета. В осмыслении этого вопроса необходим концептуальный подход. В частности, сочетание социо-динамического анализа критики (экскурс в мир критических

жанров) с историко-типологическим позволит сфокусировать внимание на теоретических проблемах, которые имеют место, прежде всего, в региональной критике, посвященной литературам коренных малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера.

Наиболее регулярно критические статьи о творчестве северных поэтов и прозаиков стали появляться в середине 1970-х гг. До этого времени они представлены «эпизодично». Критическое «оживление» связано с процессами, происходившими тогда в самой литературе: громко заявили о себе прозаики – нивх В. Санги и чукча Ю. Рыхтэу, юкагир С. Курилов, нааец Г. Ходжер, эвенк Алитет Немтушкин и манси Юван Шесталов, ненка Анна Неркаги, произведения которых вошли в «золотой фонд» литератур «малочисленных» народов.

Критика 1970-х гг. была еще «подступом» к непосредственно литературоведческому изучению художественной словесности северян.

Об этом свидетельствует произвольный, почти хаотичный выбор критиками художественного материала и рассматриваемых тем: от очень узких до неохватно широких. Такое положение сохранялось в значительной степени до середины 1980-х гг. Основным критическим жанром выступила рецензия, в которой упор делался на содержание, что позволяло критикам лишь контурно очертить «особый эстетический мир» национальной литературы с ее своеобразной тематикой.

Широта охвата материала, содержательная концептуальность отличали статьи, где анализировались прозаические произведения. В этом контексте следует отметить содержательные работы Э.А. Бальбурова [1] и Дм. Романенко [2], [3], посвятивших статьи осмыслению повестей Ю. Шесталова и романа В. Санги «Женитьба Кевонгов». Интересна работа Т. Комиссаровой, попытавшейся на страницах журнала «Байкал» осмыслить документальную повесть Ю. Шесталова «Сибирское ускорение» [4].

Следует отметить статью Ю.Н. Таниной, которая обратилась к переосмыслению творчества Дж. Кимонко [5], Г.Т. Андреевой о трилогии Ю. Рытхэу «Конец вечной мерзлоты» [6] и Т.Н. Комиссаровой о романах и повестях В. Санги [7].

Однако характерным для многих исследований того времени стал «социокультурный подход» в освоении художественного материала северной литературы. Критика стремилась, прежде всего, уяснить «социальную природу» литератур «малых» народов Сибири и Севера, развивающуюся в русле «большой» русской литературы и собственных фольклорных традиций. При этом эстетическое начало художественного феномена иногда упускалось, что и предопределяло поверхностность и эклектичность выводов у некоторых критиков. Например, в статье В.В. Огрызко «Современные легенды Ю. Рытхэу» подчеркивается значимость именно «социальной проблематики» [8; С. 104]. Но главным «бичом» критики 1970-х стало отсутствие в ней четких оценочных кри-

териев. Их намечает исследователь А.К. Михайлов в статье «Художественная летопись народа». Обращаясь к «большим романам» Ю. Рытхэу, Г. Ходжера, С. Курилова, в качестве такого критерия исследователь предлагал динамику конфликта и характеров [9], А.В. Поштаева прозу Ю. Шесталова предлагала рассматривать в контексте традиций лироэпического повествования [10]. Работа В. Санги «От фольклора к современной художественной литературе» тоже стала значимой в своей эстетической направленности [11]. Он подходит к осмыслению художественно-эстетического явления «изнутри», так как сам глубоко исследовал и знал нивхский фольклор и уже был автором ряда романов. Но исследования такого характера, скорее, были исключением.

Типичным для критиков было все же рассматривать произведения как «отражение эпохи» и ставить перед авторами не совсем литературные задачи. Региональная критика хотя и была лишена тотальной идеологичности, но не избежала идеологической «зашоренности». Внимание к «идейной» стороне отодвигало на задний план форму произведения, его сложную и многогранную структуру, т.е. то, что составляет достоинство всякого словесно-художественного явления. Ряд публикаций отличался «инструментальностью стиля», суть которого заключалась в том, что произведение считалось «художественным» лишь в той мере, в какой оно вписывалось в социально-идеологический канон.

Статьи обзорного характера также не были лишены аналитической «однобокости и ориентации на преднаходимую доктрину» [12; С. 31]. Разговор из сферы художественной действительности зачастую переводился на конкретную жизнь. Но несомненным достоинством критики середины 1970-х – начала 1980-х гг. стало то, что ей удалось в прозе малочисленных народов увидеть высокохудожественное явление.

Пик критического осмысления пришелся на середину 1980-х гг. «Северная» литература буквально «пережила» серию критико-

публицистических статей, обзоров, «литературных портретов» и рецензий. Обозначившийся консерватизм литературно-критического мышления стал преодолеваться именно в эти годы: внимание исследователей сосредоточилось уже не на описании, а на познании и оценке произведений по художественно-эстетическим параметрам. Обращение к литературе народов Севера как к «эстетической системе» со своей своеобразной жанровой, образной и языковой структурой, вероятно, следует связывать с изменением самого восприятия их самобытного творчества, далеко не «примитивного», художественного мышления, берущего исток в фольклоре. Если ранее критическая мысль была сфокусирована только на оси «автор-герой», то впоследствии она переместилась в плоскость взаимодействия и взаимообогащения русской литературы и литератур малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера на уровне художественной формы и содержания, фольклорных и литературных традиций. Менее продуктивный «оценочный подход» отступил благодаря усилению исследовательско-аналитического аспекта в рецензиях. Если объектом критического осмысления в 1970-х гг. была, в основном, поэзия, то в середине 80-х критики стали больше обращаться к прозе: В.А. Чалмаев посвящает статью творчеству ханта Е. Айпина [13], М.Г. Михайлова «Новым людям» С. Курилова [14], Т.Н. Комиссарова исследует «прозу эвенкийского поэта» А. Немтушкина [15], Е.В. Хомутова анализирует малоизвестные повести эвенка А. Латкина [16].

Своеобразие художественного мира романов и повестей связывали уже с присутствием онтологической проблематики и особым функционированием художественных образов – природных и социальных. Частной иллюстрацией сказанного является статья М.Н. Соболевой «Основоположник нивхской литературы», где творчество Б. Санги осмысливается в контексте «сквозных» проблем: жизни и смерти, памяти и забвения, нравственности [17]. Критики особое внимание начинают уде-

лять «художественной форме» произведений. Теоретический аспект ее исследования мы находим в работе В.М. Переверзина «Энергия синтеза», где автор обращается к диалогии Ю. Рытхэу «Сон в начале тумана» и «Иней на пороге» как «роман-этологию» [18].

Углубленная *социокультурная и эстетическая интерпретация* произведений писателей-северян, попытка их исследования в теоретическом аспекте позволили критике второй половины 80-х гг. не только представить ясные очертания «эстетического здания» северных литератур, но и обратиться к его «деталям», наметив тем самым целостное восприятие творчества каждого художника. Следует признать, что далеко не каждая статья имеет самостоятельную научную значимость: наибольшую ценность, на наш взгляд, они приобрели во всей своей массе, ибо выявили некоторые общие тенденции в тогда еще складывающемся литературно-критическом осмыслении северных литератур. В литературно-художественной критике конца 1980-х-середины 1990-х гг. литература малочисленных народов получила лишь эпизодическое прочтение, что связано с рядом объективных причин и самими процессами, которые происходили в литературах.

В этот период кардинально начинают меняться как сами подходы в исследовании литератур коренных малочисленных народов, так и категории литературно-критического сознания. Долгое время наша официальная критика отсекала всякие попытки своеобразия – и в мысли, и в жанре. Но изменилось само время, и заметное «оживление» произошло в критике. По сути, мы стали свидетелями преодоления инерционного движения прошлого, преодоления косности мышления, так как «преодоление есть прежде всего результат понимания» [12; С. 29]. «Большая» и региональная критика в тот период избавлялись от идеологической привязки, суживающей ее исследовательский аппарат, от назойливого «инструментального» восприятия прозы и поэзии, что собственно и позволило критике выйти на качественно иной

уровень исследования и интерпретации северной литературы – *историко-культурный*.

В этом ключе своеобразным «подступом» к «расширительной» интерпретации произведений стала статья В.В. Огрызко об эпической поэме В. Санги «Человек Ых-мифа». В ней мы находим положение о том, что В. Санги через художественное слово «открывает нивхский национально-этнический мир в соответствующих ему образах и коллизиях, воссоздает национальный характер, опирающийся и основывающийся на прочных этнических связях» [19; С. 98]. Но самым ярким представителем «историко-культурного направления» был и остается Г.Д. Гачев. Его исследования по творчеству эвенкийского прозаика Г. Кэптукэ введены в широкий литературный и культурный контекст и представляют собой опыт культурологического прочтения произведений [20].

Появление работ такого плана стало новым шагом в раскрытии возможностей критического осмысления прозы малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера, поскольку сам подход позволяет наметить и выявить еще «непознанные» контекстуальные художественно-смысловые пласты в творчестве того или иного писателя. Через обращение к фольклору и фольклорным традициям в прозе коренных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера исследователи нашли ключ к смысловым глубинам содержания «младописьменных» литератур. Мифопоэтика была выдвинута в качестве ценностного критерия восприятия прозы малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера: внимание к мифоязыческой и религиозной картине мира, запечатленной в художественных текстах, позволило переосмыслить сложившиеся представления об эстетической значимости художественных образов и характеров.

Критики стали более свободно оперировать ассоциативными понятиями и терминами, заимствованными из смежных наук (этнологии, лингвистики, философии) с целью более точного и объективного выражения «внутреннего плана» того или иного произведения, отходя от

однозначных «универсально-всеобщих» формулировок. Примером тому может служить статья Г.Д. Гачева «Повесть эвенкины», где литературовед прочитывает произведения Г. Кэптукэ через «внутреннюю систему ценностей» самой культуры эвенков [20].

Таким кардинальным изменениям критического мышления способствовали, вероятно, не только «постперестроечная» атмосфера, но и появление «других» по своей форме и содержанию произведений. К последним, например, следует отнести рассказы и повести эвенков Г. Кэптукэ, А. Немтушкина и А. Латкина, романы эвенов П. Ламутского «Дух земли» и А. Кривошапкина «Берег судьбы», повесть ненцев А. Неркаги «Молчащий» и роман И. Истомина «Живун», роман ханта Е. Айпина «Ханты или Звезда Утренней Зари», роман сибирского писателя Г. Сазонова, написанный в соавторстве с прозаиком-манси А. Коньковой, «И лун медлительных поток» и др. Творчество названных писателей стало поистине новой вехой в истории становления прозы малочисленных народов: они обогатили и усовершенствовали ее поэтику через проникновение в суть национального характера, национальной психологии и национального менталитета в реальном историческом контексте.

Проблема «национального менталитета», формы и способы его выражения в художественном творчестве северян все еще остаются «белыми пятнами» в критических и собственно литературоведческих исследованиях. Постановочный характер она получила в работе А.К. Михайлова «Новый этап в развитии литературы», где он, в частности, отмечал: «... и язык, и сюжет, и характеры, и этнографический, исторический, фольклорный материал, и сама форма произведения – все это... составляет произведение, вызванное к жизни национальным самосознанием автора и народа» [21; С. 161]. Обращение к творчеству Г. Кэптукэ позволило критике говорить об обратной связи: национальная проза расширяет пределы и повышает уровень национального менталитета уже самого народа.

Думаем, что обращение к проблеме национального менталитета позволит критике приобрести «прикладной характер», поскольку она будет иметь дело с наличными системами ценностных ориентации, так как «ценностные системы» не отчуждены от их носителей (т.е. от самого автора, героев) и приходят из социальной практики всего этноса. А это, в свою очередь, поможет нам увидеть те художественные и содержательные особенности, имеющиеся в том эстетическом феномене, который обобщенно называют «Литературы малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера». Следует сказать, что изучение литератур малочисленных народов стало выходить из критической самоизоляции: появилось критическое инакомыслие, т.е. тот логически необходимый момент, который столь важен в становлении исследовательского «целомыслия». Сочетание социокультурного, эстетического и культурологического подходов может скорректировать основные направления и уровни осмысления прозы малочисленных народов.

Творческая индивидуальность каждого художника должна быть рассмотрена в своей цельности и эволюции, обусловленной истори-

ческими, социальными и культурными предпосылками. Есть необходимость многоуровневого анализа «романа о роде» в литературах малочисленных народов Сибири, Дальнего Востока и Севера. Ряд художественных текстов требует «фольклорного комментария», который необходим для более полного и глубокого понимания их структуры. Обращение к художественной семантике произведений может дать целостное представление о литературе вообще, о запечатленной в ней самой духовной, культурной картине мира, связанной как с индивидуальными авторскими взглядами, так и с национально-этническим мировоззрением. Стало очевидным, что синтетический талант прозаиков – представителей малочисленных народов нуждается в синтетическом таланте критиков. Присутствие на страницах журналов ведущих критических жанров должно быть дополнено еще и «аналитическим инакомыслием», оригинальностью подходов, что будет способствовать полноценному диалогу критики, автора и читателя (статья выполняется при поддержке Гранта Президента РФ (МК-3333.2007.6. общественные и гуманитарные науки).

Литература

1. Бальбуров, Э.А. И что без бури океан? [Текст] / Э.А. Бальбуров // Аврора. – 1979. – № 4. – С. 104-109.

2. Романенко, Д.И. У могучих истоков [Текст] / Д.И. Романенко. – М.: Современник, 1963. – С. 3-6.

3. Романенко, Д.И. Юван Шесталов [Текст] / Д.И. Романенко // Рождение романа. – М.: Советский писатель, 1970. – С. 49-58.

4. Как продолжить традиции? [Текст] / Т.Н. Комисарова // Байкал. – 1978. – № 2. – С. 139-140.

5. Танина, Ю.Н. Простота мудрости [Текст] / Ю.Н. Танина // Полярная звезда. – 1976. – № 4. – С. 98-99.

6. Андреева, Г.Т. Живая страница прошлого [Текст] / Г.Т. Андреева. // Полярная звезда. – 1978. – № 5. – С. 113-117.

7. Комисарова, Т.Н. О современной Чукотке

[Текст] / Т.Н. Комисарова // Литературная газета. – 1985. – 20 октября. – С. 4.

8. Огрызко, В.В. Современные легенды Ю. Рытхэу [Текст] / В.В. Огрызко // Полярная звезда. – 1981. – № 4. – С. 105-108.

9. Михайлов, А.К. Ускорение [Текст] / А.К. Михайлов. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1983. – С. 113.

10. Пошатаева, А.В. Проза Ювана Шесталова [Текст] / А.В. Пошатаева // Полярная звезда. – 1983. – № 3. – С. 103-107.

11. Санги, В.М. От фольклора к художественной литературе [Текст] / В.М. Санги // Полярная звезда. – 1976. – № 4. – С. 79-82.

12. Добренко, Е. «Запущенный сад величин» (Менталитет и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм) [Текст] / Е. Добренко // Вопросы литературы. – 1993. – № 1. – С. 21-

45.

13. Чалмаев, В.А. Следующий шаг [Текст] / В.А. Чалмаев // Сибирский огни. – 1984. – № 6. – С. 169-171.

14. Михайлова, М.Г. Новые люди Семена Курилова [Текст] / М.Г. Михайлова // Полярная звезда. – 1985. – № 3. – С. 107-110.

15. Комисарова, Т.Н. Проза поэта [Текст] / Т.Н. Комисарова // Полярная звезда. – 1988. – № 6. – С. 114-115.

16. Хомутова, Е.В. Два пленника / Е.В. Хомутова // Литературное обозрение. – 1986. – № 5. – С. 46-48.

17. Собољкова, М.Н. Основоположник нивсхой литературы [Текст] / М.Н. Собољкова // Сан-

ги В. Женильба Кевонгов. – М.: Современник, 1983. – С. 503-505.

18. Переверзин, В.М. Энергия синтеза / В.М. Переверзин // Полярная звезда. – 1985. – № 5. – С. 103-107.

19. Огрызко, В.В. Долговечен сказ [Текст] / В.В. Огрызко // Полярная звезда. – 1989. – № 2. – С. 98-100.

20. Гачев, Г.Д. Повесть эвенкини [Текст] / Г.Д. Гачев // Литературная учеба. – 1989. – № 4. – С. 72-77.

21. Михайлов, А.К. Новый этап в развитии литератур (О творчестве Галины Кэптукэ) [Текст] / А.К. Михайлов // Полярная звезда. – 1993. – № 2. – С. 161-164.

Коротко об авторе

Хазанкович Ю.Г., канд. филол. наук, доцент, Якутский государственный университет (ЯГУ)
hazankovich33@mail.ru

Научные интересы: история книги, литература малочисленных народов Севера

Briefly about author

Khazankovich Yu., Ph. D. (Philology), Assistant Professor, Yakut State University (YaSU)

Scientific interests: the history of a book, literature of the North scanty peoples

---

УДК 82.0

Шеметова Татьяна Геннадьевна
Shemetova Tatyana

ОБРАЗ ПУШКИНА КАК АРХЕТИП
ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ В ПРОЗЕ А. БИТОВА

CHARACTER OF A. PUSHKIN AS AN ARCHETYPE
OF NARRATOR IN A. BITOV PROSE

В статье рассматриваются повествовательные стратегии классика современной литературы А. Битова в романе «Ожидание обезьян». Выявляются общие черты с поэтикой А.С. Пушкина

The article considers narrative strategies of classical author A. Bitov of modern literature in his novel "Waiting for monkeys". There are common features with A. Pushkin poetics

Ключевые слова: повествовательная стратегия, постмодернистская чувствительность

Key words: narrative strategies, post-modern sensitivity

Роман А. Битова «Ожидание обезьян» является отражением творческих поисков писателя на протяжении многих лет. Он завершает трилогию писателя «Оглашенные». В трилогии можно различить границы десятилетий: «Птицы, или Новые сведенья о человеке» с их экологическим пафосом – памятник 70-м; «Человек в пейзаже» (богоискательство спивающейся страны) – 80-м; «Ожидание обезьян» – бурному семилетию (от года, отмеченного Оруэллом, до августовского падения социалистической державы).

Последний роман трилогии предваряется многозначительной сноской: «В этом сочинении ничего не придумано, кроме автора. – А.Б.» [1; С. 6]. В этом примечании провозглашается, что мир данного текста реален, а его автор нереален, или автор и текст – разные реальности. Примечание принадлежит рассказчику, который здесь имеет в виду объективного автора как героя другой реальности,

поэтому его слова берутся в кавычки и ему дается имя собственное – А.Б. (Андрей Битов). Рассказчик, выйдя за пределы текста, комментирует творчество имплицитного повествователя. Подобный прием можно наблюдать в романе А. Битова «Пушкинский дом», где примечания к роману, написанному автором-рассказчиком, дает другой персонаж, главный герой – Лева Одоевцев, которого, впрочем, вновь перебивает рассказчик, разочаровавшись в приеме.

Текст авторского примечания к тексту проясняется, если соотнести его с обозначением одного из пушкинских произведений: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.». При таком сопоставлении становится прозрачной оппозиция: А.Б. – А.П. Первый член этой оппозиции утверждает придуманность документального автора, второй – непридуманность художественного. Исследователь этого пушкинского произведения отме-

чает: «Перед Пушкиным возникает образ поэтики прозаического текста и простого стиля, который не олицетворяется образом Белкина, а воплощается в Белкине, предельно простом и смиренном подставном авторе» [2; С. 65]. По аналогии с этим замечанием, можно сказать, что образ повествователя в «Ожидании обезьян» – это образ поэтики повествования Андрея Битова, и в этом смысле он им «придуман».

Известное пушкинское определение прозы как низкой, «презренной» дается отстраненно, с точки зрения «высокой» поэзии, поэтому его можно воспринимать как поэтический троп. С точки же зрения прозы, она является только более «простой», не так богато инкрустированной художественными средствами, поэтому ее воплощением у Пушкина служит не «юноша-поэт» Ленский, а «недалекий добрый малый» Белкин.

Каков же, с этой точки зрения, образ прозы Битова? Его повествователю не подходит ни одна из частей белкинского определения: его нельзя назвать «недалеким», и он не «добрый малый», т.е. он далек от добродушия. Ему нельзя дать определение в одной номинативной фразе, как Белкину. Его основная особенность – как у амебы, размножаться делением: Я, ОН, ПП, ДД, Зябликов, Венечка Ерофеев, Фазиль Искандер – и далее до бесконечности. Этот простейший, «амебный» способ повествования оборачивается пушкинской всеохватностью.

Намек на Пушкина зашифрован в названии произведения: как мы помним из известного тыняновского романа, лицейское прозвище Пушкина – Обезьяна [3]. В этом контексте ожидание обезьян – это ожидание того нового человека, приход которого был обещан Гоголем через двести лет: «Русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» [4; С. 50].

Тема Пушкина-лицеиста симптоматически появляется в повествовании, вызванная как бы случайной цепью ассоциаций. Неожиданно появившийся образ румяного мальчика-Пушкина сразу же включается Битовым в це-

пую цепочку порожденных им образов: «На Пушкина тут один был похож. Румянцем и лицом. Головка Пушкина сидела на здоровенной, впрочем, шее молодого хозяина <...>. Старший хозяин, его отец <...> лицом поразительно походил на моего отца...» [1; С. 25]. Фантастический мотив пересаживания голов сочетается здесь с пушкинским, который, как известно, любил изображать на полях рукописи «головки», в том числе автопортреты. Утонченность «головки Пушкина» противопоставляется здесь «здоровенной шее молодого хозяина». И, тем не менее, этот гомункулус, новый человек, безусловно, близок автору. Это подчеркивается, во-первых, как бы случайным упоминанием имени его жены («чья была Софи») указывающего на мудрость ее обладателя. А во-вторых, намеком на родственную связь со старшим хозяином: («поразительно походил на моего отца»). Таким образом, через мотив румянца происходит «породнение» с Пушкиным. Отец «Пушкина» похож на отца повествователя, значит, и сам повествователь должен иметь черты поэта. Эта параллель усугубляется в дальнейшем тексте. Исходя из логики построения фразы, сыном описываемого отца является первоначальный повествователь, но по логике контекста этим сыном оказывается «Пушкин». Глагол «благословляет» бросает на всю сцену свет христианского архетипа: Отец благословляет Сына. Образ нового «Пушкина» накладывается на образ Христа как грядущего мессии нового века. В таком контексте румяный мальчик – Пушкин воспринимается как младшее божество, младенец Иисус в качестве объекта поклонения. Это понимание Пушкина как всеохватного воплощения русского человека подтверждается авторским дискурсом в публикации «Гулаг как цивилизация»: «Рассчитываясь с ним, мы отвели ему первое место во всем том, чему ни просоответствовали сами. Он не только первый наш поэт, но и первый прозаик, историк, гражданин, профессионал, издатель, лицеист, лингвист, спортсмен, любовник, друг...» [5; С. 27]. Конкретизируя известное высказывание о том, что Пуш-

кин – наше все, Андрей Битов стремится художественными средствами приблизиться к нечеловеческой, «нагорной» простоте Пушкина.

Образ человека с головой Пушкина, некоего полу-Пушкина – попытка отождествления с поэтом, создание образа своей поэтики. Пушкин своим явлением позволил прикоснуться к природе абсолютного («наше все») в ее физическом воплощении. Это русский человек, «обезьяна», двести лет назад, поэтому застыл повествователь в тревожном ожидании в обезьяньей роще: какова она, грядущая «обезьяна»? И уже готов ответ у двойника повествователя, Мефистофеля – ПП: «Несовершенство человека и есть его приговор» [1; С. 92].

Эта «эволюция наоборот», которую вещает двойник повествователя, как и положено Мефистофелю, означает вырождение, уничтожение человечества, упрек Творцу в несовершенстве творения. Стремление объяснить события «эволюцией» или «революцией» в корне противоречит пониманию художественного творчества как пророчества, которые можно наблюдать в разных произведениях Битова. Постигание смысла и сути бытия происходит у авторского героя в ходе «ожидания».

Неожиданно, как появление шестикрылого Серафима у Пушкина, происходит озарение: долгожданное появление «обезьян» сопровождается «неописуемым звучанием». Тишина, вздувшаяся «непомерным пузырем», в соотношении с вздувшейся же жилой на «Божественном лбу» образует метафору рождения «нового человека».

Пророку-повествователю дано предвидеть это рождение «нового человека» из «разгерметизированного вакуума», который соотносится с существовавшей, как в вакууме, отделенной от всего мира «железным занавесом» советской Империей. «Небывалый, живой, множественный и общий» звук, сопровождающий это рождение, соответствует крику необыкновенного младенца (ср. младенец-Христос, «румяный мальчик» Пушкин).

Это то «чудо», которого ждал и которое предчувствовал повествователь, отправляясь

в «обезьянник», держа в руках череп маленькой обезьяны Люси (ср. шекспировское: «Бедный Йорик!») с написанной на нем датой смерти, по которой он предполагал датировать свое повествование. В этом контексте дата повествователю нужна для отсчета «нового времени». С этой же целью автор включает в повествование деталь – утерянный «Люсин зубик». Ценность этой детали в том, что она не только художественная, но и реальная, конкретная «деталь» обезьяны, ее часть, которую можно осязать (ср. физическое существование идеального человека – Пушкина).

Множественность слышимого повествователем звука можно сравнить с бахтинским полифонизмом, диалогичностью, которую Ю. Кристева расшифровала как интертекстуальность. В одном звуке повествователь слышит множество различных звуков, а это соотносится с пушкинской «всемирной отзывчивостью» (Достоевский).

Новое время наступило, не оправдав связанных с ним ожиданий: «живые души», «обезьяны», так и не пришли на смену «солдатам Империи». И вновь герой испытывает состояние, обозначенное Пушкиным как «духовная жажда»: при полноте новых впечатлений ощущение пустоты. Это состояние рассказчик характеризует «онегинскими» терминами: «Мной овладело беспокойство. Неохота к перемене мест. На карте живого места от меня не осталось. Одна Албания. Туда хоть нельзя. Сосущее чувство бездарности. Воспоминание молодости.

Есть женщины, которых ты не стоишь,

Есть женщины, которых ты не спас...

Предчувствие, что я упустил время, мною овладело. То есть, что я упустил предчувствие» [1; С. 86]. В этом эпизоде в сжатом варианте изложена линия Онегина в пушкинском романе: путешествие после дуэли с Ленским, чувство бездарности как результат неудавшихся попыток заняться творчеством, воспоминание о Татьяне как женщине, которую сначала не спас, а потом не стоил. Наконец, упущенное «предчувствие». Ср. «Я выбрал бы

другую, / Когда б я был, как ты, поэт» [6; С. 65]. Онегину свойственен лишенный автоматизма, истинно поэтический взгляд на искусство и человеческие отношения.

Пушкин, как и Битов в «Ожидании обезьян», «придумывает» автора, творит свой собственный образ, образ повествователя. В заметке «О драмах Байрона» Пушкин писал, что это поэт «постиг, создал и описал единый характер (именно свой)» [7; С. 37]. Рискнем предположить, что и Пушкин в «Евгении Онегине» отражает «именно свой», но гораздо более многосторонний и «отзывчивый», чем у Байрона, характер. Например, смелость и «мажорность» характера Татьяны переданы ей от самого автора (ср. флюберовское: «Госпожа Бовари – это я»). Это глубокое понимание психологии женщины, свойственное Пушкину, сближает его образ с библейским текстом о взаимозаменяемости женского и мужского начал как условия царствия небесного.

Об этом же обмене говорит Битов, рисуя «образ последних штанов в русской литературе» [1; С. 10]. Герой-повествователь едет в Абхазию, и для этой поездки ему необходимы «южные штаны». Ситуация решается простым, но совершенно невыносимым для всей предшествующей литературы способом: штаны дарит герою его «прекрасная дама», причем штаны собственные, то есть женские, являющиеся одновременно мужскими (джинсы). Так на пародийном уровне решается проблема смены внутреннего-внешним, мужского-женским. Поскольку герой утверждает, что он «снял последние штаны в русской литературе», возникает вопрос, кто снял (или надел) первые. И это вновь оказывается тот, кто «из уборной выходил / Подобный ветреной Венере, / Когда надев мужской наряд, / Богиня едет в маскарад» [6; С. 20].

Мы уже отмечали, что Битов уподобляет Бога рожавшей женщине; у Пушкина обратное сравнение: светский франт уподобляется богине. Характерно также это переодевание: у Битова мужчины в женскую одежду, у Пушкина женщины – в мужскую. Описание одеяния Оне-

гина прерывается по известной причине: «Но *панталоны, фрак, жилет,* / Всех этих слов на русском нет» [6; С. 20 курсив автора. – *Т.Ш.*]. Комментатор уточняет: «...в 1819 г., т.е. именно во время действия первой главы *ЕО*, франты начали носить белые панталоны навыпуск, что казалось чудовищным неприличием – утверждение простонародных «портков» в качестве нормы светской одежды» [7; С. 315]. Отсюда вывод, что Онегин именно в качестве «педанта в одежде» надевает белые штаны, которые еще к тому же «простонародные» (ср. джинсы – первоначально рабочая одежда). Такой же «педант в одежде» битовский повествователь: «Штаны, кстати, были настоящие, хоть и белые. То есть джинсы. То есть фирмы «Lee». Значком этой фирмы, крошечным, величиной с номерок для прачечной, а не этой *вульгарной* кобылой во всю задницу, я особенно гордился (кто разбирается, тот оценит...)» [1; С. 10, курсив мой. – *Т.Ш.*]. Штаны, как мы помним, принадлежат героине, следовательно, отсутствие вульгарности – это ее характерный признак. Образ битовского повествователя – Онегина дополняется образом его дамы – Татьяны. Это подтверждается наличием в характеристиках героини мотива «прекрасной дамы», а также мотива «отсутствия вульгарности».

«Поэзия действительности» и «летописное повествование» – оба эти определения пушкинского романа с разных сторон характеризуют роман Битова. Цель календарной точности в романе Битова – придать художественному произведению статус подлинного исторического документа. Но в силу феномена «постмодернистской чувствительности» хаос жизни можно передать лишь искусственно организованным хаосом фрагментарного повествования. Идентифицируя своего героя-рассказчика с Евгением Онегиным, автор ставил своей целью попытку отождествления своей поэтики повествования с поэтикой Пушкина, воплощающей для Битова подлинность абсолюта.

Литература

1. Битов, А.Г. Ожидание обезьян [Текст] / А.Г. Битов // Новый мир. – 1993. – № 10. – С. 6-102.

2. Гей, Н. «Свобода», «вдохновение» и «труд» как эстетические константы мира Пушкина [Текст] / Н. Гей // Пушкин и теоретико-литературная мысль. – М., 1999. – С. 52-71.

3. Тынянов, Ю.Н. Пушкин: Роман [Текст] / Ю.Н. Тынянов. – Минск, 1988. – 640 с.

4. Гоголь, Н.В. Полн. собр. соч.: В 14-ти т. [Текст] / Н.В. Гоголь. – Л., 1940, 1952. – Т. 8. – С. 50.

5. Битов, А.Г. Жизнь без нас. Стихопроза [Текст] / А.Г. Битов // Новый мир. – 1996. – № 9. – С. 65-99.

6. Пушкин, А.С. Евгений Онегин. Роман в стихах [Текст] // Собр. соч.: В 5-ти т. / А.С. Пушкин. – СПб., 1994. – Т. 3. – С. 20.

7. Лотман, Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий [Текст] / Ю.М. Лотман // Пушкин А.С. Собр.соч.: В 5-ти т. – СПб., 1994. – Т. 3. – С. 209-501.

Коротко об авторе

Шеметова Т.Г., канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры русской литературы XX века, Московский государственный университет (МГУ) shemetovat@mail.ru

Научные интересы: образ Пушкина в советской и пост-советской литературе (1930-1990-е гг.)

Briefly about author

Shemetova T., Ph. D. (Philology), Assistant Professor, person working for doctor's degree of the Russian Literature of XX century Department, Moscow State University (MSU)

Scientific interests: character of A. Pushkin in the Soviet and post-Soviet literature (1930-1990)

Философия

УДК 316.42:323:327(510)

Абрамов Виктор Алексеевич
Abramov Victor

Кучинская Татьяна Николаевна
Kuchinskaya Tatyana

**ПРОЦЕСС РЕГИОНАЛИЗАЦИИ КНР:
РЕАЛИИ И ИХ ПОНЯТИЙНОЕ ОТРАЖЕНИЕ**

**PROCESS OF PRC REGIONALIZATION:
LIVE DATA AND CONCEPTUAL REFLECTION**

Статья посвящена новому в науке представлению китайского феномена – процесса внутренней и внешней регионализации КНР в условиях глобализации. Авторы выявляют основные уровни и формы китайской регионализации, уточняют и разграничивают рефлексивные понятия

This article is devoted to a new scientific conception of Chinese phenomenon – process of internal and foreign regionalization of PRC under globalization conditions. The authors reveal basic levels and forms of Chinese regionalization, refine and differentiate reflective concepts

Ключевые слова: внутренняя регионализация КНР, глобальная регионализация КНР, «китайский регион», «внутренние регионы Китая»

Key words: Internal regionalization of PRC, global regionalization of PRC, «Chinese region», «Inner regions of China»

Современный цикл глобализации, завершающийся мировым финансовым, экономическим и социальным кризисом, характеризуется интенсификацией и масштабом распространения проблем, которые создают угрозы не только для отдельных государств, но и устойчивому развитию человечества в целом. Решение глобальных кризисных проблем осуществляется, с одной стороны, усилением и укреплением социально-культурных, финансовых, экономических, политических связей в международных отношениях. С другой стороны, усилением процессов регионализации, проявляющихся в интегра-

тивности, локализме, самодостаточности, самобытности и исключительности региональных проявлений. Роль государства, государствоцентрическая парадигма определяется по-новому: под углом современных угроз и опасностей, в рамках процесса регионализации.

Регионализация развивается как процесс, параллельный глобализации, но противопоставленный ее негативным тенденциям, направленный на обеспечение безопасности (экономической, политической, социокультурной) конкретного региона. Регионализация здесь выступает механизмом защиты государства, национальных интересов от негативных

тенденций глобализации.

Формирующиеся надгосударственные регионы, государства-регионы в этом процессе становятся субъектом регулирования глобальных тенденций в сфере безопасности, стабильности, экономики, информации, финансов, экологии и др. В качестве этой новой функциональной реальности выступают и региональные отношения внутри государства, и между государствами, когда государство перестает быть посредником этих отношений, и все больше выступает в роли основного их регулятора в своих национальных интересах. Государство рассматривается как *регион-квазикорпорация* [1]. Современный мир превращается в мир регионов – новую форму внутренней и внешней организации жизнедеятельности глобализирующихся социумов.

Регионализация как парадигма и новый тип научного мышления оперирует базовыми понятиями региона, объясняющими сущность взаимодействия и взаимосвязи локального, регионального и глобального социального развития. Термин «регион» в широком понимании представляет социо-природо-культурные образования разных уровней [2]. В связи с обозначившимся в мировом кризисе особым значением института государственности эти разные уровни образований определяются через их отношение к государству. Соответственно, регионы разделяются на несколько уровней: внутригосударственные, или внутренние регионы государства; надгосударственные, или регионы мира, полностью или частично охватывающие территории двух или более государств; страны, или государства-регионы как подсистемы системы международных отношений; мятежные регионы – внутригосударственные регионы, провозгласившие себя независимыми государствами, но не утвердившиеся в этом качестве; негосударственные регионы, аналогичные государственным, внутригосударственным и государствам-регионам – суперэтнические, субэтнические и этнические регионы. В связи с этим о некоторых государствах (странах) можно говорить как надгосу-

дарственных, или государстве-регионе, т.е. «государстве в ранге региона мира» (Россия, Китай, Индия, США и др.), подразумевая не только их расширяющееся глобальное влияние в мире, но и определенный интересами национальной безопасности уровень обособленности.

Таким образом, регионализация осуществляется на разных уровнях и в разных формах: внутренняя (внутригосударственная) и внешняя (государственная и надгосударственная); путем выделения административных регионов внутри страны (регионализация сверху); появлением нового «государства-региона» внутри существующей международной системы (регионализация снизу); формированием трансграничных геоэкономических и геополитических надгосударственных регионов (горизонтальная регионализация) и т.д.

Поэтому не случайно в науке формируется региональный подход, способствующий выявлению общих тенденций и объяснению новых рациональных форм организации жизнедеятельности человека и социума в условиях глобализации. Этот новый парадигмальный подход отражает усложнение окружающего мира и означает возможность познания феномена регионализации, а также принципиально новых черт любого региона, определяющих его в саморазвивающийся, самодостаточный субъект социоприродной и социокультурной организации.

Понимание «региона» как комплексной социоприродной, социокультурной системы, т.е. как «множества в единстве», приблизило российских ученых к более широкому и всеобъемлющему представлению данного термина. Системный подход в нем стал столь «популярным», что термин «регион» заменяет понятие «региональная система». В целом, понятие «регион» в качестве «региональной системы» становится общепринятым, что позволяет соотнести эту логику с новым пониманием КНР как разноуровневой региональной системы.

Но любая «региональная система» нуждается в четкой структуре исследования, адекват-

ватной ее сложноорганизованности. В этом плане ближе к самой сути конкретной системности продвинулись отечественные регионаловеды Ю.Ф. Абрамов, О.В. Бондаренко, А.Н. Лапшин, В.В. Мантатов, П.Л. Попов [3, 4]. По их мнению, «регион» как социоприродная система по определению обладает тремя фундаментальными компонентами: территориальной организацией, ресурсным потенциалом и системой воспроизводства. Причем каждый из них дифференцируется на отдельные сферы региональной системы в ее социальном и природном единстве. На наш взгляд, этот оптимальный набор образующих элементов региона обязательно должен включать в себя и систему региональных культурных ценностей – важнейший социокультурный компонент процесса регионализации.

Именно социоприродный в сочетании с социокультурным подходом являются наиболее позитивными в плане комплексного представления, долгосрочного прогнозирования и структурно-функционального исследования совершенно нового в научной практике феномена – процесса китайского регионализма [5] и формирования «китайского региона». Причем, этот процесс охватывает не только китайский социум, но и его расширяющееся природное, социальное и культурное пространство, что позволяет проецировать это уникальное явление как «глобализирующаяся китайская регионализация».

С точки зрения этих двух подходов, КНР рассматривается нами как социоприродная и социокультурная система следующих уровней: 1) формирующихся ее внутренних регионов; 2) экспансивно развивающаяся, глобализирующаяся региональная надгосударственная система; 3) китайское «государство-регион» как подсистема системы международных отношений, соответственно обозначаемые понятиями: «внутренние регионы Китая» и «китайский регион». «Китайский регион» представляет собой взаимообусловленный процесс «внутренней» и «внешней» регионализация КНР.

Рассмотрение процесса китайской регио-

нализации требует детального уточнения и разграничения его рефлексивных понятий. Отчасти это можно соотнести с вариативным содержанием понятия «регион вообще» и понятием «отдельных регионов». Так, П.Л. Попов, рассматривая эти общие понятия с целью выявления оснований индивидуальностей и содержаний, приходит к следующим выводам. Содержание понятия «регион» вариативно и проявляется в нескольких аспектах:

- 1) любой регион воспринимается как нечто внутренне единое и обособленное;
- 2) региональное явление выступает как фактор единства региона;
- 3) отношением общности частей региона являются не только сходство, но и связь;
- 4) степень общности (сходства или связи) может быть большей или меньшей;
- 5) набор признаков – переменных, индивидуализирующих определенный регион, может меняться;
- 6) границы регионов подвижны [6].

Действительно, согласно классической науке, во всех элементах объема определенного понятия содержится признак или комплекс признаков, общий для них. Применительно к понятию «территориальная организация региона» таким комплексным признаком должно быть сочетание (неизменное, инвариантное) социальных и природных явлений, свойственное только данному региону. Но каждому региону или его элементу – части, как показал П.Л. Попов, свойственен не инвариантный, а вариативный – в нескольких аспектах комплекс явлений. Соответственно, вариативным является и понятие «регион вообще», в котором обобщаются понятия «отдельных регионов».

Л. Витгенштейн в теории «фамильных сходств» и М. Вебер в теории «идеальных типов» рассматривали суть вариативных понятий. В объеме понятия, считал Л. Витгенштейн, вместо общего и специфического признака присутствует «сложная сеть сходств». Именно она («сеть») и позволяет мыслить объекты, включаемые в объем данного понятия как нечто относительно однородное и обособленное

[7]. Социальное явление у М. Вебера лишь отчасти соответствует своему «идеальному типу», а объем понятия, отражающего это явление, представляет собой комплекс различных вариативных приближений к «идеальному типу» [8].

Выделенный нами в неклассических концепциях вариативный механизм образования новых понятий относится и к принципам образования понятия «регион вообще», или понятий конкретных регионов – «китайский регион», «внутренний регион Китая». В содержании каждого такого понятия, соответствующего теории идеальных типов, или теории фамильных сходств, отражен определенный комплекс. Все элементы такого комплекса-региона и образуют идеальный тип (по М. Веберу). Реально существующие неполные комплексы, всего лишь близкие к идеальному типу – представлению, образуют (по Л. Витгенштейну) «сеть сходств».

Такая усложненность образования рассматриваемых нами понятий связана с тем, что любой регион является не только социальным, а социоприродным и социокультурным образованием. Эти обстоятельства предопределяют сложность признаков, образующих «типологическое ядро» «китайского региона», или конкретного «внутреннего региона Китая», сложность выявления их границ, имманентных свойств и отличий.

В связи с вариативной сложностью содержания понятий процесса регионализации, необходимо установить их обусловленность и связи с понятием «управление», которое должно трактоваться не только как государственное. Источниками управленческих воздействий могут быть – бизнес, СМИ, культурные ценности – императивы, конфессиональные организации и т.д., компенсирующие отсутствие или недостаточность, несоответствие между государственно-административной управленческой и региональными иерархиями. Например, несоответствие между макрорегиональной структурой КНР и ее административно-территориальным делением компенсируется проведением политики сбалансированного

развития регионов, что снимает противоречия между разными уровнями управления на основе государствоцентрической парадигмы.

«Китайский регион», как показано ранее выражает сущность содержания процесса «внешней» китайской регионализации, не ограничивающегося институциональными границами государства и целенаправленно расширяющегося в мировом глобализирующемся пространстве. Поэтому понятие «китайский регион», рассматриваемое в динамике как «глобализирующийся», по сравнению с понятием какого-либо конкретного «внутреннего региона Китая», более динамично, шире по содержанию и несравненно значимее по статусу.

Но понятие «китайский регион» имеет два уровня представления – надгосударственный и государственный. Надгосударственный может включать другие регионы – «российский регион», «центральноазиатский регион» (ШОС)». Частями надгосударственного уровня «китайского региона» могут быть отдельные государства ареала распространения конфуцианско-буддийской культуры. Надгосударственный уровень «китайского региона» рассматривается обособленно от других регионов такого же уровня. Он в малой степени однороден (един). Границы региона этого уровня размыты.

Другой, государственный уровень «китайского региона» представляется как «самодостаточное» образование, как «мир в миниатюре», имеющий высокую степень однородности и определенности, очерченной государственной границей, которая в существенной мере конвенциональна. Рассмотрение такого уровня «китайского региона» не позволяет включать в него регионы, в полном смысле слова являющиеся государствами, но может – регионы, имеющие статус, близкий к государственному. В силу своей внутренней однородности и обособленности этот «китайский регион» в качественно большей степени стремится к автономии, к относительной независимости и контролю над собственными частями своей ком-

плексной системы, состоящей из внутренних регионов – подсистем.

Понятие «внутренний регион Китая» обозначает один из любых внутренних регионов КНР и выражает лишь тенденцию внутригосударственной дифференциации, представляя диалектический процесс внутренней регионализации.

Границы внутригосударственных регионов КНР размыты и специфицированы. Каждый «внутренний регион Китая» представляет собой вариативный комплекс региональных признаков и в высокой степени обладает единством, но в малой – обособленностью. Именно отсутствие обособленности внутригосударственных регионов в Китае не позволяет полностью рассматривать их как «самодостаточные» образования. В процессе внутренней регионализации, в любой регион может входить другой внутригосударственный регион.

Определенный уровень автономии этих регионов может способствовать формированию конкурентной среды в экономике, политике, науке, образовании, что, в свою очередь, благоприятствует их устойчивому развитию и формированию китайского государства как «региона-квазикорпорации». Чрезмерный уровень автономии нарушает устойчивость, независимость государственного целого, нарушает возможность экономического, культурного и т.д. воспроизводства и обмена, способствует внутренним конфликтам и дисбалансам. Поиск оптимальной автономии «внутренних регионов Китая» – актуальная проблема административно-государственной реорганизации и «гармонизации» китайского общества.

Фундаментальной основой и своеобразной матрицей рассмотрения этих новых реальностей китайского социума, обозначаемых понятиями «внутренний регион Китая», «китайский регион», или «глобализирующийся

китайский регион», «внутренняя» и «внешняя» регионализация КНР является общенаучное представление о «регионе» и его элементах – территориальной организации, воспроизводственной системе, ресурсном потенциале и культурных ценностях.

Изложенные авторские позиции позволяют представить китайскую регионализацию как естественно-исторический процесс самоорганизации глобализирующегося китайского социума, осуществляемый в разных – внутренней и внешней – формах. Во-первых, путем формирования институционально закрепленных административных регионов, состоящих из провинций, национальных округов и экономических зон внутри своей страны, открытых для глобального, трансграничного взаимодействия. Во-вторых, путем формирования «внешних» надгосударственных регионов – блоков стран или ассоциаций, в которых доминируют национальные интересы китайского государства. Это доминирование позволяет прогностически определять регион – «китайским», рассматривая его как один из полюсов многополярной системы международных отношений.

Таким образом, КНР как «государство-система», определяемая «китайским регионом» внутренне структурируется прежде всего в единстве территориальной, воспроизводственной, ресурсной и культурной региональных подсистем, которые в свою очередь дифференцируются на отдельные сферы жизнедеятельности китайского социума. Устойчивое функционирование и развитие каждой внутренней региональной системы-комплекса обеспечивается политико-управленческой системой каждого региона, региональной политикой КНР в их функциональном и институциональном единстве.

Литература

1. Абрамова, Н.А. «Китайский регион» в политическом измерении [Текст]: монография / Н.А. Абрамова, Т.Н. Кучинская. – Чита: ЧитГУ, 2008. –

174 с.

2. Арсентьева, И.И. Российские регионы в системе национальной безопасности [Текст]:

монография / И.И. Арсентьева. – М.: Восток-Запад, 2008. – С. 15-23.

3. Абрамов, Ю.Ф. Регион: научное понятие и реальность [Текст]: теоретико-методологические очерки / Ю.Ф. Абрамов, О.В. Бондаренко, А.Н. Лапшин, В.В. Мантатов. – Иркутск: ИГУ, 2001. – С. 131.

4. Попов, П.Л. Элементы теории регионов [Текст] / П.Л. Попов; отв. ред. Б.М. Ишмуратов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ие, ин-т географии им. В.Б. Сочавы. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 159 с. и др.

5. Абрамова, Н.А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых [Текст] / Н.А. Абрамова, В.А. Абрамов // Философия образования и образовательная политика в России и в

регионе: материалы симпозиума, проведенного в рамках международной научно-практической конференции «Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия» (18-20 октября 2006 г.). – Чита: ЧитГУ, 2006. – С. 75-83.

6. Попов, П.Л. Элементы теории регионов [Текст] / П.Л. Попов; отв. ред. Б.М. Ишмуратов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ие, ин-т географии им. В.Б. Сочавы. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С. 61.

7. Витгенштейн, Л. Философские исследования [Текст] / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 5.

8. Weber, M. Weltgeschichtliche Analysen. Politik // Soziologie / M. Weber. – Stuttgart, 1956.

Коротко об авторах

Briefly about author

Абрамов В.А., канд. филос. наук, профессор, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
abramova3@mail.ru

Abramov V., Ph. D. (Philosophy), Professor, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: политическая философия, глобалистика, регионалогия

Scientific interests: political philosophy, globalization, regional studies

Кучинская Т.Н., канд. полит. наук, доцент кафедры востоковедения, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
kuchinskaya_t@mail.ru

Kuchinskaya T., Ph. D. (Political Science), Assistant Professor of Oriental Studies Department, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: регионалогия, проблемы внутренней и внешней регионализации КНР, региональная безопасность, региональная политика КНР

Scientific interests: regional studies, problems of internal and foreign regionalization in PRC, regional security, Chinese regional policy

УДК 1:2

Арзуманов Игорь Ашотович
Arzumanov Igor

**МОРФОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВА РЕЛИГИОЗНОЙ
КУЛЬТУРЫ: ЦЕННОСТНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА**

**THE MORPHOLOGY OF THE SPACE OF THE
RELIGIOUS CULTURE: VALUE AND CULTUROLOGICAL
DETERMINANTS OF THE RELIGIOUS SPACE**

Статья посвящена проблемам морфологии пространства религиозной культуры в контексте ценностно-культурологических детерминант религиозного пространства. Счетом философско-мировоззренческих и философско-антропологических детерминант произведен морфологический анализ подходов в определении и рассмотрении культуры, соотнесение понятий «культура» и «религиозная культура», «культурное пространство» и «пространство религиозной культуры»

This article examines the issues of the morphology of space of the religious culture in the context of value and the religious space culturology determinants. By accounting of philosophical world outlook and philosophical anthropology determinants, the approaches to determination and study of culture were morphologically analyzed and the concepts "culture" and "religious culture", "cultural space" and "space of religious culture" are correlated

Ключевые слова: культура, аксиологические основы культуры, религиозная культура, культурное пространство, пространство религиозной культуры

Key words: culture, axiological foundation of culture, religious culture, cultural space, space of religious culture

Ценностно-культурологический подход в морфологической стратификации религиозного пространства обусловлен рядом факторов, отражающих, во-первых, его дедуктивные характеристики (логически выводимые из предметно-объектной стратификации культурологии как науки), и во-вторых, индуктивной составляющей философско-мировоззренческого базиса культуры – ее религиозно-детерминированной частью – религиозной культурой. Раскроем данное положение при помощи морфологического анализа подходов в определении и рассмотрении культуры, а также

через соотнесение понятий «культура» и «религиозная культура», «культурное пространство» и «пространство религиозной культуры» с учетом философско-мировоззренческих и философско-антропологических детерминант.

С позиций выбранных подходов, содержанием культуры является следующая триада: система верований – система ценностей – система норм. В этом контексте культура воспроизводит в современном обществе функции религиозных институтов: она освящает и отлучает, возвеличивает и дискредитирует, поощряет и осуждает. При этом инвективы и одобрения

культуры не носят декоративный характер, никак не влияющий на эффективность современных практик. Ни учреждения, ни материальные ресурсы не являются действенными, если они не одухотворены верой и энтузиазмом.

Понятийная разнонаправленность определения культуры (6; С. 15-43) обусловлена дисциплинарной спецификацией исследовательских «точек отсчета» и подходов в определении феномена культуры. С позиций духовно-пространственной стратификации функциональные и содержательные подходы к определению культуры выявляют:

1) антропологическую детерминированность ее социальной организации;

2) полевую природу ее функционирования в социальной среде.

Данный методологический аспект весьма примечателен при фиксации в религиозном пространстве артефактов религиозной культуры в их структурно-символической принадлежности в двух контекстах:

1) цивилизационно-культурологическом (определяющем не только общерелигиозную принадлежность (христианство, ислам или буддизм);

2) конфессионально-институциональном с его социополитическими характеристиками.

Если проецировать стратификацию подходов в определении культуры на функциональные аспекты определения культуры религиозной, необходимо отметить следующее:

1) философско-антропологический аспект культурогенеза;

2) социофункциональный аспект процессов ее трансляции и воспроизводства;

3) пространственную стратификацию религиозной культуры ее артефактами.

Последнее относится к ряду сущностных характеристик культуры и, по нашему мнению, включает в себе антропосоциальные характеристики пространства культуры.

М.С. Каган, давая определение культуры как *совокупного способа и продукта человеческой деятельности, реализующейся в процессах опредмечивания и распрямечивания и*

представляющей в связывающей эти процессы предметной форме, подчеркивает, что тем самым культура характеризует и самого человека как субъекта деятельности, и создаваемую им для себя и вокруг себя предметную среду в ее культурологической стратификации (4).

Ю.М. Лотман, четко вычлняя представление о культуре как о коллективном понятии, пишет: «...культура есть нечто общее для какого-либо коллектива – группы людей, живущих одновременно и связанных определенной социальной организацией» (7; С. 46).

Таким образом, с одной стороны, культура является продуктом, детерминантой систем человеческого социального взаимодействия, с другой – и в этом нельзя не согласиться с мнением П. Флоренского, считающего, что понятие культуры может быть истолковано как «деятельность организации пространства» (11; С. 321). С этой точки зрения культура предстает как форма трансляции социального опыта через освоение каждым поколением как предметного мира культуры, навыков и приемов технологического отношения к природе, так и культурных ценностей, образцов поведения. Выявленные дедуктивные подходы в *определении* культуры как многоаспектного явления, в свою очередь, обуславливают ряд самостоятельных подходов к *рассмотрению культуры* в индуктивной проекции.

Вопросы, связанные с миром ценностей, организованной системой смыслов и идеалов, разделяемых членами того или иного сообщества, того, что члены сообщества «хотели бы поддержать и сохранить для будущих поколений» (9; С. 11), рассматриваются в рамках *аксиологического* подхода в рассмотрении культуры. С точки зрения немецкого философа Г. Риккерта, первостепенен человекотворческий характер ценностей, выявляющийся при осмыслении дихотомичности природы и культуры (8; С. 53). По мнению П.П. Гайденко, каждую культуру можно представить как *набор конкретных, разделяемых большинством ее представителей ценностей, находящихся в определенной иерархии* (1; С. 16). В процессе

социализации аксиологических детерминант формируется оценка вещей, осознание значимости их для человека, которые, в силу этого, становятся ценностью для него. Понимая под культурой *общую сумму всего созданного или измененного с помощью сознательной или бессознательной активности двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или обуславливающих поведение друг друга* (14; С. 3), П. Сорокин в русле социологической традиции разделяет «общественное» и «культурное», отмечает наличие в каждом типе культуры двух сторон – совокупности социальных систем (общество) и совокупности духовных систем (собственно культура). По мнению П. Сорокина, именно таким образом понятая культура определяет характер всех общественных процессов. Понимая под «значением» «все то, что для одного сознания... имеет значение и ценность, возвышающиеся над чисто физическими и биологическими свойствами соответствующих действий», П. Сорокин фактически отождествляет историю человечества с историей мысли (10; С. 191-192). П.С. Гуревич, вычлняя понятие духовных абсолютов, обозначает их как определенные *святыни*, характерные для конкретного *временно-пространственного* социокультурного континуума (2; С. 153).

Таким образом, иерархически выстроенные ценности определяют то, что *свято* для конкретного человека, для группы людей и для всего человечества. «Три фактора характеризуют человеческое существование как таковое: духовность человека, его ответственность, его свобода», – утверждает В. Франкл (12; С. 19), и с этим, в условиях современного кризиса культуры и отвержения традиционных ценностей, нельзя не согласиться. Аксиологические основы культуры *несут в себе философско-антропологические обоснования, определяя ценность как личностно-окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека в его субъективности*.

Ценностноориентированный и практико-преобразующий характер деятельности человека предполагает особый способ духовного освоения мира и его феноменов – их символическое и знаковое (семиотическое), визуальное, в том числе и вербальное, обозначение. Таким образом, выводимая парадигма ценностной иерархизации социодетерминированной деятельности человека определяется в конкретном историко-культурном сообществе. Имея территориальные границы своей деятельности и территориальные же границы политической организации, конкретное общество вырабатывает и определенные аксиологические детерминанты идеологии сообщества. Последнее выводит понимание религиозного пространства (являющейся неотъемлемой частью пространства культуры) в качестве аксиодетерминирующей подсистемы культурного пространства.

В аспекте смысловых значений религиозной языковой системы определяется уровневое соотношение, место и роль конфессиональных аспектов религиозной культуры в социокультурном континууме. Из произведенного анализа *подходов к рассмотрению* культуры в целом мы вычлняем понимание ее как системы ценностей, норм и институтов, а также совокупности механизмов, определяющих поведение людей в рамках общества. Целеполагающая – *смыслообразующая, духовно-интенциональная составляющая культуры* определенно выявляет в основе всего *мировоззренческий* блок культурных систем, рассматриваемый нами, прежде всего, в *аксиосемиотическом* контексте.

Аксиологический аспект религиозного сознания в контексте данного исследования определяется как первично-интенциональный, имеющий нравственно-этическое наполнение в этноконфессиональной спецификации (данный посыл важен в силу того, что религиозное сознание, в рамках религиозоведческого дискурса, четко подразделяется на два уровня – сознание концептуально-доктринальное и обыденное религиозное сознание – рассматриваемые

нами в последующем, в рамках анализа религиозного подхода). Религиозная духовность касается самого высшего *смысла бытия* и человеческого назначения, смысла существования, смысла существования самого мира и в этом, как уже отмечалось, сопрягается с философско-мировоззренческим подходом. Реализуя свои силы в разнообразных формах культурного творчества, открывая для себя и осваивая мир, человеческий дух приобретает идеальную цель – приобщение к *абсолютным началам бытия*.

Таким образом, мы приходим к констатации методологического положения о том, что религиозная культура как квинтэссенция аксиологического, смыслообразующего потенциала культуры является структурообразующей составляющей религиозного пространства посредством семиотической иерархизации пространства социокультурного континуума.

Понятие религиозной культуры, разработанное в рамках российской религиозноведческой парадигмы как совокупности «способов и приемов обеспечения и осуществления разнопланового бытия человека, которые реализуются в ходе материальной и духовной деятельности и представлены в ее продуктах, передаваемых и осваиваемых новыми поколениями» (3; С. 28), дополняется положениями религиозно-пространственной стратификации пространства культуры в целом. С рассмотренных позиций религиознообусловленные аспекты пространственно-временного континуума могут быть истолкованы как измерение особого рода объективной реальности, выявляемые в тесном единстве с общественно-историческими типами духовного производства и мировоззренческими характеристиками эпохи. Данный культурно-методологический срез создает то методологическое своеобразие, которое, на наш взгляд, характерно для культурологических детерминант религиозного пространства.

Обеспечение системности и устойчивости общества, в рамках пространства религиозной культуры, осуществляется через антропологические

обоснования, определяя ценность как личностно окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека в его субъективности. Религиозная культура – сложное комплексное образование, все аспекты которого находят проявление в социокультурной области уже в силу того, что являются личностной трансляцией имеющихся в религии способов и приемов обеспечения и осуществления бытия человека, которые реализуются в ходе религиозной деятельности и представлены в ее продуктах, несущих религиозное значение и смыслы.

Опыт переживания Священного, религиозный опыт, характерный для человека любой культуры и религиозной традиции, служит необходимым обоснованием для феноменологического подхода и в исследовании религиозной культуры, поскольку на его основе посредством феноменологической рефлексии возможно понять аксиологический базис культуры в ее антропофилософской совокупности. К основным методологическим аспектам стратификации пространства религиозной культуры относятся:

- 1) сакрализация социального пространства;
- 2) отражение взаимодействия (полевая природа);
- 3) социоинтеграционная (дезинтеграционная) функциональность, социополитическая интегрированность и ограниченность.

Данный подход актуален и в связи с тем, что жизненное пространство «человека религиозного» (стремящегося в своем наличном бытии воплотить бытие «священного»), конституировано, прежде всего, его опытом Священного. В социокультурное пространство аксиологические детерминанты бытия – священное, сакральное – транслируются посредством функций культуры (прежде всего религиозной), результатом чего знаково-символическая система артефактов – предметного мира религиозной культуры, ее семантический ряд – историзирует себя, входя в субъектно-объектные отношения пространственно-временного кон-

тинуума. Таким образом, мы выходим на понимание *религиозной культуры как деятельности по организации религиозного пространства, функционально сакрализирующей все виды социальных пространств в их антропофилософской спецификации.*

Наиболее адекватно суть священного пространства определял Х. Керлот, замечая, что оно является промежуточной зоной между хаосом и Космосом. Если воспринимать пространство в качестве царства всего потенциально сущего, то оно – хаотично; если же рассматривать его в качестве сферы, где прибывают все структуры и формы, то оно ближе к Космосу (5; С. 414). Последнее положение *определяет артефакты религиозной культуры:*

1) *как сакральных центров культурного пространства;*

2) *в качестве аксиосемиотических векторов религиозного пространства и пространства религиозной культуры.* Учитывая тот факт, что одной из задач данного исследования является раскрытие соотношения религиозного сознания и религиозной культуры в дедуктивных рамках собственно понятия «культура», в ее историко-логической динамике, автор исходит из позиции, что культура (в том числе и религиозная) формирует особые формы деятельности человека. Но и посредством этого человек, в свою очередь, создает *единое культурное пространство*, в том числе и пространство религиозной культуры и, как неотъемлемую составную часть его, – пространство конфессиональной – *православной, католической, протестантской или буддийской* – культуры. Данное определение обосновывается пониманием культурного пространства в контексте освоения «логики пространства» и логики «времени» как основы культуроцивилизационной деятельности (13).

В своей бытийной, онтологической реальности пространство и время неразделимы. Исходный пункт культурологического рассмотрения, опять же, – *проблема пространства*, ибо в культурной эволюции ценностно-символический смысл пространства в его социокуль-

турной плоскости всегда подразумевает личностно-субъективный взгляд человека и на человека. В контексте данной социокультурной парадигмы, по П. Сорокину, «изучение социокультурного пространства как такового, во всех его сущностных аспектах, является главной задачей...» (10; С. 185). *Ценность индивидуального пространства напрямую зависит не только от внешней семиотики обстоятельств, но и от степени их аксиологической детерминированности*, поскольку конкретное пространство индивида может обесцениваться по мере утраты им культурологического смысла.

Таким образом, мы приходим к положению о том, что:

1) *религиозное пространство в его историко-культурологическом ракурсе не просто географическое пространство, а пространство артефактов религиозной культуры, а в измерении философско-антропологическом и философско-культурологическом оно детерминировано потребностями, интересами, аксиологическим, семантическим и семиотическим факторами взаимоотношений, целями и ориентирами общества, отраженными в плоскости религиозной культуры;*

2) *ценностно-культурологический подход обусловлен рядом факторов, отражающих, во-первых, его дедуктивные характеристики (логически выводимые из предметно-объектной стратификации культурологии как науки), и во-вторых, индуктивной составляющей философско-мировоззренческого базиса культуры – ее религиозно-детерминированной частью – религиозной культурой.* Явления из области философии, морали, искусства, исторически вовлекаемые в религиозно-духовную, культовую деятельность и в церковную жизнь, не только определяют ценностно-символический смысл пространства в его социокультурной плоскости, но и личностно-субъективный взгляд человека и на человека. Следовательно, пространство в его философско-антропологическом измерении отражается в знаково-символической плоскости артефактов религиозной культуры.

Обеспечение системности и устойчивости общества в рамках пространства религиозной культуры осуществляется через антропологические обоснования, определяя ценность как

лично окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но и собственного жизненного опыта человека в его субъективности.

Литература

1. Гайдено, П.П. Аксиология [Текст] / П.П. Гайдено. – М.: Книжный мир, 2001.
2. Гуревич, П.С. Философия культуры [Текст] / П.С. Гуревич. – М.: Эксмо, 1994.
3. История религии : в 2 т. Т. 1 [Текст] / В.В. Винокуров [и др.] ; под общ. ред. И.Н. Яблокова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: МПСИ, 2004.
4. Каган, М.С. Человеческая деятельность: (Опыт системного анализа) [Текст] / М.С. Каган. – М.: Норма, 1974.
5. Керлот, Х.Э. Словарь символов [Текст] / Х.Э. Керлот. – М.: Книжный мир, 1994.
6. Клакхон, К. Понятие культуры [Текст] / К. Клакхон, А. Кребер // Человек и социокультурная среда. Вып. 2. М.: ТК Велби: Проспект, 1992.
7. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв [Текст] / Ю.М. Лотман. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1992.
8. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст] / Г. Риккерт. – СПб.: Оникс, 1911.
9. Соколов, В.А. Культурология [Текст] / В.А. Соколов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004.
10. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П. Сорокин. – М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 1992.
11. Флоренский, П.А. Анализ пространственности [Текст] / П.А. Флоренский // Иконостас: Избранные труды по искусству. – СПб.: ЛГУ, 1993.
12. Франкл, В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия [Текст] / В. Франкл. – СПб.: Знание, 2000.
13. Шпенглер, О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. Т. 1. Новое изд.: Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. [Текст] / О. Шпенглер. – М.: БЕК, 2003.
14. Sorokin, P. Social and Cultural Dynamics. 2th ed. N. Y., 1962, vol. 1–4. Vol. 1.

Коротко об авторе

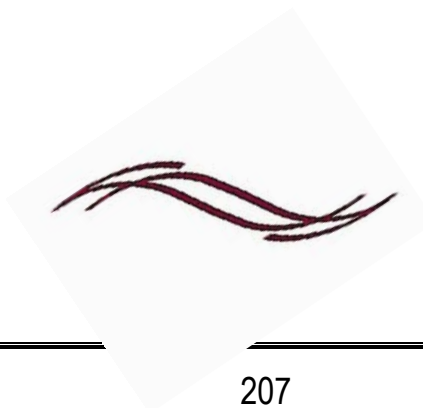
Briefly about author

Арзуманов И.А., канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института, Иркутский государственный университет (ИРГУ) arzumantov@mail.ru

Arzumantov I., Ph. D. (Philosophy), Assistant Professor of History and Theory of State and Law Department, Law Institute of Irkutsk State University (ISU)

Научные интересы: культурно-правовые аспекты вероисповедной политики России в Центральной Азии, проблемы религиозной культуры центрально-азиатского региона, доктринальная специфика религиозной антропологии мифо-религиозных и конфессиональных систем Байкальского региона, миссиологические доминанты конфессионального пространства Байкальского региона в геополитической проекции

Scientific interests: cultural and legislative aspects of the Russian confessional policy in Central Asia, religious and cultural problems of Central Asia, doctrinal specificity of religious anthropology of mythical and religious and confessional systems of the Baikal region, missionary dominants of confessional space of the Baikal region in the geopolitical field

УДК 101.1::316

Колпакова Татьяна Владимировна
Kolpakova Tatyana

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
«КИТАЙСКОГО РЕГИОНА»

CONCEPTUAL FOUNDATION OF
SOCIAL-ECOLOGICAL PROBLEMS STUDY OF
«CHINESE REGION»

Рассмотрена необходимость научной рефлексии социально-экологической проблематики в китайском государстве и её адекватного понятийного обозначения

The article considers necessity of scientific reflection of social-ecological problems in Chinese state and its appropriate conceptual description

---

Ключевые слова: устойчивое развитие, глобализация и регионализация, регион, «китайский регион», социально-экологические проблемы

Key words: stable development, globalization and regionalization, region, «Chinese region», social-ecological problems

---

Стремительное экономическое развитие Китая, глобально наращивающего темпы производственной и другой предметно практической деятельности актуализирует познание социально-экологической проблематики в данном регионе. Нерациональное использование природных ресурсов, активная реализация космических программ, колоссальная по своим масштабам эксплуатация технологически устаревших предприятий, средств транспорта, истощение сельскохозяйственных угодий и т.д. на фоне демографической перегруженности усиливают внимание к интерпретации содержания, структуры социально-экологического знания и практики его реализации в китайском государстве.

Известно, что впервые термин «экология» был введен в научный лексикон немецким биологом Э. Геккелем в 1866 г. и обозначал один из разделов биологии, изучающий

взаимоотношения животных и растений со средой их обитания, взаимоотношения систем организменного и надорганизменного уровней живой материи с окружающей средой.

Но для объективного рассмотрения современной экологической проблематики в глобальном масштабе или даже в отдельном регионе такого подхода недостаточно, ибо вещественно-энергетический и информационный обмены совершаются и на суборганизменном уровне, что находит отражение в различных областях развивающейся науки, появлении в экологии новых, неклассических направлений.

Особые закономерности экологического взаимодействия проявляются как раз в результате разнообразной деятельности человека, общества, человеческой цивилизации. Воздействие человека на природу принципиально отличается от воздействия живых

организмов, так как обусловлено его общественной, социальной природой и совершается прежде всего в предметно-практической, затем в познавательной и ценностной деятельности. Признание преимущественного значения социальной детерминанты в возникновении и решении локальных, глобальных или космических экологических проблем позволяет остановиться на термине «социальная экология» [1; С. 53].

Возникновение социальной экологии обусловлено, прежде всего, сложившимися на сегодняшний день взаимоотношениями в рамках «Общество – Природа». В связи с высочайшими достижениями научно-технического прогресса, антропогенное воздействие человека на окружающую среду усилилось многократно, что явилось причиной возникновения многочисленных проблем, получивших название социально-экологических.

В условиях глобализации в китайской социально-экологической науке складывается совершенно новое представление о «регион-системе» (государстве, группе государств), реализующее общенациональную (национальную) стратегию безопасного социально-экономического и экологического развития на основе использования макроэкономических моделей мезопространственного развития, в которых учитывается и экологическая специфика отдельных внутренних регионов – подсистем Китая, а также региональная специфика экологического взаимодействия мирового глобализационного процесса [3]. В этом процессе формируется и выделяется специфика социально-экологической деятельности глобализирующегося «китайского региона».

Дело в том, что в условиях глобализации исторически по-новому складывается роль китайского государства. Его внутренняя и внешняя регионализация развивается не только как процесс параллельный глобализации, но и противопоставленный ее негативным тенденциям, направленный на обеспечение своей национальной безопасности – экономической, политической, социально-

экологической. Китайская регионализация проявляется весьма диалектично – в интегративности, локализме, самодостаточности, самобытности и исключительности. Поэтому внутренняя и внешняя китайская регионализация выступает как механизм защиты национальных интересов от негативных тенденций глобализации и эффективный способ решения глобальных проблем на региональном уровне. Поэтому не случайно Китайское государство-регион в процессе глобализации становится субъектом регулирования глобальных процессов в сфере безопасности, стабильности, экономики, экологии и т.д. В качестве этой новой тенденции особо выступают социально-экологические отношения между государствами, другими регионами, когда государство перестает быть посредником этих отношений, и все больше выступает в роли основного их регулятора в достижении своих национальных глобализирующихся интересов. Например, КНР наращивает экономическое, политическое, экологическое влияние не только по периметру своих границ, в зоне традиционного влияния Китая. Суть китайского глобализирующегося регионализма состоит в том, чтобы разносторонне обезопасить свое развитие в условиях формирования нового мирового порядка.

Китайскими учеными и практиками понимается, что обострение глобальных, в первую очередь, экологических проблем, несущих в себе реальную угрозу устойчивости современного развития, обуславливает необходимость рассмотрения социально-экологических проблем на внутрорегиональном уровне, так как именно на этом уровне происходит развертывание, взаимодействие и решение глобальных и локальных проблем. Поэтому в контексте социально-экологической проблематики понятие «регион» рассматривается ими как «социоприродная система». В западной научной литературе также существуют синонимичные термины – «социозкосистема», «социально-эколого-экономическая система» и др. Именно социоприродный подход, актуа-

лизируемый в китайской гуманитарной науке, традиционно является наиболее позитивным в плане комплексного представления и структурно-функционального исследования совершенно нового в научной практике феномена – «китайский регион», интерпретируемый нами как разноуровневый субъект социально-экологической деятельности.

В условиях глобализации КНР сталкивается с вполне определенными социально-экологическими проблемами как глобального характера, так и с противоречиями внутреннего развития. Познавательный процесс, направленный на решение внутренних противоречий этой социоприродной системы, связан и с экспансивной масштабной деятельностью Китая вне рамок своего государства, характеризующейся нами как его глобализирующаяся регионализация. Поэтому с точки зрения деятельности подхода «китайский регион» рассматривается как экологически противоречивая неустойчивая социоприродная система и, одновременно, как подсистема более сложной системы отношений человеческой цивилизации и Земной природы.

Процесс внутренней и внешней глобальной регионализации КНР обуславливает необходимость соответствующего понимания социально-экологической деятельности и ее адекватного понятийного обозначения. Для этого необходимо более предметно рассмотреть сущность и структуру «китайского региона».

«Китайский регион» представляет собой функциональное единство следующих составляющих его элементов-систем, требующих экологической спецификации и понятийного оформления. Во-первых, это *территориальная организация региона*, во-вторых, *система регионального воспроизводства*, в-третьих, *ресурсный потенциал региона* и, наконец, *система региональных духовных ценностей*. Как видно, каждый элемент региона дифференцируется на отдельную региональную подсистему в ее социальном и природном единстве.

Территориальная организация региона

в наиболее полном виде находит свое выражение во внутренней регионализации КНР. В институциональном отношении регионалогическая практика представлена политико-административным оформлением территории регионов страны. В целом же китайский вариант территориально-государственного устройства интересен с точки зрения сложностей формирования регионального экономического, социального, культурного пространства. Отсюда следует, что при освещении данной проблемы недостаточно исследовать только форму государственного устройства, характер политико-территориального деления КНР, необходимо учитывать также особенности экономического регионообразования, размещения населения, региональной социально-экономической дифференциации и мн. др. В рамках эколого-функционального районирования решается крайне важная задача, а именно: идентификация районов, экосистемы которых обеспечивают экологическую безопасность страны, а также рациональное использование и охрана природных ресурсов.

Воспроизводственная социально-экологическая система «китайского региона», как и любого другого, подразделяется на натуральное и социальное воспроизводство. Натуральное воспроизводство включает следующие подсистемы: гентильное (демографическое), экзистенциальное (потребительские отношения) и экономическое (производственно-хозяйственные отношения). Оно направлено на воспроизводство материальных благ. Духовное воспроизводство – это нравственно-правовые отношения, идеологическое и информационно-коммуникативное воспроизводство, направленные на воспроизводство духовных благ населения [5; С. 25].

В целом, система воспроизводства, со всеми входящими в нее компонентами, есть ни что иное, как проявление предметно-практической деятельности человека. «Китайский регион», наращивая темпы социально-экономического роста, наращивает и темпы воспроизводства, что, в свою очередь, имеет

прямую взаимосвязь с состоянием окружающей среды.

Ресурсный потенциал «китайского региона», который включает в себя такие виды ресурсов, как территория, социальные, демографические, трудовые, экономические, производственные, политические, ценностные, информационные, природные, экологические и соотносится с основными воспроизводственными сферами, выступает как базис регионального воспроизводства для устойчивого развития региональной системы. В связи с этим рациональное использование природных ресурсов, их восстановление и сохранение для последующих поколений имеет особую значимость для стабильного устойчивого социально-экологического развития региона.

Система региональных духовных ценностей в аспекте исследования социально-экологических проблем имеет особую значимость. Китай – многонациональное государство, где представители различных национальностей, населяющие различные регионы Китая, обладают собственными традиционно присущими им духовными ценностями, в том числе и социально-экологическими.

Ценностные отношения человека, общества (субъекта) к природе (объекту) и их экологические формы выясняют преимущественно значение этих специфических особенностей и закономерностей в жизнедеятельности человека. Здесь экологические явления объективного мира воспринимаются через интересы и потребности отдельных индивидов, классов, социальных групп, общества в целом как субъекта. Ценностное духовное освоение деятельности фиксируется в определенных его продуктах – социально-экологических оценках, нормах, правилах, прогнозах и т.д., формулируемых социальной экологией и призванных регулировать все виды деятельности человека. Так, социально-экологические ценности превращаются в элемент предметно-практической, преобразующей деятельности человека [1, С. 55].

Итак, самые острые проблемы нынешнего столетия, которые предстоит решить китайскому обществу, связаны с ростом насе-

ления и усилением давления на окружающую среду. В терминах концепции «гармоничного общества» это относится к проблематике взаимодействия человека и природы. Серьёзное увеличение антропогенной нагрузки на территорию страны, связанное с быстрым экономическим ростом, привело к негативным последствиям для среды обитания. Расточительный характер использования природных ресурсов становится одним из сдерживающих факторов на пути развития эффективности экономики.

В этих условиях китайское руководство обращается к традиционным идеологемам, оформляющим взаимодействие человека, общества и природы в китайской культуре. Следование формуле «совпадающее единство Неба и человека» ставит во главу угла коренное изменение стратегии развития с перенесением акцента на защиту среды обитания, на замедление и последующее прекращение её разрушения. Речь идёт о внедрении в производство природосберегающих технологий и строительстве эффективных очистных сооружений, о ресурсносберегающем хозяйствовании. Всё это требует поворота в политике государственных и других видов инвестиций без расчёта на их быструю отдачу [5; С. 98].

Правительство КНР также активно участвует в международном сотрудничестве в сфере решения социально-экологических проблем и выступает за развитие сотрудничества в данной области на основе Устава ООН, пяти принципах мирного сосуществования и других общепринятых норм международного права. Являясь участником региональных интеграционных процессов, Китай играет немаловажную роль в обеспечении коллективной экологической безопасности ряда региональных объединений.

Регионализм китайской внешней политики по отношению к приграничным государствам нередко реализуется в простом термине «добрососедство», который вошел и в договор о межрегиональном сотрудничестве с Россией, подписанный в Москве 16 июля 2001 г. [4; С. 560]. Этот договор, по сути, представляет собой стратегию долговременного взаи-

мовыгодного сотрудничества обеих стран в XXI в. и является определенным вектором в дальнейшем развитии взаимоотношений, направленных на решение социально-экологических вопросов как в регионе, так и на международной арене в целом.

Нельзя недооценивать роль КНР как в стабилизации двусторонних соглашений с РФ в сфере защиты и улучшения окружающей среды, так и в обеспечении региональной (коллективной) экологической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в других процессах глобального масштаба (в решении глобальных социально-экологических проблем), но при этом нельзя оставлять без внимания национальную специфику китайского государства. Китайский регионализм невозможно рассматривать без учета влияния аксиологического фактора. КНР в формировании стратегии улучшения состояния окружающей среды постоянно опирается на традиционные социально-экологические ценности, накладывая их на современные условия развития. Неизменно присутствующий национализм во внешней и внутренней политике Китая и видение своего государства в центре

мировой системы (Срединное Царство), а остальных государств как поля для реализации своих национальных интересов, являются достаточным поводом для беспокойства... Речь идет об экологических угрозах, которые представляет Китай для граничащих с ним государств, в том числе и России.

С учетом того, что российская цивилизация развивается в культурном ареале на стыке крупнейших локально-региональных цивилизаций индоевропейского и азиатского типов, и именно восточноазиатский вектор имеет немаловажное значение во внешней стратегии России, более конструктивный и глубокий анализ экологических угроз совершенно необходим для обеспечения российской экологической безопасности в рамках сотрудничества с Китаем. В сфере обеспечения экологической безопасности РФ важно видение новой внутренней и внешней региональной политики КНР, направленной на решение региональных и глобальных социально-экологических проблем и в соответствии с этим выстраивание уже собственной парадигмы национальных интересов, способных обеспечить экологическую безопасность.

Литература

1. Абрамов, В.А. Социальная экология – комплексная система решения проблем экологии и безопасности жизнедеятельности [Текст] / В.А. Абрамов // Вестник МАНЕБ. – 1997. – № 8. – С. 54-56.

2. Абрамов, Ю.Ф. Регион: научное понятие и реальность. Теоретико-методологические очерки [Текст] / Ю.Ф. Абрамов, О.В. Бондаренко, А.Н. Лапшин, В.В. Мантатов. – Иркутск: Иркутский государственный университет. 2001. – 213 с.

3. Абрамова, Н.А. Теория нового регионализма в исследованиях китайских ученых [Текст] / Н.А. Абрамова, В.А. Абрамов // Трансграничье в

изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: материалы международной конференции (18 октября 2006 г.). – Чита: ЧитГУ, 2006. – С. 75-86.

4. Кузык, Б.Н. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития [Текст] / Б.Н. Кузык, М.Л. Тугаренко. – М.: Институт экономических стратегий, 2006. – 656 с.

5. Кучинская, Т.Н. Процессы политических изменений глобализирующегося «китайского региона» [Текст]: дисс. ...канд. полит. наук / Т.Н. Кучинская. – Чита, 2007. – 168 с.

Коротко об авторе

Колпакова Т.В., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Koltatyana@yandex.ru

Научные интересы: глобалистика и регионолистика, социальная философия, социальная экология, геоэкология, устойчивое развитие

Briefly about author

Kolpakova T., graduate, Chita State University (ChSU)

Scientific activity: globalization and regionalization, social philosophy, social ecology, geoecology, stable development

УДК 130

Муртазина Марина Шамильевна
Murtazina Marina

ОБРАЗОВАНИЕ И ВИРТУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

EDUCATION AND VIRTUAL CULTURE

Представлен обзор возможностей использования виртуальных технологий и виртуальных миров в образовательных целях и связанных с этим философско-антропологических и мировоззренческих проблем. Виртуальная культура рассматривается как явления глобализации, благодаря которому осуществляется переход на новую ступень социальной памяти

The article represents possibilities of virtual technologies and virtual worlds in educational aims and concerned with that philosophic-anthropologic and world outlook problems. Virtual culture is considered as globalization phenomenon owing to which transition to a new stage of social memory

Ключевые слова: виртуальная культура, виртуальные технологии, виртуальное образование, виртуальный мир, социальная память, межкультурное общение, коммуникации, Интернет, глобализация

Key words: virtual culture, virtual technologies, virtual education, virtual world, social memory, cross-cultural communication, communications, Internet, globalization

В современной философской мысли проблема виртуализации образования рассматривается с разных позиций. Это обусловлено как самой природой виртуализации социального, культурного пространства, так и природой процесса образования, стремящегося сохранить традиционные императивы в динамически меняющемся мире. Заслуживает должного внимания позиция академика В.С. Степина, который утверждает, что существуют несколько альтернативных трактовок этих процессов. «Первая рассматривает их как изменения, которые происходят в рамках базисных ценностей современной цивилизации, сохраняя эти ценности. Вторая интерпретирует постиндустриальное общество как особый переходный этап к новому типу цивилизационно-

го развития, связанному с трансформацией прежних базисных ценностей. Каждая из этих трактовок соответствует особому сценарию будущего. И каждый из этих сценариев предполагает особую стратегию развития науки и образования» [1]. Уже в данном высказывании заложен глубокий смысл виртуальности образования, в частности, и культуры, в целом. Это объясняется следующим. Во-первых, образование, как и культура – понятия абстрактные. Как сказал по этому поводу М.К. Мамардашвили – «мысль о мысли». Но образование, как элемент культуры общества, характеризуется набором средств и способов своей реализации. Следовательно, постановка вопроса о виртуализации данного процесса актуальна во времени. Прежде всего, испокон веков образо-

вание служило средством передачи не только навыков и умений от поколения к поколению, но – главное, оно было хранилищем информации. Возникновение, распространение и хранение, модификация и усвоение информации – процессы, лежащие в основе культурного развития, так как культура обеспечивает передачу социального опыта от поколения к поколению, выступает в роли механизма социальной памяти.

Американский социолог и футуролог Э. Тоффлер, один из авторов концепции «сверхиндустриальной цивилизации», в работе «Третья волна» (1980) указал, что развитие компьютерной техники «делает социальную память не только обширной, но и активной, а такое сочетание проявляет себя как движущая сила. Активизация этой новоявленной расширенной памяти высвобождает в культуре свежие силы. Ведь компьютер не только помогает организовать или синтезировать «крупницы информации» в когерентные модели реальности, но также далеко раздвигает границы возможного» [2]. Следовательно, благодаря компьютерным технологиям, социальная память приобретает «механизм» своего «вечного» бытия. И если мы говорим о том, что в процессе образования социальная память «оживает» под воздействием наших социальных запросов, то в новых, виртуальных, условиях она сопresentствует с нами.

Переход на новую ступень социальной памяти дает возможность человеку получать учебную информацию из многих различных источников. Традиционно ими являются книги, человеческая память, жизненный опыт, а в последние десять-двадцать лет прошлого столетия – еще и средства мультимедиа, такие как видео и аудио. С приходом компьютеров этот список не только видоизменился, но и значительно расширился. Традиционные источники стали переноситься в электронный формат, формируя одну из граней виртуальной реальности; появились электронные учебники, по многим параметрам более удобные, чем бумажные. Из нововведений, привнесенных в учебный процесс виртуальной реальностью, весьма заметны обучающие компьютер-

ные игры, дистанционное и (или) «он-лайн» обучение. Возможно, главной характеристикой виртуального мира является то, что информация в нем более доступна и удобна, нежели в традиционных источниках. И, что не менее важно, в виртуальной реальности любой человек может стать творцом собственного мира, нового виртуального культурного пространства. Виртуальная культура тем и хороша, что в ней много способов самовыражения, частично или полностью невозможных в реальности. Учитывая сказанное, мы заметим, что указанные черты виртуальной культуры существенно влияют на модернизацию образования, так, например, ярким примером этому является дистанционное, или виртуальное образование.

Проблема виртуального образования – больше философская, чем социальная, хотя с этим можно и не согласиться. Если исходить из того, что философия образования – осмысление идеологии и политики образования, то вышеназванная проблема – философская, так как здесь сразу поднимаются вопросы о диалоге, межкультурном общении, ценностных императивах и т.п. Так, например, А.В. Хуторской в работе «Виртуальное образование и русский космизм» (1999) отмечает, что «существование виртуального образовательного пространства вне коммуникации преподавателей, учеников и образовательных объектов невозможно». Мы думаем, что в конце 90-х гг. так можно было утверждать, но сегодня образовательные условия сформировали такое пространство, которое было недоступно в прошлом десятилетии, а следовательно, появилась необходимость поиска и осмысления новой реальности в образовании.

В учебных целях виртуальные технологии стали применяться ещё в 1960-х гг., когда с помощью специальных тренажёров пилоты осваивали способы управления самолетом. С 80-х гг. в США стали создаваться принципиально новые системы диалогового управления машинно-генерируемыми образами [3]. С появлением Интернета – основного виртуального пространства, web-технологии стали активно

применяться в образовательном процессе. На современном этапе, когда в Internet становится все более популярной концепция Web 2.0, виртуализация образования усиливается с каждым днем.

Появление термина «Web 2.0» принято связывать со статьёй Тима О'Рейли «Что такое Веб 2.0» от 30 сентября 2005 г. Фундаментальная идея «второй версии Web» состоит в том, чтобы стереть границы между дизайнерами и пользователями интернет-сайтов, создателями и потребителями их контента – сделать так, чтобы посетители сайтов могли выступать в роли их соразработчиков и соавторов их содержания. Таким образом, каждый проект в системе Web 2.0 должен быть ориентирован на реализацию в условиях «социальной сети», где вся циркулирующая информация генерируется путем взаимодействия большого количества людей [4].

Все веб-технологии, находящиеся сейчас на пике популярности, разумеется, применяются к сфере образования. О чем свидетельствует появление термина «Образование 2.0» («ITeach 2.0»), которое ввела компания Google, организовав одноименную конференцию www.googleconference.ru. «Образование 2.0» можно определить как образование, которое базируется на платформе Web 2.0 и использует все его преимущества.

Образовательные порталы обеспечивают средства публикации и доступ к самым разнообразным информационным ресурсам. Но образовательный портал – это не только компьютерно-телекоммуникационная система, а еще и распределенная редакция, включающая педагогов-предметников в своей области, определяющая стратегию содержания, наполнения и ведения порталов, обеспечивающая «сертификацию» предлагаемых информационных ресурсов образовательным сообществом [5].

В последние годы зарубежные учебные заведения активно осваивают виртуальные миры. Виртуальный мир (Virtual World) – это трехмерная сцена, созданная с помощью VRML (Virtual Reality Modeling Language) тех-

нологии, где каждый участник представлен персонажем (аватаром). Среди них: Second life, there.com, Project Wonderland, Entropia Universe, Active Worlds, OpenCroquet, Metaverse, OpenSIM, HiPiHi, Twinity и др. Очевидное преимущество этих миров заключается в том, что человек, попадая в такой виртуальный мир, весьма похожий на настоящий, получает новые возможности в плане мышления и поведения. Наиболее впечатляющим достижением новой информационной технологии является возможность для человека, попавшего в виртуальный мир, не только наблюдать и переживать, но действовать самостоятельно, создавать этот мир.

Применительно к сфере образования в виртуальных мирах большую роль играют коммуникационные взаимодействия между учениками в текстовой и звуковой форме. Использование 3D звука в виртуальных средах делает более реалистичным речь говорящего в виртуальном мире. Для усиления этого эффекта применяются виземы. Главный эффект «живого» голоса заключается в том, что участники начинают оценивать образ персонажа как более привлекательный и человекоподобный [6].

Наиболее популярным среди виртуальных миров на сегодняшний день считается Second Life (SL), который был запущен в 2003 г. компанией Linden Lab, расположенной в Сан-Франциско. Начиная с версии 1.18.1.2 от 2 августа 2007 г., основной SL-клиент содержит голосовую функциональность [7].

В течение 2007 г. вселенная Second Life стала важным инструментом многих университетов, использующих 3D пространство для изучения языков. Среди них Мичиганский университет (MSU) и Саутгемптонский университет (University of Southampton) [8].

Second Life не является специализированной образовательной средой. Специально для целей образования совместными усилиями Бостонского колледжа, Университета Эссекса, Университета Орегона и Колледжа Сент Пола (США) была создана гибкая виртуальная обучающая среда Project Wonderland.

Этим учебным заведениям удалось создать виртуальную среду, поддерживающую разный подход к обучению, которая также дает возможность организовать взаимодействие между учебными заведениями и обмениваться передовым опытом преподавания [9].

Для России пока не характерно наличие представительств учебных заведений в виртуальных мирах, хотя рядом вузов ведутся разработки своих миров. Например, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения активно исследует и разрабатывает технологии виртуальных миров как основы ИТ-образования.

Указанные факты позволяют говорить о том, что современная система образования использует новые возможности для воплощения в учебном процессе новой культурной ситуации, которая характеризуется доступностью информации, глубоким уровнем индивидуальной и коллективной рефлексии, возможностью осуществлять моделирование реальности бытия с помощью информационных технологий.

Столкнувшись с совершенно новой эпистемической ситуацией в образовании, общество, безусловно, ощутило на себе не только преимущества иной культурной ситуации, но и

массу проблем, связанных с ней. Пожалуй, наиболее значимой из них является проблема конфликта знания и информации. Если прежние системы образования базировались на трансляции общепризнанного знания, то представление знаний в качестве гипертекста не знает жестких границ и постоянно меняется.

Следующая проблема сетевого образования – воспитание культуры человека, воспитание мировоззрения. Легкость доступа к информации посредством коммуникационных технологий ведет к обесцениванию информации. В этой связи человек должен уметь фильтровать потоки информации, которыми изобилует виртуальное пространство. Порядок бытия в Интернет определяется внутренним мировоззрением каждого человека. В этом большое преимущество Сети, по сравнению с реальной жизнью. Но на индивидуально-личностном уровне – все же это проблема. И стоит уточнить – философская, которая нуждается в осмыслении и конструктивном диалоге.

В заключение следует отметить, что стратегии и формы образования определяются процессами цивилизационных изменений – глобализацией и переходом к информационному обществу.

Литература

1. Громько, Ю.В. Образование в эпоху интернета: конфликт знания и информации [Электронный ресурс] / Ю.В. Громько. Электронные данные. – Режим доступа: http://www.futureussia.ru/conf/forum_education.html.

– Загл. с экрана.

2. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э.Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. – 261 с.

3. Хуторской, А.В. Виртуальное образование и русский космизм [Электронный ресурс] / Эйдос – Электрон.журн. – 1999. – № 1. – Режим доступа: www.eidos.ru/journal/1999/0105.htm. – Загл. с экрана.

4. Web 2.0 распространяется по всему свету с эпидемической скоростью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cio-world.ru/>. – Загл. с экрана.

5. Иванников, А.Д. Основные положения концепции создания системы образовательных пор-

талов [Текст] / А.Д. Иванников, А.Н. Тихонов // Интернет-порталы: содержание и технологии: Сб. научн. ст. – М., 2003. – Вып. 1. – С. 8-18.

6. Хованский, В.П. Голосовые коммуникации в виртуальных образовательных средах [Электронный ресурс] / В.П. Хованский, А.В. Герасимов, М.Н. Морозов // Educational Technology & Society. – 2007. - № 4. – Режим доступа: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v10_i4/html/2.htm.

– Загл. с экрана.

7. Описание Second Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.worldgames.ru/mmorpg/codes_codes/gm/342/ctyp/1/cid/1922/. – Загл. с экрана.

8. Зорин, Р. Дайджест о Second Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://robertzorin.com/>. – Загл. с экрана.

9. Виртуальный класс Sun объединит учащихся по всему миру [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступна: <http://ko-online.com.ua/node/36782>. – Загл. с экрана.

Коротко об авторе

Briefly about author

Муртазина М.Ш., аспирантка, Читинский государственный университет (ЧитГУ),
murtazina@chitgu.ru

Murtazina M., graduate, Chita State University

Научные интересы: философия, культурология, антропология

Scientific interests: philosophy, culturology, anthropology

УДК 101.1::316; 323

Шерстянкина Татьяна Владимировна
Sherstyankina Tatyana

**НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
СИСТЕМО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

**RUSSIAN NATIONAL SECURITY
IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION:
SYSTEM-SYNERGETIC METHOD**

Рассматриваются проблемы обеспечения национальной безопасности России в условиях глобализации. В качестве методологической основы используется системно-синергетический подход. Делается вывод о том, что национальная безопасность Российской Федерации – открытая система со своими внутренними связями и связями с окружающей средой

The article considers the issues of Russian national security in conditions of globalization. System-synergetic approach is used as the methodological basis. The author comes to a conclusion that the Russian Federation national security is an open system with its interior connections with an environment

Ключевые слова: глобализация, национальная безопасность России, национальные интересы, угрозы, системно-синергетический подход

Key words: globalization, national security of Russia, national interests, threats, system-synergetic method

Система международных отношений находится в процессе многофакторных трансформаций под влиянием глобализации. Это неотъемлемая категория современной ситуационной картины мира, без учета которой невозможны рассмотрение и анализ процессов, происходящих в мире, а также прогнозирование дальнейшего развития цивилизации.

Процесс глобализации, затрагивая фундаментальные принципы мироустройства, детерминирует изменения в подходах к обеспечению безопасности как мирового сообщества в целом, так и отдельных государств.

Сегодня безопасность чаще всего рассматривается как «состояние защищенности» общества и его составляющих от внутренних и

внешних угроз, что нашло, в частности, закрепление в законе Российской Федерации «О безопасности» [5; С. 5]. В то же время она трактуется как свойство, атрибут социальной системы, выражающийся в ее целостности, относительной самостоятельности и устойчивости, как «надежность существования и устойчивость развития любых предметов социальной природы» [8; С. 17], как «реальная способность быть свободным от внешней опасности» [10; С. 5].

Однако, на наш взгляд, более продуктивным является рассмотрение национальной безопасности и проблем ее обеспечения с точки зрения системно-синергетического подхода. В этом случае безопасность видится как системное свойство государства, позволяющее

ему сохранять устойчивость в условиях столкновения интересов различных социальных групп, возникновения противоречий между обществом и природой, в условиях неопределенности и риска.

«Призма», через которую рассматриваются все аспекты и стороны безопасности, – гармоничное развитие в пределах системы, а ее элементами являются человек, социум, природа [1; С. 79]. Целостность этой системы достигается при условии ее органичного включения в систему более высокого порядка. Так, национальная безопасность Российской Федерации оказывается включенной в систему безопасности глобального мира. Являясь подсистемой более сложной организации, она в то же время представляет собой систему, функционирование которой зависит от характера безопасности на нижележащем уровне организации мира – региональной безопасности.

Таким образом, национальная безопасность – сложное системное образование. С точки зрения синергетики, ее сложность связана не столько с большим количеством входящих в нее элементов и подсистем, не столько со сложностью взаимодействия между ними, сколько с особенностями создания единого организма, функционирующего на разных уровнях – глобальном, национальном, региональном. Поэтому выражение «целое больше суммы частей» может быть объективно отнесено к национальной безопасности. Она качественно иная по сравнению с частями, которые в нее интегрированы, более того, способна видоизменять элементы и подсистемы, входящие в ее состав [4; С. 11].

Синтез простых эволюционирующих систем (экономической, экологической, информационной и др.) в одну сложную систему происходит посредством установления общего темпа их эволюции. Причем, чтобы возникла единая сложная система, необходима определенная степень открытости подсистем. При чрезмерной закрытости элементы системы будут развиваться, «не чувствуя» друг друга, что противоречит законам глобализации и создает

угрозу национальной безопасности.

В ходе функционирования национальная безопасность России проявляет себя в различных сферах и предстает как синхронизация процессов структуризации и функционирования экономической, политической, информационной, экологической, социокультурной подсистем, обеспечивающих оптимальный режим развития российских регионов посредством самоорганизации и адаптивного управления [1; С. 79].

Экономическая безопасность, имеющая достаточно сложную внутреннюю структуру, предполагает обеспечение экономического развития с целью удовлетворения социальных и экономических потребностей граждан страны при рациональном использовании национальных ресурсов, достаточного оборонного потенциала, а также защиту национальных интересов.

Анализ трансформационных процессов глобализирующегося экономического пространства РФ позволяет вычленивать три важнейших элемента:

1) экономическую независимость, гарантирующую в условиях взаимозависимости национальных экономик возможность контроля государством национальных ресурсов, достижение такого уровня производства, эффективности и качества продукции, который позволяет на равных участвовать в мировой торговле, кооперационных связях и обмене научно-техническими достижениями;

2) стабильность и устойчивость национальной экономики, предполагающие защиту собственности во всех ее формах, создание надежных условий и гарантий для предпринимательской активности, сдерживание факторов, способных дестабилизировать ситуацию;

3) способность к саморазвитию и прогрессу, неизбежным в условиях динамично развивающегося мира. Создание благоприятного климата для инвестиций и инноваций, постоянная модернизация производства, повышение профессионального, образовательного и общекультурного уровня работников становят-

ся необходимыми и обязательными условиями устойчивости и самосохранения национальной экономики.

Указанные составляющие играют существенную роль в генезисе внутри- и межрегиональных изменений, ликвидации реальных и потенциальных угроз национальной безопасности России.

В экономической безопасности, в свою очередь, выделяются следующие виды: военная (оборонная), оборонно-промышленная, продовольственная, энергетическая, финансовая [9; С. 19]. Они способны вступать в разного рода обменные процессы с политической, информационной, социокультурной, экологической составляющими, участвуя в процессах построения сложного эволюционного целого.

В XXI столетии качественно новое изменение приобретает политическая безопасность. Она исключает доминирующее значение военной силы, с помощью которой государства реализовывали свои интересы, и оказывается в зависимости от невоенных факторов (экономического могущества, конкурентоспособной индустрии, состояния здоровья нации, способности государства бороться против сепаратизма, терроризма и др.), что увеличивает количество точек пересечения политической системы с остальным миром. В свою очередь, со стороны окружающей среды наблюдается воздействие на политическую систему. Наличие обратных связей неизбежно ведет к появлению неравновесности, которая, согласно синергетической трактовке развития, является необходимым условием становления новых относительно устойчивых структур и новых соотношений со средой [2; С. 106].

Сложность социально-политических процессов глобализирующейся России проявляется в формировании нового типа федеративных отношений, что обусловлено воздействием ряда реальных и латентных факторов, формирующих угрозы безопасности как на федеральном, так и на региональном уровнях. Причем в складывающихся отношениях немаловажную роль играют региональные пробле-

мы развития. Например, сепаратистские устремления ряда субъектов РФ порождают негативные процессы в экономике и политике, способствуют усилению напряженности во взаимоотношениях центра и регионов, представляя угрозу федеративному устройству. Это обуславливает необходимость осмысления принципов, норм и правил согласования общенациональной и региональной политики.

Придать новый импульс развитию государства в условиях глобализации не представляется возможным без политических усилий, государственной поддержки, без преодоления конфликтного поля во взаимоотношениях центра и регионов, регионов между собой. В настоящее время один из главных источников опасности политической стабильности находится внутри самой России.

В нашем государстве сложилась парадоксальная ситуация: в системе национальной безопасности еще не сформировались необходимые предпосылки для перерастания политической сферы в организованную подсистему, поэтому она не имеет больших возможностей для влияния на процесс глобализации.

В связи с этим возникает необходимость формирования действенной политики обеспечения национальной безопасности на основе синергизма познающего субъекта и окружающей его среды, учитывая наличие в системе бифуркационных механизмов (точек раздвоения дальнейшего развития) и практическую непредсказуемость вариантов развития системы.

Становление в России полноценной государственности, эффективное экономическое и политическое развитие, формирование демократических отношений невозможны без интеграции в глобальное информационное пространство. Не случайно общественно-исторический процесс в настоящее время характеризуется переходом к новому качеству – становлению постиндустриального общества.

На современном этапе цивилизационного развития информация выступает «локомотивом» прогресса, стратегическим национальным ресурсом, безопасность которого возмож-

но обеспечить посредством качественной реализации государственной политики, направленной на защиту интересов страны.

Информационная подсистема национального уровня характеризуется таким неотъемлемым свойством сложных систем, как открытость. Она и не может быть иной, в противном случае придет к состоянию максимальной энтропии, будет не способна к какой-либо организации. Однако наряду с позитивным содержанием необходимо отметить ряд отрицательных последствий, которые представляют угрозу национальной безопасности: чрезмерная информационная открытость; незаконное вторжение и попытки постороннего контроля и управления информационными потоками страны другими мировыми силами и др. Незащищенность от опасных информационных воздействий «ведет к снижению общей культуры населения, развитию бездуховности, безнравственности, распространению антигуманных идей и т.д.» [6; С. 13].

Это может считаться одним из основных противоречий современной эпохи. От его разрешения зависит, быть человечеству или не быть, продолжить движение к глобальной антропологической катастрофе или изменить историю цивилизации в направлении выживания и становления ноосферы как формы социо-природной коэволюции.

В России, обладающей уникальным разнообразием геополитических, климатических, ландшафтных условий, все большую актуальность приобретает обеспечение экологической безопасности. Определяющим фактором дестабилизирующего развития являются события природного происхождения, повышение удельного веса которых создает реальные угрозы национальной безопасности. Скачкообразное развитие промышленного и сельскохозяйственного производства, загрязнение почвы, внутренних водоемов, морей, океанов, интенсивное попадание в атмосферу «тепличных газов», угроза экологической катастрофы и конца цивилизации на планете предполагают принятие срочных и действенных мер всего

мирового сообщества по их устранению и создание новой модели обеспечения безопасности.

А.Д. Урсул и А.Л. Романович в качестве таковой предлагают самоорганизационно-опережающую модель, которая позволит решать проблемы обеспечения безопасности уже на стадии превращения потенциальных угроз в реальные. В новой модели, соединяющей в одно системно-синергетическое целое развитие и безопасность, предусмотрена система предотвращения и элиминации реальных угроз и опасностей [4; С. 119].

В области экологии данная модель актуализируется в двух взаимодополняющих направлениях:

1) экологобезопасное хозяйствование, подразумевающее предотвращение угроз по разрушению среды обитания общества при крайне недостаточном экономическом обеспечении защиты окружающей среды. Данный подход способствует созданию комплекса мер по рациональному использованию земельных ресурсов, развитию сельского хозяйства и лесопользования, а также производства;

2) качественная трансформация технологического обеспечения мероприятий, направленных на достижение устойчивости и надежности экосистем за счет совершенствования технологий по предотвращению вредных воздействий на природные объекты, преимущественно в топливно-энергетической отрасли и промышленности.

Отсутствие или ограниченное использование природосберегающих технологий, низкая экологическая культура, слабая развитость законодательной основы природоохранной деятельности ослабляют одну из сторон национальной безопасности, делают уязвимыми общество и человека, создавая угрозы государственной стабильности. Поэтому необходим переход к новой цивилизационной модели, при которой на неопределенно долгое время станет возможным сохранение и совместное гармоничное развитие (коэволюция) общества и природы. Это, в свою очередь, может

привести к постепенному (эволюционному) становлению устойчивого общества, или ноосферы.

Глобальные изменения в политике, экономике и других сферах жизнедеятельности сопровождаются межэтническим и межконфессиональным взаимодействием народов на уровне мирового сообщества, что неизбежно влечет за собой формирование цивилизационного семантического ядра, включенного в сложную систему межкультурных коммуникаций. Это обстоятельство вызывает появление еще одной подсистемы национальной безопасности – социокультурной.

В исследовании проблем социокультурного управления миром хаотических перемен, миром спонтанных социальных порядков начинает широко применяться синергетическая парадигма, что дает возможность выстраивать системы комплексной (интегральной) безопасности и ее составляющих.

Стабильность традиционной социокультурной системы призвана обеспечивать утверждение национальной самооценности, национальных идей. Однако их сохранению препятствует набравший силу процесс глобализации. Так, стремление унифицировать национальные культуры и пути национального развития вызывает разрушение прежней модели общественного устройства и влечет за собой социальную напряженность. Отсутствие концептуальных стратегий в области национальных интересов приводит к неопределенности в сфере безопасности общества, а главное, к культурному обезличиванию.

Глобализация интенсифицирует утративание человеком внутреннего культурного ядра, сущностной самости, что облегчает возможность вмешательства в его систему ценностей, навязывание ему чуждых функций. Вследствие этого одна из составляющих целостной системы – личность – теряет органические связи с внешним миром, оказавшись в искусственных, лишенных духовного содержа-

ния условиях. Усиливающийся нравственный регресс, появление возможности направлять активность человека на решение глобальных задач в интересах Запада приводят к национальному обезличиванию, появлению реальных угроз национальной безопасности.

В качестве основополагающих социокультурных факторов, способствующих безопасному развитию России, Р.Г. Власов выделяет идеологию, национальный и региональный менталитет, социогеографический фактор, цивилизационный аспект [3; С. 71-90].

Итак, становится очевидным, что национальная безопасность реформирующейся России представляет собой открытую социальную систему. Она имеет свои внутренние связи и связи с окружающей средой, реализация которых затрудняется сложностью и непредсказуемостью мирового развития.

Системно-синергетический характер обеспечения безопасности через переход к устойчивому развитию не исключает противоречий между основными ее компонентами, и на различных этапах данного перехода на приоритетное место будет выдвигаться какая-либо одна из составляющих. Например, в России в ближайшие годы – экономика, а не экология. Однако каждая из подсистем сложнейшим образом взаимодействует с другими, и задача современного российского государства, как и всего мира, состоит в том, чтобы выработать системную стратегию мышления и действий, адекватно отражающую сложную диалектику безопасного устойчивого развития.

Таким образом, национальная безопасность России в условиях глобализации с позиций системно-синергетического подхода направлена на обеспечение стабильного существования и функционирования отдельно взятого объекта безопасности – государства, региона, общества, личности, и одновременно способствует обеспечению глобальной безопасности.

Литература

1. Абрамов, Ю.Ф. Основы теории устойчивого безопасного развития России и региона [Текст] / Ю.Ф. Абрамов, О.В. Бондаренко, В.К. Душутин. – Иркутск: ИГУ, 2006. – 284 с.
2. Абрамов, Ю.Ф. На пути к глобальному регионализму [Текст] / Ю.Ф. Абрамов, И.И. Арсентьева. – Иркутск: ИГУ, 2005. – 182 с.
3. Власов, Р.Г. Социокультурные основы региональной безопасности: сущность, содержание, условия реализации (социально-философский анализ): дис. канд. филос. наук [Текст] / Р.Г. Власов. – Омск, 1996.
4. Урсул, А.Д. Глобализация, устойчивое развитие и безопасность: системно-синергетический подход [Текст] / А.Д. Урсул, А.Л. Романович // Глобализация: синергетический подход. В 2-х ч. Ч. 1. – М.: РАГС, 2002. – С. 106 – 123.
5. Закон РФ «О безопасности» // Российская газета. – 06.05.1992. – № 103 (439). – С. 5.
6. Комов, С.А. О концепции информационной безопасности страны [Текст] / С.А. Комов // Военная мысль. – 1994. – № 4. – С. 12 – 17.
7. Рубанов, В.А. Безопасность в переходный период (методологический и политологический анализ): дис. канд. полит. наук [Текст] / В.А. Рубанов. – М., 1994.
8. Рудаков, А.В. Проблемы внешней и внутренней безопасности: теория и практика [Текст] / А.В. Рудаков, В.В. Стрельченко. – М.: РАГС, 2005. – 220 с.
9. Сенчагов, В.К. Методология обеспечения экономической безопасности [Текст] / В.К. Сенчагов // Международная безопасность России в условиях глобализации. – М.: РАГС, 2007. – С. 15 – 32.
10. Ушаков, Н.А. Проблемы теории международного права [Текст] / Н.А. Ушаков. – М.: Наука, 1988. – 186 с.

Коротко об авторе

Шерстянкина Т.В., ст. преподаватель каф. «Востоковедение», Читинский государственный университет (ЧитГУ) tanjasher@yandex.ru

Научные интересы: социальная философия, национальная безопасность Российской Федерации, регионоведение России

Briefly about author

Sherstyankina T., Lecturer of Oriental Studies Department, Chita State University

Scientific interests: social philosophy, national security of the Russian Federation, Russian studies

КНИГОГРАД

Кохан, С.Т. **Экология Восточного Забайкалья и здоровье населения: научное издание** / С.Т. Кохан, М.И. Сердцев. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 124 с.

В монографии основное внимание уделено влиянию природно-климатических и антропогенных факторов Забайкалья на здоровье населения, его репродуктивную функцию и демографическую динамику.

Предлагаются практические рекомендации по организации экологического образования и воспитания, начиная с дошкольных учреждений и включая высшие учебные заведения.

Книга предназначена для преподавателей высших учебных заведений, студентов вузов, а также учителей школ и других специалистов, интересующихся проблемами экологии, индивидуального здоровья и здорового образа жизни.

Лавров, А.Ю. **Геозэкологические и геотехнологические процессы эффективного освоения месторождений руд золота и цветных металлов: научное издание** / А.Ю. Лавров. – Чита: ЧитГУ, 2008. – 203 с.

В монографии представлены результаты исследований эффективного освоения месторождений руд золота и цветных металлов.

Рассмотренные в монографии теоретические и экспериментальные результаты исследований фотоэлектрохимических, плазмохимических, электрокавитационных и электросорбционных процессов позволяют считать, что они могут быть эффективно использованы как при традиционных, так и при геотехнологических способах разработки. Эффективность этих процессов обеспечивается формированием в рабочих растворах активных ион-радикальных кластерных соединений и, соответственно, интенсивным переводом металлов в жидкую фазу и извлечение на сорбенты.

Содержание

Колонка редактора	3
Юбилейные даты	4

Культурология

Зенкова Т.Л., ЧГМА, г. Чита Ценностные характеристики религиозной и нравственной картин мира в аспекте изучения духовной культуры	6
--	---

Науки о земле

Лизункин В.М., Царев С.А., Федоров Ю.О., ЧитГУ, г. Чита Рентгенорадиометрическая сепарация – перспективное направление повышения эффективности разработки месторождений полезных ископаемых	12
---	----

Овсейчук В.А., Алексеев О.Н., ЧитГУ, г. Чита Предохранение горнорабочего очистного забоя от радиоактивного облучения при разработке урановых месторождений	19
---	----

Резник Ю.Н., ЧитГУ, г. Чита, Шумилова Л.В., ЗабГК, г. Чита Лавров А.Ю., ЧитГУ, г. Чита Комбинированная схема окисления золотосодержащих сульфидных руд и концентратов	25
--	----

Рубцов Ю.И., Овсейчук В.А., ЧитГУ, г. Чита О динамической природе кучного выщелачивания золота и анализ размерности в уравнениях динамики	31
--	----

Шарапов Н.М., Заслоновский В.Н., ЧитГУ, г. Чита О математическом описании внутриводоемных процессов в руслах рек	36
--	----

Шумилова Л.В., ЗабГК, г. Чита Технологическое тестирование упорных золотосодержащих руд (на примере месторождения Кокпатас)	42
--	----

Педагогика

Даниленко Т.В., ИПКРО, г. Иркутск Агрессивность младших школьников в многонациональных классах и ее коррекция	48
--	----

Донченко Н.А., КГТЭИ, г. Красноярск Методологические аспекты систематизации категорий эвристического обучения	54
--	----

Ермолаев Ю.В., ЧитГУ, г. Чита
Передача информации в учебно-познавательной деятельности 59

Петунин О.В., ГОУ «КРИПО», г. Кузбасс
Личностно-деятельностный подход к активизации познавательной
самостоятельности старших школьников в образовательном процессе 65

Политология

Бадмаева И.Ж., БГУ, г. Улан-Удэ
Укрупнение регионов:
реальная мотивация, основные предпосылки и система публичной аргументации 71

Маркова Е.А., ЧитГУ, г. Чита
Этническая идентичность как фактор политической социализации в
трансформирующемся российском обществе 75

Меньшенина Н.Н., ТГЭУ, г. Владивосток
Лоббизм: к проблеме становления категории 81

Психология

Казайкина Е.А., ГОУ СПО «Хакасский политехнический колледж»
Орлова С.Н., СибГТУ, г. Красноярск
Исследование проблемы становления устойчивых форм поведения
личности в процессе творческой деятельности 86

Право

Бабушкин Р.В., ТГЭУ, г. Владивосток
Феномен прокуратуры в системе
государственной власти Российской Федерации 92

Базюк М.Л., БГУЭП, г. Чита
Субъекты отношений по обеспечению безопасности
личности в уголовном судопроизводстве РФ 95

Ботоев С.С., БГУЭП, г. Чита
Право на личную безопасность подозреваемых и обвиняемых,
содержащихся в следственных изоляторах 99

Васильева И.Н., ЧитГУ, г. Чита
Защита детей-жертв в уголовном процессе: международное
законодательство и зарубежный опыт 103

Колесникова М.М., БГУЭП Общая характеристика лиц, совершающих таможенные преступления: цели и мотивы действий	109
Куприянов А.С., ЧитГУ, г. Чита Процессуальные особенности оспаривания решений налоговых органов	114
Минстер М.В., БГУЭП, г. Иркутск Проблемы охраны здоровья женщин, содержащихся в местах лишения свободы	120
Пономарева (Пчела) Е.Г., БГУЭП, г. Чита Соотношение кондикционного иска с виндикацией	126

Социология

Романова Н.П., ЧитГУ, г. Чита Социальный статус как интегративный показатель положения человека в обществе: гендерный аспект	132
---	-----

Социальная медицина

Кохан С.Т., ЧитГУ, г. Чита Изменение показателей иммунитета у больных с пневмониями, протекающими на фоне дефицита селена	139
--	-----

Филология

Белькова Е.В., ИрГЛУ, г. Иркутск Принципы обучения абзацно-фразовому переводу студентов экономического вуза	143
Бойченко А.Г., ХГУ, г. Абакан Репрезентация концепта «Питие» в паремиологическом фонде русского языка как отражение ценностной картины мира русского народа	149
Бушев А.Б., филиал ГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный инженерно- экономический университет», г. Тверь Медийное и художественное моделирование	154
Жаткин Д.Н., ПГТА, г. Пенза, Чернин В.К., УлГПУ, г. Ульяновск Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н. Садовникова	161
Огдонова Ц.Ц., ИрГПУ, г. Иркутск Социолингвистическая и лингвокультурологическая парадигмы интерпретации концепта «Языковая ситуация».	166

Соколова Е.Н. , ТюмГУ, г. Тюмень Древнерусская топонимическая лексика как объект лингвистического изучения	172
Ушникова О.В. , ЧитГУ, г. Чита Лексико-семантические таблицы в процессе обучения иностранному языку	178
Хазанкович Ю.Г. , ЯГУ, г. Якутск Проза малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока в критике 1970-1990-х гг.	185
Шеметова Т.Г. , МГУ, г. Москва Образ Пушкина как архетип повествователя в прозе А. Битова	191

Философия

Абрамов В.А., Кучинская Т.Н. , ЧитГУ, г. Чита Процесс регионализации КНР: реалии и их понятийное отражение	196
Арзуманов И.А. , ИрГУ, г. Иркутск Морфология пространства религиозной культуры: ценностно-культурологические детерминанты религиозного пространства	202
Колпакова Т.В. , ЧитГУ, г. Чита Концептуальные основы исследования социально-экологических проблем «Китайского региона»	208
Муртазина М.Ш. , ЧитГУ, г. Чита Образование и виртуальная культура	213
Шерстянкина Т.В. , ЧитГУ, г. Чита Национальная безопасность России в условиях глобализации: системно-синергетический подход	218
Книгоград	224

Contents

Editor's column	3
Anniversaries	4

Art History

Zenkova T. , <i>Chita State Academy of Medecine (ChSAM), Chita</i> Value characteristics of religious and moral picture of the world in the context of spiritual culture study	6
---	---

Earth Sciences

Lizunkin V., Tsaryov S., Fyodorov Yu. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> X-ray radiometric separation is perspective direction of efficiency increasing of mineral development	12
--	----

Ovseichuk V., Alekseyev O. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> Protection of slanting face miner against radioactive irradiation during uranium deposit exploration	19
--	----

Reznik Yu. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> Shumilova L. , <i>Trans-baikal Mining Colledge (TMC)</i> Lavrov A. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> Composite circuit of auriferous sulphide ores and concentrates oxidation	25
--	----

Rubtsov Yu., Ovseichuk V. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> On dynamic nature of gold heap leaching and dimensional analysis of the dynamic equations	31
--	----

Sharapov N., Zaslouovskiy V. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> On mathematical description of intraresevoir processes in riverbeds	36
--	----

Shumilova L. , <i>Trans-baikal Mining Colledge (TMC)</i> Refractory auriferous ore technological testing (by the example of Kokpatas Deposit)	42
--	----

Pedagogics

Danilenko T. , <i>Institute of Educational Workers' Training Institute (IEWTI), Irkutsk</i> Aggressivity of junior schoolboys in multinational classes and its correction	48
---	----

Donchenko N. , <i>Krasnoyarsk State Trade and Economic Institute, Krasnoyarsk</i> Methodological aspect of heuristic teaching categories systematization	54
--	----

Yermolayev Yu. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> Information transfer in educational cognitive activity	59
Petunin O. , <i>Kuzbas Regional Educational Workers' Training and Retraining Institute, Kuzbas</i> Individual activity approach to activation of upperclassmen cognitive independence in educational process	65

Political Science

Badmayeva I. , <i>Buryat State University (BSU), Ulan-Ude</i> Increasing of regions: real motivation, main causes and system of public argumentation	71
Markova E. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> Ethnic identity as the factor of political socialization in the altering Russian society	75
Menshenina N. , <i>Pacific State Economic University (PSEU), Vladivostok</i> Lobbying: on the issue of categories formation	81

Psychology

Kazaikina E. , <i>PEI SVT Khakas Polytechnic Colledge (KPC), Abakan,</i> Orlova S. , <i>PEI HPE "Siberian State Technological University", Krasnoyarsk</i> Research of the problem of stable behaviours becoming of a personality in the creative work process	86
--	----

Law

Babushkin R. , <i>Pacific State Economic University (PSEU), Vladivostok</i> Phenomenon of prosecutor's office in the system of the Russian Federation government	92
Bazyuk M. , <i>Baikal State University of Economics and Law (BSUEL), Chita</i> Subjects of relations concerning personal security in criminal procedure of the Russian Federation ..	95
Botoyev S. , <i>Baikal State University of Economics and Law (BSUEL), Chita</i> The right to personal security of accused and suspected keeping in the investigatory jails	99
Vasilyeva I. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> Protection of children-victims in criminal procedure: international legislation and foreign experience	103
Kolesnikova M. , <i>Baikal State University of Economics and Law (BSUEL), Chita</i> General description of persons who commit the customs crimes: their aims and motives.....	109
Kuprianov A. , <i>Chita State University (ChSU), Chita</i> Procedural characteristics of disputing the tax bodies decisions	114

Minster M., *Baikal State University of Economics and Law (BSUEL), Irkutsk*
Problems of health protection of women keeping in prisons 120

Ponomaryova (Pchela) E., *Baikal State University of Economics and Law (BSUEL), Chita*
Parity of conditional and compulsory demands 126

Sociology

Romanova N., *Chita State University (ChSU), Chita*
Social status as an integrative index of human position in society: gender aspect 132

Social Medicine

Kokhan S., *Chita State University (ChSU), Chita*
Immunity index change among diseased of pneumonia proceeding under selenium deficit 139

Philology

Bel'kova E., *Irkutsk State Linguistic University (ISLU), Irkutsk*
Parbox-phrasal interpretation principles of teaching the students-economists 143

Boychenko A., *Khakas State University (KhSU), Abakan*
The concept "drinking" representation in the Russian language corpus of proverbs
as reflection of the Russian people value picture of the world 149

Bushev A., *branch of PEI HPE Saint-Petersburg State
Engineering-Economic University (SPSEEU), Tver*
Media and artistic modeling 154

Zhatkin D., *Penza State Technological Academy (PSTA), Penza*
Chernin V., *Ulyanovsk State Teachers' Training University (USTTU), Ulyanovsk*
Literary peculiarities of Alfred Tennyson's works in the interpretation of D. Sadovnikov 161

Ogdonova T., *Irkutsk State Teachers Training University (ISTTU), Irkutsk*
Sociolinguistic and linguocultural paradigms of interpretation the concept "language situation" 166

Sokolova E., *Tyumen State University (TSU), Tyumen*
Old Russian toponymic vocabulary as an object of linguistic research 172

Ushnikova O., *Chita State University (ChSU), Chita*
Lexical semantic tables in the process of foreign languages aquisition 178

Khazankovich Yu., *Yakut State University (YaSU), Yakutsk*
Prose of scanty peoples of the North, Far East and
Siberia in the criticism of 1970-1990-s 185

Shemetova T., *Moscow State University (MSU), Moscow*
Character of Pushkin as an archetype of narrator in A. Bitov prose 191

Philosophy

Abramov V., Kuchinskaya T., *Chita State University (ChSU), Chita*
Process of PRC regionalization: live data and conceptual reflection 196

Arzumanov I., *Irkutsk State University (ISU), Irkutsk*
The morphology of the space of the religious culture: value and culturological
determinants of the religious space 202

Kolpakova T., *Chita State University (ChSU), Chita*
Conceptual foundation of social-ecological problems study of «Chinese region» 208

Murtazina M., *Chita State University (ChSU), Chita*
Education and virtual culture 213

Sherstyankina T., *Chita State University (ChSU), Chita*
Russian national security in conditions of globalization: system-synergetic method 218

Knigograd 224

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3 (54)

2009

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор Т.А. Эпова

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 27.06.2009

Сдано в производство 27.06.2009

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 18,3

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура литературная

Усл. печ. л. 17,0

Заказ № 86

Читинский государственный университет
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30
41-67-18